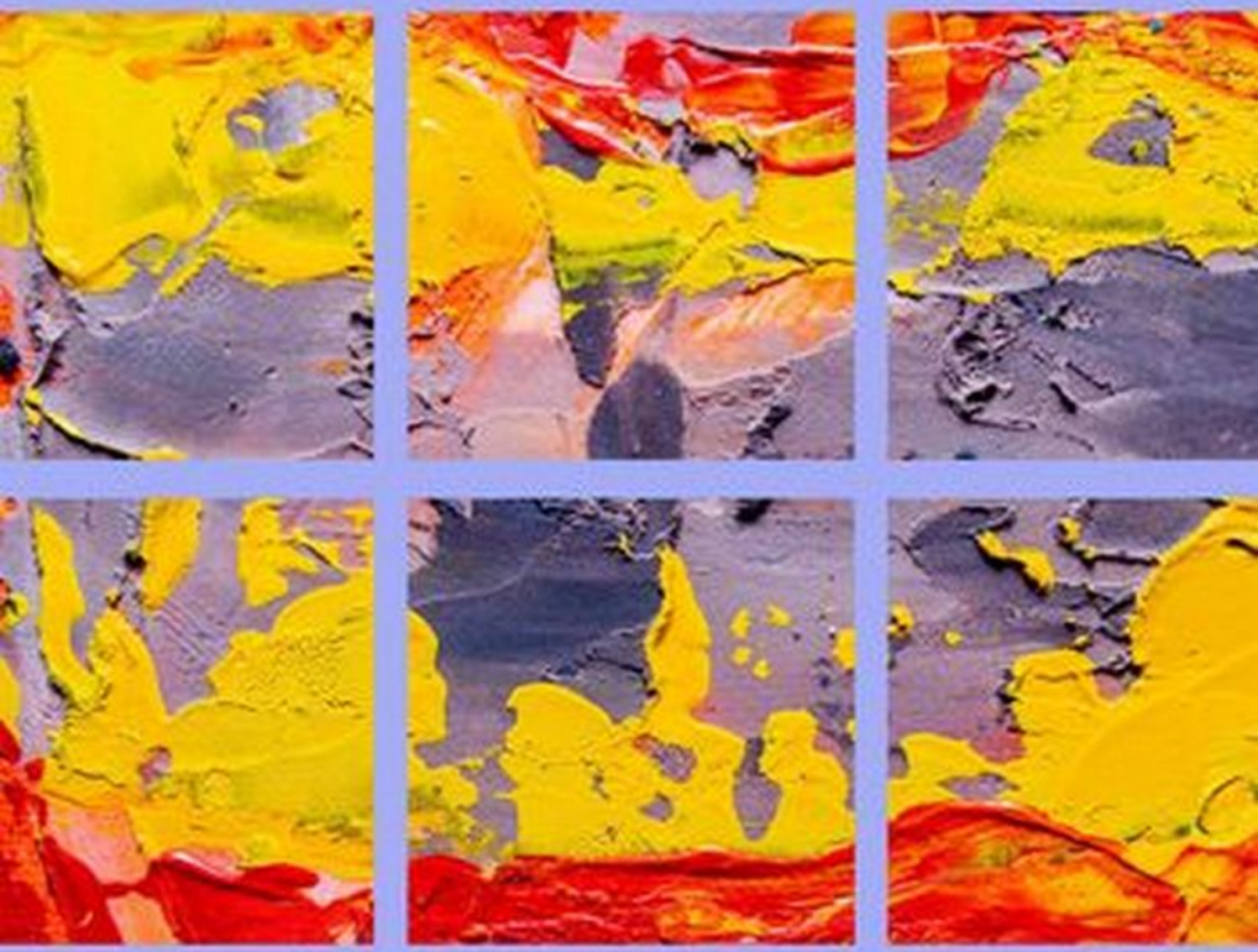
Т.Д. Марцинковская

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Gaudeamus

Т.Д. Марцинковская
А.В. Юревич

Учебник
для вузов

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Рекомендовано Советом по психологии УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для аспирантов и соискателей
системы послевузовского психологического
образования

Москва
Академический Проект
2020

УДК 159.9
ББК 88
М25

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор философских наук, профессор,
академик РАО Г.М. Андреева;
доктор философских наук, профессор, академик РАО,
член-корреспондент РАН В.А. Лекторский

Марцинковская Т.Д., Юревич А.В.

М25 История психологии: Учебник для вузов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2020. — 521 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-2773-2

В содержании данного учебника показывается сложный путь развития научных психологических концепций. Представленный в нем материал поможет понять общие закономерности и этапы формирования предмета психологической науки, даст необходимые знания о проблемах, волновавших ученых на протяжении многих столетий, даст основания для сравнительного анализа подходов к предмету и задачам психологии как в разные исторические периоды, так и в различных психологических направлениях.

В основу настоящего учебника положены следующие разделы истории психологии: история общей психологии, история специальных разделов психологии, методология психологии, психология науки.

Учебник предназначен как для аспирантов психолого-педагогических вузов, так и для всех читателей, интересующихся проблемами психологии и истории науки.

УДК 159.9
ББК 88

© Марцинковская Т.Д., Юревич А.В., 2011
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2020

ISBN 978-5-8291-2773-2

Предисловие

История психологии является одной из немногих комплексных дисциплин, синтезирующих знания по отдельным областям и проблемам психологии. Ее значение в том, что содержание этого предмета, по сути, является основой культуры, необходимой для психологов в любой области их деятельности. Полученные знания помогают понять, что понятие прогресса в науке имеет различия с содержанием технического прогресса. Конечно, психология на протяжении многих веков накапливала все новые знания о психике, позволяющие лучше понять человека, причины его активности, плоды его деятельности. Однако, хотя в настоящее время мы знаем намного больше о нервной системе человека, о природе индивидуальных различий людей, плоды духовной деятельности психологов и философов Древней Греции или Рима были не менее значительными или интересными, чем труды наших современников.

Как и история философии, история психологии учит не только фактам, но и мышлению, умению понять и адекватно оценить отдельные психологические факты и концепции. Анализ различных точек зрения на психику поможет выработать неидеализированный, не догматичный взгляд на теории различных, даже крупных ученых, научит мыслить объективно и непредвзято, находить реальные достоинства и недостатки как, в казалось бы, непререкаемых, абсолютизированных теориях, так и в новых, модных на сегодняшний день подходах. Так,

формируется представление о сложном пути, пройденном психологической наукой в поисках новых, все более полных и объективных знаний о психическом, о тех проблемах, которые были разрешены и которые еще требуют своего разрешения. История психологии дает возможность привести эти знания в систему, понять логику становления психологии, причины изменения ее предмета, ее ведущей проблематики.

Некоторые вопросы получили в книге не традиционное истолкование, в частности анализ развития психологии как самостоятельной научной дисциплины. Логика научного знания, формирование новых методов и подходов к изучению психики доказывают, что появление экспериментальной психологии стало возможным только после того, как сам предмет и методологический аппарат психологии был сформирован и отрефлексирован учеными. Их анализ, так же как и критика психологии со стороны позитивизма, стимулировали ее ориентацию на естественные науки, невозможные без эксперимента. Современное понимание мультипарадигмального характера психологии, ее связи с гуманитарными и естественными науками, ее особое положение в системе научного знания доказывает необходимость более точной периодизации ее развития, учитывающей и становление ее предмета, и формирование психологии как учебной дисциплины. Необходимым представляется и включение в содержание курса истории психологии раздела, раскрывающего методологию этой науки, содержание и развитие ее категориального строя, ведущих законов и принципов.

Новизна подхода к изложению материала отразилась в том, что история психологической науки включена в историю культуры. В содержании появляются новые разделы, отражающие взаимосвязь психологических теорий с ментальностью, с исторической и социальной ситуацией, в которой живут и работают ученые, с их идеалами и ценностными ориентациями, а также впервые дается целостный обзор состояния отечественной психологии XIX — XX вв. Такой анализ помогает понять, каким образом одновременно появляются сходные концепции, впоследствии связанные в единую теорию (на-

пример, периферическую теорию эмоций Джеймса — Ланге), а также отличия во взглядах немецких, английских или российских психологов, вытекающие и из особенностей национальной культуры, и из ментальности ученых. Не меньшее значение для понимания природы научного творчества имеют и ролевые взаимоотношения в научных коллективах, так же как типология и мотивация ученых.

Понимание того факта, что психология не едина, что в ней нет одного-единственного, правильного и окончательного решения всех проблем, создаст у читателей установку на перенос полученных знаний в собственную научную и практическую деятельность, поможет более объективно разобраться в том количестве научных школ и течений, которые существуют в современной психологической науке.

Авторы стремились создать у читателей представление о процессе творчества, об открытиях и сомнениях ученых, доказать, что история психологии — это не гербарий, в котором собраны засушенные и не имеющие практической пользы понятия, но система живых знаний, в которой отражено биение мысли и сердец ученых, их создавших. Эти знания помогают тем, кто в наше время создает теории, разрабатывает методы диагностики и терапии. Ведь ни выработать свою собственную позицию, ни создать новое невозможно без психологической культуры, без знаний, собранных нашими предшественниками, т. е. без того, что является содержанием курса истории психологии.

ГЛАВА 1

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Предмет и методы истории психологии

История психологии изучает закономерности формирования и развития взглядов на психику, анализируя различные подходы к пониманию ее природы, функций и генезиса. Как известно, психология связана чрезвычайно многообразными узами с самыми различными областями науки и культуры. С самого своего возникновения она была ориентирована на философию, фактически являясь на протяжении нескольких столетий одним из разделов этой науки. Связь с философией существовала и существует в течение всего существования психологии, то ослабляясь (как в навале XIX в.), то опять усиливаясь (как в середине XX в.).

Не меньшее влияние на психологию оказывало и оказывает развитие естествознания и медицины. В то же время в работах многих психологов четко просматривается связь с этнографией, социологией, теорией культуры, искусствоведением, математикой, логикой, языкознанием. Поэтому история психологии анализирует и ее связи с другими науками, их влияние друг на друга, которое изменялось на протяжении всего пути развития психологической науки, хотя приоритетное значение философии и естествознания оставалось неизменным.

Естественно, что менялись и взгляды на предмет психологии, на методы изучения психики, ее содержание. Анализ этих изменений также является предметом исследования истории психологии.

Методы, используемые в историко-психологических исследованиях, конечно, также отличаются от методов общей психологии. Она не может воспользоваться практически ни одним из основных методов психологической науки — ни наблюдением, ни тестами или экспериментом. Область применения этих методов ограничивается только узким кругом современных для историка психологии ученых и настоящим состоянием или актуальными для этого времени проблемами, в то время как длительность существования психологической науки измеряется веками.

Поэтому история психологии и разрабатывает свои собственные методы исследования, и заимствует их из смежных дисциплин — науковедения, истории, социологии. Эти методы адекватны задаче не только воссоздания истории развития отдельного психологического направления, но и включения его в общий контекст психологической науки, исторической ситуации и культуры. Так, в истории психологии используется историко-генетический метод, согласно которому изучение идей прошлого неразрывно связано с учетом общей логики развития науки в определенный исторический период, и историко-функциональный метод, благодаря которому анализируется преемственность высказываемых идей. Большое значение имеет и биографический метод, позволяющий выявить возможные причины и условия формирования научных взглядов ученого в истории его жизни, а также метод систематизации психологических высказываний.

В последние десятилетия все большее применение находят методы категориального анализа, введенные известным историком науки М. Блоком. В нашей стране этот подход разрабатывался в рамках исторической психологии науки М.Г. Ярошевским. Он предполагает учет социально-исторических условий, определивших появление и развитие данной научной школы, а также изучение идеогенеза, когнитивного стиля, оппонентного круга, социальной перцепции и других детерминант, определивших появление значимых для психологии идей.

В качестве источников своей деятельности история психологии рассматривает прежде всего труды ученых,

их опубликованные работы и архивные материалы. Большое значение имеют и воспоминания об их жизни и деятельности, а также анализ историко-социологических материалов и даже художественной литературы, помогающей воссоздать дух определенного времени.

Этапы развития психологической науки

В своем развитии психология прошла несколько этапов.

Донаучный — примерно до 7—6 вв. до н. э., т. е. до начала объективных, научных исследований психики, ее содержания и функций. В этот период представления о душе основывались на многочисленных мифах и легендах, на сказках и первоначальных религиозных верованиях, связывающих душу с определенными живыми существами (тотемами).

Второй, научный период начинается на рубеже 7—6 вв. до н. э. Психология в этот период развивалась в рамках философии, а потому он получил условное название философского периода. Также несколько условно устанавливается и его длительность — до появления первой психологической школы (ассоцианизма) и определения собственно психологической терминологии, отличающейся от принятой в философии или естествознании.

В связи с некоторой условностью периодизации процесса развития психологической науки, естественной практически для любого исторического исследования, возникают и некоторые разночтения при установлении временных границ отдельных этапов. Иногда появление самостоятельной психологической науки связывают со школой В. Вундта, т. е. с началом развития экспериментальной психологии. Однако психологическая наука определилась как самостоятельная значительно раньше, с осознания независимости своего предмета, уникальности своего положения в системе наук — как науки и гуманитарной и естественной одновременно, изучающей и внутренние, и внешние (поведенческие) проявления психики. Такое самостоятельное положение психологии было зафиксировано с появлением ее как

предмета преподавания в университетах уже в конце XVIII — начале XIX в. Таким образом представляется более точным говорить о появлении самостоятельной психологии именно с этого периода, относя к середине XIX в. становление экспериментальной психологии.

Но в любом случае необходимо признать, что время существования психологии как самостоятельной науки значительно меньше, чем период ее развития в русле философии. Естественно, что этот период не однороден, и на протяжении более чем 20 веков психологическая наука претерпела существенные изменения. Изменялся и предмет психологии, и содержание психологических исследований, ее взаимоотношения с другими науками.

На протяжении длительного времени предметом психологической науки была душа, однако в разное время в это понятие вкладывалось разное содержание. В эпоху античности душа понималась как первооснова тела, по аналогии с понятием «архе» — первооснова мира, основной кирпичик, из которого состоит все сущее. При этом главной функцией души считалось придание телу активности, т. к., по мнению первых ученых-психологов, тело является инертной массой, которую приводит в движение именно душа. Душа не только дает энергию для активности, но и направляет ее, т. е. именно душа руководит поведением человека. Постепенно к функциям души добавилось познание, и, таким образом, к исследованию активности прибавилось и изучение этапов познания, которое в скором времени стало одной из важнейших проблем психологической науки.

В эпоху Средневековья душа стала предметом прежде всего богословия, что существенно сужало возможности ее научного изучения. Поэтому, хотя формально в то время предмет психологической науки и не изменялся, фактически в область исследования входило изучение видов активности тела и особенностей познания, прежде всего чувственного познания мира. Регулятивная функция, волевое поведение, логическое мышление считались прерогативой божественной воли, боговдохновленной, а не материальной души. Недаром эти аспекты душевной жизни не были частями предмета научного

изучения в концепциях деизма и томизма (Авиценны, Ф. Аквинского, Ф. Бэкона и других ученых).

В Новое время психология, как и другие науки, избавлялась от диктата богословия. Наука стремилась снова, как и в период античности, стать объективной, рациональной, а не сакральной, т. е. основанной на доказательствах, на разуме, а не на вере. Поэтому проблема предмета психологии снова встала со всей актуальностью. В это время еще не было возможности полностью отрешиться от богословского подхода к пониманию души. Поэтому психология меняет свой предмет, становясь наукой о сознании, т. е. о содержании нашего сознания и путях формирования этого содержания. Это давало возможность для психологии отделить свой предмет от предмета богословия в исследованиях души и ее функций.

Однако этот переход привел к тому, что уже к XVIII в. фактическим предметом психологии стало изучение познавательных процессов, в то время как поведение, а также эмоциональные процессы, личность и ее развитие, не вошли в этот предмет. Такое ограничение области исследования на первых порах имело положительное значение, т. к. давало психологии, как уже говорилось, возможность избавиться от сакральности, стать объективной, а позднее и экспериментальной наукой. Это также дало ей возможность выделиться в самостоятельную науку, отделив свой предмет, свою область исследования от предмета философии. С другой стороны, такой подход начинал препятствовать психологии в ее развитии, и поэтому уже к середине XIX в. был пересмотрен.

Благодаря развитию биологии, в том числе теории эволюции Ч. Дарвина, работам Г. Спенсера и других исследователей, психология не только отошла от философии, идентифицировав себя с естественными дисциплинами, но и расширила свой предмет, выведя его, как сказал Сеченов, «из поля сознания в поле поведения». Таким образом, кроме познавательных процессов в предмет психологии входит и поведение, и эмоциональные процессы. Важным моментом этого этапа является то, что стремление стать объективной наукой не привело еще к

появлению новых методов исследования психики, т. к. до 80-х годов XIX в. ведущей остается интроспекция.

Важнейший этап в развитии психологии связан с появлением экспериментальной лаборатории В. Вундта, сделавшего психологию не только самостоятельной, но и объективной, экспериментальной наукой. Однако ассоцианистический подход, на базе которого выстраивал свою психологию В. Вундт, не мог уже объяснить новые факты душевной жизни, не мог быть распространен на изучение структуры личности, эмоциональных переживаний, творческой активности человека. Ограниченным было и применение тех экспериментов и тестов, которые существовали в психологии в начале XX в.

Это привело ученых к поиску и нового предмета, и новых методов исследования психики. Первые школы, зародившиеся в то время (структурализм, функционализм, Вюрцбургская школа), просуществовали не долго. Однако они показали, что среди психологов не существует уже единого мнения о том, что и как должна изучать психология. Так начался период исканий психологии, адекватной новой ситуации и требованиям времени, который получил название периода методологического кризиса.

Невозможность прийти к единой точки зрения привела к тому, что уже в 10 — 20-х годах XX в. психология разделилась на несколько направлений, в каждом из которых был свой предмет и свой метод исследования того, что понималось данным психологическим направлением под психикой. Так в психологии появляются: глубинная психология, бихевиоризм, гештальтпсихология, марксистская психология, а также такие школы, как французская социологическая или понимающая психология.

Во второй половине XX в. появляются новые школы и направления — гуманистическая психология, генетическая (или эпистемологическая) психология, а также когнитивная психология, которая сформировалась уже в 60-е годы. Это последняя, появившаяся в XX в. психологическая школа. Таким образом, можно сказать, что с середины XX в. психология вступила в современный (на сегодняшний день) этап своего развития, для которого характерно уже не дробление и появление все новых школ, но тенденция к объединению.

Название и время	Предмет психологии, его содержание		Методы исследования психики	Основные достижения
Донаучный, до 7—6 вв. до н. э.	Душа — без раскрытия ее конкретного содержания и функций		Нет	Общее представление об охранительной и активной роли души
Философский 7—6 вв. до н. э. — конец XVIII — начало XIX в.	Античная психология	Душа — источник активности тела, обладает функциями познания и регуляции поведения	Специальных методов нет, используются методы других наук — философии, медицины, математики при исследовании содержания и функций души	Определение основных проблем психологии, связанных с исследованием познания, активности души, способов регуляции поведения и пределов свободы человека
	Психология Средневековья	Душа, исследование ее видов активности тела и особенностей познания, прежде всего чувственного познания мира	Появление собственно психологического метода — интроспекции	Развитие психофизических исследований и первых работ по психологии масс
	Психология Возрождения и Нового времени	Сознание — его содержание и пути его формирования	Интроспекция и частично логика — методы индукции, дедукции, анализа и т. д.	Развитие рационалистического и сенсуалистического (эмпирического) подхода к психике, появление первых теорий эмоций и теории рефлекса, а также первой попытки ввести в предмет психологии бессознательное
Ассоцианистическая психология Конец XVIII — начало XIX в. — середина XIX в.	Сознание, состоящее из ощущений, представлений и чувств. Таким образом, предмет психологии прежде всего — познавательные процессы, а также (в конце этого периода) и поведение		Интроспекция, логика, начало использования методов естественных наук, в частности метода проб и ошибок (при формировании поведения)	Появление первой психологической школы, новых подходов к предмету и методам психологии, концепции об адаптационной функции психики, развитие теории рефлекса, естественно-научного подхода к изучению психики, дальнейшее развитие концепций бессознательного

Экспериментальная психология середина XIX — начало XX в.	Элементы психики, отождествляемой главным образом с сознанием, их связи и законы	Экспериментальный метод, а также интроспекция и анализ результатов творческой деятельности как человека, так и народа в целом, появление первых тестов	Появление экспериментальной психологии, первых теорий «психологии народов», новых данных о психических процессах (прежде всего памяти). Появление новых подходов к психологии, первых симптомов методологического кризиса
Методологический кризис и разделение психологии на отдельные школы 10—30-е годы XX в.	Появление нескольких предметов психологии. Вначале — элементы психики (структурализм), функции психики, «поток сознания» (функционализм). Затем — глубинные структуры психики (глубинная психология), поведение (бихевиоризм), структуры психики (гештальтпсихология), высшие психические функции и деятельность (советская психология)	Появление новых методов, важнейшие из которых — психоанализ и проективные методы (глубинная психология), экспериментальное изучение процесса научения, формирование связи между стимулом и реакцией (бихевиоризм), экспериментальное исследование познавательных процессов и потребностей (гештальтпсихология), инструментальный метод (советская психология)	Появление первых концепций личности, теории сознания, в том числе и измененного сознания, теорий научения и развивающего обучения, творческого мышления. Появление первых экспериментальных исследований личности, введение культуры и социального окружения как новых парадигм в ее исследование. Развитие отраслей психологии
Дальнейшее развитие психологических школ (40—60-е годы)	Появление новых направлений, для которых предмет психологии связывается с внутренней сущностью личности (гуманистическая, экзистенциальная психология), познавательными процессами, развитием интеллекта и этапов переработки информации (генетическая и когнитивная психология)	Появление опросников, новых экспериментальных методов изучения интеллекта, в том числе и искусственного интеллекта	Дальнейшее развитие теоретических концепций в русле основных проблем психологии, развитие и совершенствование психотерапевтических технологий
Современная психология (60-е годы — конец XX в.)	Развитие предмета психологии в рамках отдельных психологических школ	Совершенствование методов экспериментального исследования психики, появление разнообразных диагностических методик	Появление тенденции к объединению, синтезу наиболее значительных достижений отдельных школ

Основные факторы и принципы, определяющие развитие психологической науки

Исследования многих ученых показали, что на развитие психологии как науки оказывают влияние несколько факторов. Ведущий из них — это логика развития психологических знаний, который связан с изменением ее предмета, с влиянием смежных с психологией наук, с развитием принципов и категориального строя психологии. Уже из этого краткого описания становится понятным, что это фактор является достаточно объективным и поддается научному изучению. Два других фактора более субъективны, их невозможно исследовать также строго и получить однозначные ответы. Это — социальная ситуация развития науки и особенности личности конкретного ученого.

Влияние социальной ситуации заключается в том, что общественные, исторические условия, культурное и политическое окружение влияет как на содержание научных концепций, так и на их распространение, помогает (или затрудняет) развитие научных школ и направлений. Естественно, что это влияние осуществляется не непосредственно, но через социальную перцепцию, т. е. через особенности восприятия и понимания этих социокультурных условий учеными, научным сообществом в целом.

Социальная ситуация может повлиять на развитие науки несколькими путями. Во-первых, она создает условия для возникновения той или иной концепции. Так, например, проведение реформ в 60-х годах XIX в. в России, подъем национального самосознания, способствовал появлению первых психологических концепций ментальности, или, как их тогда называли, концепций «психологии национального характера». Тот факт, что эти концепции появляются не только в России, но и в Германии (теории Лацаруса, Штейнталя, Вундта) также является доказательством влияния социальной ситуации, ибо это был период роста национального самосознания не только России, но и Германии, заканчивавшей свое объединение.

С социальной ситуацией во многом связано и появление в XVIII в. первой развернутой теории способностей, анализирующей роль биологических и социальных факторов в их происхождении и развитии. Концепция способностей, которая была сформулирована Гельвецием, своим появлением обязана доминирующим идеям Просвещения, мыслям о том, что все люди рождаются равными, а разница в их социальном положении и реальных достижениях в жизни связана с разным обучением, отсутствием знаний, просвещения. Неудивительно, что на этом фоне появляется психологическая теория, которая, практически отождествляя способности с уровнем выполнения конкретной деятельности, доказывает, что врожденных способностей нет, а их формирование происходит в процессе обучения.

Как было сказано выше, социальная ситуация влияет и на принятие (либо отторжение) той или иной теории. Созвучность научных концепций ожиданиям общества приводит не только к их распространению, но и к привлечению наиболее способных, целеустремленных молодых исследователей к работе над этой теорией. Таким образом, именно в русле определенного подхода и происходят наиболее ценные открытия, находки, которые придают ему еще большее значение. Так в середине XIX в. в России ожидания скорейших изменений в идеалах и ценностях как общества в целом, так и конкретного человека, привели к тому, что из двух подходов к построению психологии был выбран предложенный И.М. Сеченовым, а не К.Д. Кавелиным. Это произошло потому, что именно теория Сеченова, впервые описанная им в работе «Рефлексы головного мозга», связывала психологию с популярной в то время и многообещающей физиологией, а Кавелин основывал ее на философии, не имевшей объективных методов исследования. Не менее важным было и то, что Сеченов был убежден, что формирование личности происходит при жизни человека, что его идеалы, стремления, ценности, закладываются в процессе воспитания, а следовательно, при правильном воспитании новое поколение будет совершенно другим, лучшим. Кавелин, напротив, связывая нравственность и идеалы человека с укладом, культурой,

языком того общества, в котором он живет, не предсказывал быстрых изменений. Именно поэтому его позиция не получила одобрения и была забыта. Но те же взгляды, то же стремление в первую очередь рассмотреть не поведение, но духовные свойства, стремления и нравственные ценности человека, высказанные почти через 20 лет В.С. Соловьевым уже в другой социальной ситуации, нашли и понимание, и поддержку общества.

Точно так же после Первой мировой войны, показавшей каким антирациональным и жестоким может быть человек, получили более широкое распространение и взгляды З. Фрейда, которые до этого времени рассматривались главным образом в русле клинической психологии.

Не меньшее значение имеет и другой фактор — личность ученого, творца той или иной психологической теории, его ценностные ориентации, когнитивный стиль, волевые качества, особенности общения с коллегами, принадлежность к определенной научной школе и т. д. Принадлежность к научной школе может помочь ученому, особенно в начале его творческого пути, т. к. предоставляет и необходимую информацию, и простор для дискуссий, оппонирования, и некоторую защиту от критики. Однако мнение коллег, выработанный общими усилиями подход к решению проблем могут стать и тормозом на пути научного прогресса, сковывая творческую активность либо из боязни вступить в противоречие с коллегами, либо из-за догматического пристрастия к высказанному единожды мнению.

Таким же препятствием на пути создания новой теории может стать и недостаток упорства или уверенности в себе, особенно в том случае, если новая концепция встречает противодействие или непонимание. Так, авторитарность и даже некоторая нетерпимость З. Фрейда явилась причиной его конфликта с его последователями, отхода от него и его теории даже близких учеников. Но в то же время именно эти качества во многом дали ему возможность создать эту теорию и продолжать ее разработку в ситуации острой критики и неприятия со стороны многих психологов.

Анализ личности ученого, его биографии дает возможность понять, каким образом происходит выбор

научных задач, как он ведет борьбу за свои убеждения, устоит ли он в столкновении с невежественностью или отчуждением окружающих, сможет ли противостоять общественному мнению и просто бытовым неурядицам. Таким образом, этот фактор раскрывает внутренние перипетии творческой деятельности, а иногда и душевной драмы ученого. И в этом плане одинаково интересным может быть анализ жизни «богатой яркими фактами активной научной борьбы, как, например, жизнь Дж. Бруно, и жизнь в борьбе, не принимающей форм выраженной активности, но тем более напряженной мысли, как жизнь Р. Декарта или О. Конта, или даже жизнь размеренная, даже бедная по выражению активности, но интересная по преднамеренности, законченности ее плана и напряжении в его выполнении, как жизнь Г. Спенсера» (Г.Г. Шпет).

Однако, несмотря на важность социальной ситуации и личности ученого, ведущим фактором все же является логика развития психологической науки. Этот фактор тесно связан с развитием принципов психологии, изменением ее предмета и методов исследования психики.

Кроме изменения предмета, о чем говорилось выше, изменялись и основные принципы психологии и ее связи с другими науками. Начиная с 7—6 вв. до н. э. она была ориентирована прежде всего на философию, и уровень развития философских знаний главным образом влиял на психологию и проблемы, которые перед ней возникали. Так, в 3 в. до н.э. произошло изменение философских интересов, связанное с тем, что в центре познания оказались не общие законы природы или общества, но человек, хотя и рассматривавшийся в общей картине мира, но принципиально отличающийся от других живых существ. Это привело к появлению новых проблем в психологии, возникновению вопросов о природе отличий психики человека, содержании его души, к тому, что на долгое время главным вопросом стал вопрос не столько о психике вообще, но о психике человека.

Многое связывало в то время психологию и с математикой, и с биологией, медициной и педагогикой. Уже Пифагор показал значение математики для психологии.

В дальнейшем Платон доказывал, что без математики, прежде всего геометрии, невозможно заниматься ни философией, ни психологией. В дальнейшем влияние математики на психологию несколько ослабевает, однако в Новое время практически все ученые снова подчеркивали ее значение, а Лейбниц даже стремился раскрыть первоэлементы психики, «монады», на которые раскладывается, а потом соединяется в целое мировая душа, по аналогии с изобретенным им дифференциальным и интегральным исчислением.

С этого времени математика играла неизменно большую роль в психологическом знании, становясь одним из важнейших факторов ее превращения в объективную науку (возможность математической обработки полученного материала), а иногда и значимым параметром психического развития как такового (например, как развитие логического мышления).

Гиппократ, известный греческий врач, и Аристотель, который был по образования биолог и врач, одними из первых связали психологию с естествознанием. В дальнейшем эта связь была упрочнена в период эллинизма в работах Галена, а в средневековый период в исследованиях многих арабских мыслителей, которые являлись не только философами и психологами, но и врачами — Ибн Сина, Ибн-аль-Хайсам и другие.

В XIX в., после открытий Ч. Дарвина, развития его эволюционной теории, оказавшей огромное влияние на психологию, связь этих двух наук еще более упрочилась. Работы Г. Фехнера, Г. Гельмгольца, Ф. Дондерса и других ученых не только дали важнейший материал для психологических исследований, но и послужили основой для становления многих областей психологии — психометрии, дифференциальной психологии, психофизиологии, клинической психологии. Таким образом, с середины XIX в. психология в течение более ста лет в первую очередь была ориентирована именно на биологические, естественные науки, а не на философию.

Точно так же связь с педагогикой, возникшая еще в античности, оставалась достаточно слабой до периода Просвещения. Начиная с этого времени проблемы педагогики, требования педагогической практики стали

одним из ведущих факторов, влияющих на психологическую проблематику.

Изменение предмета психологии и ее связей с другими науками привело к бесплодным по существу вопросам о том, естественная она наука или гуманитарная, что должно являться ее методологией — биология или философия. Анализ исторического пути развития психологии показывает, что ее уникальность и ценность как науки заключаются именно в ее межпредметном характере, в том, что она строится и как естественная наука (объективная и экспериментальная), и в то же время как гуманитарная, т. к. в ее проблематику входят вопросы нравственного развития, становления мировоззрения, ценностных ориентаций человека. Можно сказать, что экспериментальную основу, подход к материалу и его обработке психология заимствует у естествознания, в то время как подход к интерпретации полученного материала, методологические принципы — у философии.

Выделяют три важнейших методологических принципа психологии — принцип детерминизма, принцип системности и принцип развития.

Принцип детерминизма подразумевает, что все психические явления связаны по закону причинно-следственных отношений, т. е. все, что происходит в нашей душе, имеет какую-то причину, которая может быть выявлена и изучена и которая объясняет, почему возникло именно то, а не иное следствие. Эти связи могут объясняться разными основаниями, и в истории психологии существует несколько подходов к их объяснению.

В античности уже существовало понимание того, что все процессы в психике взаимосвязаны. Анаксагор и Гераклит впервые заговорили о детерминизме, о том, что существует всеобщий закон, Логос, который определяет, что должно произойти с человеком, с природой в целом. Гераклит писал, что «даже солнце не может нарушить Логос...». Таким образом, все, происходящее в природе и в душе человека, обусловлено определенной причиной, хотя мы и не всегда можем объяснить эту связь и найти эту причину. Демокрит, который разработал развернутую концепцию детерминизма, писал, что

«люди выдумали идею случая, чтобы прикрыть незнание дела и неумение управлять».

Платон и Аристотель изменили первоначальную концепцию детерминизма, отрицая его всеобщий характер, в частности, его влияние на разумную, часть души, на процесс нравственного развития человека. При этом они вводили понятие «целевого детерминизма», считая, что душа стремится к определенной цели, которую Платон соединял с идей или общим понятием, отражающим суть вещи. Аристотель, соглашаясь, что причиной всего происходящего в психике является цель, к которой стремится душа, отрицал, что эта цель дается извне. Он считал, что цель имманентно присуща вещи и связана с ее формой, которая и отражает ее предназначение.

Позднее, в XVII в., Декарт ввел понятие механического детерминизма, доказывая, что все процессы в психике могут быть объяснены исходя из законов механики. Так появилась идея о механическом объяснении поведения человека, которое подчиняется закону рефлекса. Механический детерминизм, просуществовал почти 200 лет. Его влияние можно увидеть и в теоретических положениях основателя ассоцианистической психологии Д. Гартли, который считал, что ассоциации и в малом (психике), и в большом (поведение) кругах формируются и развиваются по законам механики И. Ньютона. Отголоски механического детерминизма можно найти даже в психологии начала XX в., например, в теории энергетизма, которую разделяли многие известные психологи, а также в некоторых постулатах бихевиоризма, например, в идее о том, что положительное подкрепление усиливает реакцию, а отрицательное — ослабляет.

Но еще большее влияние оказал на развитие психологии биологический детерминизм, который возник с появлением теории эволюции. Исходя из этой теории, развитие психики определяется стремлением к адаптации к среде, т. е. все, что происходит в психике, направлено на то, чтобы живое существо как можно лучше приспособилось к тем условиям, в которых оно живет. Этот же закон распространялся и на психику человека, и почти все психологические направления принимали этот вид детерминизма за аксиому.

Последний вид детерминизма, который может быть назван психологическим, исходит из того, что развитие психики объясняется и направляется определенной целью. Однако, в отличие от понимания цели в античности, когда она была так или иначе внешней для психики (идеей или формой), в данном случае цель присуща самому содержанию души, психики конкретного живого существа и определяет ее стремление к самовыражению и самореализации в реальной действительности — в общении, познании, творческой деятельности. Психологический детерминизм также исходит из того, что среда является не просто условием, зоной обитания человека, но культурой, которая несет в себе важнейшие знания, переживания, во многом изменяющие процесс становления личности. Таким образом, культура становится одним из самых значимых факторов, влияющих на процесс развития психики, помогающих осознанию себя и как носителя уникальных духовных ценностей и качеств, и как члена общества. Психологический детерминизм также предполагает, что процессы, происходящие в душе, могут быть направлены не только на приспособление к среде, но и на противостояние ей, в том случае, если среда мешает раскрытию потенциальных способностей данного человека.

Принцип системности описывает и объясняет основные виды связи между разными сторонами психики, сферами психического. Он предполагает, что отдельные психические явления внутренне связаны между собой, образуя целостность и приобретая благодаря этому новые свойства. Однако, как и в исследовании детерминизма, изучение этих связей и их свойств имеет длительную историю в психологии.

Первые исследования тех связей, которые существуют между психическими явлениями, представляли психику как сенсорную мозаику, которая состоит из нескольких элементов — ощущений, представлений и чувств. По определенным законам, прежде всего по законам ассоциаций, эти элементы связываются между собой. Такой вид связи получил название элементаризма.

Функциональный подход, который получил свое название от того, что психику представляли как набор

отдельных функций, направленных на реализацию различных психических актов и процессов (зрения, обучения и т. д.), появился, так же как и биологический детерминизм, в связи с теорией эволюции. Биологические исследования показали, что существует связь морфологии и функции, в том числе и психической функции. Таким образом, было доказано, что психические процессы (память, восприятие и др.) и акты поведения могут быть представлены как функциональные блоки. В зависимости от вида детерминации эти блоки могли действовать и по законам механики (как отдельные части сложной машины), и по законам биологической адаптации, связывая в единое целое организм и среду. Однако этот принцип не объяснял, каким образом при дефекте какой-то функции происходит ее компенсация, т. е. каким образом недостатки в работе одних отделов могут компенсироваться нормальной работой других — например, плохой слух — развитием тактильных или вибрационных ощущений.

Именно это и объясняет принцип системности, который представляет психику как сложную систему, отдельные блоки (функции) которой связаны между собой. Таким образом, системность психики предполагает ее активность, т. к. только в этом случае возможна и саморегуляция, и компенсация, присущие психическому даже на низших уровнях развития психики. Системность в понимании психики не противоречит осознанию ее целостности, идее «холизма» (целостность), т. к. каждая психическая система (прежде всего, естественно, психика человека) является уникальной и цельной.

И наконец, принцип развития, который говорит о том, что психика развивается, поэтому наиболее адекватным способом ее изучения является исследование закономерностей этого генезиса, его видов и стадий. Недаром одним из наиболее распространенных психологических методов является именно генетический.

Определяя какие виды развития присущи психическому, этот принцип говорит о том, что существует два вида развития психики — филогенетическое и онтогенетическое, т. е. развитие психики в процессе становления человеческого рода и в процессе жизни ребенка.

Исследования показали, что эти два вида развития имеют определенное соответствие между собой.

Американский психолог С. Холл предположил, что это сходство связано с тем, что этапы развития психики зафиксированы в нервных клетках и передаются ребенку по наследству, а потому никакие изменения ни в темпе развития, ни в последовательности стадий невозможны. Теория, которая устанавливала эту жесткую связь между фило- и онтогенезом, получила название теории рекапитуляции, т. е. краткого повторения в онтогенезе основных стадий филогенетического развития.

Последующие работы доказали, что такой жесткой связи не существует, и развитие может и ускоряться, и замедляться в зависимости от социальной ситуации, а некоторые стадии могут вообще пропадать. Таким образом, процесс психического развития не линеен и зависит от социальной среды, от окружения и воспитания ребенка. В то же время невозможно игнорировать известную аналогию, реально существующую при сравнительном анализе процессов познавательного развития, становления самооценки, самосознания и т. д. у маленьких детей и первобытных народов.

Поэтому многие психологи (Э. Клапаред, П.П. Блонский и другие), изучавшие генезис психики детей, пришли к выводу о том, что это логическое соответствие, которое объяснятся тем, что логика становления психики, ее саморазвертывания одинакова, что при развитии человеческого рода, что при развитии отдельного человека.

Выделяются также и различные стороны психического развития — и развитие личности, и развитие интеллекта, и социальное развитие, которые имеют свои этапы и закономерности, ставшие предметом исследования многих известных психологов — В. Штерна, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, П.П. Блонского и других.

Большое влияние на развитие психологической науки оказал подход к решению ключевых проблем психологии, изучающих природу психического, взаимоотношения психического и физического, телесного и духовного в психике. При этом на первый план выходили либо общие проблемы — т. е. соотношения психическо-

го и физического, либо более частные, связанные с исследованием связи организма, тела с психикой, душой. Соответственно в первом случае эта проблема звучала как психофизическая, а во втором как психофизиологическая.

И сама постановка проблемы, и подходы к ее решению были связаны с вопросами о роли и месте человека в мире. В античной психологии ученые рассматривали человека как одно из звеньев в цепи всеобщих закономерностей. С этой точки зрения человек подчинялся тем же законам, что и все живое и неживое в природе, а психические законы были отражением физических, т. е. вариациями основных законов природы. Исследование этих законов приводил ученых к мысли о том, что существует единая первооснова, которая составляет сущность и психического, и физического. Такой ответ на психофизическую проблему получил название монизма (общая, единая первооснова, субстанция). В зависимости от того, идеальной или материальной является эта субстанция, монизм может быть идеалистическим или материалистическим. Некоторые ученые отвергали наличие единой субстанции, доказывая, как, например, Р. Декарт, что существует два первоначала, две разных субстанции для души и для тела. Этот подход получил название дуализма. Так как часто процессы, которые происходят в душе и теле, рассматривались как параллельные и независимые друг от друга, в психологии появляется понятие психофизического параллелизма, подчеркивавшего независимость и чисто внешнее соответствие этих явлений.

С течением времени обостряется интерес ученых именно к психике человека. При этом уже в исследованиях Платона постулировались качественные отличия психики человека от психики других живых существ. Таким образом, законы, которые управляют психикой человека, являются уникальными и не могут рассматриваться по аналогии с законами природы. Такой антропологический подход, при котором все рассматривается лишь с точки зрения человека, был характерен для многих не только психологических, но философских школ. Однако и в античности, и в Средневековье было еще

недостаточно данных для перевода психофизической проблемы в план психофизиологической, точнее для научного решения этой проблемы.

С середины XIX в., с развитием биологии и медицины психология получила достаточно важный объективный материал, позволявший по-новому подойти к решению психофизиологической проблемы. Работы И.М. Сеченова, И.П. Павлова, А. А. Ухтомского, У. Кеннона и других ученых дали возможность не только лучше понять биологическую природу психики, но и точнее разграничить области биологических основ психики и собственно психического. Тем не менее остается еще много вопросов, которые совместными усилиями психологов, философов, физиологов, медиков и других ученых предстоит решить, чтобы дать более полные ответы и на психофизическую, и на психофизиологическую проблемы.

Основные категории (инварианты) психологической науки

Кроме принципов, на развитие психологии как науки влияет формирование ее категориального строя, т. е. тех постоянных проблем (инвариант), которые составляют ее предмет и его содержание.

В настоящее время выделяют несколько основных категорий, которые являлись основой психологической науки на протяжении почти всей ее истории. Это категории мотива, образа, деятельности, личности, общения, переживания. В разные периоды развития психологии и в разных школах эти категории имели неодинаковое значение, однако всегда так или иначе присутствовали в психологических концепциях.

Одной из первых в психологии появилась категория образа, которая стала ведущей при изучении познания. Уже в античности ученые изучали как формируется у человека образ мира, впоследствии в центре внимания психологов оказался образ себя, самосознание человека, его содержание и структура. Если в первых психологических теориях образ себя рассматривался преимуще-

ственно как одна из областей сознания, то в современной науке «образ-я» стал одним из ведущих понятий психологии личности.

Образ предмета рассматривался многими учеными как сигнал, на основе которого зарождается и начинает функционировать рефлекс, поведение человека. Образ как сенсорная основа мысли считался незыблемым постулатом учеными, которые рассматривали психику как сенсорную мозаику, состоящую из ощущений и представлений. Безобразный характер мышления стал в начале XX в. одним из важнейших открытий Вюрцбургской школы. Образ как основа восприятия, его целостный и системный характер стал ведущей категорией в психологической школе гештальтпсихологии.

Рассматривая развитие образа, психологи пришли к выводу о взаимосвязи чувственного и умственного образов. Изучение этой связи, так же как и сочетания умственного образа и слова, было и остается одной из важнейших проблем для психологии. Достаточно сказать, что такие великие ученые, как А.А. Потебня, Л.С. Выготский, Г.Г. Шпет, Ж. Пиаже, Д. Брунер и другие посвятили свои наиболее значительные труды исследованию именно этой проблемы.

И чувственный, и умственный образы являются содержанием сознания, поэтому совокупность образов может рассматриваться как определенный аналог этой философской категории. Однако для психологии не менее важным является вопрос о степени осознанности образов, т. к. и бессознательное, и надсознательное играют не менее важную роль, чем сознание.

Не меньшее значение имеет в психологии и категория мотива. Уже в первых психологических теориях ученые рассматривали источник активности, стремились найти причину, которая побуждает человека к движению, т. е. стремились понять мотивы, которые лежат в основе нашего поведения. Были попытки найти материальное объяснение этим побуждениям, при этом мотивы связывались и с движущимися атомами, и с «животными духами», были и теории, которые говорили об их нематериальности. Так, Платон говорил о страстной или вожделеющей душах, которые являются носителями

мотивов и источниками активности людей. Лейбниц считал, что активность, побуждение к действию является свойством души — монады. Однако независимо от истолкования природы мотива, он, как правило, связывался с эмоциями и был одной из главных проблем для всех психологов. Поэтому естественно, что и в современной психологии понятие мотива (потребность, влечение, стремление) стало ведущей категорией практически для всех психологических школ.

С категорией мотива тесно связана другая категория — переживания, эмоционального отклика человека на явления внешнего мира и свои поступки и мысли. Еще Эпикур утверждал, что именно переживания направляют и регулируют поведение, в качестве таковых рассматривают их и современные психологи. Несмотря на то, что проблема природы и динамики эмоциональных процессов не получила еще в психологии однозначного решения, сам факт важности эмоций и переживаний не только в регуляции активности, но и в присвоении знаний, идентификации с окружающим миром, в том числе и со значимыми людьми, не вызывает сомнения.

Говоря о категории деятельности, необходимо помнить о том, что в психологии рассматривается и внешняя деятельность (поведение), и внутренняя, прежде всего мыслительная, деятельность. На первых этапах развития психологии учеными не подвергалась сомнению мысль о том, что поведение является таким же психологическим понятием, как и мышление. Однако со временем психологи, как уже говорилось выше, начали отождествлять психику только с сознанием, а все внешние проявления активности выходили, таким образом, за рамки собственно психического. Поэтому на долю психологических исследований оставалось изучение только внутренней, умственной деятельности. Это мешало развитию объективных методов исследования психики, останавливало развитие экспериментальной психологии. В середине XIX в. английский психолог Г. Спенсер впервые сказал о том, что предметом психологии являются ассоциации между внутренним и внешним, т. е. между сознанием и поведением. Таким образом, было не только зафиксировано уникальное положение психологии, но

и узаконено место внешней деятельности в качестве психологической категории. В современной психологии существует несколько школ, для которых категория деятельности является ведущей, — это и бихевиоризм, и отечественная психология, в которой теория деятельности занимает одно из центральных мест. В то же время изучение внутренней и внешней деятельности, их взаимосвязи и взаимопереходов является одной из центральных проблем для возрастной психологии, так же как и для многих других психологических направлений и отраслей.

Слова о том, что человек — существо социальное, т. е. не может существовать вне общения с другими, были высказаны еще Аристотелем. С течением времени психология получала все больше данных о важнейшей роли других людей в развитии психики, в формировании представлений о себе и о мире. В возрастной психологии огромная роль взрослого и отношений взрослый — ребенок является одной из аксиом, указывающей на то, что полноценное психическое развитие ребенка не может осуществляться в изоляции. С проявлением социальной психологии начинается серьезное изучение общения взрослых людей друг с другом, при этом особое внимание уделяется общению людей, принадлежащих к разным нациям, культурам, а также особенности массовых коммуникаций. Исследования позволили выделить разные стороны общения (коммуникативную, перцептивную, интерактивную), его структуру и динамику. Анализ направления развития психологической науки показывает, что значение этой категории, так же как и доля исследований, посвященных различным проблемам общения, будет и дальше возрастать.

В отличие от других, категория личности появилась в психологии сравнительно недавно, хотя вопросы о сущности человека, развитии его представления о себе и оценки себя ставились еще в античности. Однако в то время понятия «личность» и «человек» рассматривались как тождественные, не существовало современных понятий «личность», «индивид» и «индивидуальность». На протяжении длительного времени, как уже отмечалось, ведущими вопросами психологии были вопросы позна-

ния, а категории образа и внутренней, умственной деятельности оставались ведущими. Недаром известный ученый В. Вундт говорил о диктате «интеллектуализма» в психологии, противопоставляя свою волюнтаристскую психологию прежней, изучающей в основном «человека познающего», а не чувствующего. Лишь с появлением школы глубинной психологии именно личность стала одной из ведущих категорий и остается ею в современной психологической науке, хотя в настоящее время разные школы (гуманистическая, глубинная, отечественная психология) рассматривают и структуру, и генезис, и движущие силы развития личности по-разному.

* * *

Новые тенденции в развитии науки не могли обойти стороной ее методологию. Поэтому, говоря о развитии методологических основ и объяснительных принципов психологии, необходимо отметить, что за последние два столетия они существенно изменились. Эти изменения связаны прежде всего с развитием и модификацией позитивизма и возникновением критического рационализма, целью которого было изменение взглядов на критерии, отделяющие научное знание и научные методы от субъективных и ненаучных. Дальнейшее развитие позитивизма (неопозитивизм и постпозитивизм) связано с расширением представлений о роли социокультурных факторов в становлении научного знания и смягчении исходных позитивистских установок на рациональность и объективность методов исследования. Этот процесс связан с работами К. Поппера, И. Лакатоса и П. Фейерабенда. В работе Поппера «Логика научного исследования» (1935) была показана необходимость перехода в исследовательской работе от концепции «проб и ошибок» к концепции «предположений и опровержений». С его точки зрения, индукция не может быть универсальным методом исследования в силу своей ограниченности и неполноты (ведь объем экспериментальной выборки не может быть всеобъемлющим и универсальным). Поэтому полученные результаты нельзя формулировать в терминах законов. Поппер также считал, что главным в исследовательской деятельности является не

столько эмпирическое изучение и проверка результатов, сколько последовательная критика выдвигаемых гипотез. Целью такой критики является доказательство их неуниверсальности, т. к. они сформулированы на основании определенной эмпирики исходя из определенных оснований и в конкретной ситуации.

Развивая представления Поппера, И. Лакатос писал, что для плодотворного развития науки механизмом этого развития должна стать конкуренция различных концепций и теорий, которые постоянно изменяются под влиянием вновь открытых фактов, не укладывающихся в стандартные, очерченные прежней концепцией, границы. П. Фейерабенд также подчеркивал важность конкуренции и взаимной критики различных теорий, стимулирующей научное познание. При этом он в принципе отвергал существование объективной истины, которую он считал догмой и отстаивал необходимость научного плюрализма.

Новые философские концепции, сказались, как уже отмечалось, на методологии психологической науки. Анализ этих изменений позволяет выделить классическую, неклассическую и современную психологию. Классическая психология, существовавшая до середины XX в., использовала для объяснения психических явлений рациональный подход, пытаясь логически описать и объяснить как природу, происхождение определенной психологической феноменологии, так и причинно-следственную связь между отдельными психическими явлениями. При этом и в разработке методов исследования, и в объяснении полученных результатов она опиралась на установки классического позитивизма и принципы и методы естественных наук. Не только ассоцианизм, но и вновь возникшие в начале XX в. направления, такие как психоанализ, гештальтпсихология, опирались на достижения биологии, психиатрии, физики и использовали эти достижения для объяснения полученных фактов. При этом с точки зрения классической психологии психические явления могли быть объективно изучены, а полученные результаты описаны, логически обоснованы и проинтерпретированы. Хотя, конечно, признавалось, что не все психические явления могут быть изучены в

данный конкретный момент и правильно объяснены на данном этапе развития научного знания.

Неклассическая психология, анализируя опыт предшествующих десятилетий, вынуждена была признать невозможность для психологии в полной мере использовать методы и методологию наук естественных. В неклассической психологии подчеркивалась ограниченность логического анализа при интерпретации полученных данных, так же как и рационального их анализа, особенно при исследовании бессознательного. Ярким примером новых тенденций является появление экзистенциального и гуманистического направлений в психологии, которые (прежде всего экзистенциальная) в принципе подчеркивали невозможность использования в полной мере логики и принципа детерминации в психологии.

Достоинства количественных методов, так же как и способов математической обработки полученных результатов, сопоставлялись с достоинствами качественного анализа. При этом в неклассической психологии подчеркивалось, что для исследований, направленных на изучение мотивации, личности человека, только количественных методов недостаточно, а обобщенные результаты экспериментальных методик не универсальны и не отражают индивидуальности респондентов. Так, в психологию были введены методики, нацеленные на анализ индивидуального опыта, рассказов или рисунков испытуемых, бесед с ними. Эти методики получили название нарративных. Появились и способы интерпретации и анализа полученных данных — контент-анализ, дискурс-анализ.

Таким образом, можно говорить о том, что в середине XX в. в психологии наряду с естественно-научной парадигмой возникла гуманитарная. Понятие «парадигма» было введено Т.С. Куном, который подразумевал под этим определенный образец, систему теоретических понятий, принятых всеми членами научного сообщества. Кун выделял два аспекта в понятии «парадигма» — эпистемический и социальный. Эпистемический аспект связан с содержанием предлагаемого образца, т. е. с теми знаниями и методами, которые в него входят. Социаль-

ный же определяется тем научным сообществом, которое принимает эту парадигму в качестве образца.

Важными моментами в концепции Куна является понятие «смена парадигм». В результате такой смены научное сообщество принимает новую систему методологических и теоретических постулатов, определяющих и направляющих направление новых исследований. Иногда, как в случае с психологией, таких образцов может быть несколько (методология естественно-научная и гуманитарная), и в этом случае можно говорить о полипарадигмальности или мультипарадигмальности.

Появившиеся в последние десятилетия новые ценности и новые научные факты привели к такой смене парадигм в психологической науке, ознаменовав появление нового периода в ее развитии.

Усложнение и развитие современной психологии не могло не сказаться на ее категориальном строе. Модификация принципов классической психологии и разработка новых, неклассических и постмодернистских подходов подразумевает с необходимостью включение в картину новой психологии вновь открытых феноменов психики, а также, что особенно важно, их научного объяснения.

Основные принципы и категориальный строй психологии непосредственно связаны именно с общепсихологической проблематикой. Однако в исследовательских программах генетический или клинический подходы часто позволяют выявить важнейшие для общей психологии феномены и закономерности, осветить и уточнить вопросы общепсихологической значимости, в частности, вопросы тезауруса, соотношения понятий, разработанных в разных психологических направлениях и наполненных новым, разнообразным содержанием, широко использующимся в настоящее время. Так как в общей психологии теоретические разработки более структурированы, чем в других областях психологического знания, например, в возрастной или социальной психологии, то, говоря об общей психологии, мы можем с высокой степенью уверенности говорить о ее категориальном строе и принципах. Но если влияние принципов (системности, развития, детерминизма) в той или

иной степени можно распространить и на другие области психологии, этого нельзя с той же степенью достоверности сделать в отношении категориального строя.

Прежде всего возникает вопрос о том, как отражаются в психологических инвариантах новые тенденции в ее становлении — междисциплинарность и полипарадигмальность. Представляется, что это сказывается прежде всего в том, что возникают новые категории, а также новые соотношения между ними, которые не входят в старую категориальную сетку. При этом вызывает интерес не столько пересмотр самих категорий, сколько анализ их модификации и изучения в разных областях психологии — психологии личности, социальной, клинической, возрастной психологии, а также анализ тех принципов и законов, которые универсальны для всех областей психологического знания.

В качестве примера можно упомянуть о двух законах — закона дифференциации Н.Н. Ланге и закона обратимости Ж. Пиаже, рассмотрев их роль в смежных областях психики. Закон, сформулированный Н.Н. Ланге еще в начале XX в., говорит о том, что всякое развитие, где бы оно ни происходило, идет от общего к частному, от целого к частям, от форм и состояний мало определенных, глобально-диффузных и недифференцированным к определенным и дифференцированным. В современной формулировке Ф. Берталанфи он гласит, что в процессах органического развития первичное целое подразделяется на субсистемы.

Однако этот закон, разработанный в естественнонаучной парадигме, может быть с успехом применен к оценке феноменов, происходящих в психологии личности. Как показывают современные исследования, осознание себя и уникальности себя как личности начинается с появления образов, которые достаточно смутно представлены в содержании идентичности и сопряжены с эмоциональной неопределенностью, а потому не отражены в вербальных ответах. Постепенно содержание личностной идентичности становится более осознанным и четким, дифференцированным, при этом возникает более гармоничное соотношение субъективных и объективных параметров оценки себя. С возрастом это со-

отношение начинает отражать социальные позиции подростков и юношей, которые в зависимости от ориентации на себя, на мир, на взрослых и т. д. соотносят в своей личностной идентичности социальные, ролевые, объективные и субъективные параметры.

Точно так же можно увидеть, что закономерности становления операций мышления, выделенные Пиаже, оказываются действительными для процесса развития идентичности, соотношения таких ее параметров, как целостность и разносторонность. Так, оказывается, что личностная идентичность развивается от неосознанной целостности, которая утрачивается по мере осознания человеком себя и своих личностных качеств (по аналогии с утратой обратимости при переходе на более высокий уровень выполнения операций у Пиаже). Постепенное овладение способностью оценивать себя, исходя из разных параметров и разных планов взаимодействия с окружающими, вновь приводит к появлению целостности личностной идентичности, но уже на более высоком уровне осознания себя и своих отношений с другими. При этом хотелось бы подчеркнуть, что использование данных законов в объяснении процессов, происходящих при становлении личности, ее социализации, становится возможным тогда, когда само исследование предполагает наличие многоаспектных и разноуровневых представлений о себе, множественных Я, которые отражают разные позиции и роли во взаимодействии человека с современным социумом и создают устойчивый баланс персональной и социальной идентичностей.

Так, в категориальной сетке не только общей психологии, но и психологии личности, возрастной и социальной психологии появляется новая инвариант — идентичность, соотносящаяся с понятиями «образ-я» и «я-концепция». Важным моментом здесь является тот факт, что соединение в единую систему двух видов идентичностей — социальной и персональной, не только дает основания для пересмотра понятий «образ-я» и «образ мира», которые в этом случае представляют два полюса единого образа, но и связывают категорию, изначально появившуюся в психологии личности, с сеткой понятий

социальной психологии, в частности, с понятием социализация.

Еще одной категорией, не являющейся новой, но наполняющейся новым содержанием в современной психологии, является переживание. Категория переживания чаще всего исследуется в единстве с другими психологическими категориями, прежде всего с категориями мотива и деятельности. С категорией мотива ее роднит динамическая, энергетическая природа, побуждающая к активности, т. к. эмоциональная составляющая является непременной частью поведения. Регуляторная функция переживания связывает его с категорией деятельности. Изучение взаимосвязи внешней и внутренней деятельности, процессов интериоризации и экстериоризации вновь выводит на первый план проблему переживания, т. к. на переживании основывается сама возможность присвоения опыта, перехода внешней деятельности во внутренний план.

Сам факт важности эмоций и переживаний не только в регуляции активности, но и в присвоении знаний, идентификации с окружающим миром, в том числе и со значимыми людьми, не вызывает сомнения. Поэтому не случайно, что в современных работах по исследованию социализации, персональной и социальной идентичности обращаются к категории переживания. Переживания используются и в психотерапии, где важнейшим моментом является установление эмоционального контакта, трансфера между клиентом и психотерапевтом, а экстериоризация переживаний дает возможность разрядки, снятия психологического напряжения, что рассматривается как одна из значимым целей психотерапии. При этом наиболее важным моментом, отличающим переживание от других эмоциональных состояний и делающим его основным механизмом личностного становления, является соединение в нем двух аспектов — динамического (интенционального) и когнитивного.

Категория переживания входит в проблематику многих областей психологической науки. Индивидуальные и социальные переживания имеют разные функции, связанные с принятием себя и формированием личностной идентичности (индивидуальные) или принятием

социального окружения и формированием культурной, социальной идентичности (социальные). И в том и в другом случае именно развитие переживаний делает человека личностью, вводя его в поле культуры.

Последним моментом, на котором хотелось бы остановиться, является необходимость пересмотра самого принципа построения, точнее отображения, категориального строя современной психологии. Представляется, что классический матричный принцип их связи устарел и не отражает ни новых категорий, которые с трудом вписываются в исходную матрицу, ни их взаимосвязи между собой, особенно когда речь идет о категориях, берущих начало из разных областей знания. Традиционный подход должен быть заменен на сетевой принцип построения категорий

Так, категория «образ» может быть представлена такими понятиями как «образ-я», «образ-мира», «образ себя в мире», «образ себя в глазах других» и т. д. Эта сеть понятий пересекается с другой сетью, идущей от категории «личность» — персональная идентичность, социальная идентичность, групповая, культурная, гендерная и т. д., непосредственно примыкающей к группе понятий, связанных изначально с категорией отношения. На пересечении этих сетей выстраивается новая категория — социализация, связывающая, в свою очередь, все эти сети с переживанием, которое также разделяется на социальные и персональные переживания, соотносимые и с разными видами образа, и с разными видами идентичности, и с разными видами отношений.

Таким образом, можно констатировать, что современные категории связаны между собой сложнее, чем это казалось ранее, и не всегда четко разделяются по уровням. Поэтому традиционный матричный принцип построения инвариант, ярко представленный, например, в работах Петровского и Ярошевского, и предполагающий их четкую иерархию, но не взаимосвязь, должен быть дополнен другими вариантами. Более адекватным для современной науки является именно сетевой принцип организации категорий, предлагаемый, например, Степиным. Этот подход дает возможность увидеть как связь категорий между собой, так и законы и тенденции

в их развитии, а также открывает возможности встраивания в уже имеющуюся сеть новых категорий. Сетевой принцип показывает также разноуровневость категориального строя, давая возможность выделить базовый, общий для всех отраслей психологии, слой, и связанные с ним сети, отходящие в разные стороны и характерные для определенных областей науки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психология есть самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, имплицитно подразумевающая дальнейшее становление ее категориального строя, который должен строиться по сетевому принципу. Расстояние и соотношение между отдельными категориями, образуя сеть тезаурусов, отражает и закономерности их развития, и взаимосвязь между разными областями, прежде всего категории, образующиеся на основе межпредметных и даже междисциплинарных связей. Многие понятия и принципы, использующиеся в разных областях знания, обогащают друг друга, наполняя новым смыслом традиционные психологические понятия, а само поле научного знания неуклонно расширяется.

Современное состояние психологической науки

Движение науки невозможно без осознания смысла научной деятельности, путей дальнейшего становления, методологических принципов, по которым строятся исследования. Поэтому, говоря о развитии науки, большинство ученых в качестве одного из важнейших показателей использует стремление научного сообщества к рефлексии. Такая рефлексия является характерной чертой современной психологии. О том, что методологические проблемы психологии связаны не только с социальной ситуацией, но и с ее собственной логикой развития, говорит и сопоставление современной ситуации с той, что сложилась в начале XX в. Кризис начала XX в. вытекал из требования, постулируемого практически всеми учеными того времени, построения позитивной психологии, перестройки классической ассоциативной психологии на основе новой методологии и поиска нового, объективного метода исследования пси-

хики. Похожую ситуацию испытывает и современная психология, хотя сегодня сложилась обратная ситуация — необходимость модификации естественно-научной, позитивистской психологии, которая не в состоянии решить всех проблем, встающих перед ней.

Еще на рубеже XIX — XX вв. прозвучал первый сигнал о том, что объективная психология не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с духовной жизнью людей, с их потребностью в творчестве, самореализации, с умением преодолеть давление среды и т. д. Именно в этот период возникает духовная философия В. Соловьева, отразившаяся во многих психологических концепциях того времени (Лопатина, Франка, Лосского и других.). Опасность ориентации только на позитивизм видели не только российские исследователи; известный немецкий ученый Э. Гуссерль также писал о том, что и социология, и психология имеют дело не только с естественной, но и искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому традиции естественно-научного знания не применимы при изучении психологических явлений. Однако достижения естественных наук в исследовании материальных оснований психики были настолько велики, так же как и потребность в развитии объективных методов исследования феноменов психического, что недостатки естественно-научной психологии в тот момент были менее значимы по сравнению с ее достоинствами и достижениями.

Однако в конце XX в. важнейшая методологическая проблема соотношения философии и естественных наук в психологии стала важной не только для теории, но и для построения психологических исследований. Эта проблема вставала в связи с необходимостью, во-первых, создать фундамент для экспериментальной психологии, во-вторых — сочетать эмпирические исследования с обобщением и интерпретацией полученных данных, что практически невозможно без философской рефлексии. Так как в разработке объективных методов исследования психических (точнее психофизических) процессов именно естественные науки добились серьезных результатов, значительно опередив психологию, в поисках но-

вых методов исследования ученые на рубеже XIX — XX вв. естественно обратились именно к данной области знания. Однако при разработке новых методов необходимо учитывать важность целостного, системного подхода к исследованию психики, отсутствие которого было одним из серьезных недостатков тех методов, которые разрабатывались на основе биологии и физиологии. Таким образом, вопрос о сочетании естественнонаучных и философских постулатов вставал во всей своей многогранности и сложности.

Важным моментом в настоящее время стало понимание различий и точек соприкосновения в методологии разных сфер психологии, в частности, когнитивной, клинической (наиболее объективной и ориентированной на данные естественных наук) и психологии личности и социальной психологии (наиболее ориентированных на гуманитарное знание). Таким образом, можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественно-научных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики. При этом возможен и необходим именно диалог, а не конфронтация различных подходов к психологии как науке, к ее проблематике и методам исследования психики, т. к. стремление к доминированию одного подхода, одной парадигмы, как показывает история психологической науки, приводит в тупик.

Актуальность методологических проблем чрезвычайно высока и для отечественной, и для зарубежной психологии. В этом плане особенный интерес представляют работы как европейских, так и американских ученых (прежде всего С. Московиси, Д. Гергена, Х. Маркуса, Д. Тернера, Г. Брейквелла), стремящихся ввести современный философские принципы и парадигмальный подход в методологию психологии (в частности, идеи постпозитивизма, конструктивизма, постмодернизма, современной эволюционной биологии и этологии). Еще одним значимым моментом методологических инноваций в зарубежной психологии является принцип активности субъекта в построении образа мира, его когнитивных схем, которые, собственно, и являются той основой, по которой конструируется образ окружающего. Этот

подход существенно отличается от принципа активности в теории отражения, который доминировал в отечественной психологии.

Методологические дискуссии в зарубежной психологии начались несколько раньше, чем в отечественной науке, и главное, они до последнего времени носили более продуктивный характер, т. к. были связаны с изучением возможности и границ сочетания естественно-научных и гуманитарных принципов в психологических исследованиях (работы Д. Эдельмана, Д. Арчера, Р. Стеренберга). В то же время в отечественной психологии в конце XIX в., где также актуализировалась проблема методологии, эти дискуссии носили более идеологизированный характер и касались в основном подходов к преодолению марксисткой идеологии и философии как единственной методологии психологической науки.

Попытка найти смысл своей деятельности характерна и для многих прикладных исследований, в которых явно прослеживается стремление встроиться в определенное направление или научную школу, продемонстрировать важность психологических исследований для определенной отрасли, для общества. Таким образом, можно констатировать, что психология осознает вопрос необходимости разработки методологических принципов, объединяющих теорию и практику, которые в последнее годы все больше расходились, отрываясь друг от друга. Это наносит серьезный ущерб развитию целостного научного знания, т. к. не дает возможности полноценной проверки в определенной методологической парадигме теоретических открытий, а с другой стороны, лишает практику объективных критериев, без которых она также не может формировать новые полходы к диагностике и консультированию.

Модификация принципов классической психологии и разработка новых, неклассических и постмодернистских подходов к методологии подразумевает с необходимостью включение в картину новой психологии вновь открытых феноменов психики, а также, что особенно важно, их научного объяснения.

Словосочетание «психология XXI века» стало настолько привычным и даже навязчивым, что в его смысл

перестали вдумываться, не замечая, как за привычностью термина уходит не только его содержание, но и осознание происходящих в последние годы изменений отношения к науке, ее места в современном мире. Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми мы столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская психология. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общемировые тенденции (например, размывание границ между теорией и практикой), и отечественные, связанные с все более отчетливо прослеживающимся доминированием утилитарности. Такая ориентация характеризует не только и не столько состояние науки, сколько состояние общества, опять возвращающегося к нивелированию ценности творчества и самостоятельной творческой мысли, не имеющей практического выхода.

Таким образом, сложности в осознании психологами смысла своей деятельности и методологических принципов в настоящее время во многом определяются как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определило, какие задачи оно ставит в настоящее время перед психологией, чего ждет от нее. Поэтому представляется, что интересно было бы сопоставить разные позиции и разные научные представления с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями о науки.

Прежде всего встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко вы-

раженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и атрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, но затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок, до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятии людьми окружающего пространства, которое начинает восприниматься как свернутое, а сама Земля — как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как прежде казалось. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, сегодня люди понимают быстротечность и ограниченность жизни и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводит к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важным становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных на-

уках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстрактными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью.

Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретает для психологии личности. В исследовании проблемы личности в психологии сводятся, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллаж», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на наш взгляд, являются экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психология деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в ее разных вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Гуссерль и Г. Шпет — о феноменах сознания, связанных с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия — бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное, бытие отрешенное (которое является средним между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность в первую очередь не природная, а социальная, историческая, культурная. Поэтому все виды бытия соединяются в бытие социальное, которое отражает и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия, и их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и

помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнося внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир является целью социального познания, и процесс, и результат которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом, социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого.

Постижение объективного (значение) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в социальном познании, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющейся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московиси и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостности остается открытым. В этом плане представляется, что значение концепции Э. Гуссерля для психологии все еще не получило достаточной оценки, в частности, его идея о существовании априорных постулатов, относящихся к жизненному миру и существующих до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать целостную систему из опытных данных о психических феноменах. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов, частично в работах Дж. Гибсона, но

и для структурирования смыслов, в том числе и для понимания себя и смысла своего существования в мире.

Именно в идее смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о жизненном мире и развитии представлений о нем, Э. Гуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл — значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что относит нас к А.Н. Леонтьеву), и значение и представление, внутренняя форма предмета (что относит к Г.Г. Шпету).

Если благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, т. е. еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т. д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значение — это и есть тот исток, тот априорный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Так, погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает объективное познание.

А эмпирический опыт, напластованный на это значение, придает ему личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым связывая несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, внутренняя форма предмета, которая связывает его эмоционально уже не с личным, но с культурным опытом.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без содействия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией. Глубокие изменения социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества, нарушило его стабильность и снизило уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях, в разных ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными. Тревожным является выявленное во многих исследованиях стремление людей к включению этических установок при проблематизации ситуаций, возникающих при межэтническом взаимодействии. Возможно, что данная стратегия поведения играет роль своего рода коппинга, защиты, которая помогает человеку рационализировать проблему и доказать самому себе, что стереотипы и нормы поведения, принятые в его культуре, лучше, чем в культуре партнера. При этом возникает вопрос, не мешают ли такое включение моральной оценки социализации человека в иной культурной среде.

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, выявила необходимость найти в себе те внутренние, духовные способности, которые помогут человеку противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX — XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического

бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Процесс вхождения в определенную социальную действительность предполагает понимание особенностей этой действительности, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. Однако, в отличие от социальной адаптации, социализация предполагает не только такое пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т. е. выработку определенных знаний и умений, адекватно применяемых человеком в данной социальной действительности. Формирование именно этого аспекта социализации, связанного с выработкой активной позиции, со стремлением самоактуализироваться именно в этой действительности, несмотря ни на какие препятствия, вызывает наибольшие сложности.

Индивидуальные поиски новых эталонов, наиболее оптимальных способов социализации в новой действительности часто приводят к неадекватным для современной ситуации идеалам и нормам, заимствованным или при обращении к прошлому нашей страны (как к советскому, так и дореволюционному), или при обращении к опыту других стран. Эти поиски эталонов, идентификация с которыми даст возможность осознать и свою собственную ценность, и ценность и уникальность собственной страны, необходимы и для успешного формирования идентичности, и для успешной самореализации. Они формируют тот значительный всплеск интереса к истории, который отразился в большом количестве выпускаемых исторических хроник, мемуаров, беллетристических произведений, кино- и телефильмов, сделанных на основе исторических фактов. Так люди пытаются «восстановить связь времен», воссоздав как индивидуальную, так и социальную идентичность, утерянную в последние годы.

Культура и особенно искусство остаются неизменными даже тогда, когда меняется быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной адаптации человека. Поэтому инкультурация дает укорененность и устойчивость, необходимые в сегодняшней жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Национальная культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Однако для этого человеку необходимо осознать связь культуры в разные периоды российской истории — допетровской, дореволюционной, советской и современной, а также выделить определенных исторические персонажи (ученые, художники, политические деятели), через эмоциональную идентификацию с которыми могут быть сформированы разные структуры самосознания (национальное, правовое, личное). Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности — «Я — культурный человек».

Идея культуры как фундамента социализации важна и потому, что нарушение идентичности, связанное прежде всего с переоценкой ценностей, в том числе и ценности своей жизни, увеличивает напряженность, фрустрированность людей. Такое психологическое состояние мешает восприятию нового, в том числе и новых идей, и новых форм активной деятельности, которые воспринимаются как «эмоциональная перегрузка», а потому либо не воспринимаются, либо агрессивно отторгаются. Подчеркивание связи с позитивным прошлым опытом, с культурой дает возможность снять этот барьер или снизить его значение. При этом формирование идентичности на основе культурной, а не национальной составляющей, даст возможность расширить границы восприятия окружающего, преодолев узкие этнические стереотипы. Междисциплинарность культуры, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно сконструированного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано и новое

понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться в контексте теории самоорганизации И.Р. Пригожина, т. к. культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Изменчивость социальных представлений и ценностных ориентаций находит отражение не только в актуализации проблемы идентичности в психологической науке, но и в большом количестве исследований, посвященных анализу социализации и границ активности человека в этом процессе. В настоящее время можно констатировать, что процесс социализации как таковой происходит не только в первые 10 — 15 лет жизни, но на протяжении всего жизненного пути. Не менее важным фактом является то, что успешная самореализация любого человека требует социального принятия как мерила успешности и возможности распространения, принятия окружающими результатов творческой активности человека. Успешная социализация человека, с одной стороны, дает возможность реализовать активность в просоциальном русле, а с другой — максимально снимает внешние и внутренние барьеры этой активности. В этой точке возможно сведение в единое целое конструкционизма с идеями пассионарности, возможности для меньшинства, даже для одного-двух пассионарных, по выражению Л. Гумилева, личностей, изменить поведение и позиции большинства.

Идея о роли пассионарной активности и в переконструировании социального мира, и в создании его образа, показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа движения, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н.А. Бернштейн, выделяя уровни в построении движений, подчеркивал сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, т. к. человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но со-

здает, конструирует свое поведение. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира и себя. Конструируемый образ мира не только субъективен, но и представляет собой сложную разноуровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения в создаваемых человеком представлениях о себе и мире можно констатировать и их отнесенность к разным областям, т. е. это уже скорее не образ, но коллаж. При этом, возможно, уместно и использование принципа взаимосвязи развития и дифференциации образов, о котором писали еще гештальтпсихологии, утверждая, что в процессе развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Еще одной реальностью настоящего времени стал Интернет, который является крайне интересной моделью для исследования в связи с тем, что в реальности социальная ситуация в значительной мере определяет не только оценку человеком своего положения в ней, но и детерминирует оценку себя. В реальном мире люди часто не могут изменить ни себя, ни ситуацию, как бы она их не устраивала, но в Интернете можно скрыться за маской, за несколькими масками, принимая разные имена и придумывая себе разные ситуации и разные биографии. Это дает возможность опробовать себя в разных ролях, которые в дальнейшем, при успехе в данном виде коммуникации, может прийти и в действительность. Так, неопределенность общения в сети, накладываясь на неопределенность в личностной сфере, может стать источником положительной динамики и, если не осознания себя, то хотя бы осознания своего поведения и его причин.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию, и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о транс-

формации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность.

Сложности в описании неопределенности о предсказаниях проведения объектов в этих ситуациях существуют не только в психологии, но и в естественных науках, например, в физике, где концепция неопределенности разрабатывалась еще с середины XX в. В этой концепции доказывается, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно, — это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда еще могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, тем более, они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, тем более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация. В такой ситуации сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени неопределенными. То есть человек одновременно является как бы и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно меняющейся величиной в системе меняющихся отношений (и частица, и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Однако невозможно совершенно отказаться от принципа детерминации, т. к., хотя мы и не можем, как уже говорилось выше, полностью изучить причины поступков людей, мы не можем в то же время исключить наличие причинно-следственных отношений в каждом конкретном слу-

чае, так же как и возможности их будущего анализа. При этом игнорирование детерминизма фактически снимает водораздел между научной и житейской психологией, психологией и мистикой, т. е., полностью отрицая это принцип, мы потеряем границы научности.

Поэтому, как и в классической психологии, в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивации. Но это — не полностью достоверное знание, оно опосредовано и культурой (человек ведет себя соответственно определенным эталонам), и опытом, и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными схемами. Поэтому такое значение для постнеклассической психологии приобретают нарративы, результаты самонаблюдения. Как свет освещает движущее в темноте тело, позволяя не только разглядеть его в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии, помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты, понимание того, что предшествовало этому моменту (причина), и того, что за ним последует, достаточно фрагментарно и субъективно, т. е. осознание себя и объективация идентичности в принципе возможны только здесь и сейчас. В то же время остается иллюзия, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не намного лучше, чем окружающих.

Таким образом, для психологии объективация и операционализация понятия «неопределенность» актуальна в связи с методологическими проблемами, с предметом исследований — личности, внутренний мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация внешней неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Поэтому в конструировании своего поведения в неопределенности присутствует не только элемент активности, но и элемент неизбежности, т. к. человек не может не создавать ту реальность, которая вызывает у него

меньший страх и негативные переживания, как-то справляясь с тем фактом, что полностью осознать и предсказать ситуацию он не в состоянии, если хочет продуктивно жить и работать. При этом используются разные виды объективации и объяснения, оценки и интерпретации своего поведения. Поэтому, как нам представляется, философия постмодерна и полипарадигмальность методологии особенно созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волей-неволей приводят к необходимости создать коллаж, отражающий разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней.

Полипарадигмальный характер современной психологии не только дает возможность выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнял понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологию с постмодернизмом.

Согласно постмодернистскому взгляду, мир — многомерен и многогранен, образ мира — это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. И, как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит прежде всего от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и более применима, чем предыдущие, но ни одна не представляет собой полное и окончательное описание явлений, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности. Одновременно, эти критерии задают рамки и основания будущих исследований, которые, безусловно, принесут новые материалы, расширяющие представления о психологии и ее месте в современном мире.

Вопросы для самоконтроля

1. С чем связано изменение предмета и методов психологической науки?
2. Какие факторы влияют на развитие психологической науки?
3. В чем причина методологического кризиса в психологии?
4. Что такое категориальный строй психологии?
5. Каковы различия между классической и неклассической психологией?
6. Как изменяются категории современной психологии?
7. Каким образом современная социальная ситуация сказывается на методологии психологической науки?

Примерные темы рефератов

1. Методологические проблемы истории психологии.
2. Основные отличия исторической психологии науки. психоистории и истории науки.
3. Категории психологии: история и современность.
4. Принцип детерминизма и его влияние на развитие психологии.
5. Методология современной психологии.

Литература

1. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб., 2006.
2. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: В 2 т. Ростов н/Д, 1996.
3. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Основы теоретической психологии. М., 1997.
4. *Юревич А.В.* Психология и методология. М., 2005.
5. *Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб., 1994.

ГЛАВА II

СОСТАВ И СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Основные элементы психологического знания

К числу основных элементов психологического знания можно отнести следующие:

1) базовые психологические «идеологии» и категории;
2) теории;
3) законы и обобщения;
4) объяснения;
5) прогнозы и предсказания;
6) факты и феномены;
7) корреляции между феноменами;
8) описания;
9) методы и технологии;
10) знания, ассимилированные из смежных наук.

В основании психологического знания лежат *базовые психологические «идеологии»*, такие как бихевиоризм, когнитивизм и психоанализ. Эти «идеологии» и соответствующий им уровень организации психологического знания называют по-разному: парадигмами, подходами, ориентациями, системами знания и др. Но в любых систематизациях психологического знания он непременно присутствует, что неудивительно: данный, наиболее крупномасштабный уровень «рассечения» психологической науки и накопленного ею знания нельзя не заметить.

В психологической литературе трудно найти удовлетворительное и вообще сколь-либо внятное определение подобных, наиболее глобальных, систем психологического знания и перечисление того, что они охватывают. Психоанализ, например, определяют и как один из базовых подходов в психологии, и как теорию, и как ме-

тод, и как область психологической практики, и даже как «религию» современного западного общества, и каждое из подобных определений верно, хотя и страдает неполнотой. Когнитивизм, бихевиоризм и психоанализ можно охарактеризовать и как глобальные психологические методологии или «психологические империи», в границах которых заключены общий образ или модель психологической реальности, основные принципы ее изучения, соответствующие теории, способы производства знания, критерии его верификации и т. д., закрепленные соответствующими «методологическими эмоциями» («нет — интроспекции!», «человек — не крыса!» и т. п.). Наличие подобного аффективного слоя, цементирующего «защитный пояс» соответствующих теорий, дает основание характеризовать глобальные системы психологического знания именно как *идеологии*, выполняющие не только познавательные, но и идеологические функции, например функцию демаркации «своих» и «чужих».

Каждая из психологических «империей» фактически живет по собственным законам и не имеет с другими «психологическими империями» ничего общего кроме границ. Это дает основания говорить о том, что наиболее глобальные системы психологического знания, как и куновские парадигмы, «несоизмеримы» друг с другом, т. е. не вписываются в единые критерии рациональности и напоминают спортивные команды, играющие на одном поле в разные игры. Соответственно, психология характеризуется как допарадигмальная наука, т. е. пред-наука, которая станет полноценной наукой только тогда, когда в ней будут выработаны общеразделяемые критерии рациональности и достоверности знания, психологические «империи» объединятся, а конкурирующие парадигмы сольются друг с другом.

Глобальным психологическим «идеологиям», конечно, можно отказать в статусе знания, усмотрев в них не знание как таковое, а лишь матрицу для его производства. И они, безусловно, выполняют данную функцию, но при этом являются и собственно *знанием*, поскольку общие представления о психике как о поведении, трансформациях образа, взаимодействии сознания и бессо-

знательного предполагают немало знаний, которые и делают возможными переключения фокуса видения психологической реальности.

Психологическим категориям, как и базовым психологическим «идеологиям», тоже можно приписать вспомогательную роль, представив их как средство *выражения* психологического знания, а не знание как таковое. И действительно, казалось бы, какое знание содержится просто в обозначениях, даже если это такие термины, как «сознание», «личность», «бессознательное», «потребность», «мотив» и т. п.?

Однако нетрудно заметить — и этот эксперимент любой психолог может провести над самим собой, — что каждая из подобных категорий вызывает не просто поток словесных ассоциаций, но и актуализирует целый массив знаний — об их наполнении, разнообразии трактовок, истории изучения. Конечно, подобное знание отчасти пересекается с другими видами психологического знания — в первую очередь о соответствующих феноменах, однако не сводится к нему. И вполне понятно, почему психологическим категориям нередко отводится роль основных «сгустков» психологического знания и его опорных компонентов. Вся история психологической науки может быть представлена как история развития психологических категорий, а один из возможных ответов на вопрос о том, в чем же состоит ее прогресс в условиях хаотичности знания и отсутствия его кумулятивности звучит так: «в обогащении категорий». То есть про личность или мотивацию мы сейчас знаем больше, чем знали сто или пятьдесят лет назад, и в этом — несомненный прогресс психологической науки.

Психологические категории разнообразны по своему происхождению, однако наиболее рельефно обозначаются три их источника. Первый источник — обыденный опыт. Основная часть категорий, которыми оперирует научная психология, это термины обыденного языка: ощущение, восприятие, эмоции, чувства и др. Иногда они перекочевывают из обыденного языка в категориальный аппарат научной психологии без сколь-либо принципиальных, а иногда и вообще без каких-либо смысловых трансформаций. Иногда — под-

вергаются на территории научной психологии своеобразной «чистке» — переопределениям (обычно множественным), погружению в новые смысловые контексты и т. д. Второй источник психологический категорий — термины других наук. Например, ключевые категории концепции К. Левина — «поле», «валентность» и др. — откровенно позаимствованы им у естественных наук, хотя все же чаще психология заимствует категории у более близких — социогуманитарных — дисциплин. Третий источник психологических категорий носит «внутренний» характер. Многие из них рождаются на «территории» самой психологии, хотя во многих собственных категориях психологической науки тоже звучат отголоски внешнего по отношению к ней социального опыта.

Один из главных путей построения единой и стройной системы психологического знания, подобной системам естественно-научного знания, видится в построении иерархической системы психологических категорий. А установление гносеологических отношений между ними рассматривается как эквивалент установления онтологических отношений между соответствующими фрагментами психологической реальности. Такой путь объединения психологического знания — его объединение «сверху», путем «наведения мостов» между психологическими категориями — выглядит гносеологически обоснованным, хотя и чреват построением довольно произвольных конструкций.

В отличие от глобальных систем психологического знания, *психологические теории* определяются довольно часто — как системы взаимосвязанных гипотез и утверждений относительно какого-либо феномена или системы феноменов, как системы ясных утверждений, делающих возможными предсказания относительно эмпирических явлений, и т. п., хотя в описание этих теорий, как правило, включается обильный материал нетеоретического (эмпирического и др.) характера, который редко вписывается в какую-либо *систему*. Такие определения звучат очень привычно, мало отличаясь от определения теории, которое есть у каждого, кто занимается наукой, и имеют общей чертой то, что психологические

теории определяются *как типовой случай научных теорий вообще*, не обладая какими-либо принципиальными отличиями от теорий в других науках.

В то же время психологические теории в большинстве случаев строятся в рамках глобальных психологических «идеологий» и, соответственно, в решающей мере зависимы от них. Однако психологические теории обладают и определенной, хотя и очень ограниченной, автономией от таких ориентаций, в результате чего теория, рожденная в рамках одной «идеологии», может ассимилировать элементы других, как, например, когнитивистская теория каузальной атрибуции, ассимилировавшая бихевиористскую теорию Д. Бема. Но, главное, вопрос об истинности или ложности психологических теорий обычно выносится в плоскость эмпирических верификаций и решается вне зависимости от истинности базовых «идеологий», да и вообще эти теории объясняют фрагменты опыта, успешно вписывающиеся в любые «идеологии». А теории «среднего ранга», которые современная психология явно предпочитает общим теориям, обычно строятся как систематизации отдельных областей психологического опыта, подчиненные не столько теоретическим, сколько практическим целям. Вместе с тем существуют и психологические теории, которые в принципе не могут быть изъяты из контекста соответствующих «идеологий». Наиболее яркий пример — психоанализ (как теория), ни одно из базовых положений которого до сих пор не получило эмпирического подтверждения, в результате чего принятие этих утверждений является «вопросом веры» (отсюда — характеристики психоанализа как «скорее религии, чем науки»).

Психологические законы в основном устанавливаются эмпирическим путем и, как и любые законы, представляют собой устойчивую связь явлений. В системе психологического образования преподнесение психологических законов почему-то занимает периферическое место. Типовой психолог куда хуже знает психологические законы, чем физик — физические или, если взять пример из области социальных наук, экономист — экономические, и знает их хуже, чем, скажем, психоло-

гические теории. Поэтому есть смысл привести примеры психологических законов.

- Закон Фрейда — Фестингера: механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить ее с поверхности сознания.
- Закон Джемса: сохранение осознаваемого обеспечивается только путем его изменения.
- Закон Бардина: зона неразличения дифференциального признака сама является дифференциальным признаком, т. е. зависит от других признаков, используемых в опыте.
- Закон Хика: чем менее вероятен предъявленный стимул или требуемая реакция, тем больше времени над этой ситуацией работает сознание.
- Закон классификации: любой конкретный стимул (объект) всегда появляется в поверхностном содержании сознания в качестве некоего класса стимулов (объектов), при этом класс не может состоять из одного члена.

Мечта любой науки состоит в том, чтобы представить все дисциплинарное знание в виде системы законов. Если в психологии она и осуществима в принципе, этой научной дисциплине очень далеко до ее осуществления. В то же время возможности психологии в плане выявления и формулирования общих законов нельзя недооценивать: существует немало психологических закономерностей, которые можно сформулировать в виде общих законов. А одним из главных препятствий этому служит близость научного и обыденного психологического познания, стремление психологии ради сохранения статуса науки провести с ним демаркационную линию и, соответственно, избегание ею утверждений, которые могут звучат слишком тривиально.

К *психологическим обобщениям* можно отнести те связи, которые носят достаточно устойчивый характер, но в силу своего более частного характера или каких-либо других причин «не вытягивают» на статус законов или пока не устоялись в качестве таковых (чтобы некая устойчивая связь была признана законом, научное сооб-

щество должно *признать* ее законом, что предполагает достаточно сложный социальный механизм). Примерами таких обобщений могут служить выводы, содержащиеся в заключительной части любой диссертационной работы. Однако мы приведем примеры более «основательных» и известных психологических обобщений, взятые из учебников психологии.

- Если в прошлом поведение человека подкреплялась в некоторой стимульной ситуации, то, чем больше нынешняя ситуация похожа на ту, в которой осуществлялось подкрепление, тем больше вероятность того, что будет осуществлена и соответствующая активность.
- Чем чаще, в рамках определенного интервала времени, человек подкрепляет активность другого, тем чаще другой будет осуществлять эту активность.
- В процессе восприятия люди стремятся к балансу между минимизацией когнитивных усилий, с одной стороны, и удовлетворением своих основных когнитивных потребностей — с другой.
- Вероятность непосредственной актуализации установки является функцией ее доступности в памяти.
- Люди обращают большее внимание на информацию, которая соответствует их установкам, оценивают неоднозначные события в соответствии с этими установками, лучше запоминают информацию, соответствующую им.
- Негативные события кажутся более вероятными, когда человек пребывает в плохом настроении, чем когда он пребывает в хорошем настроении, а позитивные события — наоборот.

Психологические обобщения различных уровней составляют основную часть *формализованного* психологического знания, и, если проделать мысленный эксперимент, попытавшись представить себе все психологические обобщения, собранные на едином носителе — бумажном или электронном, картина получится более чем впечатляющая. Однако в большинстве случаев они «живут» лишь в том тексте, в котором сформулированы, и лишь небольшая их часть выходят за его пределы в результате либо собственной активности автора в их

распространении, либо того, что другие члены этого сообщества ссылаются на данного автора.

В этой связи психологические обобщения можно разделить на востребованные (распространяемые в психологическом сообществе) и не востребованные (не выходящие за пределы конкретного текста или устного сообщения), отметив, что первые составляют «верхушку айсберга» в сравнении со вторыми. То есть описанный в социологии науки процесс *социализации знания* порождает своего рода пирамиду, на вершине которой находится *публичное знание*, распространяемое в научном сообществе и разделяемое, по крайней мере некоторой частью его членов, а в основании — *локальное знание* — те обобщения, которые не востребованы, но в любой момент могут быть актуализированы и переведены в разряд публичного знания. Соответственно, адресованные психологической науке упреки в том, что в ней существует дефицит устоявшегося знания, вызваны, прежде всего, дефицитом *публичного* знания, и эта ситуация производна от дефектов не столько производства, сколько распространения и социализации знания.

Психологические объяснения по своим социальным характеристикам близки к психологическим обобщениям, отличаясь от них своей когнитивной направленностью — не на фиксацию связи явлений, а на ее объяснение. Поскольку объяснение является одной из основных функций науки, объяснения и интерпретации тоже составляют значительную часть психологического знания. К ним располагают также неписаные традиции научного исследования и оформления научных текстов: установив некоторую связь или выявив некий феномен, ученый, как правило, стремится их объяснить, и этот вид психологического знания обычно органически дополняет то «констатирующее» знание, к которому объяснения прилагаются.

Основные виды психологических объяснений, в общем, те же, что и в других науках: объяснение через подведение под общий закон, объяснение через сведение к теории, объяснение через указание влияющих на объясняемое событие факторов и предшествовавших ему событий и т. д. Вместе с тем констатации специфики объ-

яснений в социогуманитарных науках в сравнении с науками естественными распространимы и на психологию. В частности, объяснение, подчиненное целям понимания, здесь играет не меньшую роль, чем объяснение путем включения объясняемых феноменов в некоторую устоявшуюся систему знания, а перечисление влияющих на эти феномены факторов куда более распространено, чем объяснение путем подведения под общие законы.

Принято считать, что одним из главных недостатков психологии является принципиальная множественность объяснений любого психологического феномена. Этот недостаток нередко выдается за «родовой дефект» всех социогуманитарных наук, отличающий их от наук естественных и технических, где любое явление якобы получает строго однозначную трактовку. Однако подобное представление основано на сильном смещении «точки отсчета» — большом искажении образа точных наук. Как подчеркивает один из наиболее выдающихся философов современности Р. Рорти, обобщая опыт именно этих наук, любое явление может быть объяснено различными способами, и то, что выбирается в качестве объяснения, не предопределено объективным опытом и не задается некими универсальными правилами познания, а во многом зависит от нас. Мы, конечно, не полностью свободны в выборе способов объяснения, связаны некоторыми традициями, общими критериями рациональности и т. д. Скажем, будучи современными людьми, мы не будем объяснять заход Солнца тем, что черепаха, на которой покоится Земля, переворачивается. Но любое, даже физическое, явление, может быть рационально, т. е. в рамках принятых в данной культуре критериев рациональности, объяснено на разных уровнях. И любое объяснение представляет собой «вырезание» определенного «локуса причинности».

Каждое социальное явление испытывает влияние большего количества факторов, чем явления физические, что достаточно очевидно уже потому, что социальные явления находятся под воздействием факторов и физических, и биологических, и социальных. В результате в социогуманитарных науках, объясняющих такие явления, открывается больший простор для подобного

«вырезания причинности», т. е. имеется большее количество потенциальных объяснений и интерпретаций любого феномена. Различие с «жесткими» — естественными и техническими — науками действительно имеется, но оно не качественное, а количественное, состоящее не в принципиальной возможности разных объяснений любого феномена (она имеется во всех науках), а в широте соответствующих объяснительных полей. Соответственно, плюрализм способов объяснения — не недостаток системы психологического знания, а естественное выражение особенностей предмета этой науки, его более разветвленной онтологии.

Как и любая наука, психология стремится всесторонне «обрабатывать» устанавливаемые ею факты, не только предлагая их интерпретации и объяснения, но и формулируя соответствующие *предсказания*. Правда, широко распространено представление о том, что предсказания в психологии, в отличие от предсказаний точных наук, недостоверны, неполноценны, и вообще эта дисциплина еще «не дозрела» до надежных предсказаний. Такое представление не лишено оснований, но все же не вполне справедливо. Иногда психологические предсказания ничем не уступают прогнозам точных наук, а многие психологические прогнозы не рассматриваются в качестве собственно научных из-за их чрезмерной тривиальности, т. е. (и в этом заключен парадокс) слишком явной достоверности. Можно привести такие примеры: «если сгорят ваши сбережения в банке, вы очень огорчитесь» или, напротив, «выиграв крупную сумму в лотерею, вы обрадуетесь». Это — во-первых, именно предсказания, во-вторых, предсказания достоверные (исключения возможны, но очень маловероятны), в-третьих, предсказания психологические, т. е. основанные на психологических закономерностях человеческого поведения. Однако психология не считает их научными из-за того, что они слишком тривиальны и получены не в психологических лабораториях, а путем житейского обобщения обыденного опыта.

Приведем примеры собственно научных психологических предсказаний, т. е. предсказаний, которые содержатся в трудах психологов.

- Диады, члены которых физически находятся ближе друг к другу, будут более устойчивы и будут обладать лучшими возможностями достижения позитивных результатов, чем диады, члены которых физически разделены друг с другом.
- Чем меньше люди, вступающие в контакт, знакомы друг с другом, тем бóльшие трудности они будут иметь в предсказании поведения друг друга.
- Чем бóльшие подкрепления люди получают из взаимодействия друг с другом, чем устойчивее это взаимодействие.

Подобные психологические предсказания, как правило, выводятся из базовых утверждений соответствующих теорий. Иногда такие предсказания сами представляют собой базовые утверждения этих теорий или, наоборот, базовые утверждения теорий заключают в себе предсказания. Так, например, одно из базовых утверждений психологической теории справедливости звучит так: «люди всегда стремятся к максимизации своих приобретений и к минимизации потерь». Нетрудно заметить, что в этом утверждении заключено предсказание — о том, что любой человек в любой конкретной ситуации будет вести себя соответствующим образом.

Психологические предсказания достаточно разнообразны. В первом приближении их можно разделить на две глобальные категории: а) общие предсказания (или предсказания-обобщения) и б) частные предсказания. Примеры общих предсказаний, наделенных квантором всеобщности, были приведены выше. Такие предсказания звучат как обобщения и распространяются на всех людей или, по крайней мере, на достаточно большие социальные группы. Частные предсказания относятся к конкретным людям или социальным группам и больше характерны для психологической практики. Это предсказания о том, как будут восприняты действия того или иного политика, как поведет себя та или иная группа потенциальных потребителей нового товара и т. п.

Частные предсказания могут быть связаны с общими предсказаниями разными типами связей. Иногда они представляют собой простое логическое следствие общих прогнозов. Например, можно сформулировать прог-

ноз о том, что данный политик будет стремиться получить наиболее высокий пост в неком политическом органе как простое следствие общего предсказания о том, что все люди во всех ситуациях будут стремиться к максимизации своих выигрышей. Но значительно чаще восприятие или поведение, являющееся объектом прогнозирования, носит комплексный характер, и частный прогноз строится на основе взаимодополнения ряда предсказаний общего характера, к тому же дополненного неформализованным личностным знанием того, кто его строит.

Хотя прогнозы о том, как люди поведут себя в той или иной ситуации, обычно вытекают из каких-либо других видов психологического знания — теорий, обобщений и др., их, особенно общие прогнозы-обобщения, вполне можно считать самостоятельной разновидностью психологического знания, обладающей как практической, так и познавательной ценностью и являющейся необходимым дополнением других его видов.

Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее постоянно — по крайней мере при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности. Например, тот факт, что объем непосредственной памяти равен 7 ± 2 элемента, во-первых, обладает достаточной воспроизводимостью — в рамках обозначенного диапазона, во-вторых, важен для психологической науки и практики, имея большое значение как для предсказания возможностей человека, так и для познания механизмов непосредственной памяти.

Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило, бывают зафиксированы

в специально организованных условиях психологического исследования. Только что описанный факт был установлен экспериментально, причем не в одном, а в многочисленных экспериментах. Некоторые из психологических фактов и феноменов могут быть установлены только в экспериментальных условиях, а зафиксировать их в обыденном опыте практически невозможно. Но даже если некое психологическое явление рельефно проявляется в обыденной практике, для того, чтобы приобрести статус факта или феномена психологической *науки*, оно должны быть воссоздано и продемонстрировано в эксперименте. Так, скажем, явление беспричинной агрессии известно достаточно давно, но для придания ему статуса научного феномена понадобились эксперименты С. Милгрэма.

Вообще одной из закономерностей формирования эмпирического знания в психологии является то, что она не признает обыденные наблюдения и обобщения в качестве научных фактов, а стремится перевоссоздавать их в условиях эксперимента. Такое перевоссоздание и переопределение в терминах научной психологии служит для обыденных наблюдений своего рода пропуском на ее «территорию».

Некоторые факты и феномены психологической науки, такие как объем непосредственной памяти, по существу, являются ее эмпирическими обобщениями, а граница между ними и другими видами психологических обобщений очень условна. Тем не менее факты и феномены всегда привязаны к конкретному опыту, в отличие обобщений всегда очень наглядны, носят констатирующий, а не объяснительный характер, и явно имеет смысл разделять эти два вида психологического знания.

Что же касается различий между двумя наполнителями данной категории психологического знания — фактами и феноменами, то они весьма релятивны. Одни и те же явления иногда называют фактами, иногда — феноменами. В то же время можно уловить тенденцию относить к категории феноменов наиболее «интересные» факты, содержащие в себе элементы неожиданности и парадоксальности, противоречащие как здравому смыслу, так и предшествовавшим установлению этих фено-

менов научным представлениям о человеческой психологи. То есть феномены — это своего рода «привилегированные» факты, признанные особо значимыми и интересными для психологии, а следовательно, тоже прошедшие оценочную процедуру социализации знания.

Психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как *знание контекста* установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления.

Иногда в необходимости такого дополнения усматривают проявление ненадежности эмпирического знания психологии и его главное отличие от эмпирического знания точных наук. Мол, когда физик утверждает, что все тела, обладающие массой, падают на землю, ему нет нужды уточнять, где, когда и при каких условиях эта закономерность была установлена, а психолог непременно должен указывать, какими методами и в какой стране проводилось исследование, насколько многочисленной была выборка, кто входил в ее состав и т. д.

Подобное представление верно лишь отчасти. В неклассической, а тем более, в современной — постнеклассической, в терминах современного отечественного философа В.С. Степина, науке описание результатов наблюдения всегда предполагает описание *условий* этого наблюдения, а внеконстекстуального знания, абсолютно независимого от контекста его установления, вообще не существует. Так что принципиальной, качественной разницы между психологией и точными науками в этом плане не существует. Однако количественная разница, безусловно, есть. Любой психологический феномен проявляется по-разному (или не проявляется вообще) в зависимости от внешних и внутренних условий. Так, феномен неспровоцированной агрессии может проявляться, а может — нет, объем нашей непосредственной памяти варьирует в пределах формулы 7 ± 2 в зависимости от нашего самочувствия, психологического настроя, сконцентрированности и других обстоятельств. То есть размеры зависимости от контекста в психологии, как и в других социогуманитарных науках, существенно больше, чем в науках естественных и технических.

В принципе из-за большой зависимости любых психологических феноменов от условий их проявления знание контекста можно было бы объединить со знанием о самих феноменах, которые всегда контекстуально обусловлены. Тем не менее это — разные виды знания хотя бы потому, что, с одной стороны, знание о феноменах всегда, в том числе и в точных науках, существует в виде, абстрагированном от знания контекста, с другой — знание контекста может быть обобщено и отчуждено от знания о феноменах — например, в виде обобщений о том, как внешние и внутренние условия влияют на протекание психологических процессов.

Существенную часть психологического знания составляют эмпирически выявленные *корреляции между феноменами*, которые представляют собой наиболее простой и удобный для психологической науки способ упорядочивания и организации психологической феноменологии. Неудивительно, что приращение эмпирического знания осуществляется в психологии, главным образом этим путем, и большой редкостью являются, например, диссертации, вообще обходящиеся без коэффициентов корреляции.

Увлечение психологов установлением корреляций общеизвестно. Именно они представляют собой главный продукт союза психологии с математикой, в котором психология традиционно видела залог своей «научности». А слова, сказанные американским психологом Д. Картрайтом в 70-е годы XIX в.: «может создаться впечатление, что психология вообще осталась бы не у дел, если бы не существовало метода анализа вариаций», справедливы и по сей день. Психологическая наука может быть охарактеризована как «фабрика по производству корреляций», а типовое психологическое исследование, выполненное в соответствии с позитивистскими стандартами «научности», представляет собой вычисление корреляций между зависимыми и независимыми переменными, и именно на этих корреляциях базируются вытекающие из него обобщения.

Корреляции весьма эфемерны — в том смысле, что измерение корреляций между любыми двумя переменными в двух разных исследованиях наверняка даст не-

сколько различающиеся результаты. Однако, во-первых, собственно знанием является сам факт наличия корреляций, а не конкретные коэффициенты корреляции, которые уникальны в каждом конкретном случае их измерения. Во-вторых, это — «скользящее», *релятивное* знание, сильно зависимое от контекста его установления. Но не более релятивное, чем большинство других видов знания в психологии и в прочих социогуманитарных науках.

Корреляции принято считать «сырым» или первичным психологическим знанием, его «полуфабрикатом», поскольку они должны быть осмыслены, обобщены, проинтерпретированы в терминах стоящих за ними причинных связей. Однако после построения на базе корреляций знаний более высокого уровня — интерпретаций, обобщений и т. д. — корреляции не утрачивают самостоятельного смысла, тоже оставаясь психологическим знанием. Нередко они становятся и «публичным» знанием, подвергаясь обсуждению, проверке и переинтерпретациям.

Несмотря на то, что повсеместное вычисление корреляций превратилось в психологии в некий ритуал, основанный не только на культе математики, но и на давно устаревших позитивистских стандартах производства научного знания и соответствующем образе науки, они продолжают играть очень важную роль. Установление корреляций, если оно осуществляется в достаточно продуманном смысловом контексте, содействует как приращению психологического знания, так и приданию ему более связного вида. В определенном смысле корреляции «склеивают» различные фрагменты психологического знания, соединяя его если не в единое целое, то, по крайней мере, во внутренне согласованные локусы.

Теоретически можно предположить, что в результате накопления корреляций — с помощью установления корреляций «всего со всем» — можно построить и единую систему психологического знания, которая в таком случае была бы создана чисто эмпирическим путем. Однако подобный прогноз, скорее всего, вызовет лишь заслуженную иронию, а корреляции пригодны для

того, чтобы «склеивать» знание в пределах его локальных систем, соотнесение и объединение которых требует принципиально иного подхода.

В отличие от вычисления корреляций, *психологические описания* представляют собой мало формализованный способ установления связей между психическими явлениями (и фиксации самих явлений). Их иногда рассматривают как наиболее простой вид психологического знания и продукт первого этапа психологического познания. Однако нередко эти описания являются, напротив, конечным, а не начальным продуктом комплексного психологического анализа, включающего применение специальных методов. Например, такие социально-психологические исследования, как исследование Дж. Хоманса, признанные в психологической науке «классическими», увенчиваются именно описаниями комплексных психологических ситуаций, и подобнее описания уместно считать не начальным, а завершающим этапом исследовательского цикла. Таким, да и более простым, описаниям трудно отказать в статусе *знания*. Они всегда аналитичны, содержат элементы обобщений, акцентируют скрытие аспекты изучаемых явлений, вскрывают их механизмы, достаточно систематизированы и обладают другими атрибутами научного знания.

Сложнее обстоит дело с психологическими описаниями, авторы которых не являются профессиональными психологами. Так, широко распространено мнение о том, что наиболее удачные психологические описания принадлежат не психологам, а писателям. По мнению известного американского психолога Ф. Хайдера, например, лучшие описания психологических ситуаций даны Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Психологи гуманистической ориентации считают подобные описания полноправной частью научного психологического знания. По мнению же психологов позитивистской ориентации, эти описания — все-таки «что-то другое», хотя и, безусловно, полезное для научной психологии.

В целом же описания пронизывают в психологии, как, впрочем, и в любой другой науке, весь исследовательский цикл (симптоматично словосочетание «описание результатов исследования»), а не являются лишь его

отправным пунктом, входят в состав всех прочих элементов психологического знания, представляют собой его составляющую, не элиминируемую никакими позитивистскими процедурами. Степень же формализации и языки психологических описаний производны от общих «идеологий» психологического исследования, от теоретических, методологических и прочих ориентаций психологов.

Исследовательский инструментарий научной психологии — *методы психологического исследования* — тоже можно включить в состав психологического знания. Хотя в позитивистских традициях принято считать, что методы любой науки представляют собой не само знание, а лишь средство его получения, вся постпозитивистская рефлексия науки убедительно демонстрирует, что это представление ошибочно.

Во-первых, любой метод представляет собой *знание о том, как получать знание*, т. е. одновременно и само знание, и средство его получения, и при этом содержит значительный пласт информации *об условиях* его получения — о том, при каких обстоятельствах проявляется тот или иной феномен, какие факторы влияют на его проявление, как можно нивелировать их влияние и т. п. Подобная информация сродни знанию контекста, но отличается от него более «активным» характером, представляя собой знание об условиях проявления того или иного феномена *в контексте воздействия на него со стороны экспериментатора*. Кроме того, абсолютно стандартизированных методов вообще не существует, любой из них представляет собой ноу-хау, предполагающее значительную долю неформализованного личного знания. Наиболее ярким примером здесь может служить психоанализ, который в плане его воздействия на западное общество имеет много общего с религией, а в плане особенностей его применения больше напоминает искусство.

Во-вторых, как хорошо известно в философской методологии науки, любой метод всегда «теоретически нагружен», построен в некоторой смысловой системе, выражающей базовые смыслы соответствующей теории и научной «идеологии», и, как хорошо известно из ис-

тории науки, даже результаты простого наблюдения описываются и интерпретируются в системе определенных, заданных общей теорией, смыслов. Соответственно, психологические методики представляют собой конкретизации и операционализации того знания, которое содержится на уровнях психологических теорий и «идеологий». Эти операционализации, выведенные из более общих положений, тоже представляют собой новый вид знания — подобно тому, как становятся новым знанием выведенные из общих утверждений гипотезы в случае их эмпирического подтверждения. Но при этом они содержат и некоторое дополнительное знание — например, о том, как общие положения теорий «работают» в исследовательской практике, обеспечивая теориям обратную связь с этой практикой, в результате которой они нередко подвергаются уточнениям и коррекциям.

Таким образом, исследовательские методы психологии не служат лишь *средством* получения знания, а сами содержат в себе разнообразные виды психологического знания, являясь его важной операционализированной разновидностью.

То же само можно сказать и о методах прикладной психологии, которые часто называют «психологическими технологиями», хотя они имеют не только технологическую составляющую. *Психологические технологии* — это тоже операционализированный вид психологического знания, имеющий много общего с методическим знанием психологии, однако отличающийся от него по целевому назначению: если в методах психологи содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях — о том, как его *применять для решения практических задач*.

Психологические технологии сейчас широко распространены в самых различных сферах социальной практики, а двадцать пятый кадр, детектор лжи и психотронное оружие (независимо от того, существует ли оно), благодаря биллетристике настолько прочно укоренились в массовом сознании, что стали в нем одним из главных символов психологии как науки. Если для про-

фессиональных психологов их наука ассоциируется прежде всего с психоанализом, бихевиоризмом и т. д., то для обывателя — именно с детектором лжи или психотронным оружием. Однако массовое сознание всегда усваивает наиболее яркое, а потому нетипичное. Приведенные примеры как раз не характерны для психологических технологий, поскольку эти технологии, как правило, не имеют материальных носителей, предполагают значительную долю неформализованного личностного знания и выглядят скорее как ноу-хау, чем как собственно технологии. О том, как привести к власти политика или улучшить психологический климат организации, можно написать книгу, и не одну, эксплицировав в ней некоторую часть соответствующего ноу-хау, но это знание нельзя представить в виде четкой и стройной технологии, подобной двадцать пятому кадру. Кроме того, сейчас уместнее говорить о психологической составляющей комплексных социальных технологий (точнее, тоже ноу-хау), а не о собственно психологических технологиях.

Психологические технологии находятся в довольно сложных и неоднозначных отношениях с другими видами психологического знания, и их уместнее считать операционализацией более фундаментальных видов психологического знания лишь с достаточной долей условности. Большинство из них строится в рамках общих психологических «идеологий», разделяя основополагающие принципы последних. Поэтому различают психоаналитически ориентированную терапию, бихевиоральную терапию, гештальттерапию и др. Однако соответствующие системы технологий строятся путем операционализации не только лежащих в их основе общих систем психологического знания, но и личного опыта психотерапевтов, здравого смысла и многого другого.

В плане накопления знания, *заимствованного у смежных наук*, психология не является сколь-либо уникальной дисциплиной. В состав любого дисциплинарного знания входит знание, позаимствованное данной наукой у других научных дисциплин, причем, как правило, менее развитые науки заимствуют знание у более развитых, и, чем моложе дисциплина, тем больше в составе

накопленного ею знания удельный вес знания «заимствованного».

Естественно, любая наука заимствует знание в основном у смежных дисциплин, изучающих схожие объекты. Соответственно, «заимствованное» знание психологии — это преимущественно знание, позаимствованное ею у философии, социологии, биологии, педагогики, а также у «науки наук», а точнее, у «универсального языка» всех наук — у математики. В этом легко убедиться на примере структуры психологического образования. Любой курс по истории психологии имеет в своем составе объемную философскую часть: история психологических идей обычно отмеряется от Платона и Аристотеля, проходит через философские системы Сенеки, Лукреция Кара, Б. Спинозы и др. Социально-психологические курсы охватывают социологические системы О. Конта, Ч. Спенсера и других социальных мыслителей, причем, по общему признанию, этого недостаточно: концепции М. Вебера, П. Сорокина и других выдающихся социологов тоже давно пора включить в систему психологического образования. Целый ряд разделов психологии, таких как психофизиология и нейропсихология, широко используют биологическое знание, считая его «своим». Описанные выше корреляции опираются на математическое знание о том, как их измерять. На стыке психологии и математики возникла математическая психология, на стыке психологии и социологии — социальная психология, на стыке психологии и педагогики — психология педагогическая, и список подобных примеров можно долго продолжать.

Следует отметить, что «заимствованное» знание практически никогда не ассимилируется научной дисциплиной в его исходном виде, а всегда «переваривается» ею в контексте ее собственных категорий и объяснительных принципов, что превращает это знание из «чужого» для этой дисциплины в «свое». Скажем, знания психологов о человеческом мозге, позаимствованные ими у биологии, включены в контекст соответствующих психологических знаний, например, о высших психических функциях, что делает эти знания в значительной степени «психологизированными». То же самое проис-

ходит и с другими видами «заимствованного» знания, которое всегда является знанием *данной* науки, позаимствованным ею у других дисциплин, но творчески переработанным ею и выраженным в системе ее собственных смыслов.

В условиях характерного для современной науки нарастания тенденции к меж- или кроссдисциплинарности, в психологии возникают целые области междисциплинарного знания, например, такие как политическая психология, которые в своей основной части укомплектованы знаниями смежных наук. Они сейчас служат главными каналами междисциплинарных влияний, через которые осуществляется как междисциплинарный «импорт», так и междисциплинарный «экспорт» знания, а соответствующие его области приобретают характер, скорее, не меж-, а кросс- или наддисциплинарных.

Характеристики психологических фактов

«Факты — упрямая вещь» — одна из тех сакраментальных метафор, на которых не одно столетие воспитывались и научное, и обыденное мышление. А высказывания «это же факт», «подтверждено фактами» и т. п. традиционно служили конечными пунктами наиболее убедительной аргументации, по достижении которых ее дальнейшее развертывание утрачивало смысл.

Произошедшее в истекшем веке радикальное изменение представлений о методологических основаниях научного познания поколебало казавшийся незыблемым статус фактов. «Наука вообще не знает „голых“ фактов, а те „факты“, которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а следовательно, существенно концептуализированы», — утверждал П. Фейерабенд. «Сегодняшние факты — это вчерашние фантазии и завтрашние мифы», — писал другой «сокрушитель» традиционного статуса научных фактов М. Махони. В постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены» и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами,

исследовательскими программами, исследовательскими традициями и т. п. И вполне симптоматично такое определение научного факта: «научным фактом называется такой элемент научного знания, смысл и значение которого раскрывается в теоретической интерпретации, допускающей логическое редуцирование к чувственно-практическим формам познания, осуществляемым непосредственно или косвенным путем».

Новая методология науки породила и систему «практических рекомендаций» по преодолению «упрямства» фактов. М. Махони дает ряд советов тому, кто не хочет отказываться от любимой теории под давлением противоречащих ей фактов.

- Отрицайте валидность фактов (вследствие артефактов, невоспроизводимости, плохого измерения, методологических недостатков, сомнений в профессионализме экспериментатора).
- Признайте эти факты, но отрицайте, что они способны повлиять на поддерживаемую Вами теорию (т. е. переинтерпретируйте их как иррелевантные, малосущественные и т. д.).
- Совершите «эсхатологический шаг» — признайте и факты, и то, что они бросают вызов Вашей теории, но утверждайте, что «в конце концов», когда будут собраны все релевантные данные, достоверность этой теории будет доказана.

Подобные советы, впрочем, могут пригодиться разве что дилетанту, а любой маститый ученный со времен Ньютона, который был признан «большим мастером спасения теорий», владеет этим искусством в совершенстве, причем среди соответствующих стратегий явный приоритет отдается наиболее элементарной — простому игнорированию фактов. Известно, что ученые крайне редко читают те научные журналы, которые публикуют «неудобные» для них данные. А некоторые из них, такие как Б.Ф. Скиннер, даже с гордостью признавались в этом.

Но если факт все же признан «чистым», не может быть проигнорирован, переинтерпретации не поддается, он все равно не разрушителен для теории. У нее есть резервное средство ассимиляции противоречащих ей

фактов — различные Ad hoc построения. Всевозможные дополнения к утверждениям теории придают им расширительный смысл, в который могут быть вписаны даже противоречащие этим утверждениям факты. Поэтому попытки эмпирической проверки теорий — так называемые «решающие эксперименты» — обычно дают неоднозначные результаты. Более того, эти результаты обычно интерпретируются на основе проверяемой теории, и она, как правило, получает подтверждение. В результате, вопреки мрачной сентенции Т. Хаксли — «великая трагедия науки состоит в том, что гадкий факт может убить прекрасную теорию», — факты ни «убить» теорию, ни сколь-либо серьезно навредить ей не могут.

По критерию отношения к фактам представителей психологического сообщества можно разделить на три категории. Для одних, и таких подавляющее большинство, гносеологический статус фактов попросту безразличен. Они делают то, что привыкли делать, невзирая на бурные события в философской методологии науки, в частности, на распространение постмодернистской методологии. Другие охотно подхватили постмодернистские представления, не без удовольствия, явившегося естественной реакцией на долгие годы господства позитивизма и упрощенных представлений о науке, акцентируя релятивность фактов, их зависимость от теорий и т. п. Третьи, напротив, агрессивно отреагировали на распространение подобных настроений и проявили озабоченность, сопоставимую с той, которая была вызвана формулой «материя исчезает», и стремятся восстановить незыблемость фактов и в качестве таковых, и как конечного критерия истины.

Первая позиция, очевидно, в комментариях не нуждается. Что же касается двух других, то при всех их полярных различиях, их объединяет недифференцированное отношение к фактам как к *однотипному и гомогенному виду опыта*. Как отмечает философ А.Л. Никифоров, «большинство современных эпистемологов неявно исходит из „одномерного“ понимания фактов, т. е. истолковывает факт как нечто простое, как реальное положение дел, чувственный образ, предложение. При такой трактовке факт всегда принадлежит некоторой одной

плоскости — языковой, перцептивной или физической». Однако *факты неоднородны*, в том многообразии эмпирического опыта, который ученые вообще и психологи, в частности, привыкли именовать фактами, можно выделить существенно различающиеся между собой составляющие. А их разнообразие можно упорядочить, выстроив факты, устанавливые психологической наукой, в рамках системы как минимум пяти шкал, выражающих степень: 1) «жесткости» фактов, 2) их воспроизводимости, 3) контекстуальной зависимости, 4) теоретической нагруженности, 5) «социализации».

Согласно наиболее радикальным постмодернистским представлениям о науке, в ней вообще нет «жестких» фактов, т. е. того, что «всегда и при любых обстоятельствах именно так, а не иначе». Вместе с тем, даже в «мягких» науках (в науковедении традиционно противопоставляемых «жестким» — естественным и техническим — наукам), таких как психология, есть немало фактов, которые с полным основанием можно отнести к категории «жестких». Например, то, что материальным субстратом психики является головной мозг, что его лобные доли отвечают за регуляцию сознательного поведения, а подкорковые структуры — неосознаваемого, что любое сознательное поведение должно быть как-то мотивировано и т. д.

Эти факты могут показаться тривиальными. Но, во-первых, они казались таковыми далеко не всегда, а их «тривиализация» (термин В.М. Аллахвердова) происходила через множество сложных внутри- и вненаучных коллизий, потребовал немало времени. Во-вторых, тривиальность фактов практически эквивалента их «жесткости», устойчивости, прочному внедрению в массовое сознание и укоренению в нем (все это и создает ощущение тривиальности).

В принципе даже приведенные выше факты можно подвернуть сомнению, осуществив их «детривиализацию». Например, можно предположить, что материальным субстратом психики служит не головной мозг, а некие биополя, окружающие человека. Но подобная «детривиализация» сродни «абсурдизации», и даже если когда-нибудь будет доказана укорененность психики в

биополях — сделаем такое предположение, — все же трудно не признать, что приведенные факты, по крайней мере на данный момент развития науки, выглядят «жесткими» фактами или «фактами, которые говорят сами за себя».

Примеры «мягких» психологических фактов, видимо, нет нужды приводить, ибо именно такова большая часть фактов, устанавливаемых психологической наукой. И все же рассмотрим такой «мягкий» факт, как, например, связь умственных способностей человека с его возрастом. Этот факт тоже в значительной мере «тривиализирован», и едва ли кто-то сомневается в том, что такая связь существует. Но у одних людей сначала возрастание уровня интеллекта, а затем его снижение с возрастом происходят более высокими темпами, у других — более медленными, возрастные пики в развитии интеллекта в значительной мере индивидуализированы и т. д. То есть речь идет о «мягком» факте, существенно отличающемся от таких «жестких» фактов, как, например, падение на землю всех тел, обладающих массой.

То обстоятельство, что большая часть фактов, устанавливаемых психологической наукой, носит «мягкий» характер, она традиционно воспринимает как один из своих главных методологических недостатков, обусловливающих аморфность психологического знания и отличающих ее от естественных наук. Вместе с тем в психологии имеются и «жесткие» факты, а степень «мягкости» «нежестких» фактов в значительной мере варьирует, что дает возможность выстроить их вдоль соответствующего континуума. Некий же «абсолютно мягкий факт», т. е. нечто, что может проявляться, а может и не проявляться, причем примерно с равной вероятностью, вообще трудно себе представить, поскольку такому «факту», скорее всего, будет отказано в статусе факта, и, соответственно, любой психологический факт обладает определенной степенью «жесткости».

Вопрос о воспроизводимости фактов тоже является одним из наиболее болезненных для психологической науки, ибо считается, что если факт не воспроизводим в полной мере, то это вовсе не факт (соответственно, воспроизводимость объявляется одним из главных кон-

ституирующих признаков факта), а полной воспроизводимости фактов в психологии удается достичь исключительно редко. Тем не менее психологическая наука настойчиво пытается идти именно данным путем, устанавливая фактуальность явлений путем демонстрации их воспроизводимости. И это вполне естественно, поскольку, как подчеркивают философы, «научный факт не является результатом единичного наблюдения, а представляет собой определенную единицу знания, в которой удерживается некоторый инвариант однотипных событий и явлений, зафиксированных в ряде наблюдений», в результате чего «поиск инвариантов как условия формирования эмпирического факта свойственен не только естественно-научному, но и социально-историческому познанию». В том числе и познанию психологическому, для которого научный факт — это не просто эмпирический опыт, а «суггестия» устойчивого, повторяющегося опыта. Но что представляет собой повторяемость эмпирического опыта в психологии?

Возьмем типовой продукт психологического исследования — корреляции между переменными, скажем, тот рассмотренный выше факт, что возраст человека коррелирует с его умственными способностями. В любой достаточно репрезентативной выборке эта корреляция обнаружится, но едва ли найдутся хотя бы две выборки, в которых коэффициенты корреляции будут абсолютно идентичными. И так обстоит дело с любыми корреляциями, выявляемыми в психологических исследованиях: даже в тех случаях, когда корреляция обнаруживается всегда, а стало быть, имеет место *факт* наличия соответствующей связи, коэффициенты корреляции изменяются от случая к случаю. Если термин «воспроизводимость» использовать в его строгом и характерном для естественных наук смысле, то в подобных, типовых для психологических исследований, случаях она отсутствует, и аналогом из области естественных наук могла бы служить ситуация, когда все тяжелые тела падали бы на землю, но всегда с разной скоростью. Д.Т. Кемпбелл, например, пишет: «Если мы взглянем на успешные науки, то обнаружим, что установленные в них истины основаны на сотнях, а то и тысячах подтверждений. Каж-

дый важный эксперимент порождает измерительные инструменты, которые используются на следующих стадиях развития науки, и в результате наиболее важные данные воспроизводятся снова и снова в каждой из лабораторий. В социальных же науках распространено представление о том, что один единственный эксперимент решает проблему».

Тем не менее сам *факт* — наличия соответствующей связи, а не степени ее выраженности, всегда проявляется. И это позволяет утверждать, что психологические факты воспроизводимы в разной мере, большинству из них свойственна не полная, а частичная воспроизводимость, а наличие полной воспроизводимости не может служить критерием наличия самого факта. То есть критерием фактуальности — наличия факта — служит его *частичная* воспроизводимость: не конкретная величина той или иной корреляции, а ее существование и, естественно, направленность. Если же обнаружится, что в какой-либо ситуации она отсутствует, может быть поставлен вопрос об отсутствии соответствующего факта, о его опровержении, объявлении артефактом и т. д., или будут предприняты широко известные в методологии науки попытки его «спасения» — путем апеллирования к привходящим обстоятельствам, помешавшим ему проявиться.

В данном случае тоже можно выстроить континуум — воспроизводимости фактов. На одном его полюсе окажутся полностью воспроизводимые факты, проявляющиеся всегда и в любых условиях, — например, то, что психика является функцией головного мозга (нет мозга — нет и психики), на другом — вообще невоспроизводимые, единичные факты, например, выявляемые анализом конкретных случаев (case studies), а также сугубо индивидуализированные ситуации, характерные для гуманистической психологии.

Фактуальность последних может быть поставлена под сомнение, особенно если считать воспроизводимость одним из главных индикаторов факта, что характерно для представителей естественно-научной парадигмы в психологии. Но подобный ригоризм в понимании фактов оставил бы не у дел не только метод изучения

конкретных случаев, получающий в психологии все более широкое распространение, а также психоанализ, гуманистическую психологию и др., но и целые науки. Например, в такой научной дисциплине, как история, воспроизводимые факты вообще отсутствуют, в результате чего факт определяется здесь как «обобщающее знание, выступающее в форме *единичного* описания». Тем не менее скажем, Вторая мировая война — это факт, хотя и, слава Богу, невоспроизводимый.

Применительно к психологии в принципе возможно «обрезать» очерченный континуум, оставив на его втором полюсе лишь факты, обладающие хотя бы частичной воспроизводимостью, и сославшись на распространенный тезис о том, что наука изучает только *повторяющиеся* явления, и, стало быть, неповторяющиеся события могут быть признаны фактами, но не *фактами науки*, поскольку не могут служить предметом научного изучения. Но это так же нелепо, как отрицать, скажем, факт Второй мировой войны или ее способность служить объектом научного изучения на том основании, что она не повторялась.

Большинство же фиксируемых в психологии фактов окажется между полюсами обозначенного континуума, а их доказательство, как правило, сводится к демонстрации их *частичной* воспроизводимости, причем споры о фактуальности того или иного явления обычно ведутся по поводу *степени* его воспроизводимости (всегда ли оно наблюдается, насколько велики коэффициенты корреляции). Полностью же воспроизводимые факты — большая редкость в психологии, поскольку эмпирически фиксируемые ею факты, как правило, находятся в поле действия большого количества обстоятельств, как правило, не вычленимы в «чистом виде» и поэтому в любом последующем исследовании проявляются несколько иначе, нежели в любом предыдущем. Подобные факты выглядят как абстракции, т. е. не как сам эмпирический опыт, а как остающееся в результате очищения этого опыта от всевозможных привходящих обстоятельств его получения.

В силу сказанного выше типовой психологический факт *контекстуально обусловлен*, т. е. зависим от обсто-

ятельств его проявления, что позволяет ввести еще одно измерение психологических фактов — *степень их зависимости от контекста*.

Скажем, то, что фрустрация порождает агрессию, считается фактом, установленным психологической наукой. Но фрустрация порождает агрессию далеко не при любых обстоятельствах и не у всех индивидов, — возможны и другие реакции. Подавляющее большинство психологических фактов именно таково. А некоторые из них проявляются только при определенном — «счастливом» — стечении обстоятельств. Но можно привести примеры и контекстуально независимых фактов, например ту же локализацию психического в головном мозге.

В принципе понятие «статистический факт», очень характерное для психологии и других наук о человеке и обществе, выражает именно контекстуальную обусловленность устанавливаемых ими фактов. Смысл этого понятия состоит в том, что *в общем и целом* факт проявляется — при достаточно большом количестве наблюдений, позволяющем нейтрализовать воздействие внешних обстоятельств, «затушевывающих» факт. А одно из главных назначений статистического анализа — вычленение факта из всего, что сопутствует и препятствует его проявлению.

Вопрос о том, что считать фактом психологической науки, по-разному решается в естественно-научной и гуманитарных традициях. Если первая признает в качестве таковых только повторяющиеся, а значит, воспроизводимые явления, то вторая — и единичные случаи, заведомо обреченные на уникальность. Смысл такой демаркации состоит не столько в расхождениях по поводу критериев фактуальности, сколько в отношении к заведомо уникальным явлениям в качестве объекта научного познания. Оно, по определению, нацелено на выявление общих закономерностей, что свойственно и гуманитарной, и естественно-научной традициям. Однако в рамках первой считается, что общие закономерности не могут быть выведены из единичных явлений, вторая же придерживается противоположной позиции. Позиция естественно-научной парадигмы, вроде бы, больше соответствует традиционным критериям науч-

ности. Но возможен и контраргумент, позаимствованный именно из опыта естественных наук: ведь можно же, например, судить о том, как устроена кровеносная система у кроликов, на основании вскрытия лишь одного кролика. Да и вообще объекты, изучаемые естественными науками, часто тоже носят единичный и уникальный характер, что не мешает этим наукам выявлять общие закономерности, а к примеру, взятие пробы грунта на Марсе имеет научный смысл вне зависимости от того, каков он на других планетах. К тому же, как подчеркивают философы, увеличение количества опытов само по себе не делает эмпирическую зависимость фактом, потому что индукция всегда имеет дело с неполным, незаконченным опытом.

Хорошо известную в философии науки зависимость фактов, в данном случае психологических, от теорий тоже можно представить в виде континуума. На одном его полюсе будут помещены факты, которые, вопреки тезису постмодернизма о зависимости *любых* фактов от теорий, от них *абсолютно* независимы. Примером могут служить нейрогуморальные механизмы психических процессов, признаваемые и когнитивистами, и бихевиористами, и психоаналитиками, и представителями всех прочих психологических школ и направлений (экзотику вроде «прописки» психики в биополях вынесем за скобки). Другой полюс составят факты, обладающие *полной* зависимостью от соответствующих теорий и за пределами этих теорий не считающиеся фактами. Наиболее яркий пример — основополагающие «факты» психоанализа. Не престанут ли Ид, Эго и Супер-Эго, сублимация, суггестия, компенсация и т. п. как лишенные фактуального и вообще онтологического смысла метафоры, если не разделять характерных для психоанализа базовых представлений о психике?

Широкая распространенность в психологии подобных фактов, не признаваемых таковыми вне соответствующих концептуальных рамок, создает впечатление, будто в ней вообще нет «чистых», концептуально не нагруженных фактов, что далеко от истины. Большая же часть психологических фактов в данном случае находится между полюсами континуума, характеризуясь *уме-*

ренной зависимостью от теорий. Так, скажем, корреляции вычисляются психологами между переменными, выведенными из общих понятий психологических теорий, и, как правило, интерпретируются и осмысливаются на их же основе — очень характерная для психологии ситуация, названная К. Данцигером «методологическим кругом». Но можно ли на этом основании говорить о *полной* зависимости выявляемых психологами фактов от соответствующих теорий? Скорее всего, нет, поскольку некоторый внетеоретический (или надтеоретический) смысл в этих фактах все же имеется, а, скажем, корреляции имеют фактуальное значение вне зависимости от того, на основе какой именно теории они интерпретируются.

«Методологический круг» в подобных ситуациях, безусловно, существует, но многое все же просачивается за его пределы. В этой связи известный психолог Д.Т. Кемпбелл пишет: «Я не отрицаю приводимых Хэнсоном, Куном и Фейерабендом примеров того, что некоторые „факты" низшего уровня существенно изменяют свой смысл в результате научных революций. Но я отрицаю, что все факты или, по крайней мере, большинство фактов изменяет свой смысл. Я отрицаю, что теоретическая нагруженность фактов делает их полностью зависимыми от какой-либо конкретной теории до или после научной революции».

То есть факты зависимы от теорий, но не полностью, имея свой собственный смысл, не ограниченный какими-либо концептуальными рамками. В результате заслуживает внимания предложение философа А.Л. Никифорова: «нужно ослабить идеи, лежащие в основе фактуализма и теоретизма, и объединить их в следующем тезисе: научные факты до некоторой степени *автономны по отношению к теории и до некоторой степени зависят от нее*». Именно такое отношение к теоретической нагруженности фактов представляется наиболее адекватным в современной — постнеклассической — науке.

Важным, хотя и систематически недооцениваемым, критерием фактуальности является степень «*социализации*» фактов, т. е. их признания, известности и укоре-

ненности в сознании научного сообщества. За данным критерием стоит весьма тривиальное обстоятельство: для того чтобы приобрести статус факта, некоторое явление должно быть достаточно известно если не основной, то по крайней мере значительной части научного сообщества, и признано им. История науки, в том числе и естественной, знает немало примеров того, как выявленные факты признавались научным сообществом с большим запозданием из-за того, что их открыватели не проявляли достаточной активности в распространении произведенного ими знания. Скажем, факты, выявленные Ч. Дарвином, и основанная на них теория естественного отбора немало лет были недоступны научному сообществу вследствие того, что этот ученый, в силу своего личностного склада, совершенно не стремился утвердить свой приоритет и вообще ознакомить коллег с результатами своей работы. А Г. Кавендиш, совершив ряд важных открытий в области изучения электричества, описал их в статье, которую, будучи забывчивым человеком... забыл отправить в печать.

В принципе наука располагает механизмом принуждения к прямо противоположному поведению. Знаменитое кредо Р. Мертона «Публикуйся или гибни», сформулированная им же норма «коммунизма» (добыв новое знание, тут же делись им с коллегами) и т. п. подталкивают ученых к тому, чтобы как можно скорее делать произведенное ими знание достоянием научного сообщества. К тому же большинство из них (такие люди, как Ч. Дарвин, служат редким исключением) — достаточно амбициозные и нацеленные на утверждение своего приоритета люди, которые и сами к этому стремятся. Но их возможности в данном плане сильно различаются: скорость распространения и социализации произведенного учеными знания во многом зависимы от их статуса, авторитета в научной среде, доступа к наиболее читаемым научным журналам и других подобных обстоятельств. А история науки знает много примеров длительного непризнания открытых учеными фактов ввиду таких причин, как, например, недостаточный авторитет первооткрывателей или способ их поведения в научной среде. Скажем, химику Куперу не поверили из-за его

вызывающего тона, а его коллеге Ван-Гоффу — из-за того, что он... был слишком молод.

Возможен и обратный случай — мнимые факты или псевдофакты, которые, напротив, успешно проходят процедуру социализации, при этом не будучи фактами. Например, т. н. N-лучи, которые «наблюдались» значительным количеством исследователей несмотря на то, что никогда не существовали. Близкие по смыслу, хотя и более спорные примеры из области психологии — экстрасенсорное восприятие или биополя, воспринимаемые массовом сознанием как доказанные наукой факты невзирая на то, что достоверные научные доказательства их существования отсутствуют.

Методологи науки часто подчеркивают, что «факт — это наиболее важное социально значимое событие», вкладывая в подобные определения *оценочное* отношение к фактам как не просто к достоверным, но и к *социально значимым* элементам опыта. В принципе эта социальная значимость может иметь разную природу: нечто, фиксируемое как факт, может быть значимым как для общества, так и для самой науки, причем возможно расхождение между двумя видами значимости. Значимое для общества может быть мало значительным для науки, и наоборот, но важно то, что элементу опыта, не обладающего ни той ни другой значимостью, трудно обрести статус факта. Для утверждения в качестве факта некое явление должны быть признано достаточно значимым, а это тоже предполагает процедуру его «социализации».

Необходимость «социализации» выявленных фактов имплантирована в стандартную структуру диссертационных работ. Такие обязательные рубрики диссертаций, как актуальность, теоретическая и практическая значимость, призваны подчеркнуть значение выявленных их авторами фактов, без демонстрации которого эти факты лишаются смысла.

Социальная природа фактов гипертрофированна, но не безосновательно, социальным конструктивизмом, согласно которому факты вообще не существуют в природе и обществе, а *конструируются* в процессе научного исследования. В частности, в т. н. микросоциологии науки, представленной работами К. Кнорр-Цетины,

А. Блюма и др., факты «конструируются в стенах лабораторий» и являются не когнитивным, а социальным конструктом научного познания. Как и всякая крайность, эта позиция выглядит гипертрофированной, но в ее основе лежит отнюдь не гипертрофированная *двойственная природа* научных фактов. Как подчеркивают философы, с одной стороны, о фактах говорят как о явлениях действительности, с другой — под фактом понимается не реальная действительность, а высказывания о ней, т. е. определенная логическая форма, в которой описывается реальное явление. Отсюда — «расчленение» фактов на «факт 1» (существующий в изучаемой реальности) и «факт 2» (соответствующий ему в определенной системе познания) и тому подобные конструкции, выражающие двойственную природу фактов. Таким образом, ни в коей мере не отрицая объективную природу фактов, следует признать, что процесс их установления, закрепление в системе научного знания и распространение в научном сообществе находятся в большой зависимости от социальных процессов, образующих сложную и многокомпонентную систему их социализации.

Д.Т. Кемпбелл подчеркивает, что факты, устанавливаемые социогуманитарными науками, нуждаются в социализации в большей степени, чем факты естественных наук. Он пишет: «Социальная наука нуждается во взаимной критике, повторном анализе выявленных феноменов, кроссвалидизации больше, нежели физическая. Причины состоят в том, что представители социальной науки обладают более ограниченными возможностями экспериментальной изоляции изучаемых явлений; в том, что получаемые ими данные генерируются людьми, имеющими сильную заинтересованность в определенном результате; в том, что они работают в областях, где заинтересованность в определенном результате настолько сильна, что объективное описание фактов становится мало существенным мотивом». Насчет последнего, конечно, можно поспорить. Но едва ли подлежит сомнению сама идея о том, что в условиях, когда исследователи располагают менее эффективным инструментарием установления объективной истины,

на социальные средства ее установления и, соответственно, на социализацию фактов ложится большая нагрузка.

Типология психологических фактов, выстроенная в системе рассмотренных измерений, может быть представлена в виде таблицы.

Типология психологических фактов

Измерения фактуального поля (континуумы)	Полярные виды фактов (полюса континуумов)
«Жесткость»	«Жесткие» факты — «мягкие» факты
Вопроизводимость	Факты, воспроизводящиеся при любых условиях, — единичные факты
Контекстуальная зависимость	Контекстуально независимые факты — факты, полностью зависимые от контекста
Теоретическая нагруженность	Факты, независимые от теорий, — факты, полностью зависимые от теорий
«Социализация»	Широко известные факты — малоизвестные факты

Принципиальная неоднородность психологических фактов выражает сложность фактуального поля психологической науки. Она не означает пустоты этого поля (т. е. того, что в психологии «нет фактов»), но диктует необходимость более сложного, нежели традиционное, и дифференцированного отношения к ним. При этом *ни одно из рассмотренных измерений данного поля не может служить критерием дифференциации фактов и не-фактов (артефактов и т. п.) психологической науки.* Факт может быть «мягким», невоспроизводимым, контекстуально зависимым, теоретически нагруженным и т. д., что не делает его ни артефактом, ни явлением, не заслуживающим научного изучения. Вместе с тем психологией накоплено немалое количество фактов, обладающих прямо противоположными характеристиками: «жестких», воспроизводимых, независимых от контекста их установления от теорий. Попытки же искусственного форсирования «жесткости» фактов, сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, основаны на неоправданной унификации ее фак-

туального поля и выдвижении непомерно высоких критериев фактуальности, имея неизбежными последствиями деформацию этого поля, его сужение, а в предельных случаях — и полное атрофирование. Психологическая наука заслужила — уже хотя бы долгими годами своего развития и вложенными в нее усилиями исследователей — и более дифференцированного, и (в случае отрицая существования фактов вообще) более бережного отношения к накопленным ею фактам.

Структура психологических теорий

Вычленение стандартной структуры психологических, как и всех прочих социогуманитарных теорий, осложняется типовой формой их изложения. Если естественно-научные теории излагаются четко и компактно и выражаются, например, посредством математических формул, то социогуманитарные — в виде многотомных произведений, в которых собственно теорию нелегко вычленить из сопутствующих ей суждений и размышлений. Однако даже в таком нормативно аморфном контексте стандартная структура психологических теорий прорисовывается вполне различимо. Ее наиболее отчетливо проступающие элементы — *центр* и *периферия*, т. е. некоторые базовые идеи и утверждения, образующие ядро теории, и вспомогательные по отношению к нему опыт и когнитивные конструкции.

Следует отметить, что наличие центра и периферии свойственно и естественно-научным теориям, вследствие чего подобное строение можно считать свойством научных теорий вообще, а все существующие в философской методологии науки представления об их структуре так или иначе отдают должное центр-периферийным отношениям. И. Лакатос, например, выделяет «жесткое ядро» и «защитный пояс», В.С. Степин — «фундаментальную теоретическую схему» и «вспомогательные теоретические схемы». Нечто подобное делают и другие исследователи, а в подобных дифференциациях отчетливо проступает центр-периферийная иерархия. Такие представления о структуре научных теорий, выработанные на материале естественно-научных, пре-

имущественно физических, теорий, в какой-то мере распространимы и на социогуманитарные науки. Но если иерархическое построение в виде центра и подчиненной ему периферии характерно как для естественно-научных, так и для социогуманитарных теорий, то наполнение и конкретный характер взаимоотношений между этими элементами достаточно специфичны для разных видов наук.

К центральным компонентам психологических теорий можно отнести: а) *общий образ психологической реальности,* б) *центральную категорию,* в) *соответствующий феномен,* г) *набор основных понятий,* д) *систему отношений между ними,* которую, пользуясь терминологией В.С. Степина, можно назвать *«сеткой отношений»*, е) *базовые утверждения.*

Общий образ психической реальности обычно задается сквозь призму центральной категории теории (психика — это деятельность, психика — это отношение, психика — это трансформация образов, психика — это поведение, психика — это бессознательное и т. п.), которая «снята» с соответствующего феномена. Эта сквозная связь очень рельефно представлена, например, в теории деятельности, где она приобретает почти тавтологический характер: центральный феномен данной теории — особым образом понятая деятельность, центральная категория — естественно, тоже деятельность, и она же задает образ психики — как деятельности. Но и в тех случаях, когда, скажем, центральная категория теории и ее центральный феномен не совпадают друг с другом, три выделенных компонента тесно взаимосвязаны. Как показывает М.Г. Ярошевский, ключевая категория когнитивизма — образ, бихевиоризма — действие, психоанализа — мотив, в то время как их центральными феноменами можно считать, соответственно, мышление, поведение и бессознательное. Однако ключевая категория задает видение центрального феномена (например, мышления — как трансформации образа) и общую трактовку психологической реальности. Это влияние реализуется и в обратном направлении — от общего представления о психике к вычленению центральной категории, да и вообще в данном случае нельзя обозначить какие-

либо однонаправленные векторы воздействия. В то же время иногда последовательность формирования трех описанных компонентов теории прослеживается достаточно четко, как, например, в случае теории каузальной атрибуции, в процессе построения которой сначала был вычленен соответствующий феномен — причинная интерпретация поведения, затем ему было дано обозначение — каузальная атрибуция, а впоследствии вся социально-психологическая реальность была представлена в виде вариантов атрибуции.

Отношения между образом реальности, центральной категорией и центральным феноменом органичны, но не безоблачны, и подчас их параллельная эволюция может порождать внутренне противоречивые конструкции. Вообще достаточно типовой траекторией развития психологических теорий является поэтапное: а) осознание важности некоторого психологического феномена, б) формирование соответствующей категории, в) оформление видения всей психологической реальности сквозь призму этой категории — своего рода «натягивание» данной категории на всю психологическую реальность, г) утрата категорией в процессе ее «растягивания» первоначально строгой предметной отнесенности, размывание связи с соответствующим феноменом.

Наборы основных понятий различных психологических теорий — их категориальные тезаурусы — в значительной мере пересекаются, что естественно, поскольку эти теории, при всех их различиях и форсированной дистанцированности друг от друга, все же принадлежат к одной дисциплине и оперируют схожими терминами. Так, основные понятия теории деятельности — действие, операция, личность, сознание, мотив, потребность и т. д. — присутствуют и в категориальном аппарате других теорий: действие и потребность занимают видное место в понятийном аппарате бихевиоризма, операция — когнитивизма, сознание и мотив — психоанализа, личность — теорий гуманистической психологии. Очевидны и значительные пересечения понятийных аппаратов этих теорий, в особенности наиболее близких, относящихся к одной парадигме. Однако следует подчеркнуть, что, хотя понятийные аппараты различных

психологических концепций всегда пересекаются, они никогда полностью не совпадают друг с другом, и именно поэтому набор основных понятий можно считать специфическим признаком каждой конкретной теории.

Основные понятия теории всегда подчинены ее центральной категории, и эта подчиненность выражена достаточно отчетливо, имея разнообразные проявления — от частоты употребления соответствующих терминов до определения ключевых категорий на основе центральной. Гораздо труднее прочертить границу тезауруса основных понятий на его другом — «нижнем» — полюсе, вычленив их из множества всех прочих терминов, которыми оперируют сторонники теории. Критериями для решения этой непростой задачи могут служить, во-первых, опять же частота употребления соответствующих терминов (о которой можно судить как интуитивно, так и на основе строгих процедур контент-анализа), во-вторых, включенность понятий в базовые утверждения теории. К перечисленным критериям можно добавить и то, что основные понятия теорий, в отличие от большинства других терминов, авторы этих теорий обычно определяют. Таким образом, наличие определений тоже способно служить индикатором основных понятий. Вместе с тем следует признать, что, если центральная категория теории всегда заметно возвышается над ее основными понятиями и, как правило, выносится в название теории (теория деятельности, теория установки, теория каузальной атрибуции и др.), то эти понятия не имеют четкой границы с другими терминами данной науки, а иногда и смежных наук, в результате чего построить полный категориальный тезаурус той или иной концепции, как правило, не удается.

Зато всегда можно выделить «верхнюю» часть их понятийного тезауруса, непосредственно примыкающего к центральной категории. Вообще основные понятия теории в большинстве случаев не только подчинены ее центральной категории, но сами организованы в иерархическую структуру, которая, правда, в большинстве случаев выглядит очень нестрогой. Наиболее часто эта структура выстраивается путем вычленения некоторой наиболее важной части равноправных понятий и

подчинения им всех остальных. Иногда, но реже, понятия, входящие в эту наиболее важную часть, ставятся в иерархические отношения, например, путем их определения друг через друга, таких как «мотив — это предмет потребности» (что делает категорию мотива вторичной по отношению к категориям предмета и потребности).

Подобные иерархические связи сливаются в «сетку отношений» между основными понятиями. Следует отметить, что далеко не всегда отношения между понятиями фиксируются в четких или вообще каких-либо определениях. Часто они вообще не эксплицируются, однако имплицитно присутствуют и могут быть выявлены с помощью специальной методологической рефлексии.

Базовые утверждения теорий в социогуманитарных науках вычленимы тоже не без труда, в чем состоит одно из их главных отличий от естественно-научных теорий. Впрочем, в данном плане социогуманитарные теории можно разделить на два типа, к одному из которых принадлежат теории традиционного — аморфного — типа, которые очень трудно свести к ограниченному набору строгих утверждений, в результате чего они часто понимаются по-разному даже их адептами, ко второму — более современные концепции, авторы которых стремятся формулировать их в виде ограниченного набора четких постулатов. Пример теорий первого типа — теория деятельности, примеры концепций второго типа — сформулированные в американской психологии с американской конкретностью теория каузальной атрибуции и теория справедливости. Причем в основе последней лежит понятие справедливого обмена, выраженное математической формулой:

$$\frac{I1}{O1} = \frac{I2}{O2},$$

где O1 и O2 — результаты, достигаемые участникам взаимодействия, I1 и I2 — их вклады (и, соответственно, в качестве справедливого трактуется взаимодействие, результаты участников которого пропорциональны их вкладам).

Но все же значительно чаще психологические, как и все прочие социогуманитарные теории, формулиру-

ются в аморфном виде, в результате чего их базовые утверждения трактуются неоднозначно. В тех же случаях, когда данные утверждения сформулированы четко и однозначно, они обычно звучат как весьма тривиальные констатации, подобно одному из базовых постулатов теории справедливости: люди всегда стремятся к максимизации своих выигрышей. Кажущаяся тривиальность подобных утверждений навлекает на них критику за то, что они лишь обобщают обыденный опыт, а не выражают научное знание, что подрывает репутацию соответствующих теорий в качестве собственно научных. На самом же деле базовые утверждения социогуманитарных теорий выполняют очень важную и вполне научную роль, точнее, набор ролей: они развивают и систематизируют образ психической реальности, заданный центральной категорией, генерализуют содержащийся в ней объяснительный импульс и т. д.

Периферическую область психологических теорий можно разделить на два компонента: а) *собственно теоретический,* б) *эмпирический.* Теоретическая «периферия» включает *вспомогательные утверждения теории* и *систему их аргументации,* эмпирическая — *подкрепляющий теорию эмпирический или обыденный опыт.*

Вспомогательные утверждения теорий в социогуманитарных науках соотносимы с тем, что В.С. Степин, говоря о точных науках, называет «частными теоретическими схемами», отмечая, что он конкретизируют фундаментальную теоретическую схему применительно к ситуациям различных задач и обеспечивают переход от анализа общих характеристик исследуемой реальности и ее фундаментальных законов к рассмотрению отдельных конкретных типов взаимодействия, в которых в специфической форме проявляются указанные законы. Однако специфика социогуманитарных дисциплин побуждает к существенной корректировке данного понятия, о необходимости которой пишет тот же автор. Вспомогательные утверждения теорий в гуманитарных науках отличаются от частных теоретических схем точных наук прежде всего своей аморфностью и недостаточной упорядоченностью, которые, во-первых, не позволяют говорить об этом малоупорядоченном множестве

общих утверждений как о четких *схемах* (а стало быть, диктуют необходимость модификации соответствующего понятия), во-вторых, делают их вычленение еще более сложным, чем вычленение базовых утверждений. Кроме того, в социогуманитарных дисциплинах вспомогательные утверждения теорий связаны с их базовыми утверждениями отношениями не столько логической, сколько «терминологической дедуктивности», объединены в основном терминами, а не содержанием. В типовом случае они охватывают всю совокупность утверждений общетеоретического характера, которые авторы теории формулируют в процессе ее построения. В то же время некоторые из таких утверждений могут постепенно, путем накопления их повторений, отливаться в достаточно стабильную и монолитную часть теории. Например, одно из излюбленных утверждений советских социальных психологов о том, что все социально-психологические процессы существуют и эволюционируют только в контексте совместной деятельности, можно считать принадлежащим к числу базовых утверждений теории деятельности, но при этом выросшим из вспомогательного утверждения.

Эмпирический компонент периферии социогуманитарных теорий в общем сопоставим с тем эмпирическим опытом, на который опираются естественно-научные теории, и который прочно ассоциируется с ними, как, например, эксперимент Майкельсона — Морли с теорией относительности. Однако эмпирическая периферия социогуманитарных концепций куда более широка, отношения с ней их ядерной — центральной — части более сложны и разноплановы. А все разнообразие психологической эмпирии с позиций каждой конкретной теории делится на две части: на а) *«свою»* и б) *«чужую» эмпирию.*

Каждая из этих частей эмпирической периферии, в свою очередь, тоже делится надвое. «Своя» эмпирия — во-первых, на тот эмпирический опыт, на который опираются базовые и вспомогательные утверждения теории и которыми подкреплены, т. е. ее своего рода *«опорную» эмпирию*, во-вторых, на результаты эмпирических исследований, выполненных на основе данной теории, и

выявленные в этих исследованиях феномены — *эмпирию «надстроечную».* Вторая часть «своей» эмпирии по объему существенно превосходит первую, поскольку практически каждая психологическая теория порождает целое направление эмпирических исследований, которое подчас разрастается настолько, что теория «не поспевает» за ним, т. е. оказывается неспособной обобщить полученные данные. Ярким примером может служить теория каузальной атрибуции, которая к концу 70-х годов XIX в., когда каузальная атрибуция, наряду с группами и аттитюдами, превратилась в одну из трех наиболее интенсивно разрабатываемых областей социально-психологической проблематики, оказалась неспособной обобщить и осмыслить то множество новых фактов, которые были обнаружены в ее же русле.

«Надстроечная» часть «своей» эмпирии, конечно, может использоваться (и используется) для выполнения той функции, которую выполняет ее «опорная» часть — подтверждения теории, для чего, естественно, имеются все предпосылки, поскольку результаты эмпирических исследований, направленных на подтверждение теории, обычно интерпретируются на ее же основе, — хорошо известная и в естественных науках ситуация теоретико-эмпирического «круга». Но все же основная функция этих исследований другая — экспансия теории, ее распространение на все более широкую область эмпирических феноменов, что в социогуманитарном сообществе эквивалентно укреплению позиций теории и рассматривается как аналог ее развития. А как только экспансия теории заканчивается, начинается ее стагнация, выражающаяся в значительном уменьшении количества сторонников, выполненных на ее основе эмпирических исследований и т. д.

К «чужой» для теории эмпирии относятся феномены и результаты эмпирических исследований, выявленные и полученные на основе других концепций. Она может быть разделена на, во-первых, *релевантную,* во-вторых, *иррелевантную эмпирию.*

Релевантная эмпирия — это результаты эмпирических исследований, полученные в рамках других концепций, но «задевающие» данную теорию, находящиеся

в области ее «жизненных интересов». Наиболее радикальный, хотя и редкий в реальности случай ее формирования — это получение в русле других концепций данных, которые могут поколебать позиции данной теории, противореча ее базовым утверждениям. Ни активно развивающаяся теория, находящаяся в стадии своего рода теоретической «пассионарности», ни теория стагнирующая и поэтому вынужденная постоянно защищаться от «пассионирующих», не может этот опыт проигнорировать, особенно если ее соперница заостряет его. Его надо либо «отбить», либо ассимилировать, переинтерпретировав выгодным для себя образом. Типовые приемы для этого — в общем те же, что и в естественных науках, хотя и с большим удельным весом чисто социальных и идеологических инструментов.

Но все же чаще эмпирически установленные факты попадают в сферу релевантной для теории эмпирии не потому, что опасны, а потому, что *интересны* для нее, представляя собой эмпирический материал, который потенциально может быть использован для ее экспансии и укрепления ее позиций. «Чужая» эмпирия активно ассимилируется теорией и в тех случаях, когда ей не хватает «своей», собственной эмпирии, например, в условиях, когда национальная наука по тем ли иным причинам развивается преимущественно в теоретическом, а не в эмпирическом русле. Скажем, советские психологические теории на первом этапе своего развития, когда собственной эмпирии им явно не хватало, активно использовали факты и феномены, выявленные зарубежными психологами — в рамках концепций бихевиоризма, когнитивизма, психоанализа и др. То есть, как правило, теория переинтерпретирует и ассимилирует «чужую» эмпирию не в защитных целях, а ради удовлетворения постоянной потребности в эмпирической подпитке.

Случаются и ситуации, когда теория не просто подпитывается «чужой» эмпирией, но и имеет ее первоначальным источником своего «питания», вырастая из ее переинтерпретации. Так, например, концепция Д. Бема, утверждающая, что люди выводят свои установки из наблюдения за своим поведением, возникла в результате переинтерпретации Д. Бемом — бихевиористом по про-

исхождению — результатов эмпирических исследований, выполненных в русле когнитивистской теории когнитивного диссонанса. Далее эта теория породила «свою», и очень обильную, эмпирию, но ассимиляция «чужой» эмпирии прочно запечатлелось в ее родословной.

Иррелевантная для теории «чужая» эмпирия — это эмпирические данные и феномены, выявленные в русле других концепций и не входящие в зону ее «жизненных интересов». Иррелевантность основной части «чужой» эмпирии служит оборотной стороной наличия у каждой теории «своей» эмпирии. Эта эмпирия порождена данной теорией, накоплена в результате исследования важных именно для нее проблем, описана в ее категориях, проинтерпретрована на ее основе и часто вообще не имеет смысла вне ее рамок. Соответственно, для других теорий она иррелевантна, т. е. не вписывается в их смысловое поле, неинтересна, незначима и вообще как бы не существует для них. Подобная ситуация встречается и в естественных науках — при сосуществовании несоизмеримых парадигм, но все же она характерна прежде всего для наук социогуманитарных.

Иногда, правда, игнорирование «чужой» феноменологии проистекает не из ее иррелевантности, а, напротив, из высокой релевантности и нежелательности, т. е. из *отрицательной релевантности*, как в случае Галилея, противники которого попросту отказывались смотреть в изобретенный им телескоп, или Б.Ф. Скиннера, который с гордостью признавался в том, что не читает журналы, публикующие неудобные для бихевиористов данные. Однако в социогуманитарных науках иррелевантность «чужой» эмпирии значительно чаще не имеет под собой скрытой отрицательной релевантности, а означает ее существование в совершенно ином смысловом поле — как разговор на незнакомом языке, который обычно воспринимается как бессмысленный шум.

Подобно тому, как в структуре любого формализованного знания имплицитно присутствует некое неформализуемое, неявное знание, причем их пропорция обычно оценивается в соотношении 1:10, любая научная теория, в особенности социогуманитарная, тоже всегда включает некоторый неявный компонент. Этот компо-

нент можно условно назвать скрытой областью теории, имея в виду, что она эксплицируется лишь путем специально организованной рефлексии, а в официальной жизни теории практически всегда остается за кадром.

Описанное М. Полани *«личностное знание»* нередко трактуется таким образом, будто оно играет важную роль в *процессе* построения научных теорий, но утрачивают ее, когда данный процесс заканчивается, оставаясь вне готовых форм научного знания, таких как теории. Если бы это было верно, то научные концепции во всех случаях представляли бы собой четко очерченные, полностью формализованные и абсолютно однозначно воспринимаемые когнитивные конструкции. Однако в действительности едва ли найдутся хотя бы два человека, которые абсолютно одинаково понимали бы, скажем, теорию деятельности, и именно в расхождении способов ее понимания (и развития) коренится основная причина противостояния двух школ — последователей А.Н. Леонтьева и последователей С.Л. Рубинштейна — в отечественной психологии. Любая теория включает в себя множество неявных смыслов и имплицитных утверждений, понимание которых всегда индивидуально и осуществляется на уровне личностного знания, что и порождает главную причину расхождения смысловых полей при восприятии теорий.

Таким образом, личностное знание не только играет важнейшую роль в *процессе* построения научных теорий, но и *составляет существенную часть самих теорий, а также образует неизбежных фон их восприятия*. Вместе с тем скрытая область научных теорий заполнена не только этим знанием. Физик Р. Герох, внесший большой вклад в развитие теории относительности, писал: «с моей точки зрения, теории состоят из неисчислимого количества идей, аргументов, предчувствий, неопределенных ощущений, ценностных суждений и т. д., объединенных в своеобразный лабиринт. Именно это скопление называется «теорией». В данной характеристике не только оттенена роль неформализуемых элементов теории, но и обозначено, что они не сводятся только к *знанию*, включая и компоненты, которые собственно знанием назвать нельзя.

Все ключевые методологические установки, заложившие основания науки Нового времени, — рационализм, прагматизм и др., как и любые *социальные установки*, имели не только когнитивный, но также эмоциональный и поведенческий компоненты. Например, рационализм проистекал из стремления подчинить стихию чувств господству разума, т. е. был не только системой идей, но и выражал определенные желания, представлял собой сгусток коллективных эмоций, а длительное господство рационализма и эмпиризма в западной культуре было бы невозможным без соответствующей эмоциональной основы и закрепления в поведенческих образцах. То же самое можно сказать и о любой методологии, например, о позитивизме, которая как система исследовательских установок тоже имеет не только когнитивную, но также эмоциональную и поведенческую составляющие, что делает отнюдь не абстрактными метафорами такие понятия, как, например, «методологические эмоции». А поскольку в любой теории запечатлена соответствующая методология, то ее не-когнитивные компоненты становятся и составными частями соответствующих концепций, в результате чего их неформальная часть формируется не только личностным знанием, но также эмоциями и образцами поведения, всегда имеющими личностную окраску.

В принципе это утверждение хотя и звучит несколько необычно, но выражает неэксплицированную очевидность и даже тривиальность для философской методологии науки, вытекающую из логики ее ключевых понятий. Так, любая психологическая теория задает определенную исследовательскую традицию, исследовательская же традиция, в трактовке этого понятия Л. Лауданом и его последователями, явно не сводится только к ее когнитивному содержанию. То же самое можно сказать о парадигмах и других «единицах» развития науки, теснейшим образом сопряженных с научными теориями. Все они являются органическим единством: а) знания — явного и неявного, б) эмоционально закрепленных мотивов и намерений, в) поведенческих образцов, т. е. основных компонентов социальной установки.

И все же, при достаточной универсальности подобной структуры научных теорий, их эмоциональная составляющая наиболее выражена в социогуманитарных науках. И дело даже не в тесной связи последних с идеологией, в результате которой в утверждениях теории подчас бывают запечатлены определенные идеологические стремления (пример марксизма общеизвестен), а в том, что *в состав любой социогуманитарной теории имплицитно входит некоторый эмоциально-личностный опыт ее автора*. Именно поэтому психологические теории в значительной мере выражают личностно-психологические особенности их авторов. Они предстают как генерализованные на других людей экспликации внутреннего мира их авторов и их собственных психологических проблем. В частности, многочисленные психобиографии З. Фрейда и его личные признания демонстрируют, что ключевые понятия психоанализа были проекцией личных психологических трудностей этого ученого, а соответствующие метафоры были почерпнуты им из той специфической культуры, в которой он сформировался. А вывод о том, что в состав психологических теорий входит не только личностное знание, но и личностные *переживания* автора, и именно из рефлексии над переживаниями эти теории зарождаются, звучит как вполне банальное обобщение опыта психологической науки.

Понятие о неявной области научных теорий нуждается в расширении и в другую сторону: эта область, помимо личностного знания, включает не только личностные переживания и образцы поведения, но и знание, переживания и образцы поведения *надличностные*. Если в философской методологии науки неявное знание в основном ассоциируется с личностным, то в социологии науки — в работах Д. Блура, Б. Барнса, Д. Маккензи и др. — акцент делается на том, что научное знание, в том числе и естественно-научное, «конструируется в стенах лабораторий», являясь выражением исследовательских традиций, идей и смыслов, специфических для каждой научной группы. Это позволяет говорить о специфическом *групповом знании*, так же принципиально неформализуемом, как и личностное знание, но к по-

следнему не сводимом. Групповое знание тоже входит в состав неформализуемой составляющей научной теории, а его удельный вес особенно велик в тех случаях, когда теория коллективно разрабатывается (что случается очень редко) или коллективно развивается (что бывает почти всегда). В результате формируются некие коллективные тезаурусы понимания теорий, ответственные, в частности, за то, что сторонники концепций всегда понимают их не так, как противники, или за то, что одна и та же теория понимается и развивается по-разному различными школами.

При этом также возникают соответствующие эмоции и формируются образцы поведения, которые, как исследовательские традиции, чаще носят не столько индивидуальный, сколько коллективный характер. Причем его имеют не только такие эмоции, как, скажем, эмоциональная привязанность к «своей» теории, готовность защищать ее при любых обстоятельствах, своеобразная идентификация с нею, не слишком ласковые чувства к ее противникам, в общем-то внешние по отношению к самой теории, но ощущения и чувства, составляющие ее *внутреннюю* ткань. Н. Агнью и С. Пайк приводят такую аналогию: «научное исследование напоминает любовную интригу... отвержение однажды принятой теории напоминает отвержение любимой девушки — оно требует большего, чем негативная информация о ней». А известный французский социолог П. Бурдье подчеркивает, что взаимоотношения между теориями могут проявляться и в таких формах, как драки в парламентах, политические убийства, уголовные преследования и даже ввод войск на территории, занимаемые сторонниками другой теории. Соответственно, шансы теории на победу над другими теориями тем выше, чем она ближе к статусу социального института — к форме, в которой ее «силовое поле» преобразуется в ее «социальное поле». Аналогичные мысли высказывает и отечественный социолог А.Г. Ослон, описывающий взаимоотношения между теориями, как «захват», «охват», «дезертирство» и т. п., характерных для описания военных действий.

Таким образом, в неявной области психологических теорий можно уловить а) *личностный* и б) *групповой*

компоненты, в свою очередь разделив каждый из них на *когнитивную, эмоциональную* и *поведенческую* части. Разумеется, и существование этой области, и ее ключевые компоненты не служат особенностью социогуманитарных наук. Многочисленные упоминания обо всем этом можно найти и в работах методологов науки, относящихся к естествознанию. Однако, во-первых, сама область неявного знания в социогуманитарных теориях существенно шире, во-вторых, удельный вес ее эмоционального компонента заметно больше, чем в естественнонаучных теориях. И именно данные обстоятельства делают теории, разрабатываемые в социогуманитарных дисциплинах, куда более аморфными, мало определенными и допускающими различные понимания.

Описанную структуру психологических теорий можно отобразить в виде таблицы.

Структура психологических теорий

Области теории	Центральная	Периферическая			Скрытая	
Компоненты	Образ реальности					Личностное знание
	Центральная категория	Теоретическая	Вспомогательные утверждения		Личностная	Личностные эмоции
	Центральный феномен	Периферия	Система аргументации			Личностные образцы поведения
	Базовые категории			Опорная эмпирия		Групповое знание
	«Сетка отношений»		«Своя» эмпирия	Надстроечная эмпирия		Коллективные эмоции
	Базовые утверждения	Эмпирическая периферия		Релевантная эмпирия	Групповая	Групповые образцы поведения
			«Чужая» эмпирия	Иррелевантная эмпирия		

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные структурные элементы психологического знания?
2. Каковы основные характеристики психологических фактов?

3. В чем состоят основные отличия психологических фактов от фактов, устанавливаемых естественными науками?
4. Какова типовая структура психологических теорий?
5. Почему психологические теории нельзя сводить к их формализованному компоненту?

Примерные темы рефератов

1. Состав и структура психологического знания.
2. Основные особенности психологического знания.
3. Характеристики и особенности психологических фактов.
4. Структурные компоненты и особенности психологических теорий.
5. Взаимозависимость фактов и теорий в психологии.

Литература

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.
Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
Зинченко В.П. Трубка Мамардашвили и посох Мандельштама. М., 1998.
Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. Учебное пособие для вузов. М.: Логос, 1995.
Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. М., 2004.
Юревич А.В. Психология и методология. М., 2005.

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Источники психологического знания

Главным источником знания научной психологии, естественно, служит *психологическое исследование*, по поводу «правильной» организации которого и в философской методологии науки, и в собственной методологии психологи сломано немало копий.

У. Веймер суммирует основные «мифы» о науке, лежащие в основе ее традиционного — позитивистского — образа.

1. Научное знание основано на твердых эмпирических фактах.
2. Теории выводятся из фактов (и следовательно, вторичны по отношению к ним).
3. Наука развивается посредством постепенного накопления фактов.
4. Поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение.
5. Теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции.
6. Теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом.

Приведенную систему утверждений можно использовать в качестве теста на выявление общей методологической позиции исследователя, относя полностью согласных с нею к радикальным позитивистам, полностью несогласных — к столь же радикальным постмодернистам, согласных лишь частично — к представителям «умеренных» методологических ориентаций.

Тем не менее, именно описанная Б. Веймером и названная им «мифической» траектория научного познания в целом ряде научных дисциплин, в том числе и в психологии, считается нормативной и закреплена в стандартной структуре диссертаций, научных статей и т. д. В соответствии с воплощенным в ней образом науки ученый, представляющий собой некий беспристрастный и, по выражению Б. Эйдюсон, обезличенный «автомат по вычерпыванию знания из фактов», выводит из теорий гипотезы, проверяет их в эмпирических исследованиях, путем обобщения результатов которых строит новые теории. Согласно позитивистскому представлению о науке, бывает или, по крайней мере, должно быть *только так*, а все, что не вписывается в данную траекторию познания, следует элиминировать из науки как «неправильное» или, что еще хуже, как «субъективное». Согласно новому взгляду на науку, утвердившемуся благодаря работам Т. Куна, П. Фейрабенда, У. Селларса, М. Полани и др., так *вообще не бывает*, поскольку факты всегда «теоретически нагружены», т. е. устанавливаются и интерпретируются на основе соответствующих теорий, теории принимаются и отвергаются не под давлением фактов, а под влиянием совсем других обстоятельств, а соответствующий образ научного познания — ничто иное, как набор мифов о нем. Согласно третьей, более умеренной позиции, *так бывает, но бывает и по-другому*, универсализированная позитивизмом траектория приращения научного знания возможна, но возможны и другие, не похожие на нее траектории.

И действительно, даже на фоне постмодернистских и прочих современных представлений о постнеклассической науке, сделавших ее позитивистский образ по меньшей мере старомодным, не соответствующим новым, да и старым реалиям, все же трудно отрицать, что ученые ставят эксперименты и проводят другие эмпирические исследования, при всей своей предвзятости и приверженности определенным теориям проверяют их опытом, полученные результаты далеко не всегда интерпретируют так, как им хочется, нередко строят обобщения, опираясь именно на эмпирические данные, а не на что-то другое. То есть позитивистский образ научного

познания все же не стоит списывать в тираж как полностью ошибочный или как сыгравший важную роль на определенном этапе развития науки, но в современной науке выглядящий как архаизм, а противоположный ему постмодернистский образ не следует считать безоговорочно победившим. Приращение психологического знания тем способом, который зафиксирован в описанных выше «мифах» о науке, не так уж «мифичен», а представляет собой один из реальных путей развития знания.

Однако и в случае признания универсализированной позитивизмом траектории научного познания, с одной стороны, и лишения ее того универсализированного смысла, который был вложен в нее позитивизмом, — с другой, она тоже нуждается в существенном расширении. Приведем ряд утверждений, принадлежащих видным исследователям науки, хорошо известным и в психологии.

- «Ученый — это не видеокамера и не магнитофон» (А. Маслоу).
- Каждому исследователю свойственно индивидуальное «личное уравнение», определяющее его возможности как наблюдателя (М. Полани).
- «Реальность лежит за пределами наблюдаемого и поэтому скорее выводится, чем воспринимается» (А. Маслоу).
- Развитие технологии экспериментирования сопровождается возрастанием количества интерпретативных звеньев, что равнозначно возрастанию его субъективной опосредованности (Т. Пинч).
- Любой познавательный акт в качестве своей основы помимо формализованного знания науки требует неформализуемого «личностного знания» (М. Полани).
- Научное исследование — это «наведение мостов между зримым и воображаемым» (Б. Эйдюсон).

Все это, в отличие от постмодернистского образа науки, не разрушает традиционный — позитивистский — образ научного познания, однако, сохраняя воплощенную в нем познавательную траекторию — от фактов к теориям, смягчает, расширяет и в значительной мере «психологизирует» его, примиряя «объективное и

беспристрастное» познание с выражением психологических особенностей познающего субъекта. А в нынешних условиях, отмеченных расширением влияния постмодернистской методологии, это, наверное, единственно возможный вариант «спасения» позитивистского образа науки, позволяющий не выплеснуть с водой «ребенка»: сохранить здравое содержание данного образа, одновременно преодолев его искусственную линейность и излишний ригоризм, примирив с противоречащей ему реальностью.

Уместно и, видимо, весьма своевременно и обратное действие — дополнение постмодернистского образа науки элементами традиционной позитивистской логики, которое в таком случае выглядит *не как его позитивистское ограничение, а как расширение.* Излюбленное постмодернистами высказывание А. Эйнштейна «именно теория определяет результаты наблюдения» можно трактовать и так: *не только* теория определяет результаты наблюдения. А в известном высказывании П. Фейрабенда — «теория, выдвигаемая ученым, зависит не только от фактов, имеющихся в его распоряжении, но и от *традиции*, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от его вкусов, его эстетических взглядов, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении теоретика, и, следовательно, носят субъективный характер» — можно уловить и признание того, что от фактов она все же *зависит*.

В результате представляется, что «примирительная» позиция, объединяющая традиционный — позитивистский — и современный — постмодернистский — взгляды на науку, полезна для каждого из них, позволяя сохранить их здравые стороны и при этом преодолеть свойственные им крайности. А универсализированная позитивизмом траектория научного познания, при ее соответствующем расширении и «психологизации», выглядит его не вымышленной, а реальной траекторией, но при этом не единственно возможной траекторией, а *одной из них*.

Вторая базовая траектория психологического познания проложена *практической психологией.* Формаль-

но практическая или прикладная психология — эта психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как к науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика — это «больше, чем практика», представляет собой достаточно самостоятельную область психологического *познания*.

Любопытно, что самостоятельности и (в значительной мере) самодостаточности этой области, как правило, придается негативный смысл, и подобная самодостаточность обычно отмечается в связи с разобщенностью, а то и, в терминах Ф.Е. Василюка, «схизисом» исследовательской (или академической) и практической психологии. Исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки, использующие разные «языки», разные «единицы» анализа и различные «логики» его построения. А Ф.Е. Василюк акцентирует их *социальную* разобщенность в виде размежевания соответствующих сообществ, подчеркивая, что психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты, разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами.

Любопытно и то, что, когда на фоне разобщенности академической и практической психологии даются характеристики каждой из них — дабы показать, в чем они расходятся, практическая психология обычно выглядит «лучше» академической, а вина за их несостыковку возлагается на психологию академическую, по мнению ее «обвинителей», слишком консервативную и неразворотливую для того, чтобы производить применимое на практике знание. Причем в последнее время наметилась тенденция отмерять современность, прогрессивность и прочие позитивные, а равно и противоположные им негативные характеристики двух областей психологии от их вовлеченности в культуру постмодернизма и освоения соответствующей методологии.

Знание академической психологии действительно часто обнаруживает, в терминах Т. Куна, «несоизмери-

мость» с эмпирическим знанием современности, в результате чего психологическая практика предпочитает этому знанию знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте психолога-практика, а практическая психология представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания и психологической науки (следовательно, противопоставление практической психологии исследовательской психологии логически некорректно), которая не ждет, пока академическая наука снабдит ее необходимым знанием, а это знание самостоятельно добывает. Практикующие психологи подчеркивают, что психологическая практика — это не только трансформация психического содержания, но и процесс самопознания, познания группы, других людей, познание психопрактического процесса, новых реальностей, т. е. в ней наличествует исследовательский компонент. И симптоматично, что она осуществляет собственную методологическую рефлексию и строит собственную рефлексивную методологию, что характерно для различных областей *научного познания* и знаменует их вступление в фазу зрелости.

Познавательный, знание-созидающий потенциал практической психологии связан не только с дефицитом академического знания, которое может быть использовано на практике. Психолог-практик не только заполняет «белые пятна» в структуре академического знания и создает новое психологическое знание не только потому, что ему не хватает знания, производимого академической психологией. Сказывается не только дефицит существующего знания, но и *неизбежно творческий характер самой практической психологии*, имеющий как минимум три слагаемых. Во-первых, случаи, с которыми имеет дело практический психолог, всегда индивидуальны, обобщенного знания, которым он обладает, всегда недостаточно для решения стоящим перед ним уникальных проблем, и они не могут быть решены путем проекции общих алгоритмов. В результате ему всегда приходится адаптировать обобщенное знание и соответствующие алгоритмы к индивидуальным случаям, что неизбежно оборачивается созданием нового знания. Во-

вторых, психолог-практик не только конкретизирует и модифицирует общее, но и делает обратное — обобщает индивидуальное, формулируя свой личный опыт в общезначимых терминах, а иногда и в виде общих закономерностей. И это тоже порождает новое знание. В-третьих, любая ситуация взаимодействия психолога-практика с его клиентом уникальна вследствие не только того, что уникален клиент, но и того, что *уникальны сам психолог и ситуация его взаимодействия с клиентом*, что неизбежно порождает новое знание об этом взаимодействии.

Знание, вырабатываемое практической психологией, имеет ряд существенных отличий от знания, которое принято ассоциировать с академической психологией и на котором лежит печать традиций, заложенных в эпоху создания первых психологических лабораторий.

Исходной точкой его выработки служит *анализ конкретных ситуаций* (сопоставимый с тем, что в академической психологии принято называть «case study» — «анализом конкретного случая»), а объект познания для практического психолога — индивидуальный клиент или группа, в то время как типовой объект академической психологии — выборка, в которой индивидуальные особенности входящих в нее индивидов, как правило, растворены. Как отмечает Р. Браун, в социальных науках, как и вообще в науке, индивидуальные действия представляют интерес только как представители некоторого класса действий. Разумеется, «объекты», с которыми имеет дело практический психолог, т. е. конкретные люди, не только индивидуализированы для него, но и воспринимаются им как представители некоторых классов объектов, а свои обобщения он строит на основе сопоставления и обобщения их индивидуальных особенностей. Однако в данном случае общее надстраивается над индивидуальным и в определенном смысле вторично по отношению к нему, в то время как академический психолог имеет дело именно с классами объектов — *с выборками, а не с отдельными испытуемыми*, от индивидуальных особенностей которых он обычно абстрагируется.

Знание, производимое практической психологией, как правило, *не квантифицировано*, т. е. представлено

не в форме коэффициентов корреляции, статистических закономерностей и т. п., а в виде личных наблюдений, ноу-хау и т. д., и не проходит через сито математического анализа, без которого очень редко обходятся исследования академических психологов. В результате оно значительно чаще имеет характер личностного или «группового» знания, чем знание академической психологии, хотя в последней соответствующие виды знания достаточно распространены.

Это знание в большинстве случаев *не верифицировано* — по крайней мере в тех формах, которые признаны нормативными в академической психологии. В типовом случае практический психолог формулирует его в виде своего личного опыта, основными критериями достоверности которого выступает богатство этого опыта, пропорциональное тому, насколько долго накопивший его психолог занимается психологической практикой, его авторитету в сообществе психологов-практиков и т. п., а не подтверждающие данный опыт эмпирические исследования. Поэтому симптоматично, например, то, что, хотя выросший из психотерапевтический практики психоанализ (как теория) стал одной из самых влиятельных психологических концепций и превратился в своего рода «религию» западного общества, ни одно из его основополагающих утверждений до сих пор не получило сколь-либо убедительного и нормативного для науки эмпирического подтверждения. Психологи-практики, использующие в своей работе базовые представления психоанализа, либо просто верят в истинность этих представлений, рассматривая их как аксиомы, не нуждающиеся в доказательствах, либо воспринимают в качестве подтверждения успешность практической деятельности, основанной на них. И то и другое, разумеется, очень далеко от тех стандартов верификации, которые приняты в академической психологии.

Знание практической психологии *основано на конвенциях, а еще чаще включает в себя конвенции*, которые в академической психологии выглядели бы очень странными или, по крайней мере, потребовали бы эмпирических подтверждений. Например, конвенции о том, что те или иные детали сновидений имеют определенный

психологический смысл, о психологическом значении рисунков пациентов и т. п. Такие утверждения, как «мужчины стремятся к богатству из-за того, что конкурировали со своими отцами за любовь своих матерей», звучат почти анекдотично для тех, кто не разделяет конвенций психоанализа. Одна из главных традиций психоанализа — во всем видеть скрытую сексуальность — тоже выглядит как конвенция, не получившая обязательного для академической психологии эмпирического подтверждения.

Вместе с тем налицо тенденции не только к углублению разрыва между практической и академической психологией и возрастание дистанции между соответствующими локусами психологического сообщества, но и к их сближению, причем не столько тем способом, который традиционно считается нормативным для науки — «подстраивания» практической психологии под академическую и вырастания из нее как своего рода «психологической инженерии», но и обратным.

К примеру, анализ «единичных случаев», изучение уникальных жизненных ситуаций получает все большее распространение и в академической психологии, что в немало степени было подготовлено идеями классиков отечественной психологии. Например, Л.С. Выготский стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» и при этом подчеркивал, что «засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии». Вследствие размывания традиционных, позитивистских, ориентиров академической психологии в современной, постнеклассической науке такие атрибуты практической психологии, как качественный анализ, изучение единичных случаев, признание значимости уникального опыта, полученного в обход репрезентативных выборок и подсчета коэффициентов корреляции, становятся все более распространенными в исследовательской психологии. Ф.Е. Василюк сформулировал утверждение о том, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики», выразив претензии практической психологии на создание *теоретического* знания, которое

традиционно считалось прерогативой академической психологии. Налицо и тенденция к развитию методологического самоанализа практической психологии, традиционно ассоциировавшегося с академической наукой и явившегося естественной реакцией на разрастание и усложнение психологической практики. А в академическом сообществе — как отечественном, так и зарубежном — все более разрастается описанный Д. Полкинхорном слой «близких к практике» исследователей, которые успешно сочетают академическую научную деятельность с практической.

Все эти и подобные им процессы имеют две стороны: во-первых, изменение традиционной академической психологии, ее «движение» навстречу психологии практической, в том числе и в плане усвоения характерных для нее стандартов, во-вторых, легализация и признание практической психологии (в том числе и психологией академической) в качестве не только области психологической практики, но и *сферы производства психологического знания*, а также признание того знания, которое она производит, вполне «научным».

Третий основной источник психологического знания — *обыденное познание.*

Наука выросла из обыденного познания и до сих пор опирается на него. А. Эйнштейн писал, что «вся наука является ничем иным, как усовершенствованием повседневного мышления», а другой выдающийся физик — Л. де Бройль, что «мы конструируем наши понятия и образы, воодушевляясь нашим повседневным опытом». Философы подчеркивают, что в процессе становления и развития картин мира наука активно использует образы, аналогии, ассоциации, уходящие корнями в предметно-практическую деятельность человека: образы корпускулы, волны, сплошной среды, образы соотношения части и целого как наглядных представлений и системной организации объектов. А образ науки как «организованного здравого смысла» *общепризнан* в современном науковедении.

Запечатленное в «филогенезе» науки воспроизводится и в «онтогенезе» каждого конкретного ученого. Став ученым, человек не перестает быть субъектом

обычного донаучного опыта и связанной с ним практической деятельности. Поэтому система смыслов, обслуживающих эту деятельность и включенных в механизм обычного восприятия, принципиально не может быть вытеснена предметными смыслами, определяемыми на уровне научного познания. Причина очень проста: большая, а, возможно, и основная часть предметного мышления ученого формируется в тот период, когда он еще не стал профессиональным ученым. В результате освоение ученым форм познания, характерных для науки, сравнимо с обучением второму — иностранному — языку, которое всегда осуществляется на базе родного языка — обыденного познания. При этом зависимость от обыденного опыта и привычных схем его осмысления существует во всех науках, даже в наиболее развитых и, казалось бы, давно дистанцировавшихся от этого опыта, таких как физика. В частности, подмечено, что физики накладывают семантику социального мира, в котором живут, на синтаксис научной теории. А Гейзенбергу принадлежит такое признание: «наша привычная интуиция заставляет нас приписывать электронам тот же тип реальности, которым обладают объекты окружающего нас социального мира, хотя это явно ошибочно». Эта тенденция отчетливо представлена и в «филогенезе» физической науки. «Вся физика, ее определения и вся ее структура первоначально имела, в известном смысле, антропоморфный характер», — писал М. Планк.

Психология вписывается в общую схему взаимоотношений науки и обыденного познания, однако при этом взаимоотношения научной психологии и обыденного психологического познания носят особый характер. Одна из главных причин состоит в том, что так называемый «человек с улицы», хотя и осуществляет физическое, химическое, биологическое и т. п. познание, обладая соответствующими рецепторами и органам чувств, все-таки это познание имеет меньше сходства с познавательным процессом, осуществляемым соответственно физикой, химией и биологией, чем постоянно осуществляемое им обыденное психологическое познание — себя и других людей — с познанием, которое реализует научная психология.

Для научной психологии близость к обыденному психологическому познанию порождает неоднозначную ситуацию. С одной стороны, обыденная психология, существующая на насколько сот тысячелетей дольше психологии как науки, накопила богатейшее психологическое знание и служит для нее важнейшей точкой опоры. Этот вид психологического знания можно, вслед за В.П. Филатовым, называть «живым» знанием, индивидуально приобретаемым человеком в его повседневной жизни и обобщающим его уникальный личностный опыт. И вполне симптоматична попытка известного американского психолога Г. Келли выстроить систему научной психологии с опорой на обыденную психологию, переведя ключевые понятия последней на «язык» научных категорий. С другой стороны, эта близость и богатые возможности обыденной психологии в качестве источника психологического знания создают опасность для научной психологии, заключая в себе постоянную угрозу ее статусу *как науки* и заставляя ее постоянно отвечать на вопрос: «Чем научное психологическое познание отличается от обыденного и зачем нужны профессиональные психологи, если каждый человек — психолог?» Это вынуждает научную психологию постоянно поддерживать дистанцию с психологией обыденной, трактовать ее наблюдения и обобщения как ненаучные. А в «зазор» между научной и обыденной психологией постоянно встраивается поп-психология, наиболее типичными примерами которой служат книги с названиями «Как заводить друзей?», «Как нравиться женщинам?» и т. п., авторы которых дают советы, опираясь в большей степени на свой здравый смысл, чем на научное знание.

Несмотря на форсирование дистанции с обыденным психологическим познанием научная психология не может абстрагироваться от него. Одна причина — родовая для всей науки и состоит в ее описанной выше «онтогенетической» и «филогенетической» зависимости от обыденного познания. Другая — «видовая» для психологии и коренится в том, что любой психолог одновременно является субъектом и научного, и обыденного психологического познания, будучи не способным произвольно «включать» одно из них, «выключая» другое. К тому же

знания научной психологии всегда «не хватает», причем не только психологу-практику, но и психологу-исследователю, и он вынужден регулярно восполнять недостаток научного знания своим личностным знанием, основным источником которого служит его обыденный опыт.

Здесь, правда, нужно сделать оговорку о том, что обыденный опыт профессионального психолога не вполне тождественен обыденному психологическому опыту «человека с улицы». Обыденный психологический опыт профессионального психолога приобретается им на фоне профессионального знания, часто ассимилируется и интерпретируется на основе научных категорий, а основой его приобретения является не просто здравый смысл «человека с улицы», а *профессиональный здравый смысл*. Этот профессиональный здравый смысл служит прослойкой между научным и обыденным психологическим познанием, сближая их и содействуя их взаимообогащению, но отнесение его исключительно к области научного опыта представляет собой либо профессиональный самообман, либо профессиональную конвенцию, призванную придать больший научный «вес» деятельности профессиональных психологов.

Разумеется, зависимость от обыденного психологического познания более характерна для психологов-практиков, деятельность которых имеет больше общего с искусством, нежели с применением научного знания и использованием стандартных, отработанных наукой алгоритмов, область которых покрывает лишь незначительную часть необходимого практике. Однако в исследовательской психологии эта зависимость выражена достаточно отчетливо. М. Полани пишет о том, что внелогическое суждение является универсальным способом соединения элементов научного знания, не элиминируемым никакими формальными процедурами. Основой этого «внелогического суждения», связывающего между собой элементы научного знания, во многих случаях служит здравый смысл и опыт психолога, приобретаемый вне сферы его профессиональной деятельности. А те гипотезы, которые направляют основную часть психологических исследований, хотя и подаются их авторами — в соответствии с позитивистскими стандартами —

как «вытекающие» из теорий и других общих утверждений психологической науки, в действительности нередко представляют собой формулировку интуитивных ощущений психологов, результирующих их обыденный опыт. Даже бихевиорист Э. Толмен был вынужден признать, что, когда существует слишком много степеней свободы в интерпретации эмпирических данных, исследователь неизбежно черпает объяснительные схемы из своей собственной феноменологии. Этот ученый, сделав и еще одно любопытное признание — о том, что, пытаясь предсказать поведение изучаемых им крыс, идентифицировал себя с ними, обнаруживал в себе стремление в прямом смысле слова «побывать в их шкуре», регулярно задавая себе вопрос: «А что бы я сделал на ее, крысы, месте?».

Но, пожалуй, наиболее яркий пример в данном плане — сами психологические теории. В соответствии со стандартными — опять же, позитивистскими — представлениями о науке они строятся путем обобщения эмпирических данных, путем пересмотра, уточнения, развития других теорий или путем конкретизации неких более общих общеметодологических принципов. Возможно, так действительно бывает (вновь не будем списывать в тираж позитивистские представления как абсолютно неверные, впадая в прямо противоположную крайность). Но налицо и другой способ построения психологических теорий. Например, теории психоанализа, которую З. Фрейд построил на основе обобщения своего опыта общения с пациентами, а также рефлексии над своими собственными психологическими проблемами. Или теории его последователя — Дж. Салливена, который занялся изучением шизофрении, поскольку сам страдал от нее, и основную часть своих теоретических обобщений построил на основе саморефлексии. В работах У. Джемса Дж. Ричардс не только обнаружил проявление его психологических особенностей, но и проследил перепады его настроения. Таких примеров в психологии, как, впрочем, и в других науках о человеке, предостаточно, в результате чего Б. Эйдюсон сформулировала обобщение о том, что «теории о природе человека являются интеллектуальными средствами выраже-

ния в меньшей степени объективной реальности, чем психологических особенностей их авторов». Хотя противопоставление одного другому не вполне корректно: психолог может «выражать», адекватно понимать и объяснять именно эту *объективную* реальность, «пропуская» ее через свой личный опыт и фиксируя в своих собственных психологических особенностях.

Л. Хьел и Д. Зиглер отмечают, что в основе психологических теорий лежит система имплицитных, не всегда осознаваемых, представлений о человеческой природе, выражающая личный опыт авторов этих теорий. А Дж. Ричардс подчеркивает, что, хотя все теории, создаваемые в науках о человеке и обществе, несут на себе печать личностных особенностей их авторов, нет ни одной науки, в которой эта связь проявлялась бы с такой отчетливостью, как в психологии. Подобная зависимость представляется естественной и неизбежной, хотя и не вписывается в традиционное — позитивистское — самосознание психологической науки и противоречит ее стремлению выглядеть системой познания, изучающий и обобщающей исключительно внешний (по отношению к самому исследователю) опыт. Во-первых, по крайней мере, во многих случаях, в соответствии с одной из основных формул психоанализа, «творческое поведение — это сублимация глубоких негативных переживаний». Психология в данном плане «удобна» тем, что психолог может познавать именно то, что он сублимирует, т. е. делать объектом профессионального психологического познания то, что гнетет лично его — как в случаях Фрейда или Салливена, и в таких ситуациях проекция психологических особенностей самих психологов на разрабатываемые ими теории неизбежна. Во-вторых, как подчеркивает Дж. Холтон, ученый всегда стремится уяснять отдаленное, неизвестное и трудное в терминах близкого, самоочевидного и известного по опыту повседневной жизни. А для психолога наиболее «близок и самоочевиден» его собственный психологический опыт, порожденный его самоанализом, и в этом случае, как пишет А. Маслоу, «познание себя самого логически и психологически первично по отношению к познанию внешнего мира».

Означает ли все это дискредитацию психологических теорий ввиду того, что в них запечатлена проекция психологических особенностей их авторов, или другую крайность — необязательность общепринятых в психологии исследовательских приемов вследствие того, что находимое психологом в других он может найти и в себе? Подобные выводы могли бы стать квинтэссенцией двух экстремальных — позитивистского и постмодернистского — способов видения науки, а одновременно и иллюстрацией абсурдности любых крайностей.

Обращение психолога к самому себе как к объекту психологического осмысления — это обращение к человеческой психике, данной ему наиболее естественным и доступным для анализа способом. А запечатление в психологических теориях личностных особенностей их авторов — это отражение в теориях важных и общезначимых свойств человеческой психологии, даже если эти свойства не универсальны, а свойственны людям определенного типа (данное обстоятельство, впрочем, тоже необходимо учитывать, рассматривая претензии психологических теорий на универсальность). Вместе с тем психолог никогда не может быть уверен в общезначимости своего личного опыта и в достаточной универсальности закономерностей, выявленных им путем саморефлексии. Это создает потребность в проведении исследований на других людях, в набирании статистики и т. п., в результате чего самоанализ органически дополняется традиционным арсеналом исследовательской психологии, и одно ни в коей мере не исключает другого, а стремление найти в других найденное психологом в самом себе — вполне правомерный ориентир психологического исследования. Смещается — относительно позитивистских ориентиров — не весь исследовательский арсенал психологии, а лишь исходная точка психологического познания, которой может быть не только внешний для психолога объект, но и его самоанализ.

Таким образом, можно констатировать, что научной психологии свойственен *плюрализм способов познания*, а основными источниками психологического знания служат: а) специально организованное — в соответствии с научными стандартами — психологическое исследо-

вание, б) психологическая практика, в) обыденный опыт. Традиционная психология в качестве собственно научного признавала только первый, что, разумеется, не было методологическим или каким-либо другим артефактом и сыграло немалую позитивную роль в становлении психологии как науки. Вместе с тем такое сужение «легальных» источников психологического познания создавало его существенно искаженный образ, во многом содействовало созданию и углублению разрыва между исследовательской и практической психологией, препятствовало экспликации истинной методологии этого познания и интеграции психологии. Новый образ психологического познания и соответствующая методология, формирующиеся в постнеклассической науке, основанные на размывании монистических принципов, знаменуемый принципами «методологического плюрализма», «методологического либерализма» и т. д., включают новое отношение к *источникам* психологического знания, среди которых нет «единственно правильного» или «единственно научного». Этот образ предполагает не только признание различных, традиционно конфликтовавших друг с другом, систем психологического знания — когнитивизма, бихевиоризма, психоанализа и др. — как равно адекватных способов понимания и изучения психологической реальности, но и легитимизацию различных способов психологического познания как взаимодополняющих и обогащающих друг друга.

Параметры развития психологической науки

С тех пор как В. Дильтей разделил все научные дисциплины на науки о природе и науки о духе, первые из которых нацелены на объяснение своего предмета, а вторые — на его понимание, локализация психологии в данной системе координат стала одной из главных слагаемых ее методологического самоопределения, в котором «духовное» начало все более явно вытесняет «природное». Тем не менее — и это трудно не квалифицировать как парадокс — все происходящее в психологической науке и ее история видится в основном сквозь призму философско-методологических представлений, сфор-

мировавшихся при изучении истории наук о природе и именно к ним относящихся.

Так, например, одна из главных категорий, на основе которых анализируется и история этой науки, и ее нынешнее состояние — категория парадигмы, предложенная Т. Куном на основе анализа опыта развития естествознания, главным образом физики. Причем сам автор этого понятия настаивал на том, что социогуманитарные дисциплины, такие как психология, являются «допарадигмальными», а следовательно, соответствующее видение истории науки на них не распространенимо, а его системообразующие категории, в т. ч. и такие, как сама «парадигма», к ним не применимы. Куновская точка зрения получила отображение в методологическом самосознании психологии — в виде представления о ней как о *до*парадигмальной дисциплине, в которой единая парадигма еще не сложилась, чем и объясняются ее главные методологические пороки — отсутствие единой системы знания, калейдоскопичность «несоизмеримых» друг с другом школ и концепций, дефицит взаимопонимания между ними, некумулятивность знания, в условиях которой каждая новая школа не аккумулирует наработанное ее предшественницами, а отметает его как скопление ошибок и заблуждений. Отсюда проистекает очень болезненное для психологической науки представление об *отсутствии* ее прогресса, подкрепляемое, например, тем, что характеристики состояния психологического знания, данные, например, У. Джемсом более 100 лет назад, мало отличаются от современных характеристик.

Вместе с тем сформировались и другие позиции относительно парадигмального статуса психологии. Согласно одной из них, психология — *мульти*парадигмальная дисциплина, обреченная на параллельное существование различных, соперничающих друг с другом, парадигм. Согласно другой, психология — *вне*парадигмальная дисциплина, развивающаяся своим собственным путем и не вписывающаяся в парадигмальгную модель, построенную Куном в результате изучения опыта естествознания. И, в общем, хотя это едва ли возможно количественно продемонстрировать — пока методо-

логия науки не вооружилась количественными методами, сейчас доминирует последняя позиция, хотя с термином «парадигма» психологическая наука явно не желает расставаться, при этом, употребляя его в самых разнообразных смыслах, сильно отличающихся от исходного — куновского (следует отметить, что вообще многозначность этого понятия, — одно из его главных свойств).

Но в этом случае возникает еще одна методологическая — тоже в терминах Куна — «головоломка»: если тот порядок, который характерен для естественных наук, описанный в категориях парадигм или других подобных понятий, не распространим на социогуманитарные дисциплины, в том числе и на психологию, то происходит ли их развитие беспорядочно или вписывается в какой-либо другой, свойственный именно им, порядок. Разумеется, подавляющая часть психологов предпочитает второй вариант решения этой «головоломки» — хотя бы потому, что, приученное к строгому детерминизму и привыкшее к тому, что развитие любой социальной системы, в том числе и науки, подчиняется определенным закономерностям, беспорядочно развивающуюся науку просто не может себе представить.

Здесь можно зафиксировать еще один парадокс, относящийся уже не к психологии, а к философско-методологическому осмыслению развития науки, и состоящий в том, что, хотя социогуманитарные дисциплины нуждаются в таком упорядочивании куда больше естественно-научных, практически все философско-методологические концепции развития науки обращены именно к последним. Вместе с тем в качестве своего рода побочного эффекта философско-методологического анализа главных траекторий развития естествознания накоплено немало представлений, из которых можно «вылепить» контуры общей концепции развития социогуманитарной науки, в том числе и психологии.

Одна из основных составляющих такого «побочно накопленного» знания — представление о большей зависимости социогуманитарных наук, нежели естественных, от изучаемых ими *объектов*. Это, как и все прочие различия между социогуманитарными и естественно-

научными дисциплинами, сугубо относительно: последние тоже изучают не константный, а постоянно изменяющийся мир. Трудно не согласиться с тем, что для науки наших дней просто не существует той реальности, которая изучалась, скажем, в XVIII в., когда не было ни электрического телеграфа, ни динамо-машин, ни линий электропередач, ни радио, ни электрического освещения, в результате чего, как подчеркивает философ Г. Башляр, «эпистемология должна быть столь же подвижна, как и наука. Но все же социальный мир изменяется быстрее и радикальнее физического. И поэтому эпистемология социогуманитарных наук на порядок «подвижнее» эпистемологии наук естественных.

В результате история социогуманитарных дисциплин выглядит не столько как история накопления знания о неизменных или мало изменяющихся объектах, сколько как эволюция самих объектов и история осмысления их *изменения*, т. е. не столько как траектория накопления знания, сколько как траектория накопления изучаемых *проблем*.

Разумеется, жестко противопоставлять одно другому было бы абсурдным. Тем не менее, если развитие естественной науки можно метафорически охарактеризовать как построение пирамиды знания (регулярная реконструкция основания этой пирамиды — научные революции и т. п. — принципиально не меняет сути дела), то эволюцию социогуманитарных дисциплин — как «облепливание» знанием постоянно возникающих новых когнитивных конструкций. Ярким примером может служить социологическая наука: современная социология — это наука совершенно о другом, нежели социология сто- или пятидесятилетней давности, и ее историю куда проще описать как историю изучаемых проблем, нежели как историю накопления знаний. То же самое в принципе можно сказать и о любой другой социогуманитарной науке, в том числе и о психологии, а тематическая карта психологии столетней давности сильно отличается от ее современного тематического профиля. В целом же изменение изучаемой проблематики можно зафиксировать как один из главных параметров эволюции социогуманитарных дисциплин. И именно к ним в

наибольшей степени применим тезис о том, что «вехами истории науки оказываются проблемы».

Это, естественно, не означает, что все развитие социогуманитарных дисциплин сосредоточено на полюсе их объектов, что вырабатываемое ими знание вообще не развивается или накапливается в виде не соединенных друг с другом лоскутов, которыми «облепливаются» эти объекты. А представление К. Поппера о том, что «прогресс науки состоит не в накоплении знания, а только в возрастании глубины и сложности решаемых нами проблем», выглядит сильным преувеличением в отношении не только естественных, но и социогуманитартных наук, таких как психология.

Вопрос о преемственности, кумулятивности и т. п. — существует она или нет, а, если существует, то в чем заключается — психологического знания принадлежит к числу самых сложных и наиболее болезненных вопросов психологической науки и, как и все прочие сложные вопросы, до сих пор не получил сколь-либо однозначного решения. Так, скажем, выдающийся отечественный историк психологии М.Г. Ярошевский видел ее в обогащении психологических категорий — в том смысле, что мы знаем сейчас, например, об образах или эмоциях больше, чем знали о них несколько десятков лет назад. Можно вычленить и другие параметры эволюции психологического знания, например, представив ее в виде развития *исследовательских традиций*, описанных Л. Лауданом и складывающихся вокруг каждой из изучаемых этой наукой проблем.

Наиболее глобальные исследовательские традиции в психологии уместно назвать *интерпретативными традициями* — в виду того, что они задают не только методологические принципы изучения своих объектов, но и общие контуры их понимания, включающие характерный для каждой из них образ психического (психика — это деятельность, психика — это поведение, психика — это трансформация образов, психика — это механизм взаимодействия сознания и бессознательного и др.).

В качестве основных *структурных элементов* интерпретативных традиций можно выделить: 1) общий

образ психического, 2) заданную этим образом *«концептуальную установку»*, в терминах Дж. Хинтикки — способ интерпретации психических феноменов как видов поведения, системы деятельностей, трансформации образов и т. д., 3) соответствующую нормативную *исследовательскую методологию*, предписывающую, как следует изучать психическое, 4) набор, а иногда и *систему, базовых категорий*, в которых изучается психологическая реальность, в терминах В.С. Степина — «сетку категорий», 5) *теорию или блок теорий*, образующих «ядро» интерпретативных традиций, 6) *эмпирию*, т. е. результаты эмпирических исследований, выполненных в рамках данной интерпретативной традиции, 7) *интерпретативное поле* — интерпретации этих результатов, их соотнесение с соответствующими теориями и другими общими представлениями о психическом, а также интерпретации самых различных феноменов, в том числе и феноменов, выявленных в рамках других интерпретативных традиций, 8) *практические импликации*, т. е. психологическую практику, порожденную той или иной традицией, например, психоанализ — как метод — или бихевиоральную терапию, 9) *неявное знание*, которое имплицитно входит в состав любых формализованных систем научного знания и имплантировано в структуру соответствующей практики.

При наличии столь разветвленной внутренней структуры (ее можно разветвлять и далее — выделяя ее более частные компоненты, расчленяя их на другие компоненты) интерпретативные традиции, естественно, не могут развиваться как гомогенное целое, а их элементы эволюционируют неравномерно. Например, развитие или появление новых теорий может происходить на фоне относительной неизменности общего образа психического и «замороженности» нормативной исследовательской методологии, психологическая практика может развиваться без сколь-либо существенных изменений лежащих в ее основе теорий и т. д. По-видимому, можно говорить о более подвижных, находящихся в постоянном развития элементах этой структуры, например, таких как эмпирия и интерпретативное поле, и более стабильных и относительно неизменных, таких как

общий образ психического и «концептуальная установка». Вместе с тем ее развитие в значительной степени синхронизировано, поскольку накопление эмпирии сопровождается обогащением теории и рано или поздно порождает теоретические «сдвиги», развитие теорий воздействует на соответствующую исследовательскую методологию, порождает новые схемы для интерпретации эмпирических данных, оказывает влияние на практику, а та, в свою очередь, воздействует на теорию, «общий способ использования исследовательских техник создает что-то вроде Невидимой руки, которая направляет исследовательский процесс как целое в определенном направлении». То есть при большей или меньшей подверженности структурных компонентов интерпретативных традиций изменению и их относительной независимости друг от друга, все же эти традиции представляют собой системы взаимосвязанных элементов, находящихся в синхронизированном развитии, и их можно рассматривать как достаточно целостные когнитивные системы.

В таком случае ключевыми параметрами развития психологии — помимо изменения ее предмета — выступают: а) эволюция интерпретативных традиций, б) изменение соотношения между ними, в) развитие представлений о том, каким оно должно быть, т. е. методологического самоопределения психологии.

Эволюция интерпретативных традиций выражается в том, что видение изучаемой реальности обогащается и отчасти видоизменяется при сохранении их базовых оснований. Скажем, при сохранении базовой модели человека, характерной для психоанализа или бихевиоризма, они претерпели существенные изменения в результате работ последователей З. Фрейда, формирования необихевиоризма и другой, в терминах К. Данцигера, «методологической алхимии», которой подверглись исходные версии соответствующих теорий. Во всех подобных случаях можно отчетливо наблюдать развитие и обогащение соответствующих интерпретативных традиций при сохранении их основополагающих принципов, не размываемых этим развитием. Здесь наблюдается и то, что предписано традиционной моделью раз-

вития науки: получение новых фактов, при накоплении их некоторой критической массы, приводит к частичной перестройке общих представлений о психике, например, к таким, как введение в число основных представлений классического бихевиоризма понятия «внутренние переменные». Можно ли в подобных случаях говорить о развитии этих традиций и, соответственно, о прогрессе психологии в целом? Да, безусловно, поскольку каждый новый «сгусток» представлений о психическом, характерный для того или иного этапа развития соответствующей интерпретативной традиции, богаче, дифференцированнее и точнее предыдущего и ближе к той Истине, последовательное приближение к которой принято считать основной целью науки. При этом «несоизмеримость» каждой из традиций с другими традициями не меняет сути дела: происходит развитие и обогащение определенного видения психического, ни в коей мере не дезавуируемое возможностью других видений.

Вместе с тем интерпретативные традиции не только не неизменны, но и не вечны, можно наблюдать и их вырождение — подобно исследовательским программам И. Лакатоса, и растворение в других традициях. Так, скажем, среди современных психологов едва ли возможно найти «чистого» бихевиориста. Однако и «смерть» интерпретативных традиций возможна лишь в абстракции, ибо поставить им такой диагноз означало бы перечеркнуть накопленные в их рамках данные, интерпретативные схемы и т. д. как абсолютно незначимые для психологии.

Эволюция интерпретативных традиций включает и собственно *кумулятивные* элементы, например, накопление выявленных в их рамках фактов и закономерностей. Разумеется, факты «зависимы» от исходных методологических оснований их установления и интерпретации, поэтому то, что считается фактами в рамках одних традиций, может не признаваться в качестве таковых в рамках других. Но, как было показано выше, эту релятивность не следует абсолютизировать: все же существуют факты, инвариантные относительно методологических ориентаций, в рамках которых они выявлены. Существует широкое поле достаточно универсальных

фактов, независимых от исходных концептуальных оснований их установления. Скажем, «магическая» формула, выражающая объем кратковременной памяти. Существуют и психологические законы, например, законы Хика, Йеркса — Додсона и др., которые признают все психологи, хотя эти законы и в плане выражающих их формулировок, и в плане вероятности предсказываемых ими событий (она никогда не равна 1) отличаются от законов, ассоциирующихся с естественными науками. Подобные факты и законы, во-первых, достаточно универсальны и независимы от методологического контекста их выявления, во-вторых, не перечеркиваются другими, выявленными позднее фактами и законами, и принадлежат к числу кумулятивно накапливаемых элементов психологического знания.

В целом же можно говорить о «внутренней» и «внешней» кумулятивности психологического знания, т. е. о накоплении фактов, законов и других видов знания, зависимых или независимых от концептуальных оснований их выявления. Первой обладают факты, законы и другие виды знания, накапливаемые «внутри» интерпретативных традиций и не признаваемые за их пределами, второй — знание, признаваемое таковым представителями всех традиций и инвариантное относительно их базовых методологических принципов.

Следующий параметр развития психологии — изменение *соотношения* между интерпретативными традициями, эволюция их иерархии — сопряжен с тем, что среди них выделяются доминирующие традиции, среди которых то одна, то другая выходит в лидеры. В.В. Козлов, например, вычленяет семь «волн» в развитии психологии, видя их в 1) физиологической, 2) психоаналитической, 3) бихевиористической, 4) экзистенциально-гуманистической, 5) трансперсональной, 6) коммуникативной, 7) интегративной парадигмах, которые последовательно сменяли друг друга на «гребне» психологической науки. Наверное, в ее «штормовой» истории можно разглядеть и другие «волны», но суть в том, что эта история, в числе прочего, выглядит как *смена доминирующих интерпретативных традиций*. Причем доминирование той или иной традиции можно объяснить как некоторой имма-

нентной логикой развития психологического знания, так и связать с эволюцией общества и выходом на первый план тех или иных социальных проблем. И здесь тоже можно разглядеть признаки *эволюции*: если даже сами интерпретативные традиции, как парадигмы Т. Куна, «несоизмеримы» друг с другом (эту «несоизмеримость» не следует переоценивать), то смена одних доминирующих традиций другими выглядит как эволюция доминирующих представлений о психическом.

Здесь тоже, как и в других случаях, уместно поставить вопрос о *прогрессе* психологии: если каждая новая доминирующая традиция не кумулятивна по отношению к предыдущим, а, скажем, отметает их как коллекцию поучительных ошибок или использует как «кладбища» феноменологии, то можно ли говорить о *развитии* науки, не сводя его лишь к выходу на первый план тех или иных изучаемых ею проблем?

На этот вопрос тоже можно дать вполне утешительный для психологии ответ. Во-первых, некая «абсолютная некумулятивность» в истории науки вообще невозможна: каждое новое течение научной мысли так или иначе вбирает в себя что-либо из накопленного предыдущими, даже если, как в случае бихевиоризма и психоанализа, они заимствуют друг у друга феномены для их переинтерпретации на собственных идейно-методологических основаниях. Во-вторых, они нередко порождают представления, которые последующие течения не могут не аккумулировать. Скажем, после появления теории З. Фрейда при создании общей модели психического едва ли возможно не считаться с существованием бессознательного — вне зависимости от отношения к этой теории и соответствующему образу психического. В-третьих, общеметодологические принципы изучения психического не замкнуты в рамках соответствующих интерпретативных традиций, а заимствуются ими друг у друга. Происходит нечто подобное «парадигмальным прививкам», которые описывает В.С. Степин, но на уровне не парадигм, а интерпретативных традиций. Примером может служить доминировавшая в советской психологии теория деятельности, которой в период ее наиболее активного развития что только не «прививали».

В-четвертых, все основные течения психологической мысли оставляют после себя соответствующий *контекст осмысления* психического, образуемый не только выявленными в его рамках фактами и соответствующими интерпретативными схемами, но и всегда сопутствующим им *неявным знанием*. Каждое новое течение формируется и развивается в этом все более обогащаемом контексте, поэтому богаче предшествующих и «ближе к истине», чем они. При этом, как отмечают философы, даже опровергнутая теория «не просто отбрасывается как износившееся платье, а передает некоторые элементы своего содержания новым теориям».

Важный параметр развития любой науки — эволюция представлений о том, как следует развиваться самой этой науке, т. е. развитие базового слоя ее методологического самоопределения. В истории психологии это самоопределение традиционно сводилось к поиску «единственно правильных» оснований психологического знания и систематическому пересмотру его *монистической* модели. Данный параметр развития психологии тесно связан с предыдущим (но не сводим к нему), ибо доминирование той или иной традиции имело в своей основе появление большого количества ее сторонников, считавших, что она и есть единственно правильная. Относительно новым этапом этого вечного спора стало разделение его участников на две «партии», напоминавшее превращение многопартийной системы в двухпартийную. В результате основная линия демаркации теперь пролегает не между сторонниками самих интерпретативных традиций, таких как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ, а между их объединениями на основе идентификации с естественно-научной и гуманитарной парадигмами.

На первом этапе эволюции психологической науки естественно-научная парадигма явно доминировала, что выражалось в господстве в ней позитивистских стандартов получения и верификации знания, а гуманитарная парадигма если и не вела полуподпольное существование, то, во всяком случае, находилась на периферии магистральной линии развития этой науки. С появлением психоанализа началась экспансия последней, выражав-

шаяся в неуклонном возрастании ее влияния и расширении ее ареала. В последние годы, особенно в отечественной психологии, наблюдаются явления, свидетельствующие о доминировании гуманитарной парадигмы. Однако на уровне общеметодологических представлений психологической науки — о том, какой ей надлежит быть — наблюдается и новое явление: распространение *плюралистической методологии*, утверждающей принципиальную необходимость развития психологической науки в разных направлениях — и в предписываемом естественно-научной парадигмой, и в предлагаемом парадигмой гуманитарной.

В основе «примирительных» методологий лежит не только тенденция современной науки к плюрализму, общая либерализация современного общества, отображающаяся в методологии науки, тот факт, что к познанию истины можно двигаться разными путями, но и принципиальная *множественность детерминации* психических явлений. Если гуманитарная парадигма делает акцент на их «внутренней» — феноменальной — детерминации, т. е. на детерминации наших действий, ощущений, когниций и т. п. тем, что представлено в нашем феноменальном поле — самими нашими ощущениями, когнициями и др., то естественно-научная парадигма — на их «внешней» детерминации, например, нейрогуморальными процессами, которые в этом поле не представлены. Можно успешно работать в рамках любой из соответствующих парадигм, что и делает основная часть психологов, но трудно их сочетать, как трудно сочетать интерес, например, к душе и к нейронам. Однако отрицать легитимность другой парадигмы в качестве равно возможного пути к познанию истины означает перечеркнуть соответствующую область детерминации психического, т. е. детерминацию психических процессов либо другими психическими процессами, либо нейрогуморальными и прочими «материальными» факторами. Оба варианты были бы абсурдными, и распространение плюралистической методологии, безусловно, можно считать *прогрессом* в развитии ее общеметодологических ориентаций. А в эволюции данных ориентаций можно усмотреть еще один ключевой параметр развития психологии.

Обрисованное представление об основных параметрах развития психологии можно представить в виде таблицы.

Параметры развития психологической науки

Параметр развития психологии	Эволюция проблемного поля	Развитие интерпретативных традиций	Изменение соотношения (иерархии) традиций	Эволюция общеметодологических представлений
Критерии прогресса	Появление новых проблем; дифференциация и усложнение проблемного поля и др.	Развитие всех их базовых элементов; «внутренняя» и «внешняя» аккумуляция психологического знания	Смена доминирующих традиций; их взаимовлияние	«Легализация» гуманитарной парадигмы; переход от монистических моделей к плюралистическим и др.

Разумеется, описанные параметры не автономны. Эволюция проблемного поля влечет за собой введение новых категорий, появление новых интерпретативных схем, выявление новых фактов, стимулируя развитие интерпретативных традиций. Неравномерность их развития вызывает изменения их иерархии. Все это отображается на уровне методологических представлений, стимулируя их развитие. Существуют и другие векторы влияния параметров друг на друга, вследствие чего история психологии выглядит как эволюция «сети» взаимосогласованных параметров, а не как параллельное развитие автономных характеристик. Главное же состоит в том, что в эволюции конгломерата фактов, теорий, методологических ориентаций, которая подчас выглядит как мало упорядоченное движение в самых разных направлениях, все же можно разглядеть и основные векторы развития психологической науки, и признаки ее *прогресса*. Важно лишь не сводить этот прогресс лишь к одному из его параметров — только к накоплению знания, формированию каких-либо всеобщих методологических принципов или чему-то еще. Прогресс психологии — это *и* развитие психологического знания, *и* появление новых теорий,

и формирование новых методологических представлений и многое другое. В частности, как подчеркивает К. Данцигер, «важное значение методологических императивов состоит в том, что они создают условия для прогресса дисциплины». И, можно добавить, сами являются проявлением этого прогресса. В результате на каждом последующем этапе своего развития психологическая наука все-таки совершеннее и ближе к заветной Истине, чем на предыдущем.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные источники психологического знания?
2. В чем состоит научное значение психологической практики и обыденного психологического познания?
3. Каковы основные компоненты интерпретативных традиций в психологии?
4. В чем состоят основные причины сомнений в существовании прогресса психологической науки?
5. Каковы основные параметры развития психологической науки?

Примерные темы рефератов

1. Образы научного исследования в философской методологии науки.
2. Взаимоотношения между основными источниками психологического знания.
3. Исследовательская и практическая психология.
4. Проблема прогресса психологической науки.
5. «Единицы» развития психологического знания.

Литература

Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки: Учебное пособие для вузов. М., 1998.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.

Полани М. Личностное знание. М., 1985.

Смит Р. История психологии. М., 2008.

Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000.

Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб., 2001.

Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА АНТИЧНОСТИ

Общая характеристика развития психологических знаний в античности

Появление психологии в Древней Греции на рубеже 7—6 вв. до н. э. было связано с необходимостью становления объективной науки о человеке, рассматривающей душу не на основе сказок, мифов, легенд, но на основе тех объективных знаний (математических, медицинских, философских), которые появляются в этот период. В это время психология входила в общую науку, изучавшую общие закономерности общества, природы и человека. Эта наука получила название натурфилософии (философии) и в течение долгого времени, почти 20 веков, психология являлась частью философии.

Естественно, что в обширном предмете науки философии, к психологии относилась область, связанная в первую очередь с человеком, да и само исследование души — психики, связывалось преимущественно с особенностями психики человека. В то же время область психического не ограничивалась им, но распространялась на весь мир. Такой подход получил название панпсихизм — это есть направление, которое считает весь мир одушевленным и наделенным душой. В течение нескольких веков (примерно до 3 в. до н. э.) разница между психикой человека и животных рассматривалась как чисто количественная, а не качественная.

От философии психология взяла и важное для любой науки положение о необходимости строить свои теории на основе знания, а не веры. Стремление избежать сакральности, т. е. соединения веры со знанием, а

не с разумом, с стремление доказать правильность высказанных взглядов, и было самым важным отличием научной, философской психологии от донаучной.

Первые представления о душе, возникшие на основе мифов и ранних религиозных представлений, уже выделили некоторые функции души, прежде всего энергетическую, побуждающую тело к активности. Эти представления и легли в основу исследовательской деятельности первых психологов. Уже первые работы показали, что душа не только побуждает к действию, но и регулирует активность индивида, а также является главным орудием в познании мира. Эти суждения о свойствах души стали ведущими и в последующие годы. Важнейшим вопросом психологии в античный период стало изучение того, как душа придает активность телу, как она регулирует поведение человека и каким образом познает мир. Анализ закономерностей развития природы привел мыслителей того времени к идее о том, что душа материальна, т. е. состоит из тех же частиц, что и весь окружающий мир.

Все в мире имеет свою первооснову, т. е. элемент, являющийся первой и главной составляющей всех объектов — «архе». Исследования окружающего мира привели ученых 7 — 5 вв. до н. э. к мысли о том, что архе — это тот элемент, без которого не может существовать мир и все в нем, и, как и все в природе, этот жизненно важный элемент должен быть материален. Так, Фалес (6 в. до н. э.), на концепцию которого повлияли воззрения египтян, приходил к выводу о том, что первоосновой, душой является вода — т. к. вода (Нил, от которого зависели урожаи) — это основа жизни. Анаксимен (5 в. до н. э.) вечно движущимся и вечно живым началом считал, воздух. Необходимо отметить, что на взгляды древнегреческих ученых повлияли разнообразные философские и психологические концепции, в том числе и древнеиндийские веды, в частности, учение о том, что важнейшим свойством (праной) жизни является дыхание (диада — атман-брахман). Отражение этих идей можно увидеть и в теории Анаксимена, и других греческих ученых, связывающих первоначало «архе» с дыханием, воздухом, ветром. Идея о том, что пневма (воздух,

движение) является одной из составляющих души, прослеживается и в более позднее время, например в концепции Эпикура.

Материальность души связана и с тем, что в самом начале развития психологии ученые считали, что ее главным качеством является активность, т. е. душа — это, прежде всего, энергетическая основа тела, которая приводит инертное, пассивное тело в движение. Таким образом, душа является источником жизни, в основе которой лежит активность.

Несколько позже появляется идея о том, что конкретный материальный объект (вода, земля или воздух), даже очень важный для мира и жизнедеятельности, не может быть первоосновой. Уже Анаксимандр, живший в 6 в. до н. э., писал о «беспредельном», т. е. о таком физическом начале, из которого все возникает и в которое все превращается. В теориях Левкиппа и Демокрита (5—4 вв. до н. э.) появляется идея атомов, мельчайших, невидимым миру частиц, из которых и состоит все окружающее. Атомистическая теория, разработанная этими учеными, была весьма распространена и являлась составной частью психологических учений многих ученых не только Древней Греции, но и Рима. Так как душа является источником активности для тела, то и состоит она, по мнению Демокрита и последующих за ним ученых, из самых мелких и круглых атомов, которые наиболее активны и подвижны.

Не менее важной для развития психологии стала высказанная Гераклитом идея, о том, что все в мире действует по определенным законам, по Логосу, который является главной управляющей силой. Логос объясняет и взаимосвязь между отдельными событиями, в том числе и между разными эпизодами в жизни людей. Таким образом, все в мире причинно обусловлено, все события проистекают не просто так, случайно, но по определенному закону, хотя мы не всегда эту связь, эту причину произошедшего события можем установить. Такой подход, называемый детерминизмом, показал возможности понимания и объяснения происходящего и в мире, и в человеке, открывая тем самым новые перспективы перед наукой. Тем самым понятие Логоса стала очень важным

фактором на пути преодоления сакральности и превращения психологии в науку.

Идея о всеобщей причинной обусловленности стала одной из важнейших и в теории Демокрита. Однако ее распространение на все стороны жизни человека имело и отрицательные последствия, т. к. лишало его свободы выбора, свободы поведения, которое понималось как возможность самому выстраивать свою судьбу. Эта лишение человека свободы воли стало одной из главных причин критики концепции Демокрита Сократом и Платоном, которые доказывали, что при этом у человека отнимается не только свобода выбора, но и критерии нравственной оценки его поведения. Мнение о том, что предопределенность поведения делает человека зависимым от окружающей ситуации и лишает его нравственной свободы, свободы выбора, было опровергнуто в теории стоиков, которые разделяли внешнюю и внутреннюю свободу и, не отказываясь от детерминизма, открывали перед человеком возможности для свободного нравственного самосовершенствования.

Примерно с 3 в. до н. э. психологов начинают больше интересовать не столько функции, сколько содержание души человека. На первый план стали выходить не общие для всего психического законы, но изучение того, что отличает человека от всех других живых существ. Поэтому идея о преимущественно энергетической функции души перестала удовлетворять психологию, т. к. источником энергии душа является не только для человека, но и для других живых существ. В это время ученые приходят к мнению о том, что душа человека является источником не только активности, но и разума и нравственности. Такое новое понимание души было заложено в теории Сократа, а затем развито в концепциях Платона и Аристотеля.

Впервые в этих концепциях психики появляется идея о том, что важнейшим фактором, влияющим именно на психику человека, является культура. Если активность связывалась психологами с определенными материальными факторами, то разум, нравственность, понимались как продукты культурного развития, как результат духовной работы не одного человека, но на-

рода в целом. Особенно явно это проявилось в теории Аристотеля. Естественно, что этот фактор культуры не мог повлиять на психику животных, но мог относиться только к душе человека, обеспечивая ее качественное отличие. Таким образом, изменение в приоритетах психологических исследований, появление новых концепций души становится важным поворотным моментом в развитии психологической науки.

Объяснить же с точки зрения науки (биологии, физики, медицины) того времени, каким образом строение атомов души человека приводит к ее качественному, а не только количественному отличию от души животного, было невозможно. Поэтому психологические концепции в этот период переходят от материалистической ориентации к идеалистической. Различия между материализмом и идеализмом в психологии связано преимущественно с разным понимаем содержания души, психики, в которой материализм выделяет, прежде всего, активность, материальная природа которой очевидна для ученых того времени, а идеализм — еще разум и нравственность, природу которых объяснить материальными законами было невозможно. Поэтому ученик Сократа Платон приходит к идее о нематериальности и вечности души.

Среди важнейших функций души психологи античности называли познание мира. Сначала в процессе познания выделялось всего две ступени — ощущение (восприятие) и мышление. При этом для психологов того времени не существовало разницы между ощущениями и восприятием, и выделение отдельных качеств предмета и его образа в целом считалось единым процессом. Постепенно изучение процесса познания мира становилось все более значимым для психологов, а в самом процессе познания выделялось уже несколько этапов. Платон впервые выделил память как отдельный психический процесс, подчеркнув ее значение как хранилища всех наших знаний. Аристотель, а вслед за ним и стоики, выделили еще и такие познавательные процессы, как воображение и речь. Таким образом, к концу античности структура процесса познания близка к современной, хотя по содержанию сами эти процессы, конечно, существенно отличались.

В это время впервые ученые стали задумываться над тем, как же происходит построение образа мира, какой процесс — ощущение или разум, является ведущим и насколько эта, построенная человеком картина мира, совпадает с реальной. То есть многие вопросы, которые и сегодня остаются ведущими для когнитивной психологии, были поставлены именно в то время.

Демокрит в своей теории познания доказывал, что истинное знание базируется на ощущениях, а разум привносит только заблуждения. Еще более последовательно раскрывал это положение Эпикур, подчеркивавший, что все наши заблуждения связаны с тем, что наш ум придумывает, субъективирует окружающее. Ощущения же дают нам истинное представление о нем.

Таким образом, получается, что в основе всего нашего знания лежит наш личный опыт, данный нам в наших ощущениях. Он может быть дополнен знаниями, данными другими, а эмпирические знания могут быть обобщены и систематизированы разумом. Но в этих дополнениях кроются и причины ошибок. Такой подход к познанию получил в философии название сенсуализм, и это направление, распространившееся в науке в XVII — XVIII вв., впервые зародилось уже в античности. Тогда же, уже в теории Демокрита, появились и первые сомнения в истинности и объективности знаний, которые основываются на ощущениях, на сенсорном опыте человека, что связывалось с его субъективностью и ограниченностью.

Другое направление в психологии познания, получившее позднее в философии название рационализм, исходило из того, что истинные знания, т. е. знания об общих законах и понятиях, основываются только на разуме и мало связаны с сенсорными данными о внешнем мире. Такой подход к познанию был характерен для Платона, стоиков, Плотина. Исходя из него, ощущения дают нам знания только о единичных вещах, знания же о всеобщем могут быть результатом только деятельности разума. Поэтому в познании выделяется два этапа — первый, сенсорный опыт, который может дать нам знания только о конкретном, т. е. о тенях идеальных предметов, второй этап — рассуждение, разум, который постигает

их суть, всеобщее в мире. Эти знания, по мнению многих психологов-рационалистов античности, должны быть врожденными, данными нам вместе с нашей бессмертной душой. Поэтому такое знание объективное и отражает истинную картину мира.

Таким образом, видно, что не только в современной психологии, но уже и в период античности среди психологов не было единой точки зрения на природу и функции психики, на познавательные процессы. Точно так же не было единства и в подходах психологов к проблеме эмоций и их роли в регуляции поведения. Изначально Демокрит, а затем Эпикур, Лукреций Кар и некоторые другие ученые считали, что именно эмоции лежат в основе нашего выбора и регулируют нашу деятельность. Они писали, что в своей активности человек стремится к тому, что приносит ему удовольствие и избегает того, что приносит неудовольствие. Часто этот подход сочетался с идеей о том, что эмоции, вызываемые внешними предметами, связывают наше поведение, которое становится также зависимым от окружающей действительности. Это же привело, как говорилось выше, Демокрита к мысли о том, что человек не свободен.

Психологи, которые доказывали возможность свободной воли и свободного выбора человеком своих поступков, начиная с Сократа и Платона, настаивали, что главным регулятором поведения должны быть не чувства, а разум. Платон, соглашаясь с тем, что эмоции могут повлиять на деятельность человека, видел недостатки этой регуляции как раз в том, что эмоции связаны с окружающим, зависят от внешнего мира и подводят и человека под эту зависимость. В то же время разум, преодолевая оковы непосредственной ситуации, высвобождает человека из-под ее диктата, давая возможность ее правильной оценки и адекватного построения своего поведения. Поэтому именно разумная регуляция является истинной и к ней должен стремиться человек, который дорожит своей свободой.

3—2 вв. до н. э., по праву считающиеся временем расцвета античной психологии, были и временем создания классических теорий античности, т. е. теорий Пла-

тона и Аристотеля, после смерти которого и оканчивается этот период.

Заключительный этап в развитии античной психологии существенно отличается от предыдущих своей проблематикой, преобладанием практических интересов, связанных с анализом причин тех или иных поступков человека, способов преодоления трудностей и проблем, встающих перед ним, над теоретическим размышлением. Этот период получил название периода эллинизма, т. к. связан с распространением греческой науки и культуры по всему миру после походов Александра Македонского. Это привело к более тесным связям с Восточной культурой, к расцвету точных наук, театра, поэзии. При этом новые исследования психики основывались на достижениях выдающихся психологов классицизма.

Интерес к человеку, к его личности, причине его свободных поступков, мотивации его поведения, его физической организации приводит к тому, что проблема этического, нравственного развития и критерии оценки нравственной личности в эллинистический период выходят на первый план и становятся важнейшими для психологической науки. И логика развития самой науки, и логика развития общества привели к тому, что этические вопросы занимали все более значимое место в общественном и научном сознании. Начиная с Сократа человек осознается как самостоятельная ценность, не подчиняющаяся природе, но стоящая вне и выше нее. Не удивительно поэтому, что именно связь нравственности с активностью, с законами человеческого поведения и стали центральной проблемой для психологов эллинизма.

Необходимо отметить, что в науке того времени, как и в предыдущие периоды, не существовало единой точки зрения на проблему соотношения поведения и нравственности, и ведущие психологические школы эллинизма — эпикурейцы, стоики, киники, платоники, поразному отвечали на вопрос о том, какое поведение следует рассматривать как социально желательное. Важное значение имели и дискуссии о том, должен ли человек подчиняться внешним правилам, законам общества или же он должен следовать только собственным пред-

ставлениям о добре и зле, собственным желаниям и нормам. При этом основной причиной расхождения позиций стоиков и эпикурейцев стал вопрос о взаимоотношениях между личностью и обществом. Эти дискуссии нашли отражение и в искусстве, прежде всего в драме, в которой эти вопросы находили воплощение в образах наиболее известных героев.

Вопросы, которые ставили художники в своих произведениях, получали объективное обоснование в трудах ученых. При этом основной вопрос заключался не в отказе от принципа индивидуализма, но в поиске объективных этических норм, ограничивающих вседозволенность человека, определяющих разницу между добром и злом. Таким образом, крайне актуальная в настоящее время проблема социализации, соотношения индивидуальных особенностей и общественных норм и правил поведения, поднималась уже в работах Платона и Аристотеля.

В этом контексте важное значение приобретал вопрос свободы воли, т. к. еще Сократ и Платон отмечали, что если человек не властен над своими поступками, то невозможно установить этические законы, по которым его можно судить. Как, например, мы можем осудить вора или убийцу, если самой судьбой ему предписано совершить данный грех. Точно так же мы не можем наградить добродетельного человека, ибо его хорошее поведение зависит не от его высокой нравственности, но от его судьбы, и в других обстоятельствах он может совершить и бесчестные поступки. Такой подход проявляется в трагедии Софокла «Царь Эдип», в которой судьба жестоко карает субъективно нравственного и хорошего человека.

Однако вседозволенность, отсутствие объективных нравственных законов, по которым можно оценить поведение человека, также приводит к потере нравственных ориентиров, к злу. Хотя источник активности может находиться внутри человека, но судить его поведение должны другие, по объективным, распространяющимся на всех законам, доказывали психологи.

Так из сферы искусства проблемы этического развития и свободы человека, т. е. наиболее важные и для

современной психологии личности проблемы, переходят и в науку, где рассматриваются, прежде всего, с точки зрения детерминации поведения. В связи с этим встает вопрос о том, подчиняется ли человек законам окружающего мира или только своим мотивам, чем отличается нравственная мотивация от другой, например, чисто биологической, какой должна быть структура идеальной личности. Все эти вопросы, поставленные наряду с другими уже в теориях Платона и Аристотеля, выходят на первый план в эпоху эллинизма.

Киники в поисках свободы доказывали, что человек должен освободиться от всего, что мешает ему обрести независимость, т. е. должен стать самодостаточным. Эта самодостаточность понималась ими достаточно прямолинейно, как независимость от достижений общества, цивилизации — хорошей одежды, пищи, дома, крыши над головой. Киники также доказывали, что человек должен освободиться от стыда, не должен стыдиться при нарушении моральных запретов своей неграмотности и вообще не должен зависеть от тех знаний, которые изобрели до него, поэтому невежество, негативизм — это символы независимости. В своем поведении некоторые киники демонстрировали, что не стыдятся даже отправлять свои естественные потребности на глазах у всех, т. к. мнение окружающих для них безразлично.

Позиция киников доказывала бесплодность полного отрицания, негативизма, демонстрировала, что личная свобода не может рассматриваться вне ответственности за свою жизнь, не может стать свободой от всего, без осознания ее целей. Другими словами, киники и в своей теории, и в практике наглядно показали бесперспективность обретения той свободы, которую позже известный психолог Э. Фромм назвал «свободой от», противопоставляя ее «свободе для», подразумевающей определенные ограничения своего «Я» для других людей.

Другие ученые, рассматривая проблемы личности, не отрицали полностью связь человека с другими людьми и его ответственность перед ними. Разногласия касались главным образом вопроса о том, что же регулирует поведение человека — разум или эмоции, и насколько он свободен в выборе собственного пути развития.

При этом Эпикур, доказывая, что человек подчиняется только своим собственным мотивам, входит в противоречие сам с собой, ибо тот факт, что поведение регулируется эмоциями, частично приводит его к мысли о том, что, следовательно, полностью человек свободен быть не может, т. к. эмоции вызываются внешними воздействиями. Чтобы привести эти противоречия в соответствие, он высказал мысль о том, что эмоции могут быть связаны как с телесными нуждами, так и с духовными, которые и являются наиболее важными, т. к. именно они выводят человека из-под зависимости внешнего мира.

В этом плане наиболее последовательными являлись стоики, выделявшие два вида детерминации и два вида свободы — внешней и внутренней. Внешней свободы фактически не существует, т. к. человек не свободен в выборе своей судьбы — места рождения, болезней, смерти и т. д. Эти внешние факторы, вызывают то или иное эмоциональное отношение — аффект, с которым человек должен бороться для того, чтобы обрести внутреннюю свободу. Внутренняя свобода — это свобода разума, который осознает ограниченность внешнего, судьбы, так же как и безграничность интеллектуальных возможностей человека в его постижении мира, себя и общества. Так впервые в психологии появляется мысль о том, что свобода возможна только на основе разума, не подверженного законам материального мира, которые, воздействуя на тело, ограничивают его свободу.

В психологии античности, т. е. в психологии, которая развивалась учеными Древней Греции и Рима, можно условно выделить три периода — зарождения и становления психологии (с 7 по 4 в. до н. э.), период классической греческий науки (3 — 2 вв. до н. э.) и период эллинизма (2 в. до н. э. — III — IV вв. н. э.).

В 7 — 4 вв. до н. э. появляются первые научные концепции психики, в которых она рассматривается как источник активности тела. При этом душа человека и души других живых существ имеют чисто количественные различия, т. к. считается, что человек, как любое живое существо, подчиняется тем же законам, что и все в природе. В это же время появляются и первые теории познания, в которых преимущество отдается эмпири-

ческому знанию. Эмоции рассматриваются в качестве основного регулятора поведения. Главное, что уже в этот период формулируются ведущие проблемы психологической науки: в чем функции души, каково ее содержание, как происходит познание мира, что является регулятором поведения, есть ли у человека свобода этой регуляции.

Второй период — период классической греческой психологии, на котором появляются первые развернутые концепции психического, сформулированные Платоном и Аристотелем. Этот период, считающийся вершиной греческой философии, может рассматриваться как ведущий для психологической науки. В это время внимание ученых поворачивается к человеку. Начинается исследование тех качественных отличий, которые свойственны только душе человека и которых нет у других живых существ. Так появляется идея о том, что психика — не только носитель активности, но и разума и нравственности, т. е. на ее развитие оказывает влияние не только материальные факторы, но и культура, духовный уклад. Так появляются идеи о необходимости свободы для человека, которая возможна только при отходе от мысли о том, что поведение детерминируется и регулируется эмоциями. Таким образом, разум, а не чувства начинает рассматриваться в качестве главного регулятора поведения, и разум же становится источником объективных знаний о всеобщем, истинном, которое может быть совершенно не связано с чувственными ощущениями.

В период эллинизма, в котором греческая наука, культура выходят за рамки Греции, происходит перемещение основных психологических школ из Греции в Рим. В это время не появляется принципиально новых подходов к психике, а большинство школ модифицируют взгляды, высказанные учеными в предыдущие периоды. Однако открывается много интересных и важных фактов, связанных с исследованием особенностей поведения, его регуляции, с проблемой оценки деятельности человека и критериев этой оценки.

Оканчивается этот период в III — IV вв., когда зарождающаяся религия начинает доминировать над научными концепциями и возвращается сакральный подход к

знаниям, которые рассматриваются не с точки зрения их доказательств, но с точки зрения веры или неверия. Наступает период Средневековья.

О мире и душе		О познании		О свободе и регуляции поведения	
материализм	**идеализм**	**сенсуализм**	**рационализм**	**эмоциональная регуляция**	**регуляция на основе разума**
Мир состоит из атомов, двигающихся в пустоте. Все в мире (и человек) подчиняется определенным законам. Душа является источником энергии для тела, состоит из мелких, подвижных атомов, смертна, появляется и исчезает вместе с телом. Состоит из частей — 4 у Эпикура и Лукреция, 8 у стоиков	Мир состоит из материи и идей (Платон) или форм, как творческого начала природы. Человек — венец природы. Душа — прежде всего источник разума и нравственности. Бессмертна, вечна (либо целиком, либо одна из ее частей). Состоит из нескольких частей, которые обладают разными свойствами	В основе процесса познания — ощущения, опыт, который обобщается при помощи разума. В основе ощущений — теория истечений (Демокрит, Эпикур, Лукреций, стоики). В процессе познания несколько этапов (от 2-х до 4-х). Сравнение и обобщение чувственных впечатлений происходит при помощи ассоциаций в общем чувствилище (Аристотель)	Главным источником знаний является разум, ощущения дают знания только о единичных вещах, тенях предметов (Платон), мешая истинному познанию (стоики). В процессе познания несколько этапов (от 3-х до 5-ти). Ощущение пассивны, мышление активно, связано с речью (Платон, стоики) и интуицией (Платон)	Эмоции управляют поведением, они связаны с внешним миром (Демокрит), а также с духовными потребностями человека (Эпикур). Свобода человека ограничена (Эпикур) или невозможна вообще (Демокрит)	Регуляция поведения должна происходить на основе разума, который помогает правильной оценке ситуации и освобождает человека из-под власти эмоций (стоики), делая его свободным (Сократ, Платон). С эмоциями надо бороться (стоики, Платон) или изживать (катарсис, Аристотель). Разделение внешней и внутренней свободы (стоики)

Первые психологические теории античности

Первые психологические теории появились на рубеже 7—6 вв. до н. э. Они разрабатывались учеными, принадлежавшими к известным философским школам того времени — милетской и элейской. Фалес, один из ведущих ученых милетской школы, считал, что первоос-

новой мира, а следовательно, и человека, т. е. его душой, является вода, без которой нет жизни. Его последователи — Анаксимандр и Анаксимен, разделяя взгляд Фалеса на то, что сущее, первооснова — это материальная субстанция, придавали большее значение воздуху, считая именно его вечно живой и изменяющейся основой.

В этих первых психологических концепциях душа рассматривалась как источник активности, энергии, другие же функции души, в том числе и важнейшие для последующих ученых вопросы познания, регуляции поведения, еще не исследовались.

Одним из первых начал изучение процесса познания, анализируя этапы переработки знаний, греческий ученый Гераклит (6 — 5 вв. до н. э.).

Гераклит считал, что становление и развитие мира, природы и человека осуществляется по непреложным законам, которые никто, ни люди, ни Боги не может изменить. Этот закон — Логос, выражающийся прежде всего в слове, и есть та сила, которую человек называет судьбой. Первоосновой всего сущего является огонь, который посредством сгущения превращается в воздух, воду и землю. Логос определяет направление и время этих превращений, которые и составляют основу мирового года (по аналогии с временами года). Точно так же изменяется и человек, и его душа. Наряду с теорией детерминизма Анаксагора, идея Логоса, высказанная Гераклитом, открывала новые возможности перед научным изучением психики.

Большое значение имеет и тот факт, что Гераклит внес в психологию идею постоянного развития и изменения. Его знаменитое изречение «все течет» (панта реи) стало впоследствии одним самых важных положений не только для философской диалектики, но и для теорий сознания, например для теории «потока сознания» Джемса. Он также впервые высказал предположение о том, что существует два этапа переработки знаний — ощущения и разум. При этом разум способен постигать более общие и не видимые глазом вещи, например Логос, суть вещей. Поэтому разум выше, чем ощущения.

К 4 в. до н. э. в греческом обществе появляется настоятельная потребность в учителях, которые могли бы

обучить людей, занявших высокие политические должности в выборных греческих республиках, но не имеющих хорошего начального образования. Их стали называть «учителя мудрости» — софисты. Наиболее известными учеными этой школы были Протагор (ок. 481 — 411 гг. до н. э.) и его ученик Горгий (ок. 483 — 375 гг. до н. э.). С их точки зрения, способность к рассуждению развивает умение доказать любую истину, так же как и опровергнуть любое суждение. Поэтому умение уйти от прямого ответа и привести несколько способов решения одного и того же вопроса уже в то время получило название софистики. Протагор высказал знаменитое изречение: «Человек есть мера всех вещей». Исходя из этого, он и говорил об относительности и субъективности человеческих знаний, невозможности выработать общее для всех понятия, в том числе и понятия добра и зла.

Взгляды первых греческих психологов на отдельные психологические вопросы были проанализированы и систематизированы в теории известного греческого философа и психолога Демокрита (460 — 370 гг. до н. э.). Демокрит создал одну из первых комплексных психологических теорий, в которой были впервые проанализированы все важные для психологии вопросы — и о душе, и о познании, и о свободе воли и регуляции поведения. Основу его теории составляет атомистическая концепция. Согласно этому взгляду, весь мир состоит из мельчайших, невидимых глазом частиц — атомов. Все многообразие свойств и предметов природы, окружающего внешнего мира и самого человека основывается Демокритом на том, что атомы отличаются друг от друга по форме, они могут быть по-разному ориентированы в пространстве и соединяются друг с другом в разных сочетаниях.

Человек, как и вся окружающая природа, состоит из атомов, образующих его тело и душу. При этом душа состоит из мелких круглых атомов, наиболее подвижных, т. к. они должны придать движение инертному телу. После смерти человека тело уже не может служить оболочкой для этих атомов, и душа рассеивается в воздухе, а потому не только тело, но и душа смертна. Душа есть

не только у человека, но и у всех живых существ. Причем разница между человеком, животными и более низшими формами жизни не качественная, но количественная — у человека атомов души больше, чем у животных.

В органах чувств атомы души находятся очень близко к поверхности и могут соприкасаться с микроскопическими, невидимыми глазу копиями окружающих предметов (эйдолами), которые носятся в воздухе, попадая в органы чувств. Эти копии отделяются (истекают) от всех предметов внешнего мира, а потому эта теория познания носит название «теория истечений». Соприкосновение эйдолы с атомами души и является основой ощущения, и именно таким образом человек познает свойства окружающих предметов. Поэтому все ощущения (в том числе и зрительные, и слуховые) являются контактными. Обобщая данные нескольких органов чувств, человек строит картину мира, переходя на следующий уровень — понятийный, который является результатом деятельности мышления. Таким образом, у Демокрита существует две ступени в познавательном процессе — ощущения и мышление, которые одновременно возникают и развиваются параллельно.

Демокрит также ввел понятие первичных и вторичных качеств предметов. Первичные — это те качества, которые действительно существуют в предметах — вес, поверхность (гладкая или шероховатая), форма. Вторичные качества — это цвет, запах, вкус. Этих свойств нет в предметах, их придумали сами люди для своего удобства. Таким образом, он впервые сказал о том, что человек не может совершенно правильно, адекватно познать окружающий его мир, а для того чтобы компенсировать свое незнание, он придумывает какие-то свойства для разных предметов. Впоследствии идея о том, что на основе обобщения данных наших органов чувств мы не можем полностью и адекватно узнать окружающий мир станет доминировать в теории познания почти всех сенсуалистов. Высказанная Демокритом концепция о двух видах качеств приобретет более законченный вид у Д. Локка, который к двум видам качеств добавит еще и третье, что еще больше усложнит наши возможности правильно понять мир.

Большое влияние на развитие теории регуляции поведения имели и взгляды Демокрита на роль эмоций в этом процессе. Он считал, что именно эмоции руководят поведением, т. к. человек (и любое другое живое существо) стремится к тому, что приносит удовольствие, избегая того, что несет неудовольствие, страдание. Впоследствии эти взгляды Демокрита были развиты Эпикуром в его теории, которая получила название теории гедонизма (наслаждения) и доказывала, что поведение человека побуждается и направляется предметами окружающего мира, вызывающими у него определенные эмоциональные переживания.

Большое значение для развития психологии имели концепции психики, разрабатываемые врачами, прежде всего в медицинской школе Гиппократа (ок. 460 — 370 гг. до н. э.). Он собрал и систематизировал, как и Демокрит в психологии и философии, почти все научные воззрения на медицину своего и предшествующего времени. Используя идею Гераклита о четырех началах, из которых состоит окружающее, Гиппократ разработал свое учение о темпераментах, основывающееся на сочетании четырех видов жидкости в организме — кровь, слизь, желчь черная и желчь желтая. Важным моментов в его теории было понятие меры (кразис), которое он считал ведущим в эмпирической медицине. Ведущим оно было и в концепции темперамента, при этом отступления от нормы, ее нарушение (акразия) в сочетании четырех видов жидкости ведет к ярким проявлениям того или иного темперамента.

Ведущие психологические теории античности (классический период)

Принципиально новый подход к психике человека начал складываться с 3 в. до н. э., точнее с появления теорий Сократа и Платона.

В своей теории Сократ (469 — 399 гг. до н. э.) впервые поставил под сомнение истинность прежней точки зрения на человека, рассматривающей его лишь как одно из звеньев в цепи всеобщих закономерностей, доказы-

вая, что ничего важнее исследования именно человека, его души быть не может. Он также считал, что естественные законы не могут быть полностью распространены на человека, который подчиняется другим законам, законам разума, а не законам природы.

Сократ впервые рассматривал душу, прежде всего, как источник разума и нравственности человека, а не как источник активности тела. Он говорил о том, что душа — это психическое качество индивида, свойственное ему как разумному существу, действующему согласно нравственным идеалам. Такой подход к душе не мог исходить из мысли о ее материальности, а потому одновременно с возникновением взгляда на связь души с нравственностью возникает новый, идеалистический взгляд на нее, который позже был разработан учеником Сократа Платоном.

Говоря о нравственности, Сократ связывает ее с поведением человека. Однако для того, чтобы оценить тот или иной поступок как нравственный, надо предварительно знать, что такое благо. Поэтому Сократ был вынужден связать нравственность с разумом, говоря о том, что добродетель состоит в знании добра и в действии соответственно этому знанию. Познавая разницу между добром и злом, человек начинает познавать и самого себя. Так, Сократ приходит к важнейшему положению своей теории, связанному с переносом центра исследовательских интересов с окружающей действительности на человека, выразившийся в известном изречении «Познай самого себя».

Одним из наиболее значимых была также идея Сократа о том, что существует абсолютное знание, абсолютная истина. Доказывая, что такое абсолютное знание не только существует, но и может быть передано от одного человека к другому, Сократ одним из первых в психологии обращается к речи, утверждая, что истина зафиксирована в общих понятиях, в словах и в таком виде передается от поколения к поколению. Таким образом, он впервые связывает мыслительный процесс со словом. Позднее это положение будет развито его учеником Платоном, отождествившим мышление и внутреннюю речь.

Абсолютное знание, хотя и существует объективно, но не может быть дано человеку в готовом виде. Истина существует в душе человека с самого рождения, хотя разум и не осознает этого. Развивать это существующее в душе знание должен сам человек, а собеседник (учитель) только помогает ему в этом процессе. Метод, открытый Сократом, получил название «метод сократической беседы». В ее основе лежал диалог, основанный на способе «наводящих размышлений», при помощи которых ученика подводили к определенному знанию.

Таким образом, Сократ заложил основы нового понимания души и познания, связав душу не с активностью, но с разумом и нравственностью человека. Это открывало путь к теории объективного идеализма Платона (428 — 348 гг. до н. э.). В его всеобъемлющей теории изучались проблемы человека, его познания мира, его связи с обществом, вопросы государственного устройства и способов оптимального взаимодействия личности и государства.

В окружающем мире он выделял бытие — душу, и небытие — материю, которая ничто без души. Он считал, что окружающие предметы являются результатом соединения души, идеи, с неодушевленной материей. Душа, по его мнению, не только идея, но и цель вещи. Идея Платона является общим понятием, словом, которого нет в реальной жизни, и отображением которого являются все вещи, входящие в понятие, означаемые данным словом. Так как понятие неизменно, то и идея или душа, с точки зрения Платона, постоянна, неизменна и бессмертна. Не менее важным для Платона являлась связь души с этикой, т. к. он считал, что душа человека отличается от души животного тем, что является не только источником активности, но и хранительницей его разума и нравственности. Таким образом, впервые в психологии появляется идея о качественном (а не только количественном) отличии души человека.

Будучи рационалистом, Платон считал, что поведение должно побуждаться и направляться разумом, а не чувствами и выступал против Демокрита и его теории детерминизма, утверждая возможность свободы разумного поведения человека. Разум не только дает возмож-

ность понять где добро и где зло, но и помогает выстраивать поведение в соответствии с этими знаниями.

Душа состоит из трех частей — вожделеющей, страстной и разумной. Платон ввел этический критерий, по которому делил душу на части, т. к. вожделеющая и страстная души должны подчиняться разумной, которая одна может сделать поведение нравственным. Платон впервые представил душу не как целостную организацию, но как определенную структуру, которая испытывает давление противоположных тенденций, конфликтующих мотивов, диктуемым вожделеющей и страстной душой, которые не всегда возможно примирить при помощи разума. Так появляется идея о внутреннем конфликте души.

Исследуя познавательные процессы, Платон рассматривает несколько стадий в формировании знаний, говоря об ощущении, памяти и мышлении, причем он является первым ученым, заговорившим о памяти как о самостоятельном психическом процессе. Он дал ей определение — «отпечаток перстня на воске» и считал ее одним из важнейших этапов в процессе познания окружающего. Важная роль памяти связана и с тем, что сам процесс познания у Платона представал в виде припоминания того, что душа знала в своей космической жизни, но забыла при вселении в тело. В то же время Платон считал память, как и ощущения, пассивным процессом и противопоставлял их мышлению, подчеркивая его активный характер. Активность мышления обеспечивается его связью с речью. Платон развивает идеи Сократа, доказывая, что мышление есть диалог души с собой, т. е. мышление для него отождествляется с внутренней речью.

Платон доказывал, что развернутый во времени и осознанный процесс логического мышления не может передать всю полноту знаний о вещи, т. к. опирается на исследование окружающих предметов, т. е. копий настоящих знаний о предметах. Возможность проникнуть в истинную суть вещей связана с интуитивным мышлением, с проникновением в глубину души, которая хранит истинные знания. Они открываются человеку сразу, целиком, путем интуиции, учение о которой позднее было развернуто в концепции Декарта.

Исследования Платона заложили новые тенденции не только в философии, где он является создателем теории объективного идеализма, но и в психологии. Он впервые выделил этапы в процессе познания, открыв роль внутренней речи и активности мышления, обосновал роль памяти в становлении опыта человека, а также впервые сказал о внутреннем конфликте души. Если проблема внутреннего конфликта мотивов станет особенно актуальной в психоанализе, то его подход к проблеме познания отразится на позиции рационалистов.

Идеи Платона о психике, ее функциях и этапах развития были переосмыслены в концепции Аристотеля (384 — 322 гг. до н. э.), одного из самых выдающихся ученых Греции. Его работа «О душе» по праву считается первой психологической монографией. Эта книга не только обобщила все, что было сделано предшественниками Аристотеля, но и выстроила психологические знания в новую систему, открыла новые перспективы перед наукой, поставив вопросы, на которые стремились найти ответ многие поколения психологов.

Аристотель пересмотрел подход Платона к душе. С его точки зрения, разделение души и тела являлось невозможным и бессмысленным актом, т. к. «идея», «понятие» не может быть реальным физическим предметом, каковым является человек. Исходя из неотделимости души от тела, Аристотель высказывает свою трактовку души — душа есть форма осуществления способного к жизни тела, не может существовать без тела и не является телом.

Материя без души есть чистая потенция, она ничто и одновременно может стать всем, как расплавленный металл, который еще не принял определенной формы. Таким образом, душа действительно не может существовать без тела, т. к. форма — это всегда форма чего-то. В то же время в этих рассуждениях Аристотеля есть и нечто общее с подходом Платона, т. к. и в том и в другом случае душа является той целью, к которой стремится вещь. Исходя из души, можно понять к какому классу относится данный предмет, зачем он нужен.

Однако концепция Аристотеля является не только наиболее полной и самобытной в греческой психологии,

но и наиболее сложной и противоречивой. Первые противоречия появляются уже в его трактовке функций или способностей души. Он писал о том, что существует три вида души — растительная, животная и разумная. Каждая из них обладает определенными функциями. Так, растительная душа способна к размножению и питанию. Животная душа обладает кроме них еще четырьмя функциями — стремлением (чувствами), движением, ощущением и памятью. А разумная душа, которая есть только у человека, обладает способностью к мышлению. Каждая более высокая форма души надстраивается над предыдущей, приобретая функции, которые ей были присущи. Поэтому если у растительной души всего две функции, то у животной — шесть, а у разумной — семь. Таким образом, в психологии впервые появляется идея генезиса, развития, хотя это еще не развитие в процессе жизни человека или человечества, но развитие психики при переходе от одной формы жизни к другой — от растений, к животному миру и к человеку.

Аристотель делает вывод о том, что и растительная, и животная души смертны, т. е. они появляются и исчезают одновременно с телом.

Исходя из этих рассуждений Аристотель должен был прийти к идее смертности разумной души. Но в этом случае ему пришлось бы прийти и к выводу о том, что все знания, которые есть в душе, формируются только в процессе жизни человека, умирая вместе с ним. Однако для Аристотеля было важно объяснить тот факт, что человек не только живет в пространстве культуры, но и является ее носителем в своей душе. Тогда вставал закономерный вопрос о том, каким же образом знания, открытые другими, становятся личными понятиями конкретного человека. Платон и Сократ находили ответ на этот вопрос исходя из предположения о том, что эти знания находятся с самого рождения в душе человека, а обучение, чтение книг лишь помогают их актуализации. Эту же точку зрения принимает и Аристотель, приходя к выводу о бессмертии и нематериальности разумной души.

Эти рассуждения привели к появлению весьма значимого в концепции Аристотеля понятия «нус» (или все-

общий разум). Этот разум является хранилищем разумной части души человека после его смерти. При рождении ребенка часть этого разума, образуя новую разумную часть души, вселяется в тело новорожденного, соединяясь с растительной и животными частями. Таким образом происходит передача опыта. Однако Нус — это не постоянная идея, но вечно меняющаяся культура, в которую каждое новое поколение людей добавляет что-то свое. Таким образом, Аристотель не только подчеркивал изменчивость и развитие всеобщего разума, но и настаивал на способности человека не только к репродуктивному, но и к творческому мышлению.

Исследования Аристотеля привели его к созданию первой в психологии развернутой теории познания, в которой не только раскрывается специфика каждого этапа, но и анализируется процесс перехода от единичного знания, знания даже не о предмете, но о каком-то одном его свойстве, к обобщенному суждению и понятию. Для объяснения этого перехода Аристотель вводит понятия «Общего чувствилища» и ассоциаций, которые, по его мнению, являются важным механизмом переработки знаний. Первым этапом познания становится ощущение, которое Аристотель понимает как активный процесс взаимодействия органов чувств с внешним миром. Необходимо подчеркнуть, что Аристотель одним из первых ученых доказывал, что не только мышление (как думал Платон), но и ощущения активны.

На следующем этапе — памяти, психика сохраняет те первичные знания, которые она получила при восприятии внешнего мира. При этом Аристотель, выделяя несколько видов памяти, подчеркивал, что первичная переработка опыта начинается уже на этой ступени. Эта переработка возможна потому, что следы впечатлений хранятся в общем чувствилище. В общем чувствилище происходит и первое сравнение и соотнесение между собой полученных в чувственном опыте знаний, т. е. выделение модальностей ощущений (цвета, вкуса, запаха и др.), а затем их хранение и объединение в образы предметов и в их первичные схемы.

Сличение и переработка происходят в чувствилище при помощи ассоциаций. Так, впервые в психологии по-

является понятие об ассоциациях как механизмах психической жизни, механизмах познания. Почти через 20 веков, в XVIII в., английский психолог Д. Гартли, продолжая эти рассуждения Аристотеля, создаст первую психологическую школу — ассоцианизм. Аристотель выделял несколько видов ассоциаций — по сходству, контрасту и смежности в пространстве и времени. Именно эти ассоциации рассматривались впоследствии, в ассоцианистической психологии, в качестве важнейших. Благодаря ассоциациям в общем чувствилище появляются уже первые обобщенные образы окружающего — представления и схемы. Эти образы человек может подвергнуть дальнейшей обработке, используя, например, воображение и фантазию. Аристотель разделял эти два процесса, указывая, что при воображении используются в качестве исходного материала реальные представления. В результате появляются воображаемые образы, в которых соединяются несоединимые в жизни вещи. Фантазия же не имеет прямого отношения к действительности, в ней не только результаты, но и исходные продукты являются воображаемыми.

Если ассоциации являются механизмами переработки знаний на низших уровнях познания, то логика — на высших. Логические операции — это операции мышления, они помогают образованию понятий, заканчивая процесс восхождения от частного к общему. Однако, несмотря на такое стройное и развернутое описание процесса индуктивного мышления при переходе от частного к общему, главной операцией мышления, для Аристотеля, как и для большинства греческих психологов, остается дедукция, т. е. переход от общего к частному. В этом также одно из противоречий его теории.

Выделяя два вида мышления (в современной классификации — логическое и интуитивное), Аристотель фактически раскрывал два способа получения знания. Логическое мышление завершает сенсуалистический путь познания, в то время как интуитивное помогает актуализации знаний из врожденной, разумной части души. Как уже говорилось, необходимость в бессмертной части души диктовалось невозможностью по-иному объяснить передачу опыта, культуры от одного поколе-

ния к другому. С этим же связано и появление интуитивного мышления, при помощи которого эти знания осознаются человеком.

Исследуя проблему регуляции поведения, Аристотель приходил к выводу о том, что возможна двойная регуляция — как эмоциями, так и разумом. Он, так же как и Платон, был убежден, что истинную свободу и ответственность может дать только разумная регуляция, но его опыт показывал, что бороться с эмоциями бесполезно. Аристотель впервые выделил несколько видов эмоций, разделяя чувства и эффекты по степени их влияния на поведение. Чувства могут быть осознанны разумом и потому не обязательно сказываются на поведении, придавая нашим разумным поступкам лишь некоторый эмоциональный контекст. Положительные чувства помогают протеканию определенного действия, в то время как отрицательные, наоборот, мешают. Тот факт, что ассоциации связаны с чувствами удовольствия и неудовольствия, делает возможным их использование при формировании социально одобряемых форм поведения. В отличие от чувств аффекты, как наиболее сильные и ярко выраженные виды эмоций, мало поддаются рациональному осмыслению и потому с ними очень сложно бороться. Аффект, по мнению Аристотеля, всегда приводит к спонтанному поведению либо к изменению ранее планировавшегося действия. Поэтому последствия аффекта могут быть самыми разрушительными для человека. Таким образом, развивая положения Сократа и Платона, Аристотель также говорил о том, что истинной свободы не может быть у человека, поддающегося эмоциям. Свобода может быть только при разумной регуляции поведения.

Исследуя проблему борьбы с аффектом (что необходимо для обретения свободы и разумности поведения), Аристотель пришел к очень важному для психологии выводу о роли катарсиса (очищения). Он писал, что аффект не может быть побежден в том случае, если он уже наступил, но возможно предупреждение его, очищение от аффекта, т. е. от накопившегося эмоционального напряжения. Это очищение, разрядку возможно специально вызвать, и роль искусства как раз и заключается

в подобном катарсисе. Фактически в этих исследованиях Аристотеля впервые прозвучали мысли о психотерапевтической роли искусства, а также об особой роли театра как наиболее синтетического искусства, влияющего на эмоциональное состояние зрителей.

Таким образом, теория Аристотеля охватывала широкий круг проблем, наиболее актуальных, как оказалось впоследствии, не только для психологии того времени. Часть из них отошла на второй план в период эллинизма, однако взгляды Платона и Аристотеля наложили несомненный отпечаток на все последующие концепции психики.

Психологические концепции эллинизма

После появления двух наиболее полных и разносторонних психологических теорий Платона и Аристотеля, античная психология в период эллинизма была переориентирована на исследование более локальных проблем, часто имеющих не столько общетеоретическое, сколько практическое значение. Одной из наиболее важных в это время становится проблема развития нравственности, становления нравственного поведения.

Школа киников (циников) исходила из того, что каждый человек является самодостаточным, т. е. имеет все необходимое для духовной жизни в себе самом. Однако, как подчеркивал один из ведущих ученых этой школы Диоген Синопский (ок. 400 — 325 гг. до н. э.), не каждый человек способен понять себя, прийти к самому себе и довольствоваться только тем, что он имеет в себе самом. Поэтому единственный путь для нравственного самосовершенствования — это путь к себе, путь, ограничивающий контакты и зависимость от внешнего мира. Фактически киники, стремясь к независимости, говорили не столько о самодостаточности, сколько о негативной реакции, негативизме по отношению к обществу, эпатируя общественное мнение. Не достигалась чаще всего и та нравственная цель, которую они ставили перед собой — достижение свободы и покоя.

Естественно, что такое понимание этических норм не могло иметь большого распространения. Более рас-

пространенным был подход известного греческого философа и психолога Эпикура, который доказывал, что не негативизм, но отчуждение, уход от общества, есть наиболее этически верный путь духовного саморазвития и самосовершенствования.

В центре исследовательских интересов Эпикура (341 — 270 гг. до н. э.) стояла проблема исследования критериев нравственного и безнравственного, на основе которых можно оценивать поведение человека. Будучи последовательным материалистом, Эпикур стремился модернизировать учение Демокрита так, чтобы оно отвечало новым требованиям времени и, прежде всего, новому пониманию места человека и роли души в его психической организации.

Исследуя разницу между душой животного и человека, Эпикур выделяет четыре части души, три из которых существуют как у животных, так и у человека. Это огонь, дающий тепло, пневма, дающая возможность движения, и ветер, дающий возможность дыхания. Четвертая часть, «душа души», является принадлежностью только человека и связана с чисто психическими, а не психофизическими функциями души — с чувствами, мышлением, нравственностью. Таким образом, Эпикур, в соответствии с задачами психологии своего времени, модернизировал учение Демокрита, показав качественные отличия души человека от душ животных.

Римский психолог Лукреций Кар (ок. 99 — 55 гг. до н. э.), последователь Эпикура, также говорил о функциональном различии разных частей души, подчеркивая, что роль той части души, которая есть только у человека, заключается в мышлении, в том числе и в выработке нравственных понятий. Лукреций дает название этой четвертой части, «душе души», называя ее Дух. Начиная именно с этого времени, в психологии появляется два термина, имеющих несколько разное содержание — душа, как символ психики как таковой, и дух — как символ наиболее высших, идеальных стремлении человека, в том числе нравственных, эстетических и этических переживаний и понятий.

В отличие от Демокрита, Эпикур по-новому интерпретировал роль ощущений и мышления в процессе

познания. В его теории познания присутствовали уже все этапы переработки знаний, о которых говорили Платон и Аристотель, — помимо ощущения и мышления еще и память, и воображение. Разделяя идею Демокрита о «истечениях — эйдолах», Эпикур решительно отстаивал мысль о том, что именно ощущения и есть основа всех наших знаний, в том числе и самых абстрактных. Таким образом, можно сказать, что в теории познания он был первым последовательным сенсуалистом в античной психологии.

Эпикур считал, что единственным источником и добра, и зла является сам человек, он же сам главный судья собственных поступков. Таким образом, источник активности, так же как и источник морали в самом человеке. В то же время он полагал, что не разум, но чувства управляют поведением человека, вызывая в нем стремление к совершению того, то вызывает чувство удовольствия и избегания тех объектов, которые вызывают чувство неудовольствия. Разум помогает человеку осознавать и различать свои желания, эмоции, мотивы своих поступков, помогает человеку сделать положительные переживания не случайными, но постоянными фактами жизни. При этом он доказывал, что нет противоречия между приятным и нравственным поведением, а истинное наслаждение доставляют только духовные удовольствия, которые вечны и непреходящи.

Основной проблемой человеческой жизни Эпикур считает преодоление страха, страданий, самый главный из которых — это страх перед смертью, загробной жизнью. С его точки зрения, не страх перед наказанием, перед загробными муками, но собственный разум, собственная воля должны удерживать человека от дурных поступков. Страх не может привести к нравственности, т. к. в его основе лежит страдание. Он высказывал важную идею о том, что любой страх, в том числе страх перед учителями, правителями, так же как и перед богами, тормозит развитие человека. Проповедуемый Эпикуром атеизм был связан именно с этой идеей, т. к., по его убеждению, Боги, хотя и существуют, но не вмешиваются в жизнь людей. Эти рассуждения Эпикура важны и тем, что, анализируя причину страха смерти, он высказывал

мнение о том, что это не страх перед наказанием, но страх перед неопределенностью, неизвестностью. Таким образом, разум не только делает более устойчивыми наши положительные эмоции, но является и причиной отрицательных, и с этой точки зрения можно говорить о том, что именно Эпикур заложил предпосылки когнитивной теории эмоций.

В позиции Эпикура были и уязвимые места, которые помешали широкому распространению его концепции. Прежде всего это было связано с отсутствием четких критериев добра и зла, нравственного и безнравственного поведения. Однако в том случае, если человек в себе и только в себе находит силы для своей деятельности, у него отсутствует необходимая для многих опора, помогающая преодолеть трудности и искушения, дающая надежду на то, что кто-то оценит его поведение. Поэтому проповедуемый Эпикуром подход не мог быть приемлем для всех и давал хороший эффект в основном для решительных и уверенных в себе людей, тех, кого Ф. Ницше впоследствии назовет «сверхчеловек».

О внутренней независимости, автономии человека говорили и стоики. Однако, в отличие от Эпикура, они подчеркивали необходимость ранней социализации, подчинения законам, действующим в данном обществе, говоря о том, что каждый должен «честно выполнять возложенную на него роль». Эта школа разрабатывала более приемлемую для большинства людей этическую концепцию и постепенно приобрела широкое распространение. Она зародилась еще в Древней Греции. Закладывали основы стоической этики деклассированные люди — бывший борец Зенон (336 — 264 гг. до н. э.), отпущенный на свободу раб Хризипп (281 — 208 гг. до н. э.). Свои беседы они вели, прогуливаясь по внешней колоннаде греческих храмов — стое. Отсюда и название этой школы — стоики, которое со временем стало нарицательным, обозначая твердость духа и постоянство. Постепенно, приобретая все большую популярность, их концепция завоевывала новые слои общества, и в римский период эта школа была одной из самых известных и распространенных, к ней принадлежали многие видные политики, в том числе сенаторы Сенека, Катон

Младший, Цицерон, Брут, император Марк Аврелий (I — II вв.).

Стоики разделяли взгляды Демокрита на атомистическое строение мира, говоря о том, что начало начал — это бытие, состоящее из атомов, которые являются первоосновой всей вселенной, в том числе души и тела человека. Разделяли они и идею пантеизма (всеобщего одушевления природы) первых психологов.

Изучение процесса познания стало главным вопросом для психологов древней (греческой) стои. Это отразилось на их понимании души, в которой они выделяли 8 частей, из которых только одна не связана с процессом познания, но отвечает за продолжение рода. Остальные части — это пять органов чувств — обоняние, осязание, вкус, слух и зрение, мышление и речь. Шесть низших частей души общие у человека и других живых существ, а мышление и речь присущи только человеку, являются качественными отличиями именно его души. Они разделяли мышление на внешнее и внутреннее. При этом под внешним мышлением стоики понимали речь, полностью отождествляя эти процессы. С точки зрения стоиков, мышление как бы пронизывает весь процесс познания, оказывая влияние уже на первых его ступенях, т. к. именно разумность ощущений делает их правильными, т. е. очевидными для всякого. Мышление, т. е. осознание и оценка истинности и очевидности наших представлений продолжается и при их запоминании, и при фантазии, т. е. на всех этапах переработки знаний. Таким образом, в крайне наивном виде в концепции стоиков проявляется попытка связать воедино все ступени познания, показав их преемственность и вычленив критерий объективности познаваемого.

Разработанную этой школой концепцию речи по праву можно назвать первой в науке теорией значения слов. Так как мысль обозначается словом, то и разница между ними в том, что мысль — это обозначаемое, а слово (символ) — обозначающее. И мысль, и слово связаны с реальным предметом, составляя «треугольник отношений»: слово — мысль — предмет. Слово правильно символизирует мысль и адекватно соответствует реальному предмету, который верно отражен в мысли. Доказывая,

исходя из треугольника отношений, что слово существует до и помимо реального предмета, являясь не только его названием, но и сутью, размышления стоиков шли в сторону идеализации слова, отождествляемому с законом, которому подчиняется и природа, и человек, и космос. Именно таким образом, как будет показано ниже, интерпретировал эту теорию Филон Александрийский.

Одним из главных вопросов концепции стоиков является вопрос о свободе духа. Ни одно из положений их учения не может сравниться по важности с ее утверждением. Однако, провозглашая абсолютную свободу личности, они подчеркивают, что свобода духа не тождественна свободе действия и противопоставляли духовную, внутреннюю свободу свободе поведения, свободе внешней. Человек не может быть абсолютно свободным, т. к. он живет по законам того мира, в который он попадает. Предвосхищая слова Шекспира о том, что весь мир — это театр, они писали о том, что человек является только актером в той пьесе, которую ему предоставила судьба. При этом он не может выбрать ни пьесы, в которую он попал, ни своей роли. Он может только с достоинством играть ту роль, которая ему уготована. Таким образом, получалось, что у человека есть две формы свободы — внешняя и внутренняя. Внешняя свобода — т. е. выбор пьесы и роли — не доступна человеку, но внутренняя свобода — т. е. способ игры, выполнения этой роли — всецело в его воле. Понимание своей роли и своего предназначения в жизни дает человеку ощущение свободы, которая является познанной необходимостью, о чем позднее писал известный ученый XVII в. Б. Спиноза. О внутренней свободе, свободе самопознания и творчества, которая помогает преодолеть самые тяжелые обстоятельства, писал и основатель логотерапии В. Франкл, развивая идеи стоиков на современном материале, полученном психологической наукой.

Свобода духа, по мнению стоиков, проявляется не только в рациональной оценке себя и своей судьбы, но и в возможности уйти из этой жизни, если она тебя не устраивает. Они были убеждены, что рок может отнять у человека жизнь, но не смерть, которую выбирает не

смирившийся человек, предпочитающий достойную смерть потере личной свободы. Развивая это положение, Сенека в письмах к Луцилию подчеркивал, что неважно, длинна или коротка жизнь, важно, чтобы она была достойна сыграна.

С точки зрения стоиков, единственным ограничением для свободы и нравственного самосовершенствования человека являются аффекты, которые нарушают разумный строй жизни и бодрость духа. Достижение полного владения собой, спокойствия, которое не нарушается никакими житейскими волнениями есть признак наивысшего психического здоровья. Поэтому так важно уже в детстве обучать людей упражнениям, помогающим борьбе с аффектами.

Стоиками была разработана теория аффектов, в том числе и способы борьбы с ними. Они открыли, что аффекты связаны с телесными изменениями, доказав, что первой стадией развития аффекта являются соматические изменения, следствием которых являются психологические — возникает мнение о том, что случилось и как надо реагировать. Соответственно, при борьбе с аффектом телесные выражения, движения играют большую роль, усиливая аффект. Поэтому нельзя придавать аффекту внешнее выражение, т. к. тогда с ним будет труднее бороться. Об этом же много позже писал и Дарвин, который исследовал связь эмоций с выразительными движениями. Стоики также подчеркивали, что аффект нельзя усиливать воображением и нельзя одобрять поведение, связанное с ним.

Большое значение в период эллинизма придавалось и исследованиям индивидуальных особенностей человека. Наибольшее распространение эти исследования нашли в медицине и педагогике.

Известный римский ученый Квинтилиан, связывая одаренность со способностями к ораторскому искусству, писал о том, что первым и основным признаком умственных способностей является память, которая проявляется в двух свойствах — быстрой и легкой восприимчивости и долгом удержании приобретенного. Еще одним признаком умственных способностей является раннее развитие стремления к подражанию, в котором

обнаруживаются острота и переимчивость. При этом быстрота переработки информации, гибкость мышления, так же как и креативность, способность к творчеству, не являлись признаками одаренности, с точки зрения Квинтилиана. Это говорит о том, что Квинтилиан, так же как и впоследствии Гельвеций, понимал способность не с точки зрения скорости или легкости обучаемости, понимания нового материала, но по уровню выполнения задания, интересу и серьезности, проявляемой в процессе работы.

В медицине эти исследования способностей наиболее полное отражение нашли в работах Галена (ок. 130—200). Он считал, что органами психики являются мозг, сердце и печень. При этом, исходя из выделенных в учении Платона частей души, доказывал, что печень связана с вожделением, сердце — со страстями, а мозг — с разумом. Гален также высказал мысль о значении желудочков мозга и коры, хотя отводил именно желудочкам ведущую роль в мозговой активности, т. к. именно в них хранится психическая пневма. Большое значение имели и открытые им задние и передние корешки мозга, исследование которых впервые показало существование разных, специальных волокон, связывающих мозг с мышцами и органами чувств. Все эти данные позднее помогли раскрыть законы мозговой регуляции психики, рефлекса и т. д.

Гален также, развивая идеи Гиппократа об акразии и ее роли в формировании темперамента, высказывал гипотезу о том, что темпераментов не четыре, но много больше, в зависимости от разных сочетаний соков организма. Описывая теплые (мужественные) или холодные (медлительные) типы, Гален подчеркивал, что темперамент имеет не только медицинское, но и психологическое значение, раскрывая специфику поведения человека в определенной ситуации.

Преобладание определенных соков, теплого и холодного, связано, по его мнению, с развитием аффектов. Так, гнев он описывает как повышение сердечной теплоты, которая приводит к возникновению определенного эмоционального состояния, осознаваемого как гнев. Таким образом, можно сказать, что в теории Галена за-

кладывался периферический взгляд на происхождение эмоций, который впоследствии найдет воплощение в теории эмоций Джемса — Ланге.

В первых веках нашей эры развитие психологических взглядов связывается уже не только с греческой мифологией и религией, но и с распространяющимся христианством. Одним из первых связывал достижения психологической науки (прежде всего работы Платона и стоиков) с библейскими постулатами Филон Александрийский (ок. 20 г. до н. э. — 40 г. н. э.). Ему принадлежит один из первых переводов Ветхого Завета на греческий язык. Наибольшую сложность для Филона (как и для последующих религиозных мыслителей) представляла интерпретация понятия «господа» и трансцендентальных представлений Библии в понятийном аппарате греческой науки. Античная психология даже в своих идеалистических представлениях опиралась на природные, выведенные из наблюдения и размышления о законах окружающего мира понятия, а потому внеприродные понятия в ее терминах просто невыразимы.

Отсюда в концепции Филона впервые появляется термин «откровение», которым он объясняет не выводимые из научных знаний понятия. Так, в психологическую науку впервые проникает мистика, которая в средневековый период стала одним из ее основных элементов. Откровение в теории Филона объясняется при помощи теории значения слова, разработанного стоиками. Продолжая предпринятый ими анализ связи слова, мысли и предмета, Филон отождествляет понятия «слово» и «логос», оставляя в стороне сущность этой связи, их соотношение с мыслью и реальным предметом. Таким образом, слово — это и есть закон, по которому создается мир, слово — это и есть откровение Бога, данное им в вербальной форме людям. Такое отношение к слову-Логосу переходит от Филона Александрийского в христианскую науку, т. к. объясняет библейские тексты, говорящие о том, что «В начале было слово... и слово было Бог».

С точки зрения Филона, человек состоит из трех элементов — разума (дух), души и тела. Разум и душа — это психические и психофизические элементы, которые,

соединяясь со смертным телом создают конкретного человека. Этот процесс связан с тем, что дыхание божества наполняет материю, тело, наделяя ее пневмой — душой, к которой у человека присоединяется еще и дух. Так, психофизическое понятие пневма связывалось с учением о Логосе и откровении, получая новую интерпретацию.

Отождествляя понятие Логос и Бог, Филон тем самым вводил еще одну, важную для средневековой науки традицию — соединение Бога с мировой душой Платона, т. е. с идеальным понятием, к которому стремится все в мире и в котором есть ответы на все вопросы. Филон писал и о том, что одним из способов постижения этого идеального мира есть путь аскезы и экстаза, в котором душа человека «озаряется божественной истиной, созерцает Бога в Его чистом единстве и наполняется Им совершенно». Эти мыли о возможности непосредственного соединения человека с высшим началом, при котором отпадает необходимость в посредниках, была развита в теории Плотина.

Эта теория является последней значительной вехой на пути развития античной психологии. Плотин (205—270) по-новому представил картину мира и роли человека в нем. Это учение в дальнейшем было названо неоплатонизмом, поскольку, отправляясь от учения Платона, Плотин внес в него собственную трактовку бытия в целом и возможностей человеческой души.

Одним из главных качеств души выступало ее единство. Она сама создает единство и потому не может ни порождаться отдельными элементами, ни быть из них построенной. Таким образом, Плотин вводит важное для современной психологии понятие «холизма» — единства или целостности сознания и личности человека, которое формируется в первые годы жизни и является основой тождественности (идентичности) человека самому себе.

Не менее важным являлось и положение Плотина о самосознании как основе достижения этого единства. Он доказывал, что мир состоит из нескольких концентрических кругов, в центре которых размещался всеобщий разум, который излучал знания так же, как солнце излучает тепло. Далее по кругам размещались души, тела

людей, животных, неодушевленные предметы. Таким образом, в качестве вершины бытия выступало высшее единое благо, из которого путем эманации (истечения от высшего к низшему) происходит ум и его идеи, а затем душа и чувственный космос. При этом каждое из явлений природы находится на определенном месте по отношению к всеобщему благу.

Активность души у Плотина направлена во-первых, к мировому разуму, во-вторых, к чувственному миру (включая тело) и, в-третьих, к самой себе. Если первые два направления унаследованы от Платона, то последнее было собственно плотиновским. Та сторона души, которая обращена к разуму, больше освещается его светом, более возвышенна по сравнению с телесной стороной души, больше склонна к познанию.

В этих обращениях душа черпает различные знания. Плотин выделяет три пути познания. Обращаясь к телу, душа получает знания о нем. Этот же путь дает знания о природе, здесь душа познает окружающий мир посредством ощущений. Этот путь является основой формирования новых знаний, нашего опыта.

Обращаясь к мировому разуму душа сливается с ним, и в момент этого слияния (экстаза) знания, находящиеся в мировой душе, переливаются в индивидуальную душу, становятся ее достоянием. В принципе об этом пути говорил и Платон, однако у неоплатонистов впервые подчеркивается непосредственный характер этого способа передачи знания. Плотин, как и Филон, подчеркивал, что этой передаче предшествует особое состояние души, так называемый экстаз. В этом состоянии человек ощущает свое единство с мировым разумом, дающее уверенность в истинности знаний. Так, в концепции Плотина получает объяснение идея откровения Филона.

Впоследствии в христианстве идея экстаза была заимствована некоторыми конфессиями для объяснения возможности непосредственного контакта человека с Богом. Некоторые из этих направлений получили название мистики. Мистики отрицали необходимость посредника (священника) между человеком и богом и настаивали на том, что в момент наивысшей кульминации молитвенного состояния (экстаза) божественное откро-

вение снисходит на человека и ему открываются истины. Мистика стала основой для возникновения различных ересей, т. к. настаивала на праве каждого человека трактовать открывшуюся ему истину по-своему, что и привело к интерпретациям библейских текстов.

Но наиболее важной для психологической науки был третий путь познания, открытый Плотином, — т. е. возможность души обращаться к себе и таким образом получать знания о своей духовной жизни. Эти знания, открываемые человеком, давали ему возможность выстроить представления о себе, о своих переживаниях и мыслях, о своих индивидуальных особенностях в единую систему, т. е. осознать себя целостным и уникальным субъектом.

Так, в психологии появляется метод самонаблюдения, интроспекции, который станет важнейшим методом изучения психики, а на протяжении нескольких веков и единственным методом психологической науки. Идея о самонаблюдении как важнейшем инструменте осознания своей цельности и уникальности станет путеводной для возникшей впоследствии психологии личности.

Выделив обращенность души на себя в качестве одного из направлений ее активности, Плотин понимает психическое действие любого уровня как чисто духовное. Память — это не запас впечатлений, она есть не что иное, как знание души о своих прежних действиях, поэтому она является основой единства сознания, соединяя в нем прошлое и настоящее. Душа обладает не только памятью на совершенные действия. Ей свойственно знание и о тех актах, которые она производит в данный момент, будь то акты чувственного или интеллектуального характера. В ней возникает образ, отображение ее собственной работы. К ходу ее действий как бы пристраивается отражательный аппарат, дублирующий этот ход в виде представления о нем, именуемого фантазией. Таким образом, у человека существует сопровождающее все психические функции внутреннее представление. Так, у Плотина психология впервые становится наукой о явлениях сознания, понятого как самосознание, а самосознание является главным гарантом и основой един-

ства сознания, личности человека, способного к интроспекции — наблюдению и анализу собственных состояний.

Появление этой концепции в III в. ознаменовало появление новых взглядов на психику и предназначение человека. Хотя в ней еще сохраняются традиционные для античной науки вопросы развития познания, новый подход к их решению оказал огромное влияние на развитие христианства и на появление сакральной (т. е. основанной не на разуме, а на вере) психологии.

Концепция неоплатонизма (так же как и концепция Филона) завершает этап развития античной психологии. Дальнейшее развитие учения о самосознании и познавательной активности души связано с именем известного римского ученого и богослова Августина Аврелия, который вошел в истории науки под именем Августина Блаженного. Его учение ознаменовало переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению, им открывается новая эпоха в развитии психологии — эпоха средневековой психологии.

* * *

Анализ развития психологии с 7 — 6 вв. до н. э. до III — IV вв. н. э. позывает, что именно в этот период были сформулированы основные вопросы психологической науки, появляется идея о методе исследования психики, развивается сам предмет психологической науки.

Ведущие проблемы, которые ставили психологи античности — движущих сил и механизмов психического развития, регуляции поведения человека, качественных отличий его психики, особенностей процесса познания, стали главными для психологов последующих поколений, определив место психологии в системе других наук.

В психологии античности был заложен категориальный строй этой науки, началось изучение таких категорий, как образ, мотив, переживание, поведение, личность. Достижения первых психологов, так же как их заблуждения и ошибки, стали основой для построения следующих концепций, открыв перед психологией бесконечный путь развития в познании психики.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем сущность детерминизма Демокрита?
2. Что общего и в чем отличия в понимании души в теориях Платона и Аристотеля?
3. Какие основные психологические проблемы решались учеными в период эллинизма?
4. Какие открытия античной психологии оказали наибольшее влияние на науку Средневековья?
5. На каком основании можно говорить о появлении категориального строя психологии уже в античности?

Примерные темы рефератов

1. Естественно-научный подход к душе в теории Аристотеля.
2. Сравнительный анализ понимания функций и содержания души в идеалистических и материалистических психологических концепциях ученых Древней Греции.
3. Сравнительный анализ подходов к проблеме воли в теориях стоиков, Эпикура и Аристотеля.

Литература

1. *Аристотель.* Сочинения: В 3 т. М., 1975.
2. *Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985.
3. *Геродот.* История. М., 1993.
4. *Гиппократ.* Избранные книги. М., 1936.
5. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
6. *Лукреций Кар.* О природе вещей. М., 1936.
7. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
8. Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1968.
9. *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д, 1998.
10. *Трубецкой С.Н.* История древней философии. М., 1997.
11. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

ГЛАВА V

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Общая характеристика развития психологии в эпоху Средневековья

Эпоха Средневековья, длившаяся почти десяти веков, не имеет в истории достаточно четкой периодизации. Считается, что началом этой эпохи является падение Римской империи, т. е. V в. В то же время все ученые отмечают, что элементы средневековой идеологии, так же как и средневековой науки, появляются значительно раньше, уже в III в. Это естественно, т. к. появление таких значительных изменений в культуре, в мироощущении людей не может возникнуть внезапно, при появлении какого-то внешнего критерия. В то же время и в истории, и в науковедении, такой критерий также необходим, и выбор V в. обусловливается еще и тем, что в этот период новая, мировая христианская религия окончательно утверждается в своих правах в Европе.

Окончание средневекового периода связывают как правило с XV в., со временем возрождения искусства, светской науки, открытием Америки. В то же время первые признаки новой идеологии появляются уже к концу XIV в., а говорить о окончательном уходе средневекового мировоззрения можно только к концуXVI — началу XVII в., после Реформации. Хотя еще в Новое время ученым приходилось доказывать возможность и необходимость отделения науки, особенно науки о душе — психологии, от богословия. Такое постепенное развитие и угасание характерных особенностей средневекового

мировоззрения в психологии наглядно отражается в концепциях Августина Аврелия и Фрэнсиса Бэкона, которые, несколько условно, обрамляют этот период.

Одной из важнейших характеристик средневековой науки вообще, и психологии в частности, была ее тесная связь с религией. Точнее говоря, не богословской, внецерковной науки в то время в Европе не существовало. Ее важной особенностью в этот период было появление сакральности, от которой психология избавлялась при переходе от мифологии к научному знанию в 7 — 6 вв. до н. э. Зависимость от религии снова поставила вопрос о связи и взаимовлиянии знания и веры, который стал важнейшим для ученых на протяжении всего этого периода.

Одним из характерных стереотипов при анализе Средневековья стало представление об однозначно негативном характере развития науки, да и общества в целом в этот период. Однако такое представление не может быть верным хотя бы потому, что на протяжении почти десяти веков социальная ситуация развития науки менялась, менялось само общество, его идеология, его структура. Говоря о взаимоотношения между религией и наукой нельзя игнорировать эти изменения, обойти как то положительное, что пришло в психологию с богословием, так и отрицательные влияния церковного диктата. Тесный контакт и зависимость от богословия дает основание того, чтобы использовать в качестве временных границ при анализе развития психологии этапы развития религиозной мысли, в которой выделяют этап апологетики, исторически предшествующий Средневековью (II — IV вв.), этап патристики (IV — VIII вв.) и этап схоластики (XI — XIV вв.).

Начало нового этапа в развитии психологии было связано с фактическим изменением ее предмета, т. к. официальной наукой о душе стало богословие. Поэтому психология должна была либо полностью уступить ей исследование психики, любо найти для себя некоторую нишу для исследования. Именно в связи с поисками возможности для изучения единого предмета в разных его аспектах происходили основные изменения во взаимоотношениях богословия и психологии.

При появлении христианства ему было необходимо доказать свою уникальность и оттеснить другие религии, несовместимые с ним. С этим связана и нетерпимость к греческой мифологии, так же как и к психологическим и философским концепциям, которые были тесно связаны с языческой религией и мифами. Поэтому большинство известных психологических школ (Ликей, Академия, Сад Эпикура и др.) были закрыты к VI в., а ученые, хранившие знания об античной науке, переезжают в Малую Азию, открывая там в греческих колониях новые школы. Ислам, распространенный на Востоке, не был столь нетерпим к инаковерию, как христианство в III — VI вв., а потому психологические школы там свободно развивались. Позднее, к IX — X вв., когда гонение на античную науку, особенно на теории Платона и Аристотеля, проходит, многие концепции возвращаются в Европу, часто уже в обратном переводе с арабского.

На этапе апологетики еще одной причиной антагонизма между психологией и богословием была несовместимость знания и веры, которая не терпела никакого инакомыслия, никакого сомнения в своих догматах. Церковь в то время сурово осуждала не только усомнившихся в ее истинах, но и даже тех, кто пытался их доказать, считая, что стремление к доказательству идет от недостатка веры. Недаром именно в это время появилось высказывание известного богослова Тертуллиана: «Верую, ибо это нелепо».

Однако после упрочения господства христианской церкви к V — VI вв. появилась необходимость внести необходимые для того времени дополнения, разъяснения или трансформации в некоторые положения христианства. Нужно было канонизировать постулаты, вытекающие из новых реалий для того, чтобы предотвратить распространение ереси, несущей церкви раскол. Так возникает новый этап — патристики, т. е. учения отцов церкви, в котором богословие начинает обращаться к знаниям, накопленным в античности.

С этого времени и почти до XII — XIII вв. взаимоотношения церкви и науки снова изменяются, причем церковь становится одним из главных хранителей и распространителей знаний.

Для понимания роли церкви в это время необходимо помнить и историческое положение в Европе того времени. Постоянные войны делали невозможным создание государств в собственном смысле этого слова, не было еще и постоянной сильной светской власти вообще. К концу VI в. исчезают остатки римской цивилизации, при которой все состоятельные члены общества умеют читать и писать, существуют светские учебные заведения, а ученые обращаются ко всем членам общины. Последним мыслителем этой эпохи был Боэций (VI в.), на работы которого огромное влияние оказало учение Платона.

Последующие три века (примерно до X в.) историки часто и справедливо называют годами мрака, подразумевая, что отсутствие стабильности, государственной власти, постоянные набеги, эпидемии делали жизнь людей, как королей и рыцарей, так и простых поселян и воинов, тяжелой, полной невзгод и опасностей. Фактически единственным очагом стабильности, культуры, надежды на лучшее будущее в то время была церковь, она же объединяла в единое целое разрозненные и враждующие между собой племена. В этот период зарождается противостояние церковной и светской власти, которое было характерно для Средневековья.

Монастыри становились оплотом науки, в них хранились книги и обучали грамоте. Вообще единственными грамотными людьми, как правило, были монахи, а светские люди, феодалы, даже высшая знать, часто не умели писать и считать. В монастырях хранились не только церковные книги, но и светские, в том числе и списки с книг античных психологов. Эти работы изучались и развивались в трудах церковных ученых, обычно также работавших при монастырях. Важным было то, что в это суровое время монастыри давали защиту, охраняли от голода и многих болезней, от военных грабежей. Несмотря на противодействие императоров, власть пап оставалась достаточно крепкой, чтобы противодействовать любым попыткам пошатнуть авторитет церкви. Этому способствовало и то, что, несмотря на остатки языческих верований большинство светских властителей также было глубоко верующими людьми.

Такое положение просуществовало несколько веков, однако уже к XII—XIII вв. оно начало изменяться. С укреплением государств, развитием городов и ремесел мрак начинает рассеиваться, у людей появляется надежда на достойную жизнь в настоящем, а не только потустороннем мире. Однако для взаимоотношений науки и религии этот поворот оказывается далеко не столь благоприятным, т. к. духовенство перестает быть единственным оплотом культуры.

В это время появляются первые светские университеты, сначала в Болонье, а затем в Париже. Открываются светские школы, т. е. грамотными уже являются не только монахи, но и аристократия, купцы и ремесленники. Усиление городов с их самоуправлением, требовавшим и высокого мастерства, и выполнения цеховых правил, требовало и новой культуры, и нового самосознания человека. Появляется сильная светская власть, которая подчиняет себя церковную.

Именно в это время появляется схоластика, которая в этот момент была достаточно прогрессивным явлением, т. к. предполагала не только пассивное усвоение старого, но и активное разъяснение и модификацию готового знания, развивала умение логически мыслить, приводить систему доказательств и строить свою речь. Тот факт, что это знание уже готовое, т. е. схоластика связана с использованием репродуктивного, а не творческого мышления, в тот момент мало настораживал, т. к. даже репродуктивное мышление направлено на получение и доказательство знания. Однако со временем схоластика начала тормозить развитие новых знаний, она приобрела догматический характер и превратилась в набор силлогизмов, которые не давали возможности для опровержения старых, неправильных или не верных в новой ситуации положений. Точно так же и церковь, бывшая в VI—X вв. во многом хранительницей знаний, становится тормозом на пути развития науки, т. к. она не является уже только ее достоянием, только ее исключительным правом. В стремлении сохранить за собой приоритетные позиции церковь пытается не допустить развитие новых концепций, которые противоречат ее многочисленным догмам, причем со време-

нем этих противоречий становится все больше, а неприятие более жестким. Именно в позднем Средневековье приобретает все большее значение инквизиция, пытаясь отстоять прежние позиции церкви и во власти, и в науке.

После начального этапа развития психология начинает стремиться к тому, чтобы найти свое место в исследовании души, найти тот круг вопросов, который может быть ей отдан богословием. Естественно, что это приводит частично к пересмотру предмета психологии, в котором в содержании души выделяется особая категория, которая подлежит научному исследованию. Необходимость выделиться из богословия приводит к появлению теории двух истин, которая утверждала, что истина знания и истина веры не совпадают между собой и не противоречат друг другу, как две параллельные прямые. Первоначально эта теория была сформулирована в IX — X вв. арабским ученым Ибн Синой, а вскоре получила широкое распространение и в Европе.

Несколько позже, в XII — XIII вв., появляется в психологии направление, получившее название «деизм», которое утверждало, что существует две души — духовная (которую изучает богословие) и телесная, которую изучает психология. Таким образом, появлялся предмет и для научного изучения.

Расширение прав науки привело к тому, что к XIII в. эта теория двух истин, несколько перефразированная в томизме — теории, разработанной известным богословом Фомой Аквинским — была призвана уже защитить веру от научных доказательств. Стараясь примирить науку и веру, он писал о том, что они имеют, действительно, две разные истины, но в том случае, если истина науки противоречит истине веры, наука должна ей уступить.

Все большее влияние на психологию Средневековья начинают оказывать работы Платона и Аристотеля, концепции которых постепенно приобретают все более ортодоксальный характер. Многие крупные ученые того времени (Ибн Рушд, Ф. Аквинский) были последователями Аристотеля, доказывая, что именно их толкование этой теории единственно верное.

Если в VI — VII вв. ученым еще ставили в вину ссылки на античных мыслителей (как, например, Боэцию), то к XIV — XVI вв., наоборот, критика или непочтительный отзыв об этих теориях мог привести к крупному штрафу или отлучению от кафедры. Таким штрафам, например, подвергался Д. Бруно, критиковавший некоторые положения Аристотеля.

К кругу традиционных психологических проблем, исследуемых в средневековой науке, относится, прежде всего, изучение процесса мышления и его взаимосвязи с речью. Анализируя становление понятийного мышления, ученые ставили вопрос о происхождении общих понятий (универсалий). Наряду с вопросом о взаимосвязи знания и веры, он становится одним из центральных в период схоластики. При этом реалисты (Эриугена, Гильом, Ансельм Кентерберийский) доказывали, что общие понятия реально существуют еще до вещей, в уме у Бога. Такой подход перекликался с позицией Платона, утверждавшего, что общие понятия существуют в мировой душе, являясь образцом для реальных предметов. Номиналисты (Росцелин, позднее Д. Скот, У. Оккам), напротив, считали, что общие понятия не существуют в реальности, но есть лишь «дуновение голоса», т. е. лишь слово, которым для удобства общения фиксируют группу сходных предметов. Основатель концептуализма (направления, примыкавшего к номинализму) П. Абеляр доказывал, что общие понятия существуют и вне вещей, в уме человека. То есть слово — это не только звук, но и значение, которое, оставаясь в названиях, передается людям. При этом он одним из первых (наряду с Эриугеной) отстаивал верховенство разума перед верой, говоря о том, что надо понимать, чтобы верить. Так, к XI — XII вв. в науке начинает возрождаться рационализм, который станет ведущим направлением и в психологии, и в философии Нового времени.

На изучение вопросов познания в поздней схоластике и в период Возрождения существенный отпечаток наложили не только работы античных ученых, но и арабских психологов, которые стали проникать в Европу в XII — XIII вв., получая все большее распространение.

В то же время наряду с продолжением исследования традиционных для античной науки вопросов в психологии Средневековья возникают новые проблемы. Это изучение взаимосвязи психических и соматических болезней, проводившееся известным арабским психологом и врачом Ибн Синой. Эти работы заложили основы современной психофизиологии, впервые вскрыли природу стрессов и их влияние на состояние психики.

Важные исследования проводились в церковной психологии, направленные на изучение способов манипуляции большой массой людей, приемов снижения психического напряжения. Для того чтобы лучше понять смысл этих исследований, необходимо попытаться осознать особенности сознания средневекового человека, которое существенно отличалось от современного.

Высокая степень укорененности в группе делала самосознание средневекового человека почти тождественным сознанию, т. е. каждый считал себя членом определенной социальной группы, имеющим те же стереотипы, те же права и обязанности, что и другие. Жесткая иерархия, которая не давала людям возможности изменить свой социальный статус, получить свободу от ограничений, наложенных на него обществом, давала некоторые психологические преимущества, повышая уверенность людей в себе и в правоте своей позиции, разделяемой группой.

Уверенность в незыблемости существующих правил повышал тот факт, что люди не имели достаточных знаний о том, что находится за границами их географического мира. Поэтому представления о нормах и правилах поведения, о ценностных ориентациях, существующих в определенной области, считались абсолютными и обязательными для всех. Уверенность в универсальности и однотипности пути развития личности делала данные нормы чрезвычайно жесткими. Это сужало вариативность поведения, фрустрируя любые попытки преодолеть стереотипы, свойственные наиболее активным и творческим личностям. Жесткая фиксация единственного социально одобряемого типа развития существенно сужала адаптационные возможности тех людей, кото-

рые по своим индивидуальным особенностям (импульсивности, решительности, стремлению к анализу, а не принятию на веру информации) отличались от общепринятых, модельных типов личности.

В то же время отсутствие альтернативных способов социальной адаптации облегчало этот процесс для большинства людей. Облегчало адаптацию и сознание безграничности жизни человека, т. к. уверенность в бессмертии души, возможности повторения, пусть и не полного, жизненного пути давало надежду на исправление ошибок, избежание трудностей, бедности, болезней, выпавших в данной жизни на долю человека. Это помогало менее аффективно воспринимать трудности, опасности, смерти близких, повышая психологическую устойчивость многих людей.

Однако в трудные для человека моменты, во время социальных катаклизмов (войн, эпидемий и т. д.), случавшихся достаточно часто, особенно на протяжении VI—X вв., этих естественных регуляторов психологической стабильности оказывалось недостаточно. Поэтому было необходимо разработать способы эмоциональной разрядки и очищения от страха и чувства вины. Эти способы были найдены в самой церковной культуре. Это были обряды исповеди и покаяния, которые давали людям уверенность в возможности очищения, снятия вины за свои поступки, за нарушения правил, которое неизбежно в реальной жизни, прощения и искупления тех ошибок, которые были ими сделаны. Таким образом, недовольство собой не накапливалось, снималась напряженность от осознания своих грехов, что способствовало укорененности и с собой, и с другими, предотвращало снижение самооценки. Терапевтический эффект этих обрядов был тесно связан с глубокой верой, надеждой на загробное воздаяние и оценку, которые являлись в этом случае основой для катарсиса.

На вере основывались и способы лечения некоторых психосоматических заболеваний (например, истерии), которые использовались многими священнослужителями в Средние века. Уверенность людей в том, что данный священник действительно может им помочь, приводила

к тому, что наложение рук, прикосновение к одежде и т. д. становилось мощным стрессовым фактором, излечивавшим больного. Эта технология внушения, помогающая при подобных заболеваниях, впоследствии была использована в психоанализе.

В этот период продолжалось развитие ораторского искусства, направленного на управление чувствами слушателей, заражение их определенным эмоциональным состоянием. Если в античности эти приемы основывались в основном на речи, то в Средневековье использовались невербальные средства (жесты, паузы, интонации и т. д.), что было серьезным приобретением психологии того времени.

Необходимо упомянуть еще об одном способе управления поведением людей, снижения их эмоциональной напряженности — это проведение карнавалов, развитие элементов того, что М. Бахтин назвал «карнавальной культурой». Эти праздники давали возможность выйти за пределы жестких норм, хоть на время изменить свой статус, забыть о жестких, регламентированных обязанностях и нормах поведения открывали простор для катарсического очищения в карнавальной деятельности. Важным моментом было то, что нарушение всех запретов происходило в роли, «под маской», т. е. в личине другого человека. Поэтому нарушение правила не вызывало тревоги и осознания своей греховности, оно приписывалось другому лицу — это не-Я, а другой делает что-то нехорошее, то, что хотел, но не мог себе разрешить сделать Я.

К XIV – XV вв. упрочилось положение светской, независимой от богословия психологии, появляется все больше ученых, обращающихся к психологической проблематике — Р. Бэкон, Х. Вивес, Х. Уарте, В. Оккам. Однако в светской психологии на первый план выходят не вопросы этики, волевого поведения и свободы личности (которые еще на долгое время оставались проблемами богословия), но исследования познавательного развития, речи и способностей. Так, постепенно психология становится наукой о сознании и о тех процессах познания окружающего, которые являются преимущественным содержанием сознания.

Развитие европейской психологии в IV–XI веках

Теория римского ученого Августина Аврелия (354 — 430), который вошел в истории науки под именем Августина Блаженного, ознаменовала переход от античной традиции к средневековому христианскому мировоззрению.

Считая душу орудием, которое правит телом, он утверждал, что ее основу образует воля, а не разум. Тем самым он стал основоположником учения, названного впоследствии волюнтаризмом (от лат. «волюнтас» — воля). Индивидуальная воля, согласно Августину, зависит от божественной и действует в двух направлениях: управляет действиями души и обращает ее к себе самой. Все изменения, происходящие с телом, становятся психическими благодаря волевой активности субъекта. Так, из отпечатков, которые сохраняют органы чувств, воля создает воспоминание. Все знание заложено в душе, которая живет и движется в Боге. Оно не приобретается, а извлекается из души опять-таки благодаря направленности воли. Основанием истинности этого знания служит внутренний опыт: душа поворачивается к себе, чтобы постичь с предельной достоверностью собственную деятельность и ее незримые продукты. То есть мера истины — в нашем самосознании. Как бы ни было сильно сомнение, не приходится сомневаться в том, что мы живем, двигаемся, существуем, имеем суждения, сомневаемся. Таким образом, даже сомневающийся обладает истиной, в которой он не сомневается. В некоторой степени эти рассуждения Августина будут продолжены Р. Декартом, доказывавшим, что сомнение есть доказательство нашего существования.

Вслед за Плотином Августин сосредоточился на вопросе о познаваемости субъектом собственных психических актов и состояний. Он ввел понятие о врожденной активности души, которая является основой ее развития. Именно эта активность, направляя и трансформируя познание и поведение человека, является основой его воли. В дальнейшем эта идея Августина реализуется в концепции саморазвития психики, утверждавшей, что генезис психики не зависит от внешнего воздействия и

направляется собственной, врожденной активностью, устремленной на развитие.

Такой путь саморазвития был описан и самим Августином в его «Исповеди», полной глубоких размышлений об отношении личности к другим людям. Эта работа стала путеводной нитью для интроспективной психологии последующих веков, т. к. здесь впервые говорилось о познавательной активности души, независимой от тела, но использующей его в качестве орудия, и доказывалась непогрешимость внутреннего опыта. Показав коллизии становления личности, Августин в этой работе создал в европейской культуре традицию «исповедей» как сочинений, воссоздающих процесс осмысления индивидом своей жизни и стремления к самосовершенствованию.

Исследование вопроса о взаимоотношении веры и разума в душе человека было продолжено в работах Иоанна Скота Эриугены (810—877).

Отстаивая значение разума, Эриугена в своем трактате «О божественном предопределении» доказывал, что знание, добытое человеком, наука, является не менее важным авторитетом, чем божественное откровение. На этом основании и построены его доказательства свободы, обретаемой человеком в процессе научной деятельности. Доказывая, что общее предшествует единичному, Эриугена фактически воспроизводит аргументацию Платона, закладывая основы дискуссии о происхождении универсалий. С его точки зрения, т. к. общее предшествует вещам, то, следовательно, оно содержит их сущность, предназначение. То есть общее Эриугены — это душа Платона или общее понятие в языке. Именно поэтому его позиция считается одной из первых концепций реализма в науке.

Значительное влияние на развитие науки того времени оказал и известный французский ученый Пьер Абеляр (1079—1142). О его жизни, учения у Росцелина и Гильома, его любви к Элоизе и становлении как мыслителя рассказано в книге «История моих бедствий», ставшей одной из первых светских книг-размышлений. Большое значение для развития схоластики и логики имела работа Абеляра «Да и нет», в которой он развер-

тывал картину диалектического суждения, логически обосновывая и опровергая различные суждения.

В теории концептуализма Абеляр возвращается к забытой в то время идее о значении слова, указывая, что в слове необходимо различать его физическую сущность (звук) и значение, которое, в отличие от звука, не пропадает, не является дуновением, но сохраняется в мыслях людей. В этом плане он склоняется к идее реализма и Платона о том, что это значение, концепт слова есть сущность предмета и существует еще до него в божественном уме как образец для реальности. Интерес представляет и концепция развития нравственности и самопознания человека, в которой Абеляр доказывал, что критерий нравственности — это согласие с собственной совестью.

Арабская психология

С VIII по XII в. большое количество психологических исследований проводилось на Востоке, куда переместились основные психологические и философские школы из Греции и Рима. Важное значение имел тот факт, что арабские ученые настаивали на том, что изучение психики должно основываться не только на философских концепциях о душе, но и на данных естественных внук, прежде всего медицины.

Известный ученый того времени Ибн-аль-Хайсам (965 — 1038) сделал ряд важных открытий в области психофизиологии восприятия. Его естественно-научный подход к органам восприятия (прежде всего к зрительной системе) определялся первой в истории психологической мысли попыткой трактовать их функции исходя законов оптики.

Еще большое значение для психологии имели работы другого выдающегося арабского мыслителя Ибн Сины (латинизированное имя — Авиценна, 980 — 1037), который был одним из самых выдающихся врачей в истории медицины.

В своих философских работах Ибн Сина разрабатывал учение, получившее название «теория двух истин», которое имело огромное значение не только для

развития психологии, но и других наук в средневековый период. В психологии эта теория помогала вывести предмет ее изучения из общего предмета богословия. В теории двух истин доказывалось, что существуют две независимые, как параллельные прямые, истины — веры и знания. Поэтому истина знания, не приходя в соприкосновение и противоречие с религией, имеет право на собственную область исследований и на собственные методы изучения человека. Соответственно складывалось два учения о душе — религиозно-философское и естественно-научное.

Знание, накопленное вековым опытом изучения поведения живых существ и их проявлений, с которыми имеет дело практика медицины, было изложено в трактате Ибн Сины «Канон врачебной науки». Этот трактат на протяжении нескольких столетий пользовался популярностью и авторитетом не только на Востоке, но и в странах Западной Европы (начиная с XII в., когда он переведен на латинский язык). Ибн Сина не ограничивался опорой на факты, почерпнутые в практике изучения простейших реакций организма. Он учил, что, используя эти факты, можно объяснить такие сложные явления в психической жизни, как воображение, когда человек воссоздает и даже изменяет в своей душе воспринятые прежде образы вещей.

Во всех случаях Ибн Сина апеллировал к своему врачебному опыту. Он был одним из первых исследователей в области возрастной психофизиологии. Он изучал связь между физическим развитием организма и его психологическими особенностями в различные возрастные периоды. Он также писал о возможности регулировать внутренние психические состояния человека путем воздействия на его внешнее поведение. Идея взаимосвязи психического (как зависящего от этого поведения) и физиологического разрабатывалась Ибн Синой исходя из принесшего ему мировую славу медицинского опыта. Сохранились сведения, что он в ряде случаев выступал как превосходный психотерапевт. В частности, сохранились сведения о том, что он излечил одного юношу, который погибал от истощения из-за нежелания принимать пищу. При лечении использовался прием,

который в современной науке называется ассоциативным экспериментом.

Ибн Сине также приписывают постановку опыта, который предвосхитил изучение явления, названного «экспериментальным неврозом». Двум баранам давалась одинаковая пища. Но один питался в нормальных условиях, тогда как около второго стоял на привязи волк. Страх влиял на пищевое поведение этого барана. Он, хотя и ел, но быстро худел и погиб. Схема этого опыта говорит об открытии роли «сшибок» противоположных эмоциональных установок (потребность в пище — с одной стороны, страх — с другой) в возникновении глубоких соматических сдвигов. Сказанное дает основание видеть у Ибн Сины зачатки экспериментальной психофизиологии эмоциональных состояний

Труды другого известного арабского мыслителя Ибн Рушда (латинизированное имя — Аверроэс, 1126 — 1198) представляли собой оригинальный комментарий к сочинениям Аристотеля. Этот комментарий приобрел значение самостоятельного учения, которое оказало большое влияние на западноевропейскую мысль эпохи Средневековья. Особое значение имела мысль Ибн Рушда о том, что религию можно рассматривать как верование, содержащее в иносказательной форме философскую истину.

Будучи врачом, Ибн Рушд тщательно изучал устройства человеческого тела и его органов чувств, показав зависимость восприятия окружающего мира от свойств нервной системы. Главный вывод Ибн Рушда заключался в том, что вместе с распадом тела индивидуальная душа человека тоже уничтожается. Вместе с тем арабский мыслитель выдвинул необычное представление о том, что универсальный для всех людей разум сохраняется и после распада тела и это свидетельствует о богоподобии человека. Мир является вечным и движущимся по собственным законам, которые можно логически объяснять. Возможно и опытное исследование природы вещей, в том числе и души человека, и каждый обладает способностями к такому познанию. Не отрицая индивидуальных способностей, ограничивающих возможности каждого отдельного человека, Ибн Рушд подчеркивал,

что принципиальные возможности людей в постижении истины неограничены, и важно только научить людей правильно мыслить, привить им желание размышлять. Эта общая способность к мышлению, к познанию мира и его законов, являясь врожденной, присуща каждому человеку. Таким образом, бессмертный разум отделялся от смертной души. Это разделение разума и души было одним из важнейших положений теории Ибн Рушда, став объектом критики со стороны теологов.

Он также подчеркивал, что эта способность к мышлению является потенциальной. Как солнце воздействует на глаз, вызывая в нем ощущение света, так и всеобщий разум, считал Ибн Рушд, воздействуя на наши потенциальные способности, вызывает в нас мысли. Для их актуализации, осознания необходимы определенные условия, в частности, познавательная мотивация, внешние впечатления, хорошие учителя.

Развитие психологии в позднем Средневековье (XII–XV века)

Многие работы арабских мыслителей (особенно труды Ибн Рушда) уже к концу XII в. были переведены на латинский язык, оказав значительное влияние на дальнейшее развитие европейской научной мысли. Наиболее значительные психологические исследования в позднем Средневековье связаны с именами Ф. Аквинского, Р. Бэкона, Д. Скота и В. Оккама.

Фома Аквинский (1225 – 1274) является, по сути, последним богословом, уделявшим внимание и психолого-философской проблематике. В своей системе, получившей название «томизм», он стремился не только систематизировать накопленные в то время наукой знания, но и примирить богословие с наукой, в том числе и с наукой античности, прежде всего с теорией Аристотеля, последователем которого он являлся.

Исходя из этого, Ф. Аквинский переделывает теорию двух истин Ибн Сины, добавляя, что в случае противоречий истина знания все же уступает вере. Доказывая неограниченные возможности разума в познании

мира, в том числе и в понимании самых сложных его законов, божественного Логоса, Ф. Аквинский выступает против тезиса Ибн Рушда об отделении души от разума. Он доказывал, что мышление — это имманентное, главное свойство души, без него душа не существует, а потому невозможно говорить о смерти души и бессмертии разума. Таким образом, он отстаивал идею вечности души, а также невозможность объяснить все ее законы без опоры на теологию. С точки зрения Ф. Аквинского, душа человека не просто разумна, но сознательна и этим отличается от бессознательной души животных. Важным моментом является и сенсуализм, который Ф. Аквинский вслед за Аристотелем рассматривал в качестве главного пути познания. Он писал, что для ощущения необходимо тело, органы восприятия. Разум, хотя и не пользуется непосредственно органами чувств, не может нормально работать без их данных, без образов окружающего. Поэтому телесное расстройство неизбежно ведет к расстройству умственному. Ф. Аквинский подчеркивал, что образы не создаются самим индивидом вне зависимости от окружающего. Они связаны с внешним миром, а осознаются, актуализируются в качестве собственных при помощи специальной операции сознания, получившей название интенции — направленности сознания и воли на какой-либо предмет. В XIX в. понятие интенции, введенное томизмом, будет подхвачено феноменологией и станет основополагающим в концепции Ф. Брентано.

Хотя концепция Ф. Аквинского получила широкое распространение, однако к концу XIII в. недостатки схоластики становятся настолько очевидны, что все большее число ученых начинает рассматривать ее (и богословие в целом) как тормоз на пути дальнейшего развития науки.

Роджер Бэкон (1210 — 1294) схоластическим методам противопоставляет науки, которые приносят людям непосредственную пользу в отличие от бесплодных рассуждений. В своих рассуждениях и трудах он подчеркивал, что самым опасным для человечества являются не ошибки, но невежество, погружающее мир во мрак, прогнать который может только знание. Он ратовал за раз-

витие объективного знания, доказывая, что опыт, эксперимент и математика должны быть положены в основу всех наук. Основываясь на взглядах Аристотеля, Р. Бэкон доказывал, что ощущения являются ведущим психическим процессом, материалом, из которого рождается знание, а потому чисто вербальные методы, схоластические рассуждения не отвечают задачи развития интеллекта. Ему же принадлежит известный тезис: «Знание — сила», доказывавшийся безграничность способностей и возможностей человеческого ума.

Сходные мысли о необходимости преодолевать ложные понятия и учиться мыслить развивал и Дунс Скот (1270 – 1308). Он также писал о том, что материальная основа психики объединяет людей в общую группу, т. к. материя и есть то общее, что существует в вещах, в природе. Отличия же объектам придает форма, так специфическая форма человеческого тела выделяет его из окружающего мира. Поэтому познание должно быть направлено на познание индивидуального, конкретного в каждой вещи. Такое знание основывается на чувственном опыте, причем познавательный процесс, подчеркивал Д. Скот, это процесс активный. Душа, познавая, не только определяется предметом, но и определяет его собственной деятельностью. Разум, продолжая процесс постижения окружающего, обобщает эти данные и связывает их в понятия. Таким образом, Д. Скот ввел в психологию важное положение об активном характере ощущений и их связи с деятельностью. Связал же принцип активности с истинностью и объективностью познаваемого и дал характеристику первичным и вторичным качествам предметов только Г.В. Лейбниц.

Одной из последних концепций средневековой психологии была теория В. Оккама (1300 – 1350), который продолжил изучение соотношения общего и частного в предметах. Развивая идеи номинализма, В. Оккам писал, что в основе понятий лежат знаки вещей, т. е. общее — это знак многих объектов, в реальности его не существует. Оккам также писал о существовании понятий разного уровня — одни из них являются знаками вещей, а другие — знаками понятий, т. е. знаками знаков. Отсюда знание делится им на наглядное и отвлеченное. В. Ок-

кам известен и своим афоризмом, получившим название «бритва Оккама» и гласившим: «сущностей не следует умножать без необходимости». Иначе говоря, если в какой-нибудь науке все может быть истолковано без допущения той или иной гипотетической сущности, то и нет никакой нужды ее допускать. Этот афоризм оказал значительное влияние на развитие логики и использовался в своих рассуждениях учеными Средневековья и Нового времени, доказывавших, что исходя из этого душа как недоказуемая и не постигаемая разумом сущность должна быть исключена из научного рассмотрения и отдана чистому богословию.

Знания о психике и путях ее изучения обогатились в Средние века многими важными данными, в частности, методами экспериментального исследования и регуляции эмоциональных состояний, в том числе и аффективных реакций. В то же время полученные данные требовали осмысления в новых категориях, без обращения к схоластическим проблемам (в частности, к проблеме универсалий) и к вере.

Развитие психологической науки в эпоху Возрождения

В какой-то степени проблемы, которые вставали перед психологией в эпоху Возрождения, повторяли старые, возникшие в период становления научной психологии на рубеже 7—6 вв. до н. э. Как и тогда, психология стремилась преодолеть сакральность, которая возвратилась в Средневековье. Поэтому можно сказать, что период Возрождения является временем возвращения (возрождения) важнейших принципов античной науки, отхода от догматизма и поиска путей наиболее оптимального научного исследования психических (душевных) состояний. В это же время зарождается новый предмет психологической науки как науки о сознании, окончательно сформулированный уже в Новое время.

XV—XVII вв. остались в истории временем взлета искусства, прежде всего итальянской живописи и скульптуры. Огромное значение имела и Реформация,

изменившая не только церковную жизнь, но и сознание людей. Открытие Америки, расширение географических понятий также не могло не сказаться на общем мировоззрении, привело и к активному развитию научных знаний. Значительные открытия были сделаны о в астрономии (Н. Коперник, Г. Галилей, Д. Бруно), математике, физике (Л. да Винчи, И. Кеплер), философии и общественных науках (Т. Мор, М. Монтень, Э. Роттердамский, Н. Макиавелли).

В меньшей степени в тот момент изучались проблемы психики, т. к. вопросы духовной жизни во многом оставались еще вне круга научного изучения. Новым аспектом психолого-философских работ того времени стало исследование проблемы способностей, которая наряду с изучением познания была ведущей в то время.

Новую трактовку эмоции и развития аффектов дал в своей работе Бернардино Телезио (1508 — 1588). Стремясь объяснить психическое из природных законов, он организовал первое общество естествоиспытателей, которое ставило своей целью изучать природу во всех ее частях, объясняя ее из нее самой. Поэтому на первый план в его концепции выходит учение о движущих силах, являющихся источником энергии для разных форм развития. В качестве основных он выделил тепло и холод, свет и темноту, способность к расширению и сокращению и т. д. Эти силы находятся во взаимном проникновении, создавая новые образования, связанные с концентрацией определенных сил. Борьба противоположных сил и есть источник всякого развития. Телезио также говорил о том, что главной целью природы является сохранение достигнутого состояния. Таким образом, можно говорить о том, что в его концепции впервые появляется идея гомеостаза, хотя и изложенная на уровне науки того времени.

О необходимости развивать естественно-научный подход к исследованиям психики писал известный испанский ученый Хуан Луис (Людовик) Вивес (1492 — 1540). В своей работе «О душе и жизни» Х. Вивес обосновывал новый подход психологии как науке эмпирической, основанной на анализе данных чувственного

опыта. Для правильного построения понятий он предлагал новый способ обобщения чувственных данных — индукцию. Операционально-логические способы индуктивного метода были позднее детально разработаны Ф. Бэконом. Наряду с сенсорной стороной душевной деятельности важное значение придавалось и эмоциональной. Вивес одним из первых пришел к выводу, что наиболее эффективным для подавления негативного переживания является не его сдерживание или подавление разумом, а вытеснение другим, более сильным переживанием. Психологическая концепция Х. Вивеса послужила обоснованием для разработки педагогической концепции Я. Коменского.

Не меньшее значение для психологической науки имела книга другого известного испанского психолога Хуана Уарте (1535 — 1592) «Исследование способностей к наукам». Это была первая психологическая работа, ставящая в качестве специальной задачи изучение индивидуальных различий в способностях с целью профессионального отбора. Эту работу можно считать первым исследованием по дифференциальной психологии.

Анализ способностей сопоставлялся со смесью четырех элементов в организме (темпераментом) и с различием в сферах деятельности (медицина, юриспруденция, военное искусство, управление государством и т. д.), требующих соответствующих дарований. Основными способностями признавались воображение (фантазия), память и интеллект. Анализируя разнообразные науки и искусства, Х. Уарте оценивал их с точки зрения того, какую из трех способностей они требуют. Это направило мысль Уарте на психологический анализ деятельности полководца, врача, юриста, теолога и т. д. Зависимость таланта от природы не означает, по его мнению, бесполезности воспитания и труда. Однако здесь имеются большие индивидуальные и возрастные различия. Существенную роль в формировании способностей играют физиологические факторы, в частности, характер питания.

Х. Уарте также считал, что особенно важно установить внешние признаки, по которым можно было бы различать качества мозга, определяющие характер да-

рования. И хотя его собственные наблюдения о соответствиях между телесными признаками и способностями очень наивны (он, например, выделял в качестве таких признаков жесткость волос, особенности смеха и т. п.), сама идея о корреляции между внутренним и внешним стала достаточно распространенной в дальнейшем развитии дифференциальной психологии.

* * *

Подводя итоги развития психологии в Средневековье и в эпоху Возрождения, необходимо подчеркнуть, что этот период не был однороден по своим достижениям и по содержанию психологических исследований. Взаимоотношения церкви и науки неоднократно менялись в течение этого длительного отрезка времени, причем наибольшие гонения на знания и на систему научных доказательств происходили в период ослабления власти церкви, которая, как правило, рассматривала науку не саму по себе, но как источник (или препятствие) для достижения определенных целей.

Среди важнейших исследований, которые проводились в это время как арабскими учеными, так и европейскими церковными и светскими мыслителями, необходимо отметить первые труды, связанные с изучением психологии масс, разработкой методов заражения и убеждения людей. Обращают на себя внимание работы, которые позднее были названы психотерапевтическими, целью которых является психологическая помощь людям, испытывающим эмоциональный дискомфорт, напряжение, невроз.

В период Возрождения, напротив, психологические исследования возвращаются к проблемам, которые были подняты в античности. Это связано с появлением возможности полностью читать работы ученых того времени (а не только избранные вещи Платона или Аристотеля), и с возрождением интереса к изучению этапов познания, способностей человека, в том числе и способности строить объективную картину мира, осознавать его как целое. Этот интерес стал ведущим и в следующий период, получивший название Нового времени.

Развитие психологической науки в Новое время. Общая характеристика развития психологии в Новое время

Появление новых подходов к построению науки в XV—XVI вв., связанных со стремлением к рациональности и доказательности теоретических положений, ознаменовало наступление нового этапа в процессе становления психологии. Развитие этих подходов стало ведущим мотивом ученых, разрабатывавших психологические концепции в Новое время.

Психология в этот период так же как и на первых этапах развития античной науки, укрепила свою связь с философией. Это было связано с тем, что, оставаясь в рамках науки о душе (своего собственного предмета), психологии сложнее было избавиться от схоластических догм, отделиться от богословия. Однако ориентация на философию в то время сужало предмет психологии, которая рассматривала в основном общие закономерности развития психики человека, а не живого мира в целом. Развитие же естествознания в то время еще не давало возможности выстроить полноценную концепцию психического (особенно психики человека) на его основе.

Однако тесная связь с философией не означала, что психология в это время не искала собственного предмета исследования, конкретного определения области своей деятельности. Эта область понималась как исследование путей становления у человека картины окружающего мира и самого себя. Причем эта картина, как представлялась, должна была быть осознанной. В осознанности души, в разуме вслед за психологами Средневековья виделось отличие человека от других живых существ. Так, уточнялся предмет психологии, которая становилась наукой о сознании. При этом из нескольких вопросов, исследовавшихся психологией античности — о познании, о движущих силах и закономерностях психики, о механизмах регуляции поведения, на первый план выходили именно проблемы познания.

Это было связано с несколькими причинами. Первая, о которой говорилось выше, — это стремление доказать

возможности человека в постижении истины на основе знания, а не веры. В связи с этим вставали вопросы об этапах формирования знания, его объективности и соотнесенности того образа, который выстраивает человек в своем сознании, с реальной картиной мира.

Ограничение предмета психологии сознанием выводило из области психического внешнюю активность, поведение, которое рассматривалось психологами античности как одна из составляющих душевной жизни. Таким образом, из исследования на некоторое время выпадали проблемы движущих сил и регуляции внешней деятельности. В то же время вопросы о содержании и функциях сознания приводили ученых к изучению его роли в общей картине человеческой жизни, следовательно, и в его реальном поведении. Так, вновь перед психологией вставала необходимость проанализировать разницу между разумным и неразумным (аффективным) поведением, границы свободы человека.

Анализ процесса становления предмета психологии в этот период открывает для нас противоречивую картину. С одной стороны, методологически психология ограничивается только вопросами сознания и путей его формирования, этапов развития образа мира и себя. С другой стороны, изучение содержания и функций сознания приводило к фактическому включению поведения, движущих сил и регуляции не только внутренней, но и внешней активности в круг исследований ведущих психологов того времени.

Центральными для теории Ф. Бэкона были проблемы предмета психологии, объективности методов исследования психики, анализа полученных данных, а для концепции Р. Декарта не менее значимыми становятся проблемы функций души, ее роли в познании и поведении.

Тот факт, что это время — время расцвета механики, появления физики И. Ньютона, не могло не наложить отпечаток и на психологию. Отличительной чертой этого периода является то, что подчас не наука определяла развитие производства, а наоборот, успехи в производственной деятельности, особенно в области механики, обусловливали появление новых научных воззрений.

Так, в XVII в. утверждается новый взгляд на Вселенную, природу в целом как гигантский механизм. Аналогичный подход развивался в учениях о человеческом теле, которое виделось своеобразной машиной-автоматом, функционирующей по принципу любого механизма по строгим законам физики. Этот новый объяснительный принцип, получивший, как мы помним, название механического детерминизма, именно в этот период господствует в психологии.

В исследовании процессов познания психологи, работавшие в Новое время, исходили из разных оснований. Одни считали, что основой всех наших знаний являются ощущения, другие отдавали приоритете мышлению. Эти направления, как уже говорилось в предыдущих главах, называются, соответственно, сенсуализм и рационализм. При этом сенсуалисты рассматривают процесс познания как единый, выделяя в нем несколько ступеней — от ощущения к мышлению. То есть это процесс постепенного восхождения от частного к общему, постепенного обобщения отдельных предметов в классы и понятия на основе логики.

Психологи-рационалисты выделяли в процессе познания два этапа. Первый этап, состоящий из нескольких ступеней, заключался, как и в сенсуализме, в восхождении от частного к общему при переходе от восприятия к логическому мышлению. Важным отличием было то, что понятие, которое формировалось таким образом, рационалисты не считали окончательным и, главное, объективным, передающим существенные свойства окружающего мира. Для постижения общего недостаточно чувственного опыта, считали они, выделяя еще один этап познания — интуитивное мышление, которое черпает знания из разума, мгновенно актуализируя в нем понятия, осознавая всеобщие законы и свойства предметов.

В начале Нового времени, несмотря на усилия Ф. Бэкона, более распространенным являлся рационалистический подход, который разрабатывался такими известными учеными, как Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц. Во многом это было связано необходимостью для психологии и философии преодолеть последствия схола-

стики. Однако уже к середине века бурное развитие точных наук, промышленности сделали очевидной необходимость для психологии учитывать новые требования, а потому все большее распространение получает сенсуализм, представленный в это время в концепциях Д. Локка и Т. Гоббса.

Появление строго объективных методов исследования и изменение предмета психологии сказалось на понимании новым поколением психологов понятия «душа». Так как в объяснении фактов психической жизни она уже не играла прежней роли, то, согласно принципу Оккама, психология в то время не испытывала нужды в ее использовании в своих исследованиях. Однако в этом случае необходимо было найти другой подход для объяснения активности тела, выявить новый источник энергии и для внутренней, и для внешней активности. Этому помогли законы механики, открытые современной для того времени физикой, законы И. Ньютона. Именно они и были использованы Р. Декартом для обоснования первой в истории психологии теории рефлекса, теории, которая со временем получала все большее обоснование в открытиях смежных с психологией областях науки, став одним из постулатов современной психологии.

Принцип активности, использованный Лейбницем для объяснения процессов познания, позволил по-новому представить себе соотношение между субъективностью и истинностью, адекватностью предмету в наших представлениях о внешнем мире. Его взгляды впервые показали порочность прежних идей о познании как независимом от эмоций и мотивов человека процессе, продемонстрировав единство всех сфер психического.

Не менее важной для психологии (особенно для немецкой психологии) являлась концепция Лейбница души — монады, в которой он доказывал, что в психике есть не только область сознания, но и область бессознательного. Хотя в то время это представление не было полностью принято психологией, которая оставалась еще почти два века наукой о сознательных процессах, эти идеи Лейбница легли в основу последующих работ Гартли, Гербарта и, наконец, Фрейда, сделавшего бессознательное предметом своей глубинной психологии.

Появление новых социальных групп и нарождение нового общества требовало пересмотра не только научных истин, но и нравственных ценностей уходящей эпохи, а следовательно, и разработку новой этики. Анализ подхода к проблеме эмоций и свободы человека в теориях психологов Нового времени показывает, что в решении этих вопросов они во многом склонялись к позиции ученых античности, которые считали, что эмоции отражают (а часто и вызываются) внешней ситуацией. Поэтому они также связывали свободу с возможностью преодоления аффекта и разумной регуляцией деятельности. В этом плане обращает на себя внимание позиция Декарта, который связывал эмоции, пассивные страсти, с мышлением, доказывая, что они являются одной из составляющих наших понятий, когнитивной оценки предмета или ситуации. То есть концепция Декарта, по сути, является основанием для последующего развития современной когнитивной теории эмоций.

Психологи	Предмет психологии	Содержание психики	Метод исследования
Гартли	Сознание	Ощущения, представления, чувства. Фактически содержание психики, в которое входили два круга (большой и малый) и бессознательные элементы, было шире, чем предмет психологии	Интроспекция
Беркли, Юм, Д. Милль, Браун	Сознание	Ощущения, представления, чувства	Интроспекция
Д. Милль	Сознание	Элементы психики (ощущения, представления, чувства), психические процессы	Логика
Гербарт	Перцепция и апперцепция	Сознательные, смутные и бессознательные представления, имеющие разную силу, длительность и связь с прошлым опытом	Интроспективное изучение динамики представлений
Бэн	Связь сознания и поведения	Элементы психики (ощущения, представления, чувства) и акты поведения	Изучение проб и ошибок при переходе от спонтанного к волевому поведению

Спенсер	Ассоциации между внешним и внутренним	Психические процессы и акты поведения	Интроспекция и наблюдение
Вундт	Элементы психики, их связи и законы, психология народа	Элементарные и сложные (высшие) познавательные процессы, сложные и простые двигательные реакции	Эксперимент, интроспекция, анализ продуктов творчества

Первые теории Нового времени: Ф. Бэкон и Р. Декарт

Уже в конце XVI — начале XVII в. в психологической науке оформляются два основных подхода в теории познания, связанные с именами двух выдающихся мыслителей — Ф. Бэкона и Р. Декарта. Первый из них становится основателем эмпиризма, предполагающего ориентацию на чувственное познание, опыт и эксперимент, второй же олицетворяет рационалистический подход.

В 1597 г. английский психолог, философ и видный политический деятель Френсис Бэкон (1561 – 1626) публикует первый вариант своих «Опытов или наставлений нравственных и политических», которые получают свое окончательное оформление в «Новом Органоне» (1620) — второй части проекта его жизни — «Великого Восстановления наук», который так и остался незавершенным. В этих работах Ф. Бэкон формулирует основы направления, которое получило название эмпиризм, т. к. в отличие от сенсуализма, с которым оно непосредственно связано, утверждает, что истинное знание базируется не только на чувственном опыте, но и на эксперименте. То есть данные наших органов чувств должны дополняться и проверяться данными эксперимента, приборов.

Задачу науки ученый видел в покорении природы и усовершенствовании человека. Для достижения этого Бэкон разрабатывает программу перестройки всей системы научного знания, основной целью которой становится борьба с сакральностью, догматизмом и схоластикой. Необходимой предпосылкой как для построения новой науки, так и объективного познания является, по

мнению Бэкона, очищение разума от идолов или призраков (этим словом Бэкон обозначает заблуждения человеческого ума, недостатки, которые искажают или мешают правильному познанию). Его «учение об идолах» является одной из важнейших частей его методологии. Он выделяет четыре вида идолов и дает им названия — идолы рода, пещеры, рынка и театра. Первые два вида идолов Бэкон считает врожденными, вторые два вида приобретаются в процессе жизни в человеческом обществе. Идолы рода — недостатки, связанные с особенностями строения и функционирования органов чувств человека (например, человек не видит ультрафиолетовые лучи); идолы пещеры — отражают субъективность познания, т. к. человеку трудно стать на чужую точку зрения; идолы рынка связаны с использованием слов, которые не всегда являются адекватным отражением реальности; идолы театра — недостатки, которые являются результатом преклонения перед авторитетами, часто ложными и стремлением доверять им больше, чем собственному размышлению.

Возможность построения новой положительной науки связывалась Бэконом с необходимостью выработки объективного метода получения и проверки истинности полученных знаний. Таким методом, по его мнению, должен был стать предложенный им опытно-индуктивный метод. Для наук, получающих данные на основе чувственного опыта, методом доказательства является эксперимент, для теоретических же наук — новая индукция.

Свой новый метод — индуктивную логику — Бэкон понимает как орудие познания, органон (поэтому свой главный труд он называет «Новый Органон»). Его значение он сравнивает с возможностью применения линейки и циркуля для вычерчивания ровных линий и совершенных кругов людьми, обладающими разными способностями. Бэкон верил, что, вооружив людей этим методом (как циркулем и линейкой), он дает им одинаковые возможности и практически уравнивает их дарования, что сделает науку доступной каждому.

Сформулированные Френсисом Бэконом принципы стали общими методологическими принципами постро-

ения науки Нового времени, в том числе и психологии. Значительные преобразования в психологической науке были связаны с тем, что Бэкон впервые высказал идею возможности подлинно научного исследования человеческой психики. Как приверженец теории «двойственности истины», он признает две истины — истину божественную и истину научную, философскую. Чувственная душа является, по мысли Бэкона, общей у животных и человека. Но если у животных она основная, а ее органом является тело, то у человека чувствующая душа — это орган мыслящей души. Предметом науки Бэкон считает и способности души, такие как разум, воображение, память, воля, влечение, аффекты. Кроме способностей души, психология, по мнению Бэкона, должна изучать произвольные движения, раздражимость и ощущения. Таким образом, Бэкон разрабатывает план психологических исследований, который находит свое воплощение в работах его последователей (Гоббс, Локк).

С именем Рене Декарта (1596 – 1650) связаны многие выдающиеся открытия в различных областях науки — математике, физике, анатомии, биологии, астрономии. От латинизированного имени Декарта — Картезий, произошел термин картезианство, обозначающий направление, сформировавшееся под влиянием его идей.

Если Ф. Бэкон основу достоверности знания связывал с непосредственным чувственным познанием, то для Декарта такой основой становится разум. Стремление сделать науку объективной объединяла позиции этих двух ученых. И если у Бэкона возможность очищения от предрассудков и ложных истин средневековой науки воплотилась в его учении об «идолах», то Декарт выдвигает свой методологический принцип — сомневаться во всем. Скепсис Декарта становится средством приобретения достоверных знаний. Если можно сомневаться во всем — в истинности наших чувств, существовании Бога, неба и т. д., не доверять «авторитетам», то единственно, что не может вызывать сомнения, так это сам акт сомнения, акт мышления, который доказывает существование нашего Я, которое сомневается и мыслит. Так, «Я мыслю, следовательно, я существую» — становится тем ин-

туитивным, самоочевидным принципом, опираясь на который Декарт развертывает всю систему своей науки.

Декарт считал, что существуют две независимые, самостоятельные субстанции — душа и тело. Такая философская позиция получает название дуализма. Основным атрибутом или свойством души он считал мышление, а основным свойством тела — протяжение или распространенность. Таким образом, основным инструментом познания, согласно его воззрениям, является душа.

Под мышлением Декарт понимал не только мыслительные процессы, но и ощущения, представления, чувства, т. е. все, что осознается человеком. Поскольку мы всегда осознаем все, что происходит у нас в душе, психика отождествляется Декартом с сознанием. Отсюда и интроспекция может рассматриваться как объективный метод познания психики, хотя ее данные, как и данные органов чувств, должны проверяться сомнением. Эта точка зрения утверждается в психологии на долгое время.

В содержании сознания Декарт выделяет три вида идей, или понятий, — порожденных самим человеком, приобретенных и врожденных. Идеи, порожденные человеком, основываются на его собственном опыте и являются обобщением данных органов чувств. Это знания, полученные опытным путем и с помощью индукции (или энумерации, как называет ее Декарт). Теория Декарта не отрицает путь познания, предложенный Бэконом, но подчеркивает, что идеи, образованные таким образом, не могут привести человека к познанию объективных законов, а дают лишь знания об отдельных предметах и явлениях. Приобретенные идеи являются результатом обучения, общения с другими людьми, а также чтения книг. Идеи этого рода более полные и совершенные, чем первого, поскольку являются обобщением опыта разных людей, а не одного человека, но все же с их помощью человек не в состоянии познать сущности окружающего мира и себя.

Только врожденные идеи, содержащиеся в разуме, открывают человеку истину. Эти знания настолько ясные, что открываются человеку сразу, полностью, и не нуждаются в опоре на данные органов чувств или логи-

ческие обобщения. Такой подход к проблеме познания получил, как мы помним, название рационализма, а способ, при помощи которого человек открывает содержание врожденных идей, — рациональной интуицией. Одними из главных врожденных идей, по мнению Декарта, являются идея Бога, идея Я, идея числа.

Декарт вводит понятие рациональной интуиции в работе «Правила для руководства ума». В этой же работе он дает наиболее ясное и четкое определение интуиции, которое только дополняется и уточняется в других трудах «Рассуждения о методе», «Метафизические размышления», «Начала философии».

Под интуицией он понимал «не зыбкое свидетельство чувств и не обманчивое суждение неправильного воображения, а понимание ясного и внимательного ума, настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем». Таким образом, критерий истинности интуитивного знания Картезий видит в нем самом, в его легкости и отчетливости, что и делает его надличностным. Наряду с рациональной интуицией, основным методом проверки достоверности полученных знаний Декарт провозглашает дедукцию (метод доказательств, ведущий от общего к частному). При этом интуитивное знание, порожденное естественным светом разума, благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция. Так мы можем, например, интуитивно мгновенно постичь умом, что треугольник ограничивается тремя линиями, хотя логическое доказательство этого факта заняло бы у нас длительный период времени. Важно помнить, что не из многозначных, но темных, но из самых простых и доступных вещей должны выводиться самые сокровенные истины. Главные требования к интуиции — знания должны быть ясными и отчетливыми и постигаться одновременно, а не последовательно. В том случае, если интеллект исследует телесную вещь, ему нужна помощь внешних чувств, чтобы создать образ этой вещи. В этом и состоит роль таких психических процессов, как ощущение, память и воображение.

В интерпретации Декарта интуиция оставляет в стороне содержание психической жизни субъекта, т. к. на

первый план выходит ЧТО воспринимаем, а не КТО воспринимает, какие переживания он по этому поводу испытывает. Исследуя содержание cogito — я мыслю, — подчеркивается мыслю, но не я. Поэтому и исчезает Я, хотя впоследствии именно из этой стороны теории Декарта — мысли о моем сознании как обо мне — выходит экзистенциализм Хайдеггера.

Важной заслугой Декарта становится открытие рефлекса. Признавая существование двух независимых субстанций — души и тела, он приходит к выводу, что тело не нуждается в душе как источнике активности. В его теории тело мыслится как машина, функционирующая по законам механики. Согласно Декарту, душа наделена собственной активностью, направляющей процессы мышления, познания, а основная функция тела — это движение, которое рассматривается как рефлекс. Сам термин «рефлекс» в работах Декарта отсутствует, но в его описаниях строения и функционирования тела четко прочитываются основные компоненты рефлекторной дуги.

Значительное влияние на создание Декартом его теории рефлекса оказало открытие Гарвеем процесса кровообращения. Прохождение нервного импульса мыслилось Декартом по аналогии с прохождением крови по сосудам. Он считал, что все тело пронизано нервами, берущими свое начало в мозге и идущими ко всем частям тела. Описывая путь, который проходят «животные духи» по нервам от рецепторов к мозгу, а затем к мышцам, Декарт фактически дает описание рефлекторной дуги. Так с учением Декарта в психологии утверждается новый вид детерминизма — механистический детерминизм.

Движением «духов» Декарт объясняет все разнообразные действия, поведение человека. Движения «животных духов» внутри мозга осознаются душой, по его мнению, как ощущения, восприятия и представления. Изменение траектории движения «животных духов» (следовательно, и вариативность поведения) Декарт объяснял двумя причинами — привычкой или упражнением и воздействием души. Говоря о возможности изменения течения рефлекса, т. е. о возможности обучения и фор-

мирования желательного поведения, Декарт использует понятие «ассоциация», введенное еще Аристотелем. Однако если у Аристотеля ассоциации связаны с работой органов чувств, то Декарт распространяет ассоциации и на поведение, говоря о связи между двумя действиями или действием и образом предмета. Например, выстрел, который приводит к естественному движению — убежать, скрыться, может при обучении изменить свою функцию. Такое изменения поведения не связано с влиянием души, но с нарушением естественного движения «животных духов», они перемещаются в новом направлении и попадают в другую мышцу, вызывая, соответственно, другое движение. Эти идеи Декарта получат более детальное воплощение в ассоциативной теории Гартли.

Изменения поведения происходят, как было сказано, без вмешательства души, тогда как воздействие страстей на деятельность связано с активностью души. Исследование страстей было предметом последней работы Р. Декарта «Страсти души». В этой работе Декарт пришел к выводу о том, что существует два вида страстей — активные и страдательные.

Страдательные состояния, или страсти, в его теории рассматриваются как результат взаимодействия с предметами окружающего мира и отождествляются с чувственным познанием. То есть эти страсти душе навязываются, она их не может изменить. В то же время, составляя одну из сторон взаимодействия человека с внешним миром, страсти, как составляющая когнитивной оценки окружающего, зависят от точности и истинности этой оценки. Таким образом, закладываются основы когнитивного подхода к проблеме эмоций.

Активные состояния Декарт отождествляет с желаниями, которые исходят непосредственно от нашей души и зависят только от нее. В то же время активные страсти могут заставить человека совершить поступки, диктуемые разумом и не связанные с удовлетворением биологически целесообразных желаний. Эти страсти являются источником и волевого, и инстинктивного, стремящегося к самосохранению, поведения. Они также отождествляются им со стремлениями и аффектами,

которые связаны не только с душой, но и с телом и являются связующим звеном между ними. Воздействие души на поведение заключается в том, что своим желанием душа изменяет перемещение «животных духов» так, чтобы вызвать нужное действие, которое соответствует этому желанию, тем самым изменяя направление рефлекса, делая поведение волевым и целенаправленным.

Теория страстей служит у Декарта мостом, ведущим его от учения о душе к учению о нравственности. Он подчеркивал, что возникновение и проявление страстей не зависит от непосредственных волевых усилий и желаний человека. Но душа, какой бы слабой она не была, в состоянии косвенно повлиять на страсти. Вместо того, чтобы побеждать одну страсть другой, что было бы только мнимой свободой, а в действительности означало бы постоянное рабство, душа должна бороться со страстями собственным оружием, т. е. твердыми правилами, основанными на верном понимании добра и зла. То есть воля побеждает аффекты ясным и отчетливым знанием, которое показывает, какое обманчивое значение получают вещи при страстном возбуждении, открывая настоящую цену окружающих предметов.

Рационализм в психологии

После Декарта рационалистическая теория познания получила свое дальнейшее развитие в концепциях Готфрида Вильгельма Лейбница и Бенедикта Спинозы. Если в теории Г.В. Лейбница акцент делается на проблемах объективности человеческого познания, то нравственная, этическая проблематика становится главным лейтмотивом творчества Б. Спинозы.

Бенедикт (Барух) Спиноза (1632 – 1677), единственный из всех мыслителей этого времени, приоритет отдавал не столько вопросам познания (хотя они занимали значительное место в его теории), но вопросам этики. При этом в центре его этики стояла проблема свободы воли, свободы выбора, которую он разрешал исходя из своих принципов разумной регуляции поведения. Приблизительно в 1658 – 1660 гг. Б. Спиноза создает свое

первое философское произведение «Краткий трактат о боге, человеке и его счастье», заключающий основные положения его учения, которые впоследствии получат свое развитие в главном труде Спинозы — «Этике».

Преодолевая дуализм Декарта, Спиноза утверждает существование единой, неделимой и вечной субстанции — Бога — Природы, которая является единственной реальностью. Субстанция обладает бесконечным числом атрибутов (свойств или характеристик). Человеческий ум способен познать только два — мышление и протяжение (распространенность). Таким образом, душа и тело, мышление и протяжение рассматриваются Спинозой как два свойства единой и неделимой субстанции. Отсюда вывод Спинозы о единстве и целостности человека, сущностями которого являются и душа, и тело. При этом монизм Спинозы сохраняет идею параллелизма, высказанную Декартом: «Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому».

Идея единства и целостности субстанции важна не только для понимания целостности духовно-телесной сущности человека, но и становится основополагающей в подходе Б. Спинозы к проблемам познания. Поскольку субстанция одна, она остается одной и той же, понимаем ли мы ее под атрибутом мышления или под атрибутом протяжения. Соответственно, познавая природу или познавая себя, мы познаем одну и ту же связь причин, один и тот же порядок или закон. Таким образом, формулируя свою седьмую теорему «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», Спиноза утверждает принципиальную познаваемость мира.

Сущность человеческой души, по теории Спинозы, состоит именно в познавательной деятельности и связана с наличием в душе понятий или идей. Он выделяет три вида идей или три ступени процесса познания:

— мнение или воображение — это знание о конкретных вещах, основанное на чувственном опыте субъекта. Это идеи неадекватные, смутные и искаженные, они не являются истинными, поскольку субъективны и не отражают внутреннюю природу вещи;

— рассудок или разум — это знания, полученные на основе умозаключений, логических рассуждений. Это общие понятия (прежде всего математические), адекватные идеи, которые являются ясными и отчетливыми. На этой ступени человеческая душа постигает внутреннее сходство и различие вещей;
— интуитивное знание — это истинное, объективное знание сущности вещи. Это идеи, которые содержатся в разуме и открываются нам рефлексивно, с помощью интеллектуальной (интеллигибельной) интуиции.

Как и все представители рационализма, Спиноза утверждает приоритет именно интуитивного знания, интуиции, связывая с ней безграничные возможности познания человеком себя и окружающего мира. Поскольку законы души и тела одни и те же, познавая себя, человек познает природу, и наоборот. Критерий истинности и достоверности знания Спиноза, как и Декарт, видит в самом разуме.

Большой вклад внес Спиноза в изучение проблем свободы воли и природы человеческих чувств. Постановка и подходы к решению указанных вопросов в работах Спинозы неразрывно связаны с его теорией познания. Спиноза не хочет ни осуждать, ни высмеивать человеческие поступки и страсти, но стремится понять их на основании законов природы.

Под аффектами Спиноза понимал состояния тела и идеи этих состояний, которые увеличивают или уменьшают активность человека. Он выделяет три вида аффектов. Первый — влечение или желание, как проявление сущности человеческой природы и стремления к самосохранению. Желание отличается от влечения своей осознанностью. Второй и третий вид аффектов — это аффекты удовольствия и неудовольствия (или радость и печаль). Удовольствие увеличивает способность человека к действию, неудовольствие — уменьшает или ограничивает.

Аффект (как и страсть), в понимании Спинозы, это пассивное, страдательное состояние, связанное с неадекватными или смутными идеями. Разницу между

страстью и аффектом он видел в степени их интенсивности. Так как все, что способствует самосохранению, необходимо вызывает удовольствие, полезно и не может быть не нравственно, то все радостные чувства способствуют человеческому существованию, в то время как огорчения и страдания его уменьшают. Отсюда Спиноза делает вывод о том, человек активен и естественным образом стремится к тому, что вызывает удовольствие и отвращается от всего, что причиняет ему страдание.

Помимо этих пассивных, природных страстей, Спиноза выделяет аффекты удовольствия и желания, связанные с активным состоянием души, ее стремлением к познанию истинных или адекватных идей.

Согласно учению Спинозы, человек подвержен аффектам, поскольку является частью природы. Он не может не подчиняться ее порядкам и законам, и бессилен перед ними. Спиноза подчеркивает непреодолимую силу, которую страсти приобретают над людьми, раскрывая ошибочность предрассудка о том, что люди сами выбирают свои страсти. Поведение человека, по мысли Спинозы, жестко детерминировано аффектами, причем эта детерминация внешняя, а не внутренняя.

Люди осознают свои желания, но не знают истинных причин своих поступков, поэтому, считает Спиноза, свобода воли является фикцией, вымыслом, и как таковая не существует. Душа не может быть абсолютной причиной своих действий — к тому, чтобы хотеть или не хотеть, она должна определяться какой-либо внешней причиной. Однако, отрицая свободу воли, Спиноза утверждает возможность свободы человека, связывая ее с необходимостью и противопоставляя принуждению, насилию. Свободу Спиноза связывает с безграничными возможностями человеческого познания. Познание причин аффектов, понимание ограниченности своей свободы делает человека свободным. Таким образом, свобода в теории Спинозы — это познанная необходимость. Поэтому, если четвертую часть «Этики» Спиноза называет «О человеческом рабстве или о силе аффектов», то пятая часть «О могуществе разума или о человеческой свободе» — это гимн возможностям человека. Познавая свои состояния, составляя ясные и отчетливые идеи сво-

их аффектов, человек обретает власть над ними и становится свободным.

При этом жизнь в согласии с разумом становится синонимом добродетельной жизни. Согласно Спинозе, нравственность рассматривается как внутренняя сущность человека, основанием нравственности является стремление к самосохранению, а т. к. рассудок не может приписывать человеку ничего противного природе, то, согласное естественному праву, все полезное дозволено.

В концепции Спинозы можно выделить три основные положения — это понятие единой субстанции, свойствами которой являются протяжение и мышление, это рационалистическая вера в силу человеческого духа, его возможность познать истину и это распространение механистических принципов на духовные явления и страсти и отрицание свободы воли. Эти положения, и прежде всего его теория познания, и этика повлияли на взгляды многих психологов, определив многие положения современной психологии эмоций.

Значительное место в системе научных интересов немецкого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница (1649—1716) занимали и вопросы философии и психологии, прежде всего теория познания, что нашло отражение в его трудах — «Новые опыты о человеческом разуме» (1705), «Монадология» (1714).

С позиций последовательного рационализма, опираясь на законы и методы математики, которые позволяют выделить составляющие единицы и изучить их свойства, он дал новое объяснение мирозданию, психическим функциям человека, отношению между духовным и телесным.

Мироздание Лейбниц мыслил в виде грандиозного механизма, первичными элементами которого являются неделимые и замкнутые в себе центры жизненных сил. Не разделяя положения Спинозы о существовании единой субстанции, Лейбниц говорит о существовании множества субстанций, названных им монадами (от греч. «монос» — единое). Как единицы строения мира монады Лейбница аналогичны «архе» античных психологов. Однако в отличие от материальных атомов, монада Лейб-

ница является идеальной единицей, это духовная субстанция, обладающая психической активностью.

В своих трудах, в том числе и в работе, названной им «Монадология», Лейбниц писал о том, что основными свойствами монады являются восприятие (перцепция) и стремление. Он подчеркивал, что перцепцию следует отличать от сознания — апперцепции, считая ошибочным не признавать неосознаваемые восприятия. Говоря о том, что вся природа — это своего рода россыпь духовных единиц, Лейбниц тем самым отвергал мнение, согласно которому психическое есть сознательное, т. е. постигаемое благодаря способности субъекта сосредоточиться на внутреннем мире своего Я. Он категорически утверждал, «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она осознает, является величайшим заблуждением». Тем самым психическое явление и его представленность на уровне сознания были разделены. Представление о психическом расширялось, т. к. в его сферу включалось не только сознание, но и бессознательное. Эти идеи Лейбница особенно сказались на представлении о психике в немецкой школе, в которой мысль о существовании бессознательного и его существенной роли в духовной жизни человека стала одним из постулатов.

Душа в теории Лейбница — это тоже монада, которая отличается более отчетливым восприятием и памятью. Человеческая душа-монада обладает способностью к апперцепции, т. е. обладает сознанием и самосознанием, и представляет собой высший уровень развития монад. Поскольку монады отличаются друг от друга по своим свойствам и не существует двух совершенно тождественных монад, то и души людей отличаются друг от друга, делая каждого человека уникальным и неповторимым. Обладая способностью внутреннего самоопределения, монада всегда остается неизменной и независимой. Это замкнутая единица, которая, по определению Лейбница, «не имеет окон». Это положение, с точки зрения ученого, доказывало невозможность внешнего влияния на самоопределение человека, в том числе и со стороны другого лица, в процессе общения. Оно стало одним из самых дискутируемых в ходе развития соци-

ально-психологических исследований, доказывавших, что такое понимание сущности личности не объясняет роль культуры в ее саморазвитии, роль другой личности в формировании самосознания и мировоззрения человека. В то же время представители феноменологии (а в дальнейшем частично и экзистенциализма), вспоминая эту мысль Лейбница, доказывали, что отсутствие «окон» характерно именно для процесса личностного самоопределения, развития экзистенции человека, которая является замкнутой и не поддается воздействию.

Вместе с тем Лейбниц не отрицал связь монады с окружающей действительностью, говоря о том, что она является «живым зеркалом Вселенной». Основой этой связи является восприятие, которое активно и субъективно, т. к. каждой монаде присуще стремление (активность) и индивидуальность. Одним из важнейших открытий Лейбница было положение о том, что субъективность познания является результатом не пассивного усвоения материала, но активного его постижения. Поэтому собственная точка зрения естественна для человеческих понятий и не противоречит их истинности, как это считало большинство психологов, начиная с Демокрита.

Лейбниц писал, что, воспринимая окружающий мир, каждый человек воспринимает его по-своему исходя из своих собственных представлений и опыта. Поэтому не существует первичных или вторичных качеств предметов, о которых говорил Демокрит, а в Новое время — Д. Локк, т. к. даже на начальной стадии познания человек не может пассивно воспринимать сигналы окружающей действительности. Получаемый в результате такого восприятия образ окружающего мира необходимо включает в себя как свои собственные свойства (первичные качества), так и свойства, привнесенные субъектом (вторичные качества), которые невозможно отграничить друг от друга. Таким образом, картина мира, которая создается человеком, у каждого своя и отличается от других, но вместе с тем, эти представления в сути своей тождественны и в отражении главных свойств и качеств окружающей действительности совпадают. Именно в этой тождественности, соответствии свойств вещей при-

роды идеям разума Лейбниц видит критерий истинности знания. Субъективность человеческого познания, по Лейбницу, является следствием активности и не противоречит объективности полученных знаний. Это дает возможность Лейбницу прийти к выводу о принципиальной познаваемости мира.

Лейбниц описывал психическую жизнь человека как непрерывный процесс, охватывающий сознательное и бессознательное, все моменты которого объединены между собой таким образом, что все новые элементы входят в органическую связь с предшествующими и изменяют их. Используя достижения в области математики, Лейбниц представлял сознание не в виде суммы элементов, а в виде интеграла. Поскольку все элементы психической жизни различаются по степени осознанности, Лейбниц выделил так называемые «малые перцепции», или неосознаваемые восприятия. Интегрируясь, эти «малые восприятия» переходят на новый уровень психической жизни, становясь осознанными. Апперцепция, или осознание, становится возможным благодаря вниманию и памяти. Таким образом, величайшей заслугой Лейбница в области развития психологического знания является разработка понятия о бессознательном. Теория Лейбница доказала, что психические процессы протекают реально, безотносительно к их осознаваемости субъектом. Важное место в различных теориях о структуре сознания заняло в дальнейшем введенное Лейбницем понятие об апперцепции.

Разделяя все содержание души по степени осознанности знания, Лейбниц выделяет в душе-монаде три области — область ясного или отчетливого знания, смутного знания и бессознательного. В своих воззрениях на проблемы познания он стоит на позициях рационализма. Как и все представители этого направления, Лейбниц выделяет три ступени познания или три вида идей. Первая ступень — это чувственное познание или понятия, которые мы образуем на основе данных наших органов чувств. Таким образом, человек получает знание отдельных качеств предметов. Вторая ступень — это одновременно чувственные и умопостигаемые понятия, которые открывают связи и отношения и строятся на

основе обобщений данных органов чувств. Третья ступень — умопостигаемые понятия или знания, которые выводятся из разума и не нуждаются в опоре на чувственное восприятие. Это знание о всеобщем и необходимом. Чувственное познание трактуется Лейбницем как низшая ступень и смутное знание, вторая и третья ступени дают нам идеи понятные и отчетливые. Он не отрицает чувственное познание как таковое, но познание всеобщих и необходимых истин связывает именно с разумом. Высшей ступенью являются умопостигаемые знания и идеи, которые содержатся в области апперцепции. Они открываются человеку путем рациональной интуиции и являются самыми достоверными, ясными и обобщенными.

Психологические воззрения Лейбница стали важной вехой в разработке многих проблем психологии. В них постулировалась активная природа психического, непрерывно развивающегося от одного уровня к другому. Было показано сложное соотношение между сознанием и бессознательным в динамике психической жизни. Поставлена проблема соотношения интеллектуального и сенсорного в составе человеческого опыта, зависимость этого опыта от предваряющих его задатков и перспектив их реализации в реальных обстоятельствах, с которыми сталкивает жизнь человека.

Сенсуализм в психологии

Развивая идеи, сформулированные Ф. Бэконом, английский ученый Томас Гоббс (1588 — 1679) противопоставляет свою теорию концепциям рационализма, господствующим в психологических теориях ученых Нового времени. Основные положения эмпирической психологии Гоббса представлены в его произведениях «О гражданине» (1642), в первых главах его главного труда «Левиафан» (1651), «О теле» (1655), «О человеке» (1658).

Преодолевая как деизм Бэкона, так и дуализм Декарта, Гоббс отвергает существование разумной души как особой нематериальной субстанции. Согласно его воззрениям, в мире существуют лишь материальные тела,

которые движутся по законам механики. Значительное влияние на становление взглядов ученого оказали идеи Галилея, с которым он был знаком лично, а также открытие кровообращения соотечественником Гоббса Уильямом Гарвеем. Механистический детерминизм Декарта в теории Гоббса получает свое законченное выражение в понимании жизнедеятельности человека как процесса, в котором «сердце — это пружина, нервы — нити, а суставы — колеса, запускающие в движение всю машину человеческого тела». Гоббс идет дальше Декарта, распространяя принцип механического детерминизма на всю психическую жизнь человека, которая в его теории рассматривается как эпифеномен материального мира.

Поскольку движение может вызвать только движение, то и ощущение Гоббс понимает как результат воздействия материального тела на организм, как внутреннее движение. Таким образом, ощущение — это результат, эффект, который произведен внешним предметом в теле. Из ощущений возникают представления, которые следуют друг за другом в таком порядке, в каком сменялись ощущения, составляя цепи мыслей. Впоследствии такая связь получила название ассоциации. Об ассоциациях писали и Декарт, и Спиноза, и Лейбниц, связывая с ними низшие формы познания, но в теории Гоббса ассоциация становится универсальным законом психической жизни, что послужило основанием для некоторых исследователей считать Гоббса одним из родоначальников ассоциативной психологии.

Подвергая критике теорию врожденных идей Декарта, Гоббс последовательно претворяет в жизнь линию Бэкона, подчеркивая эмпирическое, опытное происхождение всего человеческого знания, источником которого служат данные органов чувств: «нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично, в органах ощущения».

С позиций детерминизма Гоббс обращается и к решению проблемы свободы воли. Гоббс, как и Спиноза, отвергает свободу воли, подчеркивая, что свобода не противоречит необходимости. Он сравнивает поведение человека с течением реки, вода которой течет свободно

и вместе с тем необходимо по своему руслу. Такое же совмещение свободы и необходимости Гоббс отмечает в человеческих поступках. Поскольку поведение человека детерминировано внешними причинами — оно всегда необходимо, но в рамках этой необходимости человек свободен в выборе своего поведения. Воля, по мнению Гоббса, является производной от двух основных мотивов человеческого поведения — стремления или влечения и отвращения. Одна и та же вещь может вызвать в человеке то влечение, то отвращение, то желание действовать, то желание избежать или сдержать это действие. В современной терминологии мы назвали бы это состояние борьбой мотивов, Гоббс называет его размышлением, обдумыванием. Последнее побуждение, результат, итог размышления и будет волей (желанием или нежеланием). Только в этом смысле и в этих рамках, с точки зрения Гоббса, можно говорить о свободе воли.

Продолжателем линии сенсуализма и эмпиризма в психологии являлся известный английский философ и психолог Джон Локк (1632 – 1704), в теории которого это направление окончательно оформилось в своем классическом варианте. Медицинский и педагогический опыт Локка оказал существенное влияние на его теоретические воззрения, утвердив его в мысли о прижизненном характере понятий и убеждений человека.

Д. Локк исповедовал опытное происхождение всех знаний человека. Постулат Локка гласил, что «в сознании нет ничего, чего бы не было в ощущениях». Поэтому исходным пунктом теории Локка становится его критика концепции врожденных идей. Прежде всего критическому анализу Локк подвергает утвердившиеся в науке критерии врожденного знания, такие как его первичность по отношению к остальному, неврожденному знанию и всеобщее согласие людей в отношении его истинности. Свое доказательство отсутствия какого-либо врожденного знания Локк строит, используя данные этнографии, медицины, детской психологии. Он говорит о том, что если бы врожденные идеи существовали, они были бы известны и ребенку, и взрослому, и идиоту, и представителям народов, стоящих на низкой ступени развития. Эти знания осознавались бы ими раньше других истин с осо-

бой легкостью и ясностью. Но каждый, кто занимается воспитанием и обучением детей, на собственном опыте знает, что процесс овладения знаниями детьми сопряжен с большими трудностями. Логические и теоретические истины, которыми пользуется взрослый человек, остаются за гранью их понимания ребенком или идиотом.

Локк доказывает, что не существует не только общих врожденных теоретических и логических знаний, но и общих практических истин. У разных народов разные языки, разные политические и моральные убеждения, законы и представления о добре и зле, которые могут быть иногда прямо противоположными. Более того, моральные представления различны и у разных слоев населения, и у отдельных лиц. Идея Бога, которую Декарт считал одной из основных врожденных идей, по мнению Локка, также не является врожденной, что подтверждается разницей вероисповедания у разных народов в различных странах мира, стоящих на разных ступенях культурного развития. Эта критика теории врожденных идей становится у Локка основой для построения его сенсуалистической теории познания.

Если врожденных идей в сознании нет, как нет и врожденных принципов и предрасположенности к определенному знанию, о которой писали рационалисты (Декарт, Лейбниц, Мальбранш), то что же тогда представляет собой сознание человека? Локк считает, что психика, сознание человека при рождении — это чистая доска, «tabula rasa», которую жизнь заполняет собственными письменами. Иногда он также приводил сравнение с чистым белым листом бумаги или с пустой комнатой. Обращаясь к идее о происхождении человеческого знания, Локк утверждает, что все наше знание (логическое, теоретическое, этическое) проистекает из опыта, из наших ощущений, который и составляют основу разума. Локк выделяет два вида опыта — внешний, или ощущения, и внутренний, или рефлексия. Внутренний опыт, или рефлексия, дает человеку знание о самом себе, о различных процессах сознания и понятий об этих процессах. Важно подчеркнуть, что рефлексия в теории Локка — это тоже опытное, а не рациональное знание, как у Декарта или Спинозы.

Ощущения дают нам знания об окружающем мире. Являясь начальным этапом познания, ощущение поставляет информацию о конкретных свойствах окружающих нас предметов, которые человек получает с помощью различных органов чувств. При этом ощущения не только начальный этап познания, но и единственный путь приобретения знаний о внешнем мире, единственный канал, связывающий с ним человека. Однако, доказывая основополагающую роль ощущений, Локк рассматривает их как пассивный процесс, результатом которого является появление более или менее точной копии (идеи) вещи. Отрицание активности ощущений привело Локка, как будет показано ниже, к отрицанию их субъективности и мнению о невозможности познать окружающее.

Идеи, которые человек получает из двух источников опыта — ощущений и рефлексии, Локк характеризует как простые идеи. Они являются основой нашего знания. Если чувства — источник знаний, то разум — его руководитель, судья, систематизирующий данные чувства. Такое понимание роли разума объясняет внимание Локка к логическим операциям, при помощи которых происходит систематизация знаний и формирование общих понятий. Однако слабая сторона теории Локка как раз появляется в его попытке раскрыть механизм преобразования чувственных, эмпирических сведений о мире в рациональное знание его.

В результате различных логических операций и способности к абстрагированию из простых идей образуются сложные идеи, общие понятия, которые не могут возникнуть непосредственно из ощущений и рефлексии. Рассматривая процесс познания как результат взаимодействия между человеком и природой, Локк подчеркивал, что это взаимодействие приводит к реальному знанию, которое представляет собой соответствие между идеями и предметами природы. Там, где такое соответствие достигнуто, человек приходит к истинному знанию. Однако это соответствие, по мнению Локка, практически недостижимо, т. к. субъективность ощущений им отрицается, а полной объективности в данных органов чувств, как показали его исследования, не существует. Так, он приходит к выводу о том, что

внешний мир, в отличие от мира внутреннего, полностью не познаваем. Он писал, что, изучая жизнь природы, люди убеждаются в том, что в ней имеются «границы темной и освещенной половины мира — познаваемой и непознаваемой». Поскольку скрытая часть природы не может быть вполне познана, постольку люди устремились на освещенную часть, т. е. на ту, которая познается через опыт, эксперимент, наблюдение, которые дают возможность восприятия природы непосредственно в чувственном опыте.

Таким образом, доказывая неограниченные возможности опытного знания, Локк недооценил значение активности человеческого познания, о которой писал Лейбниц. Поэтому он, вслед за греческим ученым Демокритом, пришел к выводу о существовании первичных и вторичных качествах предметов. Первичные качества находятся в самих вещах и являются их реальными качествами. К ним Локк относит протяженность, плотность, движение, покой, форму, число. Они всегда объективны и не зависят от восприятия человека. Вторичные качества не находятся в предметах, их возникновение связано со спецификой органов чувств. Это цвет, запах, вкус, т. е. качества, которые существуют только для сознания человека и привносятся им в предметы. Кроме первичных и вторичных качеств, Локк выделяет третичные качества, которые рассматривает как результат взаимодействия предметов и называет их «способностями» или «силами». Примерами третичных качеств является способность солнца делать воск белым, способность огня делать свинец жидким. Таким образом, хотя человек располагает средствами, достаточными для практической ориентировки в вещах, возможностей для истинного познания мира у него не достаточно. Во внешнем мире человек способен объективно познать только предметы в их первичных качествах, идеи которых являются точной копией реально существующего. Идеи других качеств, так же как сложные идеи (субстанции, души, этики и т. п.), лишь частично подобны своим оригиналам, поэтому знание приоткрывают нам лишь небольшую часть свойств окружающих нас предметов.

Эти размышления привели Локка к выводу о том, что в строгом смысле предметом познания и критерием его истинности являются не отдельные идеи или отношения их к вещам, но только отношения согласия или несогласия между нашими идеями. Результатом этих рассуждений является вывод Локка (так же как и большинства представителей сенсуализма) о частичной познаваемости внешнего мира, что является их серьезным отличием от позиций рационализма. В то же время, отрицая существование бессознательного, Локк считает, что свой собственный внутренний мир человек может познать полностью и объективно с помощью рефлексии. То есть субъективное, личное знание является достоверным только в отношении внутреннего мира человека.

Важным моментом для последующего развития психологии является тот факт, что Локк ввел в психологию термин «ассоциация», дав этот термин понятию, которое существовало в науке еще со времен Аристотеля. Под ассоциацией ученый понимал неверное соединение в уме идей, которые сами по себе не связаны и не зависимы друг от друга, противопоставляя тем самым ассоциативные связи связям на основе разума. Локк видел в них причину человеческих предрассудков и заблуждений. Впоследствии понимание содержания данного термина претерпело значительные изменения, и ассоциация становится одним из ведущих понятий в психологических теориях XVIII — XIX столетий.

Локк заложил основу нового, эмпирического направления в психологии. Различные научные школы, как в Англии, так и за ее пределами использовали одни положения концепции Локка и отбрасывали другие, существенно изменяя и переосмысливая ключевые позиции его теории. Его идеи подводили к выводу о решающем значении влияния среды на формирование психики, что нашло свое воплощение в педагогических и психологических теориях французских энциклопедистов. Кроме того, идеи Локка о существовании двух видов опыта (в его теории — это две стороны одного, единого опыта) были переосмыслены разными психологическими школами и получили свое развитие и новую

интерпретацию в теориях французских материалистов (Кандильяк, Дидро, Гельвеций) и субъективного идеализма Беркли и Юма.

* * *

Психология Нового времени заложила основы трактовки психологических явлений исходя из законов и терминологии других наук, показав, что не только философия, но и, например, механика (а впоследствии физика, биология и другие науки) могут стать методологической основой для психологических исследований. При этом цель такого синтеза состояла в поисках положений, которые сделают психологию объективной наукой, помогут разработать метод, который сделает изучение фактов психической жизни, проверяемых интроспекцией, более точным и доказательным. В то же время, оставаясь в рамках философии, психология в этот период развивается как теоретическая, а не опытная наука.

Одним из центральных вопросов психологии Нового времени стало переосмысление предмета психологии. Проблема души трансформируется в проблему сознания как уникальной способности человеческой души не только мыслить и ощущать, но и рефлексировать все свои акты и состояния с неопровержимой достоверностью. Постановка и решение этой проблемы мыслителями Нового времени становится своеобразной программой развития психологии и во многом определяет дальнейшее становление ее предмета.

В это время были заложены и другие важные тенденции в развитии психологической науки. Это приоритет познания, когнитивных процессов, которые доминировали в психологических исследованиях последующие два века, это и отождествление психики и сознания, распространенное в психологической науке до начала XX в. Исключением в этом плане стала только немецкая школа, в которой, начиная с Лейбница, многие ученые рассматривали смутные, бессознательные области психики. Именно эти взгляды станут отправной точкой для решения Фрейда сделать именно область бессознательного ключевой для психологии.

Отождествление психики и сознания было важным не только для определения предмета, но и с точки зрения обоснованности метода психологии, т. к. самонаблюдение становилось не только ведущим, но и адекватным предмету методом изучения психической жизни. Действительно, если не существует бессознательного и все процессы, происходящие в душе, осознаны (или могут быть осознаны), то и рефлексия имеет под собой реальную основу. Обращенность внимания на внутреннюю жизнь дает возможность понять все, что происходит в душе человека и сделать полученные данные предметом анализа. Исходя из того, что критерий истинности наших знаний в самом сознании, с чем были согласны практически все психологи того времени, возможно обобщение этих данных и выведение общих законов психологии, которые дадут ей возможность претендовать на статус самостоятельной науки.

Попытка осознать и сформулировать эти законы привела к созданию первой в психологии теории рефлекса. Концепция Декарта в дальнейшем была уточнена и дополнена многими выдающимися учеными — Гартли, Сеченовым, Бернштейном, но в основе своей понимание рефлекторной природы психики было заложено уже в Новое время.

Соединение законов механики с законами ассоциаций, открытых еще Аристотелем и возвращенных в науку в XVII в., стало базой для становления методологии первой психологической школы — ассоцианизма.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие новые проблемы появились в психологии Средневековья?
2. В чем отличия в понимании общих понятий номиналистов и реалистов?
3. Какие проблемы поднимали исследователи в эпоху Возрождения?
4. В чем состоит разница между позициями рационализма и сенсуализма?
5. Как разрешается проблема познаваемости мира в рационализме?

6. Чем отличаются подходы к проблеме эмоций Декарта и Спинозы?
7. На основании каких фактов Локк приходит к выводу о неполной познаваемости внешнего мира?

Примерные темы рефератов

1. Зарождение сакрального подхода к проблеме души.
2. Сравнительный анализ исповеди Августина и П. Абеляра.
3. Подход к проблеме познания в сенсуализме и рационализме.
4. Проблема воли и роль аффектов и разума в развитии волевого поведения в работах Декарта и Спинозы.

Литература

1. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1971. Т. 2.
2. *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1964. Т. 1, 2.
3. *Грановский Т.Н.* Лекции по истории Средневековья. М., 1987.
4. *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1.
5. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
6. *Ибн Сина.* Канон врачебной науки. Кн. 1. Ташкент, 1954.
7. *Лей Г.* Очерк истории средневекового материализма. М., 1962.
8. *Лейбниц Г.В.* Сочинения: В 4 т. М., 1982. Т. 1, 3.
9. *Леонардо да Винчи.* Избранное. М., 1952.
10. *Локк Д.* Избранные философские произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 1.
11. *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д, 1998.
12. *Спиноза Б.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1957.
13. *Уатре Х.* Исследование способностей к наукам. М., 1960.
14. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

Глава VI

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Общая характеристика развития психологии в XVIII веке

Развитие психологии в XVIII в., в отличие от предыдущего столетия, связано в большей степени не с рационализмом, но с сенсуализмом, который, начиная с концепции Д. Локка, приобретал все большее значение не только для объяснения процессов познания, но и для общей характеристики поведения, способностей и личных качеств человека.

Благодаря работам Ф. Бэкона, Р. Декарта и других ученых к XVIII в. была доказана необходимость построения объективной науки, независимой от веры и построенной на разуме. В то же время быстрое развитие промышленности, изменения, в том числе и революционные (в Англии, в Нидерландах) социальных условий, структуры общества приводят к мысли о необходимости изучения психологических механизмов перестройки психики, анализа способов влияния на сознание и самосознание человека и его возможностей приспособления к новым условиям жизни. Изучение этих вопросов приводит к принятию идеи о прижизненном характере содержания сознания, его связи с внешней ситуацией, а не внутренним миром, который, так же как и врожденные идеи, достаточно стабилен. Важное место занимают исследования способов и границ воздействия на содержание сознания и поведение человека, в том числе при помощи обучения и просвещения.

С особой остротой эти вопросы вставали перед французской наукой, в которой проблемы социальные,

связанные с взаимодействием старых и вновь возникающих групп (аристократии, крестьянства, буржуазии, ремесленников) поставили и вопросы научные — о роли различных факторов (биологическом и социальном) в развитии психики, о способностях, о влиянии просвещения на мировоззрение человека.

Интенсивное развитие науки в этот период привело к возникновению в общественном сознании идеи прогресса, мысли о том, что все в мире развивается от простого к сложному, от менее развитого и совершенного ко все более развитому и совершенному. При этом даже схожие процессы не тождественны друг другу, но повторяются каждый раз на более высоком уровне, т. к. развитие идет по спирали. Это также убеждало психологов в прижизненном характере знаний, что и дает возможность индивидуального и социального прогресса.

Особенно значимым для психологической науки было появление в середине века первой собственно психологической школы — ассоцианизма, которая привела к выделению психологии в самостоятельную, а затем и в экспериментальную науку. В это же время широкое распространение получает и сам термин «психология», предложенный еще в 1590 г. немецким ученым Гоклениусом, но ставший в Европе общеизвестным после выхода книг немецкого психолога Христиана Вольфа «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734).

Хотя доминирующей тенденцией в психологии этого периода является механицизм, т. е. стремление объяснить психическую жизнь исходя из законов механики, важным моментов в развитии психологии XVIII в.стало появление первых концепций, связывающих психику с культурной или с географической средой.

Итальянский ученый Д. Вико в своей работе «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725) писал о том, что каждое общество походит последовательно через три эпохи — богов, героев и людей. Соответственно изменяются и психологические черты людей, в частности, возникает логического мышление, что связывается им с развитием торговли. Вико также впервые высказал идею о существовании надындивидуальной

психической структуры — народного духа, который и обусловливает психологические особенности конкретной нации.

Известный французский просветитель Ш. Монтескье в книге «О духе законов» (1748) также писал о том, что существует «общий дух народа», который зависит от многих факторов и, прежде всего, от географических условий.

Немецкий ученый И. Гердер в работах «Идеи философии истории человечества» (1789—1791) и «О происхождении языка» (1770) отстаивал в качестве важнейшего фактора уже не климат, но язык, говоря о том, что этническое своеобразие проявляется в народной поэзии.

Кант в своих лекциях по физической географии и антропологии, возвращаясь к идее Монтескье, говорил о том, что склонности людей обусловлены климатом, в котором они живут, и их предрассудками, подразумевая при этом и особенности мышления.

Эти теории впервые выводили законы психики из внешней, социальной или природной ситуации развития человека, связывая содержание сознания с новыми факторами. Это давало возможность изучать сознание, опираясь не только на интроспекцию, а в дальнейшем разработать и новые методы объективного исследования, и новые отрасли психологической науки — этнопсихологию, социальную и дифференциальную психологию.

Развитие французской психологической науки

Заметным явлением в развитии эмпирического направления в психологии стали исследования психики, проводимые французскими учеными, которых объединяла идея о важности обучения, просвещения людей, благодаря чему это направление и получило название Просвещение. Исходя из идеи Д. Локка о том, что в основе всех знаний лежат ощущения, наш опыт, эти ученые считали, что главным фактором, который оказывает влияние на развитие психики, является среда. Именно среда, то обучение и воспитание, которое получает ребенок, является важнейшей образующей его судьбы, определяет его умственное и личностное развитие, его

социальный статус и успехи. Однако воздействие среды является не прямым, но опосредованным когнитивным процессом, т. е. воздействие внешнего мира проявляется главным образом в том, что люди получают разную информацию, разное образование, у них формируются различные способности и, как следствие, отличные друг от друга стили жизни. Поэтому через образование, просвещение возможно изменение людей, считали эти ученые. Для целей просвещения был организован проект по изданию энциклопедии, в которой были бы даны основы необходимых для образованного человека знаний. Подготовка этого издания проводилась под руководством Дени Дидро. Поэтому его и других ученых, участвовавших в этой деятельности, часто называют не только просветителями, но и энциклопедистами.

Исследования Декарта были продолжены одним из самых ярких ученых того времени Жюльеном Ламетри (1709 — 1751). В своей теории Ламетри соединил сенсуализм с учением Декарта о машинообразности поведения живых тел. Он утверждал, что разделение Декартом двух субстанций представляло не более чем «стилистическую хитрость», придуманную для обмана теологов.

Душа действительно существует, считал Ламетри, но ее невозможно отделить от тела. Поскольку же тело — машина, то и человек в целом со всеми его душевными способностями всего лишь чувствующий, мыслящий и стремящийся к наслаждению автомат. Под словом «машина» Ламетри подразумевал материально детерминированную систему. Развивая мысль о самостоятельном, механическом движении тела человека, Ламетри доказывал. что существует единственная субстанция — материя, обладающая свойствами протяжения, мышления и движения. Выдвижение идеи о том, что движение является таким же свойством материи, как протяжение, является большой заслугой Ламетри.

Не менее важно и его положение о том, что источником активности человека являются его потребности. Он впервые ввел понятие потребности в психологию, разделив биологические и психологические потребности и считая последние причиной психической активности. Ламетри также одним из первых психологов начал ис-

следование внимания, выделив его как отдельный психический процесс и указав его специфику, связанную с тем, что, не имея собственного продукта, внимание направлено на улучшение деятельности других когнитивных процессов.

Распространив принцип машинообразности на всю человеческую психику, Ламетри свел сознание Декарта к телесной субстанции. В то же время в своих последующих работах («Человек-растение», 1748; «Система Эпикура», 1950) Ламетри подчеркивал и коренные отличия человеческой психики от механизма, раскрывая их сложную природу. Основным пунктом психологического анализа становится у Ламетри не механическое перемещение бескачественных частиц, а способность материи ощущать, обнаруживаемая, с его точки зрения, только в «организованных телах». После успехов сенсуализма значительно облегчалось новое понимание высших психических функций. Они рассматривались как результат усложнения присущей телу способности ощущать, а тем самым преодолевалась пропасть между материей и мыслью. Не только элементарные, но и развивающиеся из них сложные психические процессы выступали как свойства организованных тел. Материя, по мнению Ламетри, способна мыслить в силу своей организации. Понятие об организации явилось симптомом важного сдвига в общем истолковании принципа детерминизма, ухода от принципа физического детерминизма и ориентированного на физику (физикалистского) взгляда на природу.

Утверждая, что психика является продуктом особым образом устроенного тела, Ламетри стремился также ввести объективный критерий, отделяющий психическую жизнь от непсихической. Таким критерием, по его мнению, является степень сложности строения тела. Наиболее сложно устроено тело человека, и именно поэтому человек является царем природы, утверждал ученый.

Идею зависимости психики от организации приняли все французские материалисты. Этот подход, в сочетании с идеей о психике как продукте особо организованного тела, явился предтечей нового, эволюционного взгляда на природу и место человека в ней.

Развивая сенсуалистический подход в теории познания, Э. Кондильяк (1715 — 1780) доказывал ведущую роль ощущений в создании картины внешнего мира и возникновении таких психических процессов, как память, мышление, внимание и т. д. Отрицая наличие двух источников нашего знания, от отказался от рефлексии, о которой писал Локк, утверждая, что весь наш опыт основывается только на ощущениях. В то же время он, как и Локк, исходил из того, что ощущения не передают всю полноту внешнего мира и, таким образом, с точки зрения Кондильяка, разум основывается на комплексе ощущений и именно их перерабатывает, строя собственную картину внешнего мира.

Целью исследований ученого был поиск «первого корня» знания, т. е. возникновения восприятия, процесса познания в целом. Изучая этот вопрос, Кондильяк пришел к выводу, что душа имеет только одну первичную способность — способность ощущения, а все прочие свойства, и теоретические (память, мышление и т. д.), и практические деятельности развиваются позднее на ее основе.

Для доказательства этого положения Кондильяк использует модель статуи. Неодушевленную статую он предлагает наделить единственной способностью — ощущать. При этом сначала возникает обоняние, затем, постепенно, другие ощущения (вкус, слух, зрение) и, наконец, осязание. Через восприятие плотности у статуи возникает представление о внешнем мире, формируется сознание, а затем и самосознание, она оживает. В «Трактате об ощущениях» (1754) он доказывал, что ощущение, которое повторяется, становится памятью, разные ощущения вызывают сравнение, усмотрение их отношений превращается в суждение. Так же появляются и другие операции мышления. Различные ощущения вызывают чувство удовольствия или неудовольствия, которые соотносятся с определенными действиями. Впоследствии возникают аффекты, воля, речь для обозначения своих потребностей и, таким образом, формируется сознание. Превосходство человека над животными объясняется, по мнению Кондильяка, большим совершенством его ощущений, разнообразием потреб-

ностей и идей, а также наличием речи. Таким образом, все духовное имеет свое начало в ощущениях, но при своем развитии у человека ощущения освобождаются при помощи речи от чувственного опыта, обобщаются при помощи мышления и становятся общими понятиями, моралью, основой духовного совершенства и сознания себя.

Наиболее развернутое исследование процесса познания было дано в работах Д. Дидро (1713 — 1784). В своих работах «Мысли об объяснении природы» (1754), «Разговор Даламбера с Дидро» (1769) и других произведениях он писал о единстве материального мира, высказывая гипотезу о родственности всех видов органической жизни, происходящих из одного источника — живых молекул, которые рассеяны по всей материи. Эти молекулы способны ощущать и образуют в процессе своего развития все более сложные организмы, составляя непрерывную цепь живых существ от простейших до человека.

Говоря о познании, Дидро подчеркивал, что основой всех понятий являются ощущения. Он писал о том, что человек является «инструментом, одаренным способностью ощущать и памятью. Внешний мир порождает ощущения, которые обобщает наш разум, формируя наши суждения и понятия. В то же время Дидро не мог не видеть, что ощущения не только субъективны, но часто и не совсем точны. Поэтому он настаивал на необходимости проверять данные органов чувств приборами, измерениями и опытом, который связывает наше сознание с внешним миром. Постепенно обобщая полученные при наблюдении и опытах разрозненные факты, разум создает истинные понятия о вещах.

Одним из главных вопросов в психологической концепции К. Гельвеция (1715 — 1771) стало изучение природы и генезиса способностей, их связи с наследственностью и воспитанием человека. Для обоснования ведущего значения социальной среды Гельвеций разводил понятия души и духа. Он считал, что душа, отождествляемая с психикой и сознанием, является врожденным свойством каждого живого существа. Ее содержание первоначально сводится к способности ощущать и се-

бялюбию. Этим души разных людей сходны между собой. Гельвеций считал, что себялюбие — это главный мотив наших действий, и даже хорошие поступки объясняются стремлением заслужить похвалу, иметь друзей и т. д. Теория разумного эгоизма, развиваемая Чернышевским, во многом связана именно с этими мыслями Гельвеция.

От врожденной души отличается дух, который, по мнению Гельвеция, является совокупностью мыслей, понятий, приобретенных в процессе жизни и обучения. Поэтому дух человека определяется его окружением, воспитанием, и именно духовное содержание отличает людей друг от друга. Среди приобретенных качеств духа Гельвеций особое место отводит способностям, которые, как и все другие духовные качества, не врожденны, но приобретаются в процессе жизни. При этом под способностями он понимал возможность хорошо или отлично выполнить определенную деятельность. Таким образом, способности исследовались только в ходе выполнения определенного задания и имели качественную характеристику — уровень выполнения. При этом совершенно не учитывалась быстрота и легкость обучения, скорость переработки информации и другие параметры, которые являются важным свойством способностей в современной психологии. Естественно, что при таком понимании Гельвеций приходил к выводу о том, что способности не являются врожденными, но приобретаются в процессе обучения. Такой подход подкреплял его концепцию о всеобщем равенстве людей, индивидуальные различия которых являются лишь результатом разного социального положения и воспитания.

Эти положения Гельвеция стремился смягчить Дидро, который в целом разделял его позицию в отношении доминирующего влияния среды на развитие способностей. Дидро писал о том, что наследственность и среда имеют разное значение в развитии отдельного человека и общества. Если умственное состояние народа в целом определяется, прежде всего, социальной ситуацией, то на психику человека влияет его биологическая природа, его телесная организация. Поэтому случай только создает условия для развития конкретного человека, но от его

индивидуальных способностей зависит, насколько он может воспользоваться этим случаем. Следовательно, человек не освобождается от ответственности, т. к. он сам решает, что из предоставленного ему судьбой он использует для своего развития и образования.

Если Дидро и Гельвеций рассматривали просвещение, влияние общества как благо для человека, то другой известный французский ученый Жан-Жак Руссо (1712 — 1778) исходил из теории естественного человека и писал о природосообразном характере обучения. Существуют не только индивидуальные, но и общие для всех людей закономерности психического развития, изменяющиеся на каждом возрастном этапе, подчеркивал Руссо. Исходя из этого, он создал первую развернутую периодизацию психического развития, однако основание, по которому он разделял детство на периоды, так же как и критерий периодизации, были чисто умозрительными, не связанными с фактами и наблюдениями, но вытекающими из философских, теоретических взглядов самого Руссо.

Значительное влияние на дальнейшее развитие психологии оказала теория П. Кабаниса (1757 — 1808). Он дополнил исследования Ламетри и Дидро о взаимосвязи психики и телесной организации человека, выдвинув идею о трех уровнях психической регуляции поведения. Изучая по заданию Конвента вопрос о возможности применения гильотины при казнях, он пришел к выводу о том, что после отсечения головы никакие ощущения возникнуть не могут. Те же движения, которые наблюдаются в этот момент, являются чисто рефлекторными. Таким образом, в регуляции деятельности выделяются: сознательный уровень, полусознательный уровень и рефлекторный уровень. У каждого из них имеется своя система органов регуляции и все они взаимосвязаны между собой. При отсутствии по каким-то причинам возможности обеспечить регуляцию на более высоком уровне (травма, патология), его функции на себя берет более низкий.

В своих работах от также доказывал, что ощущения связаны с мозгом, который синтезирует их данные, образуя мысли, идеи. При этом чувствительность соеди-

няется не только с корой мозга, но и с двигательной активностью тела. В связи с этим Кабанис поставил вопрос о применимости способов объяснения деятельности элементарных уровней к более высоким.

В психологических теориях французских просветителей было накоплено большое количество данных о роли ощущений и восприятия в создании целостной картины мира, о механизмах влияния образа мира, познания на поведение человека. Большое значение для психологии имели исследования способностей, а также способов воздействия социальной среды на сознание человека.

Развитие немецкой психологии

Особое место в развитии психологической науки XVIII в. занимала немецкая психология, в которой оставались доминирующими идеи рационализма, а также мнение об активном характере всех познавательных процессов, связанном с врожденной активностью души. Высокий авторитет Лейбница, заложившего эти идеи, оставался незыблемым, а его взгляды получили развитие в трудах Христиана Вольфа (1679—1754).

Х. Вольфу принадлежит большая заслуга в разработке немецкой психологической терминологии, заменившей прежнюю, латинскую. Само слово «психология» стало в Европе общеизвестным после выхода книг Вольфа «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734). На долю первой относилось описание фактов, наблюдение за явлениями. Перед рациональной же психологией была поставлена задача путем дедукции выводить явления психической жизни из сущности и природы души. В качестве объяснительной основы выдвигалось понятие о способности. Вольф является автором теории, получившей название «психология способностей». Позитивная роль этой теории обусловлена тем, что в ней дана попытка дать научное объяснение различным психическим качествам человека. Ведущими положениями психологии способностей был рационалистический подход к познанию и идея спонтанной активности души. Спонтанная, не зависящая от каких-

либо воздействий и изначально присущая душе активность становится ее главной характеристикой, которая придает активность и всем душевным процессам, прежде всего процессам познания.

Идея Вольфа о спонтанной активности души, порождающей в силу собственных творческих потенций весь мир представлений и стремлений, стала одной из центральных для немецкой психологии от Вольфа и Канта до Гербарта и Вундта, писавшему об апперцептивной активности души, являющейся основой высших психических функций.

В трудах И. Канта (1724 — 1804) «Критика чистого разума» (1781), «Метафизика морали» (1785) и других его работах, понятие апперцептивной (спонтанной) активности соединилось с учением об априорных, т. е. данных до опыта, до начала процесса познания, видах знания. Распространив механическое понимание причин психической активности на процесс познания, Кант, исходя из законов Ньютона, пришел к выводу, что ощущения могут возникать только под действием внешнего толчка, побуждения. Сами по себе они являются пассивными, а потому нуждаются во внешней активности, которая и станет стимулом процесса восприятия.

Такой подход давал возможность объяснить, каким образом у человека формируется понятие о форме, цвете или назначении конкретных предметов, т. к. звук или тактильное прикосновение может стать внешним побуждением. Однако такие понятия, как время или пространство, так же как и другие отвлеченные представления, не имеющие непосредственной связи с внешними воздействиями, оказывались вне этого закона и не могли быть объяснены как результат обобщения данных чувственных впечатлений. Это и привело Канта к мысли о существовании априорных знаний.

Все познаваемое (как внешние предметы, так и внутренние переживания) разделялись ученым на «явления» и «вещи в себе». Явления, как видно уже из названия, можно познать, вещи же в себе не познаваемы при помощи ощущений, а следовательно, не доступны для познания, т. к. другого пути, кроме опытного, Кант, как и все сенсуалисты, не признавал. Истинное познание яв-

лений происходит главным образом при экспериментальном исследовании, которое более точно и достоверно, чем обычное наблюдение. Развивая эти мысли Ф. Бэкона, Кант приходит к выводу об ограниченности данных, которыми располагает психология. Это связано с тем, что психология, в отличие от естествознания, не имеет возможности экспериментального исследования. Кроме того, данные естествознания обобщаются и приобретают большую достоверность благодаря математике, психические же факты, существуя в неповторимом потоке времени, не могут быть подведены под строгие математические законы. Исходя из этого Кант приходит к тому же выводу, что и Юм: психология, хотя и является самостоятельной наукой, не может быть наукой точной и достоверной. Наблюдая и анализируя разные сферы психического — познание, волю и чувство, она вооружает человека определенными знаниями, которые он может использовать и в реальной жизни, и в сочетании с данными других наук — философией, естествознанием. Предназначение психологии — описание проявлений психической жизни, но не их объяснение.

Такой подход к месту психологии в системе наук продолжался почти столетие. Он же стимулировал в XIX в. поиски объективных способов исследования психики, которые и привели к появлению экспериментальной психологии, а также к ориентации на естествознание, имеющее статус точной науки.

Вещи в себе, которые не доступны исследованию, являются тем самым априорным знанием, которое постигается человеком без опоры на чувственный опыт. Эти априорные понятия касаются не только внешних, но и внутренних феноменов, например понятия «Я», которое невозможно вывести только из данных рефлексии. Спонтанная активность души, также не постигаемая чувством, не только позволяет понять многие вещи, но и структурирует, упорядочивает тот опыт, который человек получает благодаря ощущениям. Так в теории Канта появляется понятие трансцендентальной апперцепции, т. е. психической активности, благодаря которой человек осознает и мир, и себя постоянным и целостным. Понятие трансцендентальной апперцепции, в несколько

модифицированном варианте, заняло в дальнейшем важное место во многих психологических концепциях.

Важное значение для психологии имели и работы Канта, связанные с изучением морального развития человека. Достаточно известно высказывание ученого, который, говоря о достижениях науки, подчеркивал, что при всех ее успехах две вещи остаются загадочными и непостижимыми — это звездное небо над головой и моральный закон внутри нас. Главный этический принцип, сформулированный ученым, не потерял своей актуальности и в наше время — человека нельзя рассматривать как средство для достижения цели, он сам есть эта цель. Этот подход не только признает аморальным любое манипулирование людьми, их стремлениями и переживаниями, но и ставит перед человеком задачу соответствовать своему высокому предназначению. Кант считал, что существует обязательный для всех людей этический закон, которому они должны следовать не из стремления к выгоде, но из желания соответствовать идеалу человека. Этот закон, получивший название морального императива, гласил, что человек должен поступать всегда так, чтобы принципы, которыми он руководствуется, могли стать всеобщими.

Работы Х. Вольфа и И. Канта, так же как в XVII в. труды Г.В. Лейбница, стимулировали исследование важных для психологической науки проблем (индивидуальных особенностей, природы активности человека, формирования у него целостной картины мира и себя), закладывая в то же время особый характер подхода к этим проблемам в немецкой психологии.

Зарождение и развитие ассоциативной психологии

Ассоцианизм или ассоциативная психология появилась как самостоятельное направление в XVIII в. Эта школа положила начало выделению психологии в самостоятельную, независимую от философии науку, имеющую собственный предмет и тезаурус. В русле ассоцианизма произошло изменение ориентации психологии с философской на естественно-научную методологию, а также поиски объективного метода исследования и становление экспериментальной психологии.

Термин «ассоцианизм» был введен Локком, а само понятие использовалось еще Аристотелем, который разработал первые законы ассоциаций. Затем, уже в Новое время это понятие вернулось в психологию, однако ассоциации и Декарт, и Лейбниц трактовали, в отличие от Аристотеля, не столько как механизмы переработки информации, сколько как некоторые, мешающие истинному пониманию вещей, феномены.

Некоторые вопросы ассоциативной психологии разрабатывались в трудах Бонне, Беркли и Юма, однако появление ассоцианизма как психологической школы связано с именем Д. Гартли, который построил на механизме ассоциативной переработки всю свою психологическую теорию.

Английский философ Д. Беркли (1685 — 1753) построил свою концепцию познания на положениях Д. Локка о ведущей роли ощущений в формировании понятий. Отбросив идею о связи ощущений с внешним миром, во главу угла Беркли положил понятие о внутреннем опыте, став родоначальником крайней формы субъективно-идеалистического воззрения на внешний мир и психическую жизнь. Его формула познания гласила: «быть значит быть в восприятии». То есть, по Беркли, то, что люди принимают за независимые от сознания вещи, ничто иное, как комплекс их внутренних ощущений (по терминологии Беркли, «идей»), которые никак не отражают состояние внешнего мира. Пока человеку кажется, что он видит или слышит какой-то объект, он реально существует, но стоит закрыть глаза — пропадает не только ощущение, но и объект.

Не удивительно поэтому, что Беркли отверг разделение качеств предметов на первичные и вторичные, о котором говорил еще Демокрит и Локк. Беркли же утверждал, что никаких качеств, кроме непосредственно испытываемых субъектом, не существует. Исходя из этого, все качества, по существу, являются вторичными, т. е. придуманными субъектом, т. к. качества, реально принадлежащие предметам, не существуют, во всяком случае, они не познаваемы для человека.

Соответственно следует отказаться от предположения о материальных внешних агентах (раздражителях),

воздействие которых на органы чувств вызывают ощущения («идеи») и другие психические образования. Идеи соединяются между собой по законам ассоциации, образуя комплексы, иллюзорно принимаемые за материальные физические объекты. За этими комплексами скрыта их истинная причина, каковой, согласно Беркли, является не материальная субстанция (природа), а дух — простая, неделимая активная сущность, которая мыслит, обладает волей и воспринимает идеи (т. е. психические образы).

Психологии восприятия Д. Беркли посвятил трактат «Новая теория зрения» (1709). В нем он использовал принцип ассоциации, чтобы объяснить восприятие видимого пространства. Обращаясь к поверхности сетчатой оболочки глаза, можно понять, как возникает образ двух измерений пространства — вертикального и горизонтального, но необъяснимо восприятие глубины, дистанции, на которой отстоит зримое субъектом. Это восприятие возникает благодаря тому, что к сетчатому изображению присоединяются тактильные ощущения и возникает благодаря ассоциации (Беркли называл ее «суггестией») трехмерный образ. Стало быть, этот образ не является врожденным. Он складывается благодаря опыту. С этих же позиций Беркли проанализировал другие компоненты в процессе построения зрительного восприятия.

Отношения между осязательными и зрительными ощущениями рассматриваются и в другой работе Д. Беркли «Принципы человеческого познания» (1710). Он говорит о том, что психические явления связаны между собой не причинными, а символическими знаковыми отношениями. Одно служит знаком другого. Огонь при сближении с ним не причина боли, а знак, предупреждающий о ней. Но одним знаком мы можем предупреждать другие, и это достаточно, чтобы правильно вести себя. Таким образом, ощущения если и не дают нам истинные знания о внешнем мире, во всяком случае, помогают выстраивать наше поведение, т. е. имеют прагматическую значимость.

Идеи Локка и Беркли получили свое развитие в работах другого известного английского психолога и фи-

лософа Давида Юма (1711 — 1776). В своих работах «Трактат о человеческой природе» (1734 — 1737) и «Исследования о человеческом разумении» (1748) он писал о том, что «ум никогда не имеет перед собой никаких вещей, кроме восприятий, и он не может... произвести опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами». Поэтому единственным источником нашего познания являются наши восприятия, на основании которых мы создаем наши суждения и о внешнем мире, и о себе. Таким образом, устраняется противопоставление объекта и субъекта, т. к. и объект — это комплекс восприятий, и субъект — это процесс восприятия. Разница между этими разными группами восприятий лишь в их комбинациях, но не в происхождении.

Источником всех знаний являются переживания человека, которые подразделяются им на впечатления и представления (или идеи). С его точки зрения, разница между впечатлениями и представлениями не в том, что одни (ощущения) отражают реально существующие предметы, а другие (представления) — воспоминания о них, но только в их силе и отчетливости.

При этом простые идеи происходят от простых впечатлений, которым они и соответствуют и которые, как правило, достаточно точно воспроизводят. Но существуют и более сложные идеи, которые не связаны напрямую с опытом. Так, человек может представить себе крылатую лошадь или золотую гору, которых он никогда не видел и не увидит, однако составные части любой, самой сложной идеи все же происходят из впечатлений. Для доказательства этого положения Юм использует данные не только психологии, но и медицины, говоря о том, что у слепых от рождения людей не существует идеи цвета. Эти же данные использует и современная психология, говоря о различии в содержании сознания у людей с отклонениями или травмами органов чувств.

Рассуждения о механизмах формирования сложных идей приводят Юма к обсуждению роли ассоциаций, которые лежат в основе мышления. Он выделял ассоциации по сходству, контрасту (о которых писал и Беркли), смежности в пространстве и времени, а также ассоциации по закону причинной связи. Эти последние стали

предметом особенно пристального анализа с его стороны.

Он доказывал, что на основе одного восприятия, без опыта, невозможно составить никакой картины мира и, тем более, невозможно в нем действовать. Так, наблюдая за текущей водой, можно сказать о ее цвете или быстроте течения, но нельзя предположить, что в ней можно утонуть или что по ней можно сплавлять бревна. То есть ни один объект не проявляет при чувственном восприятии ни причин, его породивших, ни действий, которые он может произвести. Только опыт раскрывает эти связи, и человек, привыкнув наблюдать за явлениями, происходящими в определенной последовательности, начинает думать, что одно явление является причиной другого. Но любой опыт человека ограничен, поэтому то, что кажется ему причинно-следственной связью, может быть связью случайной. Наше предвидение, основывающееся на привычке и опыте, может быть лишь вероятным, но не истинным.

Отрицая достоверную связь между явлениями, Юм приходил к выводу, что источником этой связи является не внешний мир, но сам человек, особенности его психики, которые трансформируют собственные привычные представления в не зависящую от сознания причинную связь. То есть, по мнению Юма, не причинная связь лежит в основе ассоциаций, но ассоциация, как универсальное свойство психики, лежит в основе создания причинной связи, наших суждений. Так, ассоциация, как и у Локка, становится причиной заблуждений, свойственных мышлению человека. Однако у Юма это заблуждение не ошибка, но закономерный результат мыслительного процесса, т. к. других знаний у человека и быть не может.

Еще одной важной идеей Юма было положение об отсутствии не только объекта, но и субъекта. Действительно, если внешний мир — это комплекс впечатлений, которые человек связывает для своего удобства в определенные понятия, то ведь и данные рефлексии своих мыслей и переживаний связываются в комплекс Я по закону той же привычки. Однако, если идти по пути последовательного скептицизма за Юмом, из утверждения

о том, что невозможно доказать, что Я есть, еще не следует и утверждения, что Я отсутствует. Поэтому, преодолев крайности позиции Юма, прагматизму и функционализму удалось впоследствии прийти к определению понятия «Я» и его структуры.

Закономерность психики, по мнению Юма, проявляется в том, что опытные, привычные знания помогают человеку в жизни, в реальной деятельности. Именно привычка формирует представления о законах, т. к. человек, соединяя в определенную систему свои представления, уничтожает хаос восприятий, упорядочивая картину мира. Таким образом, прагматическая ценность познания несомненна, а о истинности и соответствии реальным объектам человеку нет необходимости беспокоиться, тем более, что раскрыть эту истину он все равно не имеет возможности. Таким образом, Юм положил начало той прагматической позиции в психологии, которая в начале XX в. легла в основу прагматизма и функционализма Джемса. Он также одним из первых заговорил о разнице между описательными (направленными на использование) и объяснительными (направленными на познание сути) науками, относя психологию и философию именно к описательным наукам. Идеи Юма легли и в основу весьма распространенной к XIX в. теории позитивизма, разрабатываемой О. Контом, которая оказала большое влияние на психологическую науку.

Д. Беркли и Д. Юм, разрабатывая законы ассоциаций и связывая их с особенностями психики человека, все же рассматривали их как частный момент своей концепции.

Основателем же ассоциативной психологии, которая просуществовала как единственное собственно психологическое направление до начала XX в., по праву считается Д. Гартли (1705—1757). Гартли стремился создать такую теорию, которая бы не только объясняла душу человека, но и давала бы возможность управлять его поведением. В качестве такого универсального механизма психической жизни им были выбраны ассоциации.

В основу своей теории Гартли положил идею Локка об опытном характере знания, а также принципы меха-

ники Ньютона. Вообще понимание человеческого организма, принципов его работы, в том числе и работы нервной системы по аналогии с законами механики, открытыми в то время, были очень характерными приметами психологии XVIII в. Не избежал этой ошибки и Гартли, который стремился объяснить поведение человека исходя из физических принципов.

Учение об ассоциации Гартли, изложенное им в его книге «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях» (1749), базируется на учении о вибрации, т. к. он считал, что вибрация внешнего эфира вызывает соответствующую вибрацию органов чувств, мышц и мозга. Анализируя структуру психики человека, Гартли выделяет в ней два круга — большой и малый. Большой круг проходит от органов чувств через мозг к мышцам, т. е. является фактически рефлекторной дугой, определяющей поведение человека. Таким образом, Гартли, по сути, создает свою, вторую после Декарта в психологии, теорию рефлекса, которая объясняет, исходя из законов механики, активность человека. По мнению Гартли, внешние воздействия, вызывая вибрацию органов чувств, запускают рефлекс. Вибрация органов чувств вызывает вибрацию соответствующих частей мозга, а эта вибрация, в свою очередь, стимулирует работу определенных мышц, вызывая их сокращение и движение тела.

Если большой круг регулирует поведение, то малый круг вибрации, расположенный в белом веществе мозга, является основой психической жизни, основой процессов познания и обучения. Гартли считал, что вибрация участков мозга в большом круге вызывает ответную вибрацию в белом веществе мозга. Исчезая в большом круге, эта вибрация оставляет следы в малом круге. Эти следы, по его мнению, являются основой памяти человека. Они могут быть более или менее сильными в зависимости от силы и значимости того явления, которое оставило этот след. Большое значение имела идея Гартли о том, что от силы этих следов зависит степень их осознанности человеком, причем слабые следы, подчеркивал он, вообще не осознаются. Таким образом, он расширил сферу душевной жизни, включив в нее не только

сознание, но и бессознательные процессы, и создал первую материалистическую теорию бессознательного. Почти через сто лет идеи Гартли о силе следов и ее связи с возможностью их осознания будут разработаны известным психологом Гербартом в его знаменитой теории о динамике представлений.

Исследуя психику, Гартли пришел к выводу о том, что она состоит из нескольких основных элементов — ощущений, которые являются вибрацией органов чувств, представлений (вибраций следов в белом веществе в отсутствии реального объекта) и чувств, отражающих силу вибрации. Говоря о развитии психических процессов, он исходил из идеи о том, что в их основе лежат различные ассоциации. При этом ассоциации являются вторичными, отражая реальную связь между двумя очагами вибраций в малом круге. Таким образом, Гартли объяснял формирование самых сложных психических процессов, в том числе мышление и волю. Он считал, что в основе мышления лежит ассоциация образов предметов со словом (сводя, таким образом, его к процессу образования понятий), а в основе воли — ассоциация слова и движения.

Исходя из идеи о прижизненном формировании психики, Гартли полагал, что возможности воспитания, воздействия на процесс психического развития ребенка поистине безграничны. Его будущее зависит от того, какой материал для ассоциаций ему поставляют окружающие, поэтому только от взрослых зависит каким вырастет ребенок, как он будет мыслить и поступать. Гартли является одним из первых психологов, заговоривших о необходимости для педагогов использовать знание о законах психической жизни в своих обучающих методах. При этом он доказывал, что рефлекс, подкрепленный положительным чувством, будет более стойким, а отрицательное чувство, возникающее при определенном рефлексе, поможет его забыванию. Поэтому возможно формирование социально принятых форм поведения, возможно формирование идеального нравственного человека, необходимо только вовремя подкреплять нужные рефлексы или уничтожать вредные.

Взгляды Гартли оказали огромное влияние на развитие психологии, достаточно сказать, что теория ассоцианизма просуществовала почти два столетия и хотя неоднократно подвергалась критике, основные ее постулаты, заложенные Гартли, стали основой дальнейшего развития психологии. Не меньшее значение имели высказанные им догадки о рефлекторной природе поведения, а его взгляды на возможности воспитания и необходимость управлять этим процессом очень созвучны подходам рефлексологов и бихевиористов, разрабатываемых уже в XX в.

* * *

Анализ развития психологии в течение XVIII в. показывает, что в этот период начинается процесс ее формирования как самостоятельной науки, имеющей свой предмет, отдельный от предмета философии, свой терминологический аппарат и метод исследования. Фактически с появления ассоцианизма, т. е. теории Гартли, можно уже говорить о существовании самостоятельной психологии, что доказывается и появлением работ, посвященных чисто психологической проблематике, и анализом ее места в системе наук (например, в работах Канта), и появлением курса психологии в учебных заведениях. Поэтому если экспериментальную психологию по праву связывают с именем В. Вундта, то появление психологии как самостоятельной области научного исследования можно отсчитывать от работ Д. Гартли.

Необходимо отметить и то, что в XVIII в. продолжает развиваться своеобразие в подходах к психологической проблематике в разных научных школах (английской, немецкой, французской), при сохранении единства предмета психологии. Возможно, что осознание этих отличий, так же как и развитие гражданского общества, социальные изменения, которые происходили в этот период, привели к появлению принципиально новых взглядов на факторы, определяющие психику, среди которых все большее место начинает занимать культура, социальная и природная среда.

Однако эти новые подходы пока еще не занимают ведущего места в психологии, и теорию ассоцианизма

Гартли строит исходя из принципов механики. Поэтому с развитием науки, проявлением новых данных в физике, биологии, физиологии многие положения Гартли стремительно устаревают. Это приводит к их пересмотру, новой трактовке законов ассоциаций. В таком виде и предстанет теория ассоцианизма в классических работах Д. Милля, Т. Брауна и других ученых, появляющихся в первой трети XIX в.

Общая характеристика развития ассоциативной психологии в XIX веке

В начале XIX в. ассоциативная психология оставалась единственной психологической школой, предмет которой — сознание — был признан всеми без исключения учеными. В классических теориях ассоцианизма, появившихся в начале XIX в., содержание сознания рассматривалось как комплекс ощущений и представлений, соединенных по законам ассоциаций.

Однако уже к 40 — 50-м годам появились новые факторы, обусловившие существенные изменения в развитии науки. Прежде всего речь идет о позитивизме, появление которого в 30-е годы привело к пересмотру критериев, которым должна отвечать научная дисциплина. Основатель этого направления О. Конт, считал, что развитие миросозерцания и объяснительных принципов, лежащих в основе научного знания, проходит три стадии — теологическое, метафизическое и, наконец, научное, или позитивное, мышление. По его мнению, не только люди, но и отдельные науки проходят эти стадии, а в некоторых их них они переплетаются, сочетая истинное исследование с метафизикой и догматической верой. Исходя из этого, Конт ввел свою классификацию наук, в которой выделяются так называемые абстрактные науки, имеющие дело не с предметами, но с процессами, при изучении которых могут быть введены не отдельные факты, но всеобщие законы.

Психологии в этой классификации не нашлось места. Ни по предмету, ни, главное, по методу исследования она никак не могла претендовать на обладание позитив-

ной парадигмой. Конт относил ее к метафизическим и, частично, даже теологическим наукам и считал, что она должна отказаться от статуса самостоятельной дисциплины, соединившись с биологией и социологией (так он называл все общественные науки).

Для того чтобы остаться независимой и объективной (позитивной) наукой, психологии необходимо было пересмотреть свои основные методологические принципы и, прежде всего, найти объективный и точный метод исследования душевной жизни, который бы не уступал методам естественных наук. Ведущие психологи XIX в. — Д.С. Милль, Г. Спенсер, как и ученые других направлений, разделяли позитивистские воззрения и, исходя из них, стремились трансформировать психологию в русле его требований. Эта задача решалась на протяжении длительного периода, занявшего почти сто лет. Еще в 10-х годах XX в. известный отечественный психолог А.И. Введенский, говоря о необходимости переработки психологии, назвал свою книгу «Психология без метафизики». Сложность задачи модификации психологической науки, так же как проблемы, возникавшие при согласовании единого пути ее дальнейшего развития, во многом привели к методологическому кризису в начале XX в., в результате которого психология разделилась на отдельные направления.

В течение второй половины XIX в. многие ученые (Д.С. Милль, Г. Спенсер, А. Бэн, И.Ф. Гербарт, В. Вундт) предлагали свой вариант построения психологии. Общим была идея о важности пересмотра предмета психологии и введения нового метода. Общим же оставалась мысль о том, что самонаблюдение не может оставаться основным методом, который должен быть надындивидуальным и достоверным. Критикуя интроспекцию, еще Кант писал о невозможности проверить ее данные математикой. Конт же подчеркивал, что абсурдно думать, будто дух может быть разделен на две половины, из которых одна наблюдает за другой. Не мене важным был и тот факт, что самонаблюдение могло считаться достоверным только в том случае, если психика ограничивается областью сознания. Но уже к середине XIX в. все больше ученых, особенно в Германии, вслед за Лейбни-

цем приходят к выводу о существовании не только сознательных, но и бессознательных явлений. Возникающая необходимость исследования психики маленьких детей, животных, у которых самонаблюдение невозможно, также доказывало, что этот метод не может оставаться ведущим и единственным в психологии.

Поэтому психология должна, во-первых, научиться использовать наблюдение за другими, во-вторых, разработать новый объективный метод изучения душевной жизни. Так, с середины XIX в. появляется все большее количество работ, предлагающих разнообразные варианты. Это и метод логики, предложенный Миллем, и метод проб и ошибок Бэна, и метод генетического наблюдения Сеченова, и, наконец, экспериментальный метод, разработанный Вундтом.

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на развитие психологии в этот период, было появление эволюционной теории Ч. Дарвина, которая имела решающее значение в повороте психологии в сторону естествознания. Философия, которая сама в то время переживала методологический кризис и подвергалась критике со стороны позитивизма, не могла помочь психологии в решении ее проблем. В то же время активно развивающееся естествознание, прежде всего биология и физиология, давали психологии оружие в борьбе за объективность, помогали сформировать экспериментальный подход к психическому.

Теория эволюции давала также возможность пересмотреть постулаты механического детерминизма, безнадежно устаревшего к этому времени. Идея о том, что целью психического развития является адаптация к среде, структурировала многие, открытые к тому времени факты. Новая, биологическая детерминанта давала возможность соотнести уровни развития сознания и поведения, пересмотрев предмет психологии. Говоря о том, что психология изучает ассоциации между внешним и внутренним, Спенсер, как справедливо отметил Сеченов, вывел психологию из поля сознания в поле поведения. Это не только расширяло область ее исследований, но давало возможность применения эксперимента, объективной проверки полученных фактов. Такое понимание

предмета давало основания сказать, что психология из науки о сознании трансформируется в науку о познавательных процессах, что отвечало не только логике ее развития, но и требованиям позитивизма, т. к. в центре исследования стоял уже не предмет (сознание), но процесс. Эволюционный подход давал также возможность изучить не сформированную, но только формирующуюся психику, проследить этапы ее становления, открыть новые психические закономерности. Поэтому генетический метод получал все большее распространение, приведя и к появлению генетической (возрастной) психологии.

Классические теории ассоциативной психологии

В начале XIX в. ассоциативная психология приобретает законченный, канонический характер, развиваясь в русле законов, заложенных психологами предыдущего поколения, прежде всего Гартли. Исследования психики и новые открытия, сделанные в этот период, были направлены на усовершенствование этой теории, не подвергая сомнению ее постулаты и, прежде всего, идею об универсальности законов ассоциаций.

Одним из крупнейших представителей ассоциативного направления в этот период являлся Томас Браун (1778 — 1820). Заслугой Брауна является постановка вопроса о собственно психологических закономерностях приобретения индивидом опыта, несводимых к физическим или физиологическим причинным объяснениям.

Он полагал, что в трактовке ассоциаций не следует ограничиваться тремя классическими типами ассоциаций — по смежности, сходству и контрасту. Поэтические метафоры, научные сравнения, творческие находки, которым человечество обязано прогрессом, нуждаются в ином объяснительном принципе. Поэтому он пришел к выводу о том, что существуют законы ассоциаций двух степеней сложности, из которых первые объясняют лишь простые суждения.

В своем сочинении «Лекции о философии человеческого ума» (1820) он доказывал, что первичные законы необходимы, но недостаточны для объяснения тех обстоятельств, в силу которых за данным психическим

феноменом (образом, мыслью, желанием) в сознании появляется именно такой, а не другой образ или идея. Чтобы решить эту, центральную для ассоциативной психологии, задачу, нужно к первичным законам присоединить вторичные. Брауном было разработано девять вторичных законов — частоты, новизны, конституциональных различий между индивидами, длительности первоначального ощущения и др. Он доказывал, чем чаще осознаются какие-либо образы, чем более сильные эмоции они вызывают, чем свежее впечатление о них, чем они необычнее и т. п., тем больше шансов на установление связи между ними. Поэтому в дальнейшем появление одного из них влечет за собой закономерно связанную вереницу других.

К важнейшим нововведениям в ассоциативную психологию следует отнести и идею Брауна о включение в комплексы, образующие ассоциации, особых ощущений, порождаемых работой мышц. С его точки зрения, мышечная чувствительность порождает уверенность в реальном существовании внешнего мира. Важным моментом в его концепции было положение о наличии спонтанной ассоциации, при которой порядок идей может несколько отклоняться от порядка ощущений. В дальнейшем эти мысли Брауна будут развернуты в законы творческой ассоциации, при которой у человека рождаются принципиально новые понятия.

Наиболее совершенный, классический вид теория ассоцианизма приобрела в работе Джемса Милля (1773—1836) «Анализ явлений человеческого духа», вышедшей в 1829 г. Милль считал, что законы ассоциаций столь же непреложны, как и законы физики, и служат ключом ко всем человеческим проблемам, в какой бы социальной области они ни возникали — политике, экономике, праве, педагогике.

По аналогии с физическими законами он разрабатывал и законы психики, назвав свою теорию ментальной физикой. При этом единицей психики, ментальным атомом становилось ощущение, лежащее в основе всех понятий. Милль сформулировал закон (по аналогии с законом Спинозы), в котором отражен подход классического ассоцианизма к содержанию сознания: «Поря-

док и связь идей таков же, каков порядок и связь ощущений».

Он приходил к выводу, что существуют первичные состояния сознания (ощущения, ментальные атомы) и возникающие из них их копии. Из этих элементов образуются простые и сложные комплексы и «цепи» идей, когда в определенной последовательности, благодаря частоте повторений, одни состояния сознания вызывают другие. Смена одних идей другими, их объединение в комплексы — это своего рода «психическая физика», работа «машины ума». Отличие сложных идей от простых он объяснял символизацией, вносимой словом. При этом само слово рассматривалось как один из элементов комплекса, соединенного с другими по закону ассоциации.

Развитие ассоциативной психологии во второй половине XIX века

Как уже говорилось выше, дальнейшее развитие ассоцианизма прошло под знаком позитивизма, и было направлено на трансформацию психологии в объективную (позитивную) науку. Центральным моментом в этом процессе стали поиски объективного метода исследования психики.

Одним из первых попытку перестроить ассоциативную психологию предпринял немецкий психолог и педагог И.Ф. Гербарт (1776 – 1841). В его теории соединились основные принципы ассоцианизма с традиционными подходами немецкой психологии — идеей апперцепции, активности души, роли бессознательного.

Труды Гербарта «Психология по-новому, основанная на метафизике, опыте и математике» (1816) и «Учебник психологии» (1834) явились новым этапом в развитии ассоцианизма. Гербарт заменяет термин «ощущение» на термин «представление», подчеркивая тем самым отгороженность внутреннего мира от внешнего, отсутствие связи между представлением, как частью внутреннего, психического мира, и предметом, который является непсихическим, внешним по отношению к че-

ловеку. Говоря об ассоциации представлений, Гербарт приходил к выводу, что представления не являются пассивными элементами в душе человека, но обладают собственным зарядом, активностью, которая определяет их положение в сфере психического. Для Гербарта сохранение психологии как науки о душе было важным постулатом его концепции психического, т. к. душа в его понимании является центром, в котором хранятся и перерабатываются знания, который является источником активности человеческой личности, а не просто соединяет в себе различные психические процессы. Развивая теорию Лейбница о структуре души, Гербарт писал, что в душе можно выделить три слоя — апперцепцию, перцепцию и бессознательное. При этом под апперцепцией он понимал область ясного и отчетливого сознания, а под перцепцией — область смутного сознания. Таким образом, для Гербарта область души была шире, чем область сознания, и большое значение и для него, как и для Лейбница, имело бессознательное.

Огромное значение для развития объективной психологии и для проникновения в нее математических способов обработки полученных данных имела идея Гербарта о динамике представлений. Он исходил из предположения, что каждое представление обладает определенной силой, зарядом и таким образом ввел в психологию еще один параметр — силу, добавляя его к уже существовавшему параметру — времени. Наличие двух параметров — силы и времени — давало возможность применить к исследованию психических процессов математический аппарат, который придавал объективность получаемым при исследовании данным.

Не меньшее значение введение этого параметра имело для развития исследований порогов ощущений, которое впоследствии было предпринято Фехнером. С точки зрения Гербарта, каждое представление стремится попасть в центральную область души — область сознания. Однако объем этой области, так же как и области апперцепции, не безграничен, и поэтому попасть туда может только представление, обладающее достаточной интенсивностью, т. е. такой силой, которая может преодолеть порог, отделяющий сознание от бессозна-

тельного. Еще большей интенсивностью должно обладать представление для того, чтобы преодолеть порог апперцепции и попасть в центр внимания человека, в область отчетливого сознания. Хотя сам Гербарт не имел еще возможности экспериментально изучить ту наименьшую интенсивность, которая необходима представлению для того, чтобы попасть в сознание, идея порога ощущения связана именно с этими его работами.

Естественно, что каждое сильное представление, попадая в сознание, вытесняет оттуда уже имеющееся там, но более слабое представление. Отсюда Гербарт делает вывод о том, что между противоположными представлениями существуют отношения конфликта, вытеснения. Однако существуют, подчеркивал он, сходные представления, которые могут соединяться или даже сливаться в одно. В том случае, если в области сознания человека уже находится сходное представление, новому знанию не надо обладать очень высокой интенсивностью, т. к. оно не вытесняет, а сливается со старым и таким образом попадает в сознание. Более того, если в области смутного сознания или бессознательного расположены некоторые представления, к которым добавляются даже не очень сильные, но сходные новые представления, сливаясь, они могут получить достаточную интенсивность для перехода из бессознательной части души в сознание.

Теория Гербарта, в которой появились новые и актуальные для психологии идеи о динамике представлений, их связях и конфликтах, их расположении в душе человека была одной из самых распространенных и значимых психологических теорий в прошлом веке. Она сыграла большую роль в дальнейшем развитии этой науки, оказав большое влияние на многих известных психологов, в том числе и на положения Фрейда о вытеснении и конфликте между сознанием и бессознательным.

Новый этап в развитии ассоциативной психологии связан с именем Джона Стюарта Милля (1806 — 1873) — известного психолога, экономиста и общественного деятеля. Его воспитателем был его отец Джемс Милль, считавший, что законы психологии дают не только знание о содержании духовной жизни человека, но и спо-

собы к его безграничному совершенствованию. Восприняв убеждение в том, что психическая жизнь человека подчинена законам ассоциаций, Милль-младший внес в это убеждение своего отца важные коррективы. Он предложил заменить «ментальную физику» «ментальной химией». Такая замена означала, что благодаря соединению первичных психических элементов в новый продукт, он способен приобрести качества, которые отсутствовали у его исходных элементов, подобно тому, как синтез кислорода и водорода порождает обладающую совершенно новыми качествами воду. Такие же «химические» преобразования происходят и в области психики, многие явления которой невозможно объяснить теми первичными элементами, из которых они произошли.

Учение Милля о «ментальной (психической) химии» сыграло важную роль в преодолении слабых сторон ассоциативного направления в психологии, особенно в разработке проблем творческого мышления. Эти идеи были впоследствии положены Вундтом в основу одного из трех ведущих законов психической жизни, который получил название закона творческого синтеза.

Однако наибольшее значение имела деятельность Милля, направленная на разработку принципов построения научного знания. Его учение о методах исследовательской деятельности было изложено в работе «Логика» (1843). Рассматривая ассоциации в качестве производных от законов логики, ученый доказывал, что логические операции (суждение, умозаключение и т. д.) подчиняют себе связи впечатлений внутри индивидуального ума. Поэтому логика является критерием правильности человеческих рассуждений. Однако, что более важно, считал Милль, логика может стать тем объективным и надындивидуальным методом, который поможет психологии изучить содержание сознания, особенности протекания познавательных процессов. Именно такой подход соединит психологию с объективной наукой и откроет перед ней путь к дальнейшему развитию в качестве естественной и точной дисциплины.

Другой путь соединения психологии с естествознанием предлагали ученые, связывающие ее дальнейшее развитие не с логикой, но с биологией, с теорией эволю-

ции. Как уже говорилось выше, эволюционная теория Ч. Дарвина оказала огромное влияние на психологическую науку. Открытие этой теории означало расширение предмета психологии, включение в него новых проблем, направленных на исследование вопросов взаимосвязи морфологии и функции, поведения и сознания и т. д. Однако самое большое значение имел тот факт, что с теорией эволюции в психологии появляются два новых постулата — об адаптации как главной детерминанте, определяющей психическое развитие, и о генезисе психики, т. е. о том, что все психические процессы не появляются в готовом виде, но проходят определенные, закономерные этапы в своем развитие.

Мысль о том, что можно выделить генетические этапы в развитии психики привела к появлению нового метода исследования — генетического, т. е. метода, который исследует закономерности общей психологии, изучая постепенное формирование определенной функции. Естественно, о таком подходе к исследованию говорилось задолго до Дарвина, но сознание универсальности этого метода и возможности исследовать закономерности процесса развития, общие для всех сфер психической жизни, связаны с эволюционной теорией. Именно эти положения привели к осознанию того, что генетический метод может стать основой особой области психологической науки, предметом которой как раз является исследование генезиса психики, т. е. к появлению генетической или возрастной психологии.

Эволюционный подход в психологической науке отразился, прежде всего, в концепциях А. Бэна и Г. Спенсера, которые утверждали, что психика является закономерным этапом эволюции, и ее функция заключается в обеспечении адекватного приспособления к окружающей среде.

А. Бэн (1818 — 1903) в своих работах «Ощущения и интеллект» (1855), «Эмоции и воля» (1859) доказывал, что ассоциативная психология должна рассматривать не только ассоциации, существующие в сознании индивида, но и те, которые лежат в основе его поведения. Труды Бэна отличаются совершенно необычным для книг по психологии той эпохи богатством физиологи-

ческого материала, стремление возможно теснее связать психические процессы с телесной организацией. Бэн настаивал на том, что не только мозг, но и вся «телесная система, хотя и в различной степени, связана с психическими функциями». Это и дает возможность путем изучения органов чувств и органов движений проникнуть в деятельность мозга, заставить его клетки и волокна открыть свой смысл и назначение.

Большое внимание Бэн уделял уровням психической деятельности, непосредственная связь которых с телесным устройством очевидна, а зависимость от сознания минимальна — рефлексам, инстинктам, навыкам. Поэтому значительное место в общем строе психофизической деятельности отводилось в его теории мышечной системе. При этом речь шла вновь, как у Гартли, о реальном акте, а не только о сопровождающих его ощущениях. Это означало важное расхождение с классическими теориями ассоциаций, т. к. даже у Брауна речь шла лишь о чувственном тоне движения, но не о самом действии. Таким образом, именно в теории Бэна ассоциативная психология впервые включила в исследование реальное поведение живого существа, хотя этот факт и не получил теоретического обоснования, как в теории Спенсера.

Истолковывая движущие силы поведения, Бэн противопоставил рефлексу спонтанное действие, ставшее одной из главных категорий его психологии. Спонтанными являлись действия, для возникновения которых прямых физических причин недостаточно. Принципом спонтанной деятельности Бэн объяснял возникновение навыка. Исходным для него служат беспорядочно повторяющиеся случайные движения, из которых отбираются и закрепляются путем повторения те, что привели к успеху.

Большое внимание Бэн обращал на факторы, которые определяют переход от инстинктивного поведения к поведению волевому, руководимому человеческим разумом. В своих рассуждениях он впервые апеллировал к положениям эволюционной теории Дарвина, проводя аналогию между биологическими и психологическими понятиями. Бэн доказывал, что как природа, пробуя и ошибаясь, отбирает наиболее продуктивные виды, так

и человек, в своем переходе от неосознанного, спонтанного поведения к разумному и волевому, совершает этот переход не сразу, но постепенно. Пробуя и ошибаясь, человек отбирает в процессе этих проб и ошибок наиболее продуктивные и целесообразные формы реакции на определенные события и предметы окружающего мира, которые закрепляются в виде навыка или волевого, разумного действия.

Так впервые появляется в психологической науке модель «проб и ошибок», которая в дальнейшем была положена американской психологией в основу объективного исследования поведения. Сочетание спонтанности (источник поведения — внутри организма) с механицизмом (отбор полезного идет путем слепого поиска) — вот наиболее характерные черты этой модели, перешедшей впоследствии от Бэна к Торндайку.

Если Бэн способствовал фактическому расширению области психологического исследования, то теоретическое обоснование подобного изменения предмета психологии было сделано Г. Спенсером (1820 – 1903). Наряду с О. Контом и Д.С. Миллем Г. Спенсер был одним из основателей позитивизма, в русле которого он стремился трансформировать методологию ассоциативной психологии. Основой такой позитивной психологии Спенсер, как и Бэн, делает теорию эволюции. В его теории переплетаются влияния позитивизма, эволюционного подхода и ассоцианизма.

Впервые со времен Декарта Спенсер обращается к анализу предмета психологической науки, находя его отождествление с сознанием неудовлетворительным. Он пересматривает предмет психологии, определяя его как соотношение внешних форм с внутренними, ассоциации между ними. Таким образом, он расширил область психического, включая в нее не только ассоциации между внутренними факторами, т. е. ассоциации в поле сознания, но и изучение связи сознания с внешним миром.

Спенсер писал о том, что существует объективная психология, изучающая строение мозга, и субъективная психология, изучающая состояния души. Исследуя различные состояния души, он пришел к выводу, что существуют параллельные этапы в развитии внутренних и

внешних (поведенческих) психических актов. И внутреннее, и внешнее становилось предметом исследования психологии, что давало возможность выработать объективные методы исследования, невозможные при сведении психики только к сознанию. Он также подчеркивал специфику психологического исследования, говоря об уникальности психологии как единственной науке, которая рассматривает связь внешнего и внутреннего, в то время как другие дисциплины остаются либо во внешнем поле (физика, химия), либо во внутреннем (философия, физиология). Важным моментом в таком определении было исследование процесса, что давало возможность по мнению позитивизма выхода на более широкие закономерности.

Исследуя роль психики в эволюции человека, в своей обобщающей книге по психологии «Основы психологии» (1870 — 1872) Спенсер говорил о том, что она является механизмом адаптации к среде. Так, в науке появляется новый подход к детерминации психики — биологический, пришедший на смену механистическому объяснению. Исходя из этого подхода, психика возникает закономерно на определенном этапе эволюции, в тот момент, когда условия жизни живых существ усложняются настолько, что приспособиться к ним без адекватного их отражения невозможно. Большое значение имел тот факт, что Спенсер изучал генезис психики, исходя из того, что психика человека есть высшая ступень развития, которая появилась не сразу, но постепенно, в процессе усложнения условий жизни и деятельности живых существ. Исходная форма психической жизни — ощущение, развилось из раздражимости, а затем из простейших ощущений появились многообразные формы психики, представляющиеся связанные между собой уровни становления сознания и поведения. Все они являются своеобразными инструментами выживания организма, частными формами адаптации к среде.

Такими частными формами приспособления являются:

— сознание поведение;
— ощущение рефлекс;
— чувства инстинкт;

— память навык;
— разум волевое поведение.

Говоря о роли каждого этапа, Спенсер подчеркивал, что главное значение разума в том, что он лишен тех ограничений, которые присущи низшим формам психики и потому обеспечивает наиболее адекватное приспособление индивида к среде. Эта идея о связи психики и главным образом интеллекта с адаптаций станет ведущей для психологии в начале XX в.

Спенсер также говорил о том, что психическое развитие должно рассматриваться с точки зрения принципов дифференциации и интеграции, показывая, как из отдельных психических качеств, которые даны ребенку от рождения, формируется психика взрослого человека. Впоследствии этот подход был реализован в теории Д. Селли.

Спенсер распространил законы эволюции не только на психику, но и на социальную жизнь, сформулировав органическую теорию общества. Он говорил о том, что человеку необходимо приспосабливаться не только к природе, но и к социальному окружению, поэтому его психика развивается в процессе развития человеческого общества. Он одним из первых психологов сравнивал психологию дикаря и современного человека, делая вывод о том, что у современного человека по сравнению с дикарями более развито мышление, в то время как у первобытных людей было более развито восприятие. Эти выводы в то время были достаточно нетрадиционны и принципиальны, они позволили ученым разработать сравнительные методы психических исследований, которые получили широкое распространение. Анализируя разницу в психическом развитии людей, принадлежащих к разным народам и разному времени, Спенсер пересмотрел прежние взгляды ассоцианизма на прижизненность формирования знаний. Он писал, что наиболее часто повторяющиеся ассоциации не исчезают, но закрепляются в мозге человека и передаются по наследству, таким образом, «сознание не чистый лист, оно полно предуготованных ассоциаций». Эти врожденные ассоциации и определяют разницу между мозгом европейца и туземца, разницу между сознанием разных народов.

Теория Спенсера получила широкое распространение, оказав огромное влияние на дальнейшее развитие психологии, прежде всего на усиление ее связи с естествознанием и поиски объективного метода, которые привели к созданию экспериментальной психологии.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие факторы способствовали развитию сенсуалистической психологии в XVIII в.?
2. Какова роль теории Гартли в развитии психологии?
3. Какое влияние оказал на развитие психологии позитивизм?
4. Какие факторы способствовали укреплению связи психологии с естествознанием?
5. Какую роль играла логика в теории Д.С. Милля?
6. В чем появилось влияние теории эволюции на психологию?
7. Как пересмотрел предмет психологии Спенсер?

Примерные темы рефератов

1. Проблема способностей в работах французских просветителей.
2. Зарождение ассоцианистической психологии, ее роль в становлении психологической науки.
3. Положительное и отрицательное влияние позитивизма на развитие психологии.
4. Поиски объективного метода исследования психики во второй половине XIX в.
5. Роль эволюционной теории Дарвина в развитии психологии.

Литература

1. Английские материалисты XVIII века. Т. 1, 2. М., 1967.
2. *Бэн А.* Психология. СПб., 1887.
3. *Гартли Д.* Избранные сочинения. М., 1934.
4. *Гербарт И.Ф.* Избранные произведения. М., 1938.
5. *Дидро Д.* Собрание сочинений. М.; Л., 1935. Т. 2

6. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
7. *Каннабих Ю.* История психиатрии. М., 1994.
8. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 2.
9. *Конт О.* Курс положительной философии. СПб., 1890.
10. *Ламетри Ж.* Избранные сочинения. М.; Л., 1925.
11. *Милль Д.С.* Система логики. СПб., 1867.
12. *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д, 1998.
13. *Спенсер Г.* Основания психологии. М., 1898.
14. *Юм Д.* Сочинения: В 2 т. М., 1965. Т. 2.
15. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

ГЛАВА VII

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Становление экспериментальной психологии

С расширением предмета психологических исследований появилась перспектива разработки новых, экспериментальных методов, в которых возможно было использование специального оборудования, повышающего точность и достоверность наблюдения, и применение математики для обсчета полученных данных. Большое значение для становления экспериментального метода в психологии имели достижения физиологов, изучавших работу органов чувств и нервной системы.

Прежде всего речь идет о разработке анатомо-морфологической модели рефлекса, наполнившей достаточно умозрительные концепции Декарта и Гартли реальным содержанием.

Новую эпоху в развитии знаний о рефлексе открыли работы чешского анатома, психофизиолога и врача И. Прохазки. Он ввел понятие о том, что важнейшей частью рефлекторной системы является «общее чувствилище» — область головного мозга, где берут свое начало нервы, при раздражении которых происходит переход от ощущения к двигательному ответу организма на внешний импульс. В работе Прохазки «Трактат о функциях нервной системы» подчеркивалось, что внешние раздражения как бы оцениваются живым телом с точки зрения того, приносят ли они ему вред или пользу. В первом случае организм посредством рефлекса отклоняет вредное воздействие от тела, во втором — совершает движения, которые позволяют ему сохранить как можно дольше благоприятное положение. Такой прямой переход — это только элементарная форма выражения

более общего рефлекторного принципа жизнедеятельности организма. Принцип, о котором идет речь, позволяет объяснить и более сложные формы перехода чувствования в движение, для которого не требуется участия сознания. В главной обобщающей книге «Физиология или учение о природе человека» (1820) Прохазки впервые в истории научной мысли зарождалось представление, согласно которому во взаимоотношениях живых существ со средой, к которой они приспосабливаются, нервное и психическое неразрывно обслуживают их потребности в самосохранении.

Изучение рефлекторной системы было продолжено в работах английского анатома и физиолога Ч. Белла и французского ученого Ф. Мажанди. Белл в своей работе «О новой анатомии мозга» (1811) представил модель рефлекса как своего рода автомата, состоящего из трех блоков: центростремительного, центрального и центробежного. Эта анатомо-морфологическая модель работы центральной нервной системы была названа законом Белла — Мажанди. В этом законе описывается закономерность распределения нервных волокон в корешках спинного мозга: чувствительные волокна вступают в спинной мозг в составе задних корешков, а двигательные входят в составе передних.

Белл сделал и ряд других важных открытий в психофизиологии. Среди них особо следует выделить его представление, согласно которому рефлекторная реакция не обрывается на движении мышц, но передает информацию о том, что произошло с мышцей обратно в нервные центры (головной мозг). Им впервые была сформулирована идея обратной связи как основы саморегуляции поведения организма, продемонстрированная на данных о деятельности глазных мышц.

Если Белл развивал рефлекторную теорию восприятия, то в работах другого известного физиолога И. Мюллера выдвигалась прямо противоположная идея о его рецепторном характере. В своей первой работе «К сравнительной физиологии зрительного чувства» (1826) он выдвинул положение о «специфической энергии органов чувств», которое приобрело широкую популярность и стало на долгое время одной из важнейших законо-

мерностей психофизиологии. Согласно принципу «специфической энергии», чувственные качества ощущений соответствуют не природе внешнего стимула, действующего на определенный рецептор, но природе этого рецептора, обладающего особой энергией. То есть модальность ощущений (света, звука и др.) заложена в самой нервной ткани, а не отражает независимые от нее образы внешнего мира. Эта точка зрения была названа «физиологическим идеализмом» и была впоследствии опровергнута работами самих физиологов.

Исследование влияния мышления на работу органов чувств было предпринято в трудах известного немецкого физиолога Г. Гельмгольца. Ему принадлежит ряд выдающихся открытий и теорий, которые фактически положили начало новой отрасли психологической науки — психофизиологии.

Гельмгольц был одним из авторов открытия закона сохранения энергии, впервые измерил скорость протекания физиологического процесса в нервном волокне, которая считалась огромной и недоступной изучению с помощью изобретенного им прибора — кинографа, позволяющего записывать реакцию на вращающемся барабане. Эти выводы стали исходными для психологических экспериментов, связанных с исследованием времени реакции.

Еще большее значение для психологии приобрели работы Гельмгольца, относящиеся к экспериментальному изучению деятельности органов чувств. Важным является и то, что в этих экспериментах он использовал методы математической обработки данных. Труды Гельмгольца «Учение о слуховых ощущениях как функциональных основах теории музыки» (1873) и «Физиологическая оптика» (1867) составили фундамент современного знания о строении и функциях органов чувств.

Особенно отчетливо взаимодействие сенсорных и моторных компонентов восприятия было продемонстрировано в опытах Гельмгольца с использованием различных призм, искажающих естественный зрительный образ. Несмотря на то, что в этом случае преломление лучей дает искаженное восприятие предмета, испытуемые очень скоро научились правильно видеть предметы

сквозь призму. Это достигалось благодаря опыту, который состоял в многократной проверке действительного положения объекта, его формы, величины и др. посредством движений глаз, рук и всего тела. Эти движения, полагал Гельмгольц, подчинены определенным правилам, которые, по существу, являются правилами логики, своего рода умозаключениями, но бессознательными. Благодаря движениям мышц, изменению их конфигураций и напряжений неосознанно определяется истинное положение объекта во внешнем пространстве. Тем самым учение Гельмгольца путем множества опытов доказало теснейшую связь чувственных, мышечных и умственных факторов в построении картины зримого человеком мира.

Большое влияние на развитие экспериментальной психологии оказала френология австрийского анатома Ф. Галля, исходившего из принципа локализации способностей в различных участках головного мозга. В своих работах, в частности, в книге «Исследования нервной системы», вышедших в начале XIX в., Галль предложил карту головного мозга, в которой попытался разместить все умственные качества, которые были разработаны психологией способностей, при этом для каждой способности указывался свой орган. Он также высказал идею о том, что развитие отдельных участков коры и мозга в целом влияет на форму черепа. Поэтому исследование его поверхности позволяет диагностировать индивидуальные особенности человека. Френология приобрела в первой половине XIX в. необычайную популярность и побудила ученых обратиться к экспериментальному изучению локализации психических функций.

Огромное значение для психологии имело и становление смежных с ней областей — психофизики и психометрии. Основателем психофизики является известный немецкий физик и психолог Г.Т. Фехнер (1801—1887).

В своих работах он опирался на труды анатома и физиолога Э.Г. Вебера, исследовавшего физиологию органов чувств: слуха, зрения, кожной чувствительности. Вебером был открыт эффект температурной адап-

тации, выделены три вида кожных ощущений: ощущение давления или прикосновения, температурные ощущения, ощущения локализации. Исследования осязания, предпринятые Вебером, показали, что различные участки кожи обладают разной чувствительностью. На основании экспериментальных материалов он высказал гипотезу о сензитивности раннего детского возраста для билатерального переноса двигательных навыков.

Однако наибольшее значение имели проведенные Вебером в 30-х годах XIX в. исследования соотношения ощущений и внешних воздействий, которые их вызывают. Эти работы показали, что для восприятия отличий в двух ощущениях, новый раздражитель должен отличаться на определенную величину от исходного. Эта величина представляет собой постоянную пропорцию от исходного раздражителя. Данное положение было отражено им в следующей формуле: $\hat{}J / J = K$, где J — исходный раздражитель, $\hat{}J$ — отличие нового раздражителя от исходного, K — константа, зависящая от типа рецептора.

Именно эти работы Вебера привлекли внимание Фехнера. Первые эксперименты Фехнера показали различия между ощущениями в зависимости от того, какова была первоначальная величина вызывающих их раздражителей. Так, звонок колокола в дополнение к уже звучащему одному колоколу производил иное впечатление, чем его присоединение к десяти колоколам. Затем он занялся изучением того, как изменяются в этих условиях ощущения различных модальностей. Опыты ставились над ощущениями, которые возникают при взвешивании предметов различной тяжести, при восприятии предметов на расстоянии, при вариации в их освещенности и т. д. Оказалось, что различие между исходным и новым ощущением не одинаково. Оно является одним при восприятии различий между взвешиваемыми рукой предметами, другим при различении изменений в освещении. Так появилось представление о порогах ощущений, т. е. о величине раздражителя, возникающего либо же меняющего ощущение. В тех случая, когда минимальный прирост величины раздражителя сопровождается едва заметным изменением ощущения, стали говорить

о разностном пороге. Была установлена закономерность, гласящая, что для того, чтобы интенсивность ощущения росла в арифметической прогрессии, необходимо возрастание в геометрической прогрессии величины вызывающего его стимула. Это отношение получило имя закона Вебера — Фехнера. Общую формулу, выведенную Фехнером из своих опытов, он обозначил следующим образом: интенсивность ощущения пропорциональна логарифму стимула (раздражителя). Фехнеру принадлежит и ряд других методов измерения различных ощущений (кожных, зрительных и др.). Данное направление исследований было названо психофизикой, поскольку ее содержание определялось экспериментальным изучением и измерением зависимости психических состояний от физических воздействий.

Книга Фехнера «Основы психофизики» (1860) стала настольной в первых психологических лабораториях, в которых определение порогов и проверка закона Вебера — Фехнера стали одной из главных тем.

Основателем психометрии стал голландский физиолог Ф. Дондерс (1818 — 1889), который разработал эксперименты по изучению скорости протекания психических процессов. В 60-х годах он начал измерять скорость реакции субъекта на воспринимаемые им объекты. При этом измерялось время как простых, так и сложных реакций. Так, испытуемым предлагались задания дать как можно более быстрый двигательный ответ на определенный стимул, либо как можно быстрее отреагировать на один из нескольких раздражителей, выбрать правильную двигательную реакцию в зависимости от стимула и т. д. Эти эксперименты, так же как и изучение абсолютных и относительных порогов, стали главными проблемами зарождающейся экспериментальной психологии.

Ее появление по праву связывается с именем немецкого ученого В. Вундта (1832 — 1920). Став в 1875 г. профессором философии в Лейпциге, Вундт в 1879 г. создал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, преобразованную впоследствии в институт.

В традициях ассоциативной психологии Вундт рассматривал ее как науку, которая помогает понять внут-

реннюю жизнь человека и, исходя из этого знания, управлять ею. Задачи же, стоящие перед психологией заключаются в том, чтобы а) выделить путем анализа исходные элементы; б) установить характер связи между ними и в) найти законы этой связи.

Он считал, что сознание (которое он отождествлял с психикой, отрицая наличие бессознательных психических процессов) состоит из отдельных элементов, которые, соединяясь между собой по законам ассоциации, образуют представления, отражающие объективную действительность. Ощущениям (то есть элементам сознания) присущи такие качества, как модальность (например, зрительные ощущения отличаются от слуховых) и интенсивность. К основным элементам сознания относятся также чувства (эмоциональные состояния). Согласно гипотезе Вундта, каждое чувство имеет три измерения: а) удовольствия — неудовольствия, б) напряженности — расслабленности, в) возбужденности — успокоения. Простые чувства, как психические элементы, варьируют по своему качеству и интенсивности, но любое из них может быть охарактеризовано во всех трех аспектах.

Эта гипотеза породила множество экспериментальных работ, в которых наряду с данными интроспекции были использованы также объективные показатели об изменении физиологических состояниях человека при эмоциях. Идея Вундта о том, что чувства являются такими же исходными элементами сознания, как и ощущения, стала отправной точкой для многих исследователей, которые, как и он, считали, что чрезмерное внимание, которое отдается исследованию познавательных процессов, «интеллектуализированный» характер психологии, стали ее серьезным недостатком. С точки зрения Вундта, чувства и, особенно, воля, которая руководит деятельностью человека, играют не меньшее значение, тем более, что и воля, и внимание направляют течение процессов познания. Уход от центрации на познании и перенесение исследовательского внимания на изучение других аспектов психики, на волевое поведение сделали Вундта создателем нового направления в ассоциативной психологии, которое получило название «волюнтаризм».

Главной частью теории Вундта стало его учение о связях между элементами. Выделение этой части в качестве основной становится понятным, если учесть, что связи — это и есть те универсальные механизмы, которые соединяют отдельные элементы в комплексы — представлений, идей и т. д. До Вундта такими универсальными механизмами считались, как неоднократно упоминалось выше, ассоциации. Он же ввел еще одну связь — апперцептивную. Понятие апперцепции было им заимствовано у Вольфа и Канта, которые определяли ее как спонтанную активность души. Оно было использовано Вундтом для объяснения высших психических процессов, которые, с его точки зрения, нельзя связывать только с законами ассоциаций. Ассоциативная связь объясняет развитие восприятия и памяти, создание целостных образов из отдельных ощущений. Точно так же разные законы ассоциации (смежности, контраста и т. д.) могут объяснить, каким образом мы от одного воспоминания переходим к другому. Важным моментом во всех этих объяснениях является связь восприятия, памяти и других элементарных психических функций с внешней ситуацией. Именно внешний мир, изменение его предметов, стимулирует и определяет их деятельность.

В то же время мышление невозможно объяснить, по мнению Вундта, только законами ассоциаций. Ведь его течение не всегда зависит от внешней ситуации, но побуждается внутренней мотивацией, направленностью на задачу, на достижение определенной цели. Осознание этой цели дает нам возможность сосредоточиться на решении проблемы, игнорируя все мешающие воздействия среды. Таким образом, Вундт приходил к мнению, что именно спонтанная, внутренняя активность регулирует течение мыслей, отбирая нужные ассоциации и выстраивая их в определенную связь, исходя из заданной цели. В его концепции апперцепция фактически отождествлялась с вниманием и волей, улучшающими и регулирующими деятельность человека. Направленная во внутренний мир психики апперцепция играет роль внимания, помогая протеканию высших психических функций, например мышления. Направленная во внеш-

ний план, в план поведения, апперцепция отождествляется с волей, которая регулирует деятельность человека. Так, в учении о связях находила подтверждение его концепция волюнтаризма. Это давало Вундту основание, вслед за Шопенгауэром, говорить о том, что воля является первичной, абсолютной силой человеческого бытия, помогая ассоциациям связывать отдельные элементы в целостную картину на высших этапах развития психики.

Введение нового вида связи имело значительные последствия для развития ассоциативной психологии, незыблемость которой строилась на признании ассоциации всеобщим и универсальным механизмом. Появление же апперцепции ставило под сомнение эту всеобщность и вынуждало искать новые объяснительные принципы для построения психологии.

Из признания апперцептивной связи также следовало, что эксперимент возможен только при изучении тех процессов, которые зависят от внешней стимуляции — времени реакции, ощущений, восприятия, памяти. В исследовании же мышления и других высших познавательных процессов эксперимент бесполезен, т. к. апперцепция не зависит от внешней ситуации, и ее законы открыты только самонаблюдению.

Третья часть теоретической концепции Вундта была связана с изучением законов, по которым строится психическая жизнь. Отстаивая самостоятельность психологии, Вундт доказывал, что у нее имеются собственные законы, а ее явления подчинены особой «психической причинности». К важнейшим законам он относил: закон творческого синтеза, закон психических отношений, закон контраста и закон гетерогенности целей. Закон творческого синтеза, как уже указывалось выше, был, по сути дела, несколько измененным положением Д.С. Милля о слиянии элементов с образованием нового, свойства которого являются принципиально отличными и необъяснимыми по аналогии с исходными. То есть фактически первый закон доказывал возможность не только репродуктивного, но и творческого мышления. Закон психических отношений раскрывал зависимость события от внутренних взаимоотношений элементов внутри комплекса, например, мелодии от отношений, в

которых находятся между собой отдельные тона. Закон контраста, который Вундт распространял главным образом на эмоциональную сферу, говорил о том, что противоположности усиливают друг друга, и, например, после горя даже небольшая радость кажется значительной. Последний закон гетерогенности целей гласил, что при совершении поступка могут возникнуть не предусмотренные первоначальной целью действия, влияющие на его мотив.

Однако главной заслугой Вундта является не его теоретическая концепция, но разработка экспериментального метода исследования психики. Уже в своей первой книге «Материалы к теории чувственного восприятия» (1862), опираясь на факты, относящиеся к деятельности органов чувств и движений, Вундт выдвинул идею создания экспериментальной психологии. План ее формирования был изложен в «Лекциях о душе человека и животных» (1863) и включал два направления исследований: а) анализ индивидуального сознания с помощью экспериментально контролируемого наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями; б) изучение «психологии народов», т. е. психологических аспектов культуры — языка, мифа, нравов различных народов и т. п.

Следуя этому замыслу, Вундт первоначально сосредоточился на изучении сознания субъекта, определив психологию как науку о «непосредственном опыте». Он назвал ее физиологической психологией, поскольку испытываемые субъектом состояния изучались посредством специальных экспериментальных процедур, большинство которых были разработаны физиологией (преимущественно физиологией органов чувств — зрения, слуха и др.). Задача усматривалась в том, чтобы эти образы тщательно анализировать, выделяя исходные, простейшие элементы, из которых они строятся. Вундт использовал также достижения двух других новых разделов знания — психофизики, изучающей на основе эксперимента и с помощью количественных методов закономерные отношения между физическими раздражителями и вызываемыми ими ощущениями, и направления, определяющего опытным путем время реакции

субъекта на предъявляемые стимулы. Использовал он и достижения Гальтона, который предпринял попытку экспериментально изучить, какие ассоциации может вызвать у человека слово, как особый раздражитель. Оказалось, что на одно и то же слово человек, которому его предъявляют, отвечает самыми различными реакциями, для подсчета и классификации которых Гальтон применял количественные методы. Объединив все эти методы и несколько модифицировав их, Вундт показал, что на основе экспериментов, объектом которых служит человек, можно изучать психические процессы, которые до этого времени были недоступны для опытного исследования. Таким образом, в лаборатории В. Вундта впервые были экспериментально изучены пороги ощущений, время реакции на разные раздражители, в том числе и на речь. Полученные результаты были им изложены в книге «Основы физиологической психологии» (1880—1881), ставшей его главным трудом. Эта книга стала первым учебником по новой дисциплине — экспериментальной психологии, обучаться которой приезжали в лабораторию Вундта ученые со всего мира.

В дальнейшем, оставив эксперимент, Вундт занялся разработкой еще в юности задуманной им «второй ветви» психологии, посвященной психическому аспекту создания культуры, автором которой являются различные народы. Он пишет десятитомную «Психологию народов» (1900—1920), отличающуюся большим обилием материала по этнографии, истории языка, антропологии и др. В этой работе Вундт также высказывает важную мысль о том, что методом исследования психологии народа может являться анализ продуктов его творческой деятельности, например язык, сказки, мифы, религия и другие предметы культуры. В дальнейшем мысль о том, что анализ результатов творческой деятельности является способом исследования психики, станет основополагающей и для других областей психологии, получив особое развитие в психоанализе.

С именем Вундта часто связывали появление психологии как отдельной дисциплины. Хотя, как мы видели, это утверждение не совсем точно, т. к. самостоятельность психология приобрела значительно раньше, его

вклад в становление экспериментальной психологии неоценим. Учитывая позитивистские установки того времени, можно утверждать, что придание психологии статуса экспериментальной фактически дало ей право остаться среди ведущих научных дисциплин. Вундт также создал крупнейшую в истории психологии школу, пройдя которую молодые исследователи из разных стран, вернувшись на родину, организовали лаборатории и центры, где культивировались идеи и принципы новой области знания. Он сыграл важную роль в консолидации сообщества исследователей, ставших психологами-профессионалами. Дискуссии по поводу его теоретических позиций, перспектив применения экспериментальных методов, понимания предмета психологии и многих ее проблем стимулировали появление концепций и направлений, обогативших психологию новыми научными представлениями.

К началу XX в. психологические лаборатории были созданы во многих городах Европы и США. Однако наиболее интересные и значимые экспериментальные исследования, проводившиеся в этот период, связаны с именем Г. Эббингауза (1850 – 1909).

Г. Эббингауз создал первую профессиональную организацию немецких психологов «Немецкое общество экспериментальной психологии» и стал первым редактором «Журнала психологии и физиологии органов чувств», который начал издаваться в 1890 г., получив поддержку как физиологов, так и психологов. Первоначально работы Эббингауза мало отличались от традиционных исследований, проводимых в лаборатории Вундта. Однако постепенно содержание его экспериментов менялось. Соединив исследование органов чувств с количественным анализом полученных данных, Эббингауз приходит к выводу о возможности экспериментального исследования не только элементарных, но и более сложных психических процессов. Его заслуга именно в том, что он отважился подвергнуть эксперименту память.

Исходя из теоретических постулатов ассоцианизма, Эббингауз руководствовался идеей о том, что люди запоминают, сохраняют в памяти и вспоминают факты, между которыми сложились ассоциации. Но обычно эти

факты человек осмысливает, и поэтому весьма трудно установить возникла ли ассоциация благодаря памяти или в дело вмешался ум. Эббингауз же задался целью установить законы памяти в «чистом» виде и для этого изобрел особый материал. Единицей такого материала стали не целые слова (ведь они всегда связаны с понятиями), а части слов — отдельные бессмысленные слоги. Каждый слог состоял из двух согласных и гласной между ними (например, бов, гис, лоч и т. п.). По оценке американца Э. Титченера, это стало самым выдающимся изобретением психологии со времен Аристотеля. Столь высокая оценка проистекала из открывшейся возможности изучать процессы памяти независимо от смыслового содержания, с которым неотвратимо связана речь людей.

Составив список бессмысленных «слов» (около 2300), Эббингауз экспериментировал с ним на протяжении 5 лет. Основные итоги этого исследования он изложил в ставшей классической книге «О памяти» (1885). Прежде всего он выяснил зависимость числа повторений, необходимых для заучивания списка бессмысленных слогов от его длины, установив, что при одном прочтении запоминается, как правило, 7 слогов.

Особую популярность приобрела вычерченная Эббингаузом кривая забывания. Быстро падая, эта кривая становится пологой. Оказалось, что наибольшая часть материала забывается в первые минуты после заучивания. Значительно меньше забывается в ближайшие минуты и еще меньше — в ближайшие дни. Эббингауз подверг экспериментальному изучению и другие факторы, влияющие на память (например сравнительную эффективность сплошного и распределенного во времени заучивания). Ему принадлежит также ряд других работ и методик, поныне сохраняющих свое значение.

Хотя Эббингауз и не разработал специальной психологической теории, его исследования стали ключевыми для экспериментальной психологии. Они на деле показали, что память можно изучать объективно, была также показана важность статистической обработки данных с целью установления закономерностей, которым подчинены, при всей их прихотливости, психические явления. Эббингауз первым разрушил стереотипы прежней экс-

периментальной психологии, созданной школой Вундта, где считалось, что эксперимент приложим только к элементарным процессам, измеряемым с помощью специальных приборов. Им был также открыт путь к экспериментальному изучению сложных форм поведения — навыков. «Кривая забывания» приобрела значение образца для построения в дальнейшем графиков выработки навыков, решения проблем в школе бихевиоризма.

* * *

Появление первой экспериментальной психологической лаборатории, открытой Вундтом, явилось кульминационно точкой в развитии ассоцианизма, но, одновременно и его логическим завершением. Это было связано с тем, что Вундт, обосновав возможность, исходя из методологии ассоциативной психологии, выстроить экспериментальные методы изучения психики, одновременно доказал, что ассоциация не является универсальным механизмом психической жизни. Это положило начало поиску новых теоретических постулатов для психологии, а в конечном итоге и ее разделению на несколько независимых направлений.

Поиски новой методологии были ускорены убеждением Вундта в невозможности экспериментального исследования мышления и других высших познавательных процессов. Однако уже ближайшие ученики Вундта доказали, что такие сложнейшие процессы, как мышление и воля, также открыты для экспериментального анализа, как и самые элементарные. Опровергали это положение и работы Эббингауза. Дискуссии о правомерности этих исследований и связи полученных в них материалов с данными интроспективных исследований открыли путь к методологическому кризису в психологии.

Становление и развитие новых психологических школ

Рубеж веков ознаменовался для психологии первым разделением прежде единой психологии на ряд школ. Однако в тот момент это еще было связано с от-

казом от единого подхода к пониманию предмета психологической науки и методов исследования психики. Речь шла скорее о разных аспектах в изучении психики, отождествляемой главным образом с сознанием. При этом в центре внимания психологов оставались преимущественно познавательные процессы, хотя разные школы отличались друг от друга в понимании их места в общей картине психической жизни. Главные же разногласия были связаны с определением содержания сознания и границ его экспериментального изучения.

Структурализм, главой которого был американский ученик Вундта Э. Титченер, развивал теоретические постулаты ассоцианизма. Титченер был убежден, что именно элементы являются основанием структуры психики. Поэтому, как и Вундт, свою задачу он видел в досконального изучении этой структуры и связей, ее образующих. Путь к этому он видел в усовершенствовании метода интроспекции, который возможно сочетать с экспериментальным исследованием простых психических актов.

Первые разногласия среди психологов, как уже отмечалось выше, возникли именно по вопросу о возможности экспериментального изучения высших психических процессов. Если исследования Эббингауза проходили еще в русле традиционного ассоцианизма, то работы Вюрцбургской школы уже выходили за рамки ее теоретических постулатов. Эта школа знаменита тем, что впервые начала экспериментальное изучение мышления. При этом было опровергнуто мнение Вундта о том, что продукты апперцептивной связи невозможно изучить экспериментально, так же как и его гипотеза об образном характере мышления.

Работы функционализма поколебали основные устои структурной психологии и, что особенно важно, методологию ассоцианизма, на которой базировались предыдущие школы, т. к. доказывали, что психика — это не структура, состоящая из неизменных элементов, то постоянно изменчивый поток сознания. Принимая положение о том, что законы психической жизни невозможно изучить объективно, функционализм приходил

к выводу о необходимости описывать не законы, но функции психики, которые помогают человеку в его реальной жизни.

Французская психологическая школа, не отрицая основных положений традиционной психологии, в центр своего внимания поставила исследование тех факторов, которые определяют содержание психики. При этом впервые стали серьезно изучать роль социального окружения в процессе становления психики, а также разнообразные формы отклонений от нормы. Изучение патологических вариантов психического развития, так же как и данные о особенностях становления психики в разных культурах, стали важнейшими методами, дающими материал для понимания объективных закономерностей психической жизни.

Уже работы французских психологов показали необходимость учета культуры как фактора, образующего психику человека. Эта тенденция наиболее полно воплотилась в психологии Дильтея, который считал, что переживания, как сознательные, так и бессознательные, связывают отдельного человека с духовным миром, воплощенным в предметах культуры. Еще одним существенным моментом концепции Дильтея стало осознание тех методологических проблем, которые вытекали из ориентации психологии преимущественно на естественные науки. Осознание того факта, что непосредственные методы изучения духовной жизни не могут быть признаны в этой парадигме объективными, привело его к мысли о необходимости отказаться от объяснения психической жизни, перейдя к ее описанию.

Название школы	Психологи	Предмет и задачи психологии	Содержание психики	Метод исследования
Структурализм	Э. Титченер	Изучение структуры сознания	Элементы психики	Усовершенствованная интроспекция
Вюрцбургская школа	О. Кюльпе, Н. Ах, К. Бюлер, О. Зельц	Изучение динамики протекания познавательных процессов и факторов, на нее влияющих	Элементы психики, умственные образы и их значения, установка	Метод систематической экспериментальной интроспекции (словесного отчета)

Функционализм	Европейский — Ф. Брентано, К. Штумпф. Американский — В. Джемс, Д. Дьюи, Д. Энджелл, Р. Вудвортс	Исследование психических актов, направленных на какой-либо предмет или действие и выполняющих определенную функцию	Интенциональные акты. Поток мыслей и переживаний, в которых выделяются относящиеся к внешнему миру и себе; поток активности, объединяющей субъект и объект	Наблюдение (как самонаблюдение, так и объективное наблюдение со стороны), анализ продуктов деятельности
Французская психологическая школа	Т. Рибо, П. Жане, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Г. Тард	Изучение фактов и закономерностей психической жизни, главным объектом являются больные люди (или люди с пограничными психическими состояниями), а также социальные сообщества разного уровня (группы, толпа, племя)	Сознательный и бессознательный уровни психики, содержанием которых являются знания о мире и о себе, а также поступки человека	Клинический и кросс-культурный методы
Описательная психология	В. Дильтей, Э. Шпрангер	Описание и анализ психических явлений, как отдельных процессов жизненного целого, воплощенных в духовных, культурных ценностях	Целостные и целенаправленные душевные процессы	Постижение, основанное на анализе непосредственных переживаний «я»

Структурализм

На рубеже XIX и XX вв. структурализм был самой распространенной и значительной психологической школой в США. Основатель этой школы Э. Титченер (1867 — 1927) был одним из наиболее верных и последовательных учеников В. Вундта. В 1892 г. он переехал в США, где в Корнуэльском университете создал круп-

нейшую в этой стране научную школу, аналогом которой послужила Лейпцигская лаборатория. Поэтому Титченера иногда называют «американским Вундтом».

Титченер называл свою теорию структурализмом, поскольку считал, что предметом психологии должно стать содержание сознания, упорядоченное в определенную структуру, безотносительно к вопросу о том, как эта структура работает. Главными задачами структурализма должно стать предельно точное определение материала психики, выделение исходных ингредиентов этого материала и законов, по которым они объединяются в структуры. При этом психика и сознание отождествлялись Титченером, а все, что находится за пределами сознания, относилось им к физиологии.

В своем четырехтомном труде «Экспериментальная психология» (1901 — 1905) Титченер изложил основные достижения этой науки с позиций структурализма. Сознание Титченер понимал как человеческий опыт в его зависимости от переживающего субъекта. Сам этот опыт, по его мнению, состоит из простейших элементов — ощущений, образов и чувствований, обнаруженных благодаря особым образом организованной интроспекции.

Каждый из элементов при специальной установке сознания открывается субъектом с целью диагностики его четырех характеристик: качества, интенсивности, длительности и отчетливости (ясности). Для того чтобы выделить и описать исходные элементы структуры, Титченер стремился усовершенствовать метод интроспекции с тем, чтобы он открывал экспериментатору истинную картину сознания, т. к. под сознанием, согласно его мысли, следует понимать совсем не то, что сообщает обычное самонаблюдение, свойственное каждому человеку. Он подчеркивал, что понимает под сознанием «экзистенциальный термин», т. е. психическую реальность, которую не следует отождествлять с данными традиционной интроспекции. Сознание имеет собственный строй и материал, скрытый за поверхностью его явлений, подобно тому, как от обычного восприятия действительности скрыты реальные процессы, изучаемые физикой и химией. Чтобы достичь этой цели, необходи-

ма специальная тренировка испытуемых, поскольку они склонны сообщать о внешнем объекте (стимуле), вызвавшем ощущение, а не о собственных ощущениях. Например, говорят, что видят яблоко, но не предмет определенной формы, цвета или размера. Так как объект почти всегда влияет на процесс восприятия, то интроспекция эффективна только тогда, когда избегает «ошибки стимула», (т. е. не смешивает ощущение объекта с объектом ощущения).

Приходя, как и ученые Вюрцбургской школы, к выводу о необходимости систематической, экспериментальной интроспекции, Титченер кардинально расходился с ними в анализе полученных результатов. Он отверг также их концепцию, согласно которой к выделенным Вундтом элементам сознания следует присоединить особые содержания в виде умственных образов или значений, лишенных сенсорного характера. Это положение противоречило основаниям структурализма, т. к. сенсорные элементы (ощущения, образы) не могут создать несенсорные, чисто интеллектуальные структуры.

В еще большей степени, чем концепции Вюрцбургской школы, Титченер противопоставлял свой подход функциональному направлению. Полемизируя с функционализмом, Титченер доказывал, что, только изучив структуру сознания, можно впоследствии заняться вопросом о том, как оно работает. Следуя такой установке, он полностью отвергал приложение данных психологии к любой сфере практики, т. к. считал ее фундаментальной, а не прикладной наукой.

Вюрцбургская школа

Вюрцбургская школа в психологии знаменита тем, что именно в ней впервые было начато экспериментальное изучение мышления. Она была основана немецким ученым О. Кюльпе (1862 — 1915). Кюльпе, так же как и Титченер, был учеником Вундта. В 1894 г., получив приглашение от университета города Вюрцбурга, он переехал в этот город и в 1896 г. создал там психологическую лабораторию.

В первые годы своей деятельности он повторял эксперименты, проводимые в Лейпцигской лаборатории, частично усовершенствовал интроспективный метод. Изменение инструкции, которая дается испытуемому перед началом эксперимента, привело к тому, что главное внимание в работах Кюльпе и его сотрудников было сконцентрировано уже не на результатах деятельности (скорости ответа, его точности и т. д.), но ее процессе. Поставив перед испытуемым задачу и наблюдая за процессом ее решения, Кюльпе фактически начал экспериментальное изучение процесса мышления. Тем самым было опровергнуто мнение Вундта, считавшего, что экспериментальному изучению доступны только элементарные (сенсорные) процессы. Поколеблено было и его утверждение о том, что сознание представляет собой сенсорную мозаику, т. е. комплексы связанных между собой сенсорных элементов — ощущений и представлений.

Эксперименты Вюрцбургской школы показали, что испытуемый при выполнении заданий совершает умственные операции, которые он обычно непосредственно не осознает. Из этого следовало, что, во-первых, наряду с сенсорным «материалом» в «ткань» психологической жизни человека включены элементы, несводимые к ощущениям, во-вторых, что эти элементы сопряжены с действиями субъекта, его умственными актами и, наконец, в-третьих, что неосознаваемость этих актов в момент их совершения требует внести коррективы в метод интроспекции.

Работа Кюльпе над модификацией метода интроспекции привела к его преобразованию в метод «систематической экспериментальной интроспекции». Решая интеллектуальную задачу (например, устанавливая логическую связь между понятиями) испытуемый должен был дать ретроспективный отчет о своих состояниях сознания, пережитых им в процессе решения. Этот самоотчет назывался «систематическим», поскольку весь процесс точно членился во времени на различные отрезки и повторялся множество раз с целью коррекции описания. Было установлено, что мысль с психологической точки зрения может быть охарактеризована не

только негативно (как качественно отличная от сенсорных данных), но и позитивно, как оперирующая значениями. Тем самым решительно изменилось прежнее представление о содержании сознания, в состав которого вводились новые феномены — умственные образы.

Эти выводы направили Кюльпе на разработку собственной программы лабораторных исследований сознания, которую успешно реализовали его ученики. В их экспериментах ставилась цель проследить за тем, какие процессы происходят в сознании испытуемого в промежутке между восприятием слова-стимула и ответной словесной реакцией. Эти исследования доказали наличие несенсорных компонентов в сознании. Выявили они и наличие нового, неизвестного фактора, детерминирующего процесс мышления. Это не был поток ассоциаций, но не направлялся он и апперцепцией, как считал Вундт.

В 1906 г. Н. Ах начал, вслед за изучением мышления, изучение волевого акта. Он исходил из того, что принцип построения обоих актов одинаков (что подтверждал и Вундт), и реагирование в ответ на раздражитель нажатием на ключ ничем не отличается от реагирования словом. На основании полученных результатов он ввел понятие детерминирующей тенденции, направляющей ход деятельности в обоих процессах и помогающей достичь лучшего результата. В экспериментах К. Бюлера испытуемому уже предлагались логические и арифметические задачи. Обдумывая их, он должен был замечать путь, который ведет к решению. В результате Бюлер и Уатт пришли к выводу о том, что принятие задачи является главным фактором, определяющим процесс мышления, т. е. именно задача, ее содержание направляет и регулирует этот процесс. Таким образом, мышление больше не рассматривалось как одномоментный акт, но как процесс, имеющий начало, время протекания и результат. Более детальное изучение динамики процесса мышления помогло выявить новые важные закономерности.

Прежде всего к ним относится понятие установки, которая определяет ход мышления, регулируя в соответствии с задачей отбор идей. Понятие установки, принятое в Вюрцбургской школе, естественно, отличалось

от современной ее трактовки, но также подразумевало бессознательную направленность на решение задачи, которая возникает у испытуемого в момент приятия этой задачи как цели. В зависимости от этой установки (которая в некоторой степени рассматривалась как аналог современной мотивации) испытуемые выполняют задание быстрее или медленнее, более или менее продуктивно. Содержание этой направленности на решение Кюльпе и его сотрудники связали со значением данной задачи или ситуации в целом для испытуемых. Так, в психологии появляется новая категория, трактуемая достаточно широко — и как значение умственного образа, и как значение инструкции, и ситуации в целом.

Такая трактовка сближала позицию Вюрцбургской школы с позицией Ф. Брентано, при этом динамика умственных образов соотносилась с интенциональными актами, а их значение с феноменами сознания ученика Брентано Э. Гуссерля.

Экспериментальная программа Кюльпе была в основном выполнена к 1909 г., когда он переехал в Бонн, а затем в Мюнхен, где отошел от экспериментальной психологии, занимаясь преимущественно философией и эстетикой.

После его отъезда эксперименты были продолжены О. Зельцем, который исследовал зависимость процесса мышления от структуры решаемой задачи. Среди важнейших открытий Зельца необходимо отметить понятие антиципаторной схемы, обогатившее представление о процессе решения, идеей о возможности предвидеть его результат уже в самом начале деятельности.

Из многих учеников Кюльпе необходимо упомянуть о М. Вертгеймере — одном из создателей гештальтпсихологии и Дж. Энджелле — одном из лидеров американской функциональной психологии.

Экспериментальное исследование мышления, начатое в Вюрцбургской школе, было продолжено другими исследователями, став одной из самых обширных областей экспериментальной психологии. Однако первые материалы были получены именно Кюльпе и его сотрудниками, главными достижениями которых стало распространение экспериментального метода на высшие пси-

хические процессы (мышление и волю). В экспериментах, проводимых в Вюрцбургской школе, было впервые доказано, что мышление представляет собой процесс, несводимый к чувственным образам и зависящий от разнообразных факторов, в том числе и от установки, возникающей при принятии задачи. Эти данные наглядно показали, что психологические закономерности мышления не сводимы к логическим. Таким образом, изучение мышления стало приобретать психологические контуры.

Функционализм

Работы Вюрцбургской школы доказали невозможность свести содержание психики к набору отдельных элементов, составляющих основу сенсорной мозаики. Наглядно был продемонстрирован тот факт, что психическая активность имеет определенную направленность и цель. Это согласовалось с выводами Бэна и Спенсера, которые соотносили психическую деятельность с потребностью живого организма в адаптации к окружающему миру. Таким образом, в психологической науке на первый план выходит проблема исследования содержания не структуры, но функций психики, которые бы раскрыли именно психологические особенности взаимосвязи живого организма со средой. Отвергая взгляд на сознание как устройство «из кирпичей и цемента», ученые, разрабатывавшие новое направление в психологической науке — функционализм, приходили к выводу о необходимости начать изучение динамики психических процессов и факторов, обусловливающих их ориентацию на определенную цель.

Практически одновременно с положениями Вундта, идея о том, что каждый психический акт имеет определенную направленность (интенцию) на объекты внешнего мира была высказана австрийским ученым Ф. Брентано (1838 — 1917). Его первый труд был посвящен психологии Аристотеля, а также ее интерпретации средневековыми католическими теологами, разработавшими понятие об интенции как особой направленности мысли. В незавершенной работе «Психология с эмпирической

точки зрения» (1874) Брентано предложил свою концепцию психологии, противопоставив ее господствовавшей в то время программе Вундта. Основные положения своей теории он изложил также в работах «Исследования по психологии органов чувств» (1907) и «О классификации психических феноменов» (1911).

Главной для новой психологии он считал проблему сознания, необходимость определить, чем отличается сознание от всех других явлений бытия? Только ответив на этот вопрос, подчеркивал Брентано, можно определить область психологии. Отвергая подход Вундта к определению содержания сознания, он утверждал, что эта позиция игнорирует активность сознания, его постоянную направленность на объект. Для обозначения этого непременного признака сознания Брентано предложил термин «интенция». Она изначально присуща каждому психическому явлению и именно благодаря этому позволяет отграничить психические явления от физических.

Интенция это не просто активность. В ней совместно с актом сознания всегда сосуществует какой-либо объект.Психология использует, в частности, слово «представление», понимая под ним восстановление в памяти отпечатков виденного или слышанного. Согласно же Брентано, следует говорить не о представлении, а о «представливании», т. е. о специальной духовной деятельности, благодаря которой осознается прежний образ. Это же относится и к другим психическим феноменам. Говоря, допустим, о восприятии, забывают, что в этом случае происходит не просто «всплывание» чувственного образа, а совершается акт «воспринимания» этого содержания. Следует решительно разграничить акт и содержание, не смешивать их, и тогда станет совершенно ясно, что психология является наукой об актах сознания. Никакая другая наука кроме нее изучением этих особых интенциональных актов не занимается.

Описывая и классифицируя формы этих актов, Брентано приходит к выводу о том, что существует три основных формы: акты представливания чего-либо, акты суждения о чем-либо как истинном или ложном и акты эмоциональной оценки чего-либо в качестве желаемого

или отвергаемого. Вне акта объект не существует, но и акт, в свою очередь, возникает только при направленности на объект. Когда человек слышит слово, то его сознание устремляется сквозь звуковую, материальную оболочку к предмету, о котором идет речь. Понимание значения слова есть акт, и потому это психический феномен. Он разрушается, если брать порознь акустический раздражитель (звук) и обозначаемую им физическую вещь. Раздражитель и вещь сами по себе к области психологии не относятся.

Считая, что при обычном самонаблюдении, так же как и при использовании тех видов эксперимента, которые предложил Вундт, возможно изучить лишь результат, но не сам психический акт, Брентано решительно отвергал принятую в лабораториях экспериментальной психологии процедуру анализа, считая, что она извращает реальные психические процессы и феномены, которые следует изучать путем тщательного внутреннего наблюдения за их естественным течением. Скептически относился он и к возможности объективного наблюдения, лишь ограниченно допуская этот метод в психологию, т. к. безусловно очевидными считал лишь психические феномены, данные во внутреннем опыте, подчеркивая, что знание о внешнем мире носит вероятный характер.

Уроки Брентано, поставившего задачей описать как работает сознание, оказали большое влияние на различные, формирующиеся в то время психологические направления. У него учились и под прямым воздействием его идей находились многие исследователи. В числе обучавшихся у Брентано был и З. Фрейд, отмечавший, что это был единственный курс, не связанный напрямую с медициной, который он полностью прослушал за время обучения в Вене. Основатель философского направления феноменологии Э. Гуссерль, который также был учеником Брентано, подчеркивал, что в отличие от философии, изучающей феномены сознания (как сенсорные, так и представляемые в виде форм, ценностей, понятий), психология изучает процессы, акты сознания.

Утвердив принцип активности сознания, Брентано стал пионером европейского функционализма, разработка которого была продолжена в трудах К. Штумпфа

(1848 – 1936). Под влиянием Брентано Штумпф пришел к выводу, что предметом психологии должно стать исследование психологических функций или актов (воспринимания, понимания, хотения и др.). Так, например, исследованию подлежит не красный цвет объекта (который представляет собой, согласно Штумпфу, феномен, а не функцию сознания), а акт (или действие) субъекта, благодаря которому человек осознает этот цвет в его отличии от других. Среди функций Штумпф различал две категории: интеллектуальные и эмотивные (или аффективные). Эмотивные состоят из противоположных пар: радость и печаль, желание и отвержение, стремление и избегание. Эмоциональный оттенок могут приобрести и некоторые явления, которые были названы «чувственными ощущениями».

С детства увлекаясь музыкой, Штумпф в большинстве своих экспериментальных работ сосредоточился на изучении восприятия музыкальных тонов. Эти работы были обобщены в его двухтомный труд «Психология тонов» (1883 – 1890), внесшей самый крупный после Гельмгольца вклад в исследования психологической акустики. Полемизируя с Вундтом, Штумпф считал противоестественным расчленение показаний интроспекции на отдельные элементы. Результатам тех опытов, которые проводились натренированными в интроспективном анализе сознания психологами вундтовской школы, Штумпф противопоставил в качестве заслуживающих большего доверия свидетельства экспертов-музыкантов.

Важным моментов в исследованиях Штумпфа стало то, что он рассматривал музыку как феномен культуры. Он создал архив фонограмм с 10 тысячами фонографических записей примитивной музыки различных народов. Его исследование психологии пространственных представлений, изложенное в работе «О психологическом происхождении пространственных представлений» (1881), явилось настольной книгой для многих ученых, занимавшихся впоследствии этой проблемой. Штумпф был не только замечательным ученым, но и хорошим педагогом, многие из его учеников стали впоследствии известными психологами, в том числе и один

из основателей гештальтпсихологии В. Келер, которому он оказал содействие при организации поездки в Африку для изучения поведения человекообразных обезьян.

Исследования восприятия музыкальных мелодий проводились и другим последователем и учеником Брентано Х. Эренфельсом (1859 — 1932). В своей работе «О гештальткачествах» (1890) он впервые ввел в психологическую науку понятие «гештальткачества», названных в его честь «качествами Эренфельса». Исследования процесса восприятия художественных произведений проводились и немецким психологом Т. Липпсом (1851 — 1914). Вместо термина «интенция» им было предложено понятие эмпатии, которая описывалось им как особый психический акт, при котором субъект проецирует на воспринимаемый предмет свое эмоциональное состояние, испытывая при этом позитивные или негативные эстетические переживания.

Хотя многие европейские ученые использовали положения Брентано функциональной психологии в своих исследованиях, настоящий расцвет этой школы связан с американской психологией, прежде всего с работами В. Джемса (1842 — 1910). Психология долгое время не занимала центрального места в его научных интересах, главным из которых стала философия. Отвергая строго рационалистический подход к познанию, Джемс не соглашался с тем, что любая наука должна строго логически объяснять все наблюдаемые факты. В своей философии прагматизма он доказывал, что задача философии (так же как и позднее психологии) описывать и систематизировать наблюдаемые факты, раскрывая их значение для практической деятельности людей. Обосновывая эти положения в своей работе «Прагматизм» (1907), он подчеркивал, что мы часто вынуждены в реальной жизни иметь дело с проблемами, для решения которых нет достаточных теоретических оснований. Поэтому истина должна рассматриваться не с позиции теории, но с позиции практики, ее реализации в жизни. То есть теория здесь — это инструмент, при помощи которого решаются прагматические, важные для жизни проблемы, и который помогает осознать, какие к каким реальным последствиям приведет принятие той или иной гипотезы.

В психологических работах Джемса изложена не столько целостная система взглядов, сколько набор концепций, которые послужили основой различных подходов в современной психологии — от бихевиоризма до гуманистической психологии. Джемс сделал психологию одной из наиболее популярных наук в Америке, он является первым профессором психологии в Гарвардском университете, создателем первой американской психологической лаборатории (1875), президентом Американской психологической ассоциации (1894 – 1895). В своих научных исследованиях, результаты которых были изложены им в его основных трудах «Принципы психологии» (1890) и «Учебник психологии» (1892), Джемс занимался многими проблемами — от изучения работы мозга и развития познавательных процессов и эмоций до проблем личности и психоделических исследований. Одним из основных вопросов для него являлось исследование сознания. В своей работе «Существует ли сознание?» (1904) он пересмотрел традиционное понимание процесса познания как отношения субъекта и объекта — познающего и познаваемого. Доказывая, что сознание — «это название несуществующей вещи», Джемс утверждал, что единственное реальное бытие, материал, лежащий в основе и вещей, и наших мыслей о них, это наш опыт. Наши мысли представляют собой функцию познания, связанную со стремлением осознать окружающее, которое, в свою очередь, стремится стать осознанным. Таким образом, опыт, с его точки зрения, вбирает в себя отношения между объектом и субъектом, которые являются не первичными элементами, но частными производными конкретного опыта. Исходя из этого, чистый опыт представляет собой непрерывный поток жизни, который «поставляет материал для нашего последующего отражения». Но тогда и наше отражение, сознание, является не статичной вещью, но непрерывным движением, потоком мысли. При этом истинность или ложность мысли проверяется не сама по себе, но в ее соответствии с другими частями нашего опыта, с ее реальной практической пользой.

Так, Джемс приходит к своей идее о «потоке сознания», т. е. о непрерывности работы человеческого со-

знания, несмотря на внешнюю дискретность, вызванную частично бессознательными психическими процессами. Непрерывность мысли объясняет возможность самоидентификации несмотря на постоянные разрывы в сознании, поэтому, например, просыпаясь, человек мгновенно осознает себя и ему «не нужно бежать к зеркалу для того, чтобы убедиться, что это он». При этом Джемс подчеркивает не только непрерывность, но и динамизм, постоянную изменчивость сознания, говоря о том, что осознание даже привычных вещей постоянно меняется. Перефразируя Гераклита, который говорил о том, что нельзя войти два раза в одну и ту же реку, он писал, что мы не можем иметь в точности ту же самую мысль дважды.

Сознание не только непрерывно и изменчиво, но и селективно, избирательно, в нем всегда происходит принятие и отклонение, выбор определенных предметов или их параметров и отвержение других. С точки зрения Джемса, исследование законов, по которым работает сознание, по которым протекает этот выбор или отвержение, составляет главную задачу психологии. В этом вопросе была главная причина разногласий между Джемсом и его школой функционализма и структурализмом. В отличие от Титченера для Джемса первичным является не отдельный элемент сознания, но его поток как динамичная целостность. При этом Джемс подчеркивал приоритетность изучения именно работы сознания, а не его структуры. Изучая работу сознания, он пришел к открытию двух основных его детерминант — внимания и привычки.

Говоря об активности человека, ученый подчеркивал, что психика помогает в практической деятельности человека, оптимизирует процесс его социальной адаптации, повышает шансы человека на успех в любой деятельности. Психологические взгляды Джемса тесно переплетены с его философской теорией прагматизма. Поэтому Джемс большое внимание придавал прикладной психологии, доказывая, что ее значимость не меньше, чем значимость теоретической. Особенно важным, с его точки зрения, является связь психологии с педагогикой, т. к. Джемс считал, что именно психология игра-

ет наиболее важную роль в формировании и развитии моральных, нравственных привычек. Он даже публикует специальную книгу для педагогов «Беседы с учителями о психологии» (1899), в которой доказывает огромные возможности воспитания и самовоспитания, важность формирования у детей правильных привычек.

Говоря о развитии нравственности, Джемс уделяет значительное внимание проблеме личности, причем понимает ее как интегративное целое, что было принципиально новым в исследовании личности в тот период. Джемс выделял в личности познаваемый и познающий элементы, говоря о том, что познаваемый элемент — это наше эмпирическое Я, которое мы и сознаем как нашу личность, в то время как познающий элемент — это наше чистое Я. Большое значение имело и выделение нескольких частей в структуре эмпирической личности — физической, социальной и духовной личности, описывая которые Джемс говорит о том, что наше эмпирическое Я шире чисто физического, т. к. человек идентифицирует себя и со своими социальными ролями, и со своими близкими, расширяя свое физическое Я. В то же время оно может быть и у́же физического, когда человек идентифицируется только с определенными потребностями или способностями, отгораживаясь от других сторон своей личности.

Большое значение имело описание Джемсом тех чувств и эмоций, которые вызывают разные структуры и части личности, прежде всего описание самооценки (самодовольства и недовольства собой), о роли которой впервые заговорил именно он. Говоря о влиянии самооценки на поступки человека, Джемс выводит формулу самоуважения, которая представляет собой дробь, в числителе которой успех, а в знаменателе — притязания. Эта формула лежит в основе стремления человека к самосовершенствованию и успеху, в основе болезней и неврозов, в оценке себя и испытываемых эмоций.

Джемс разработал одну из самых известных теорий эмоций (одновременно с датским психологом Ланге). Эта теория указывает на связь между эмоциями и физиологическими изменениями. Джемс говорит о том, что «мы опечалены, потому что плачем, приведены в

ярость, потому что бьем другого, боимся, потому что дрожим», т. е. он доказывает, что физиологические изменения организма первичны по отношению к эмоциям. Несмотря на внешнюю парадоксальность этого взгляда, теория Джемса — Ланге получила широкое распространение как вследствие последовательности и логичности изложения, так и своей связи с физиологическими коррелятами. Представления Джемса о природе эмоций, несмотря на большое количество критических замечаний, частично подтверждаются и современными исследованиями в области психофармакологии и психокоррекции.

Джемс многое сделал для развития психологии как самостоятельной науки, независимой от медицины и философии. Им разработаны многие тенденции продуктивного развития психологической науки, намечен широкий план необходимых преобразований и направлений в этом развитии. Он и поныне считается наиболее значимым и выдающимся американским ученым, оказавшим огромное влияние не только на психологическую науку, но и на философию и педагогику.

Идеи, заложенные Джемсом, были развиты Д. Дьюи (1859 — 1952), основателем Чикагской школы функционализма. Он также принадлежал к философскому направлению прагматизма, интересовался прикладным использованием психологии, прежде всего в сфере образования, включив педагогику в число преподаваемых им в университете предметов. Его книга «Школа и общество» (1899) пользовалась огромным успехом и влиянием в США, а его труд «Психология» (1886) была первым американским учебником по этому предмету до появления учебника Джемса.

Распространяя идеи теории эволюции на психологию, Дьюи приходил к выводу о том, что процесс исследования, к которому он относил главным образом мышление, является формой взаимного приспособления организма и среды. Он также говорил о том, что существуют разные стадии в развитии мышления, а также целевая направленность каждой из них. Отсюда и интерес ученого главным образом к процессу, а не к результату исследования, в том числе и к процессу мышления.

В своей статье «Понятие рефлекторного акта в психологии» (1896) Дьюи, доказывал, что предметом психологического исследования является не структура сознания, но его функция. Эта статья многими исследователями рассматривается как поворотный пункт в развитии американского функционализма, который заявил о своем несогласии со структурализмом, отстаивая свой подход к психологии. Окончательно программа чикагской школы функционализма была сформулирована последователем Дьюи Д. Энджеллом в его президентском адресе Американской психологической ассоциации в 1906 г. В нем функционализм определялся как учение о психических операциях в противовес учению о психических элементах. В то же время Дьюи отвергал тождественность психологического и психофизического подхода к рефлексу, считая последнее предметом физиологии, но не психологии, которая рассматривает психику в качестве координатора поведения, и одним из таких координаторов является рефлекс.

Наряду с Д. Дьюи одним из лидеров Чикагской школы был Д. Энджелл (1869 — 1949), возглавивший ее после отъезда Дьюи в Нью-Йорк. В своем учебнике «Психология» (1904), а также в своей речи к американской психологической ассоциации, о которой упоминалось выше, он писал, что функционализм исследует психические операции, выполняющие роль посредников между организмом и средой. Главное назначение сознания с этой точки зрения состоит в понимании тех изменений, которые происходят в новой, все более усложняющейся среде. Организм действует, используя свои функции — внимание, память, мышление как единое психофизическое целое. То есть фактической разницы между сознанием и движением (разумом и телом) с точки зрения адаптации организма к среде нет. Задачей функционализма является изучение законов психических процессов и условий, в которых они протекают. Для этого недостаточно данных интроспекции, необходимо использовать и наблюдение, и генетический метод. Поэтому в работах Энджелла и его школы большое внимание уделялось исследованию мышечной адаптации и развитию потребностей.

К концу 20-х годов функционализм становится признанной школой, практически полностью оттеснив структурализм. К этому времени Энджелл отошел от активной научной деятельности, и во главе Чикагской школы стал Г. Кэрр (1873 — 1954). В своей книге «Психология» (1925) он, определяя психологию как науку о психической деятельности, подчеркивал, что это название является общим именем для восприятия, памяти, мышления, воли и других психических процессов и состояний. Он также, вслед за Дьюи и Энджеллом, говорил о том, что функции психики состоят в приобретении, «сохранении, организации и оценке опыта и его последующем использовании для руководства поведением».

Однако со временем Чикагская школа все больше утрачивала черты исследовательского направления, становясь образовательным центром, в центре деятельности которого подготовка специалистов в области психологии. Это было связано с появлением бихевиоризма, нового психологического направления, которое завоевывало все большее влияние.

Наряду с чикагской школой к функциональному направлению примыкала и Колумбийская школа, которую возглавлял Р. Вудвортс (1869 — 1962). В колумбийской школе работали Д. Кеттел и Э. Торндайк, которые начали разрабатывать новые экспериментальные методы изучения психики, ее функционирования. Это явилось важным стимулом не только для развития экспериментальной психологии, но и новых научных школ — дифференциальной психологии, бихевиоризма.

Свою концепцию Вудвортс назвал «Динамическая психология». Основные положения своего подхода к психологии он изложил в работах «Динамическая психология» (1918) и «Динамика поведения» (1958). Анализируя связи стимул-реакция, он подчеркивал значение активного вмешательства организма в систему их взаимодействия, что меняло формулу на стимул — организм — реакция. По его мнению, для понимания поведения важнейшее значение имеет изучение этой промежуточной переменной, которая может совершенно изменить первоначальные взаимосвязи между стимулом и ответным реагированием. Так как такое исследование

внутренней переменной связанно с включением данных самонаблюдения, он предусматривал в своих трудах совмещение фактов, полученных при помощи различных методов, в том числе и интроспективного.

Изучая развитие поведения, он выделил огромную роль мотивации в этом процессе, разделив сами механизмы поведения и их динамику от формирования мотивации. Цель динамической психологии он видел в исследовании мотивации, называя ее иногда «мотивологией». Работы, посвященные анализу поведенческих механизмов, привели его к мысли о существовании двух этапов в процессе деятельности — подготовительного (установка) и консуматорного, т. е. завершающей реакции, благодаря которой достигается цель.

Вудвортс также подчеркивал динамичные, гибкие взаимоотношения между мотивацией и механизмом. Мотивация активирует механизм, приводя его в действие. Но, когда потребность удовлетворена, применение механизма как такового может приобрести мотивационную силу. Таким образом, то, что было первоначально лишь средством, становится целью. Эти работы впервые позволили не только экспериментально изучить процесс появления новых видов деятельности, но и развитие мотивации, что делает их актуальными на сегодняшний день.

Американский функционализм рассматривал функцию как деятельность, охватывающую факты и сознания, и поведения. Это отличало его от европейского, анализирующего в первую очередь акты (функции) сознания. Но главным было то общее, что определяло подход к предмету психологического исследования обеих школ. Началом психической деятельности для них был субъект, операциями и актами которого определяется характер мира, в котором он функционирует. А т. к. каждое человеческое действие целенаправленно (и субъективно, для самого субъекта, и объективно, по структуре деятельности), то любая функция приобретает определенную цель или интенцию. В то же время объективный психологический анализ этой направленности не мог быть выявлен ни путем наблюдения или самонаблюдения, ни путем тех экспериментов, которые

в то время существовали в психологии. Это во многом определило позицию последователей американского функционализма — бихевиористов, которые предложили полностью исключить сознание из предмета психологии, ограничившись изучением самого акта поведения, связи между стимулом и реакцией, которую он вызывает.

В то же время вклад этого направления в развитие психологической науки очень важен, т. к. именно в нем было объективно показано значение поведения, которое наравне с сознанием по праву должно быть включено в предмет психологической науки. Не менее важной была и идея целостности, охватывающей не только сознание и поведение, но и ту социальную среду, в которой развивается живое существо. Именно эти положения, так же как и методы изучения психической деятельности, разработанные в рамках функционализма, открыли пути дальнейшего развития психологии.

Французская психологическая школа

Значительный интерес большой группы французских ученых к проблемам содержания и структуры личности закономерно привел их в мысли о важности исследования роли культуры, социальной среды в процессе становления психики. При этом одним из центральных стал вопрос о соотношении сознательного и бессознательного в психике, влиянии бессознательных мотивов на поступки людей, их взаимоотношения друг с другом. Естественно, что первые работы, в которых анализировалась природа гипноза и внушения, привлекли внимание ученых к аномальным явлениям, к людям, страдающим разными формами психических заболеваний. Эти работы показали значение данных патологии для исследования психики нормальных людей.

Интерес к социальным факторам, влияющим на содержание психики, к бессознательным установкам, влияющим на поведение человека, дает основания объединить достаточно разные психологические сообщества, говоря об особенностях подхода к психике во французской науке на рубеже XIX — XX вв.

Интерес к исследованию роли внушения и гипноза впервые возник в связи с работами Ф. Месмера (1734 — 1815), который объяснял природу гипноза «животным магнетизмом», т. е. излучением особых флюидов, которыми может быть «заряжен» гипнотизер и даже отдельные предметы.

Изучение гипнотических явлений привлекало не только медиков, но и психологов. Эти работы давали возможность изучить область бессознательных явлений, которая была вне зоны досягаемости для обычных экспериментов. Не меньшее значение имело исследование факторов, влияющих на внушаемость, показывающих степень гипнотической зависимости от возраста, индивидуальных особенностей и психического состояния человека. Поэтому на рубеже веков исследованием роли гипноза во Франции занимались сразу две школа — в Париже и в Нанси.

Школой в Нанси руководил А. Льебо (1823 — 1905). Он активно использовал гипноз при лечении различных соматических и невротических заболеваний, добиваясь значительных терапевтических результатов. Исследуя природу гипноза, он выдвинул свою концепцию, рассматривающую гипноз как внушенный сон. Исходя из этого, путем внушения можно вызвать гипнотическое состояние (состояние сна) практически у любого человека. Связывая психологические особенности такого состояния, в том числе и с действием воображения, Льебо, а затем его ученик И. Бернгейм, разрабатывали методы словесного внушения. При этом их приемы постгипнотического внушения имели значительное воздействие на клиентов, которые бессознательно хранили внушенную им информацию в течение многих лет. Именно эти работы привлекли пристальное внимание З. Фрейда во время его посещения Нанси.

Занимаясь лечением истерии, ученые этой школы объясняли истерические симптомы (паралич деятельности или чувствительности без органических поражений) внушением со стороны другого человека (суггестия) или со стороны самого субъекта (автосуггестия), полагая, что такое внушение и самовнушение могут происходить бессознательно.

Парижскую школу возглавлял Ж. Шарко (1825—1893), который после окончания медицинского факультета Парижского университета более 30 лет проработал в одной из центральных неврологических больниц Сальпетриер.

Шарко изучал наследственные формы нервных болезней и неосознаваемые психические явления, а также различные (в том числе хронические) заболевания нервной системы, разработав ряд новых методов психотерапии (например, душ Шарко). Увлекаясь вопросами психологии художественного творчества, он также одним из первых отметил психотерапевтическое воздействие произведений искусства

Однако одной из центральных проблем для него была истерия, различные проявления которой им были впервые описаны и исследованы. Разрабатывая свою травматическую теорию истерии, Шарко отметил сходство между поведением истериков и людей, находящихся в состоянии гипноза. Установив предрасположенность истериков к гипнозу, он, в противовес работам нансийской школы, утверждал, что гипнозу подвержены главным образом лица, склонные к истерии. Исходя из этого, Шарко впервые начал широко использовать гипноз при лечении истерии. Поскольку истерия, с точки зрения Шарко, является нервно-соматическим заболеванием, постольку гипноз, который с ней связан, представляет собой патологическое явление, обусловленное анатомо-физиологическими причинами. На основании многолетних наблюдений им были также выделены различные стадии гипноза — каталепсия, летаргия и сомнамбулизм. Работы Шарко имели огромное значение для становления психологической науки, недаром среди его учеников были многие выдающиеся психологи, такие как П. Жане, Ж. Дежерин, З. Фрейд, В.М. Бехтерев.

Однако основателем французской школы психологии по праву считается другой выдающийся ученый Т. Рибо (1839—1916). Стремление не только утвердить, но и завоевать новых сторонников эмпирической психологии привело Рибо к мысли о необходимости издания собственного журнала. Этот журнал, получивший название «Философское обозрение» был основан в 1876 г.,

а в 1885 г., совместно с Ж. Шарко и П. Жане он основал общество физиологической психологии. И в журнале, и в обществе, организованном Рибо, преобладали сторонники позитивного, эмпирического направления в психологии.

Рибо являлся одним из крупнейших представителей экспериментальной психологии. В развитии этого направления во Франции он сыграл роль не менее значительную, чем Вундт в Германии. Он считал необходимым строить психологию на основе сравнительных и эволюционных принципов. Этот взгляд был связан с идеей Рибо о важности построения психологии как точной, положительной науки, в которой личные воззрения исследователей стушевывались бы, уступая место неопровержимым, экспериментально найденным доказательствам. Не возводя эмпиризм в безусловный принцип, он допускал наличие метафизических, интроспективных данных в тех случаях, когда поиски истины были связаны с областями, не входящими в область точных наук. Однако в своих психологических исследованиях он стремился к поиску физиологических обоснований для объяснения психических процессов. Доказывая, что в основе психологии должны лежать естественные науки, прежде всего биология, Рибо подчеркивал, что психические явления являются, по сути, эпифеноменами различных состояний мозга. В его работе «Современная германская психология» (1879) был дан не только обзор состояния современной ему психологии, но и основы разработанного Рибо проекта построения психологии как эмпирической науки, использующей данные патологии в качестве метода исследования психики нормальных людей.

Большое значение для развития эмпирической психологии имел разрабатываемый Рибо метод «естественного эксперимента». Идея «естественного эксперимента», или «эксперимента, поставленного природой», была навеяна работами К. Бернара. С точки зрения Рибо, это был эксперимент, который поставила над человеком природа, которая создала разные типы людей, с разным уровнем развития (дикарь, ребенок, взрослый цивилизованный человек) и с разным уровнем психического

здоровья (невротики, умственно отсталые люди и т. д.). Доказывая значение «естественного эксперимента», Рибо подчеркивал, что психология не может оставаться наукой о белом, взрослом, образованном человеке, предлагая в качестве объекта психологического исследования триаду — душевнобольной, дикарь, ребенок.

Этот метод использовался многими известными французскими психологами — П. Жане, Ш. Блонделем, А. Валлоном и другими. Душевная болезнь рассматривалась здесь как своеобразный патопсихологический метод, как эксперимент более надежный и репрезентативный (в особенности для исследования высших психических функций), чем эксперимент психофизический. Недостаток психофизического эксперимента, с точки зрения Рибо, заключался главным образом в том, что он не давал представления о высших психических процессах, в формировании которых, с его точки зрения, большую роль играли социальные факторы, игнорируемые при психофизическом исследовании.

Рибо считал искусственным традиционное деление психических процессов на познавательные, эмоциональные, волевые, подчеркивая их тесную взаимосвязь. Исследование внимания, мышления, воображения привело Рибо, как и Н.Н. Ланге, к мысли о большом значении двигательных компонентов в их развитии. Полученные им данные были изложены в его книгах «Психология внимания» (1889), «Болезни памяти» (1881), «Болезни личности» (1885), «Болезни воли» (1888), «Опыт исследования творческого воображения» (1901) и других работах, в которых Рибо стремился реализовать свою программу, привлекая собранный психиатрами обширный материал.

Одним из наиболее значимых открытий Рибо является сформулированный им «закон обратного развития памяти». Он устанавливает порядок старческого ослабления памяти, порядок ее утраты и процесса восстановления в случае заболевания и при выздоровлении. По этому закону, который также называется «законом прогрессивного расстройства памяти», память утрачивается в направлении от нового — к старому и от сложного — к простому. Так, прежде всего, утрачивается воспроиз-

ведение ближайших текущих событий, общих идей, чувствований, действий. Раньше страдает память на собственные имена, далее — на конкретные предметы и позднее — на отвлеченные понятия. Сохранение отвлеченных понятий Рибо объяснял тем, что первоначально для удержания их в памяти требуется большое количество времени и упражнений. Примеры такого расстройства памяти можно найти в старческом слабоумии, при болезни Корсакова и других заболеваниях.

Работы Рибо оказали значительное влияние на А. Бинэ, П. Жане, А. Пьерона, Ж. Дюма и других исследователей. Фактически, как уже говорилось выше, именно он заложил основы французской психологической школы и недаром его ученик Ж. Дюма адресовал ему латинское изречение: «Мы все вышли из тебя».

Развитие этого психологического направления было продолжено учеником Ж. Шарко и коллегой Т. Рибо П. Жане (1859 – 1947). Он также пришел к выводу о том, что экспериментальная психология должна быть патологической, т. к., зная психические болезни, можно изучать нормальную психику. Вслед за К. Бернаром он утверждал, что в болезненном и здоровом состоянии наблюдаются одни и те же законы, т. к. при болезни наблюдается лишь усиление или ослабление явлений, существующих в нормальном состоянии.

Жане занимался многими проблемами — разрабатывал методы исследования таких психических процессов, как восприятие, внимание, память; исследовал структуру сознания и личности, соотношение сознательного и бессознательного в содержании психики.

Совершенно по-новому, наперекор традиционным для того времени подходам, подходил Жане к проблеме свободы воли. Он считал, что психическая деятельность в ее примитивной элементарной форме есть деятельность автоматическая, в ее основе не лежит свобода воли. Доказывая вторичность природы воли, он писал о ее производности от объективного процесса, в котором непременно представлен другой человек. При волевом акте мы испытываем особое чувство, чувство усилия, которое не наблюдается ни при каком действии иного характера. То есть воля — это высший психический про-

цесс, обладающий единством и неделимостью, это единство мы можем наблюдать во всех наших психических процессах. Важным моментом является то, что при осознании это впечатление усиливается. В этом заключается, по мнению Жане, гармония механизма волевой деятельности, при котором наблюдается синтез огромного числа образов и идей. Отличие волевого акта от автоматического в том и заключается, что автоматическое действие определяется конкретным образом или идеей, оно индивидуально. Поступки человека, поддающегося действию образа, так же индивидуальны, как и сами ощущения, их породившие. Волевой же акт становится следствием суждения или общей идеи, поэтому он независим. Суждение каждый раз становится новым и неожиданным феноменом, появляющимся среди механических движений, по отношению к которым оно является чем-то недетерминированным и свободным. Таким образом, свободным действие становится потому, что делается разумным и приобретает мировую и моральную ценность. Эта связь свободы с разумом и нравственностью в значительной степени сближает позицию Жане со взглядами российских психологов начала XX в., которые также рассматривали волю не как спонтанную активность, но как производное интеллектуального развития и социальной ситуации. Общим является и подход к проблеме становления внутреннего мира человека, который, по мнению Жане, строится в результате принятия внешних правил и норм поведения — социализации. Однако ученый подчеркивал, что это не пассивный процесс, интериоризация происходит в процессе активной переработки этой информации.

Изучая структуру сознания, Жане подчеркивал, что все высшие проявления духа строятся на основе низших, где действие, чувство и разум слиты воедино. При этом высшие психические функции обладают одним важным качеством — единством (например, волевые действия, личность), они синтезируют все элементарные функции.

Из этого положения вытекала необходимость изучения элементарных форм сознания. Клинические наблюдения П. Жане показали, что есть так называемое рудиментарное сознание, хранящее совершенно изо-

лированные ощущения, неспособные действовать друг на друга. Начальное ощущение может вызывать другие образы, но каждый образ остается изолированным, не соединяясь с другими и не действуя на них. В рудиментарном сознании не только ощущения, но и эмоции и ассоциации идей могут существовать в зачаточном состоянии. Характерным признаком этого сознания является то, что оно безлично, т. е. не способно вызвать идею о нашем Я.

Рудиментарное сознание представляет, по мысли Жане, низший уровень в структуре сознания. На следующих ступенях в иерархии находятся память, характер и личность. Единство психических явлений, замеченные и понятые, дают начало понятию о Я. Это есть синтез психических явлений, но это не есть ассоциация идей, т. к. последняя подразумевает лишь автоматическое воспроизведение явлений один за другим. Напротив, Я — это суждение, которое синтезирует различные факты, констатируя их единство из различных психических явлений, вызванных внешними впечатлениями или автоматической игрой ассоциаций, образующих новую идею — понятие о личности. Так, Жане приходит к важному положению своей теории, доказывая, что в основе образования личности, или Я, лежит память. Если память изменяется, то эти модификации приводят к изменению личности и всей психической жизни. При этом он отмечает, что без взаимодействия между людьми невозможно развитие психики, невозможно становление личности.

Таким образом, Жане выстраивает трехуровневую структуру сознания: элементарные ощущения, затем память, на которой базируется Я, или личность. Причем он разделяет эти понятия, говоря о том, что личность по своей природе метафизична, она неизменна и неделима, а идея о Я изменяется в течение жизни. При этом болезни затрагивают именно область Я. П. Жане указывает на иерархичность психических явлений, подразумевая под этим не просто смену одной ступени другой, а процесс сложного взаимодействия, синтеза всех психических образов. Этот подход опровергал идею Г. Спенсера о том, что человеческое сознание в каждый данный мо-

мент содержит только одно явление, а психическая жизнь заключается в их последовательной смене. Жане же подчеркивал, что все люди в каждый данный момент времени располагают весьма разным количеством идей. Психическая жизнь — это смена явлений, чередующихся одно за другим, причем каждое из этих явлений состоит из множества элементарных фактов.

П. Жане также ввел в психологию такое важное понятие, как «сужение поля сознания». Поле сознания — это наибольшее число простых или относительно простых образов, которые одновременно могут находиться в одном и том же сознании. Сужение поля сознания — это психическая слабость, состоящая в уменьшении числа осознаваемых явлений. По мнению Жане, ограниченное поле сознания свойственно больным людям и детям. У детей это проявляется в прерывистых действиях, минутных гневе или слезах, а у больных в рассеянности или сосредоточении сознания на каком-нибудь одном пункте, забывании о присутствующих и т. д. Сужение поля сознания соответствует рудиментарной психике.

Исследование причин сужения поля сознания привело Жане к анализу одного из важнейших для психологии вопроса о соотношении сознательного и бессознательного в человеческой психике. При этом он выстраивает свою концепцию психики, отличную от известной теории Фрейда. Изучение пациентов с различными психическими заболеваниями показало, что психические расстройства влияют на возбуждение определенных функций, при этом наблюдается диссоциация (распад, разложение) либо недавно образовавшейся функции, либо древней. В условиях диссоциации древняя функция, которая относится Жане к подсознанию, остается почти нетронутой. При этом функции, находящиеся в области бессознательного, отделены от личного сознания. То есть под бессознательным действием понимается такой акт, который обладает всеми признаками психического акта за исключением того, что он никогда не сознается выполняющим его субъектом. Например, воспоминание остается, несмотря на амнезию, речь и хождение обнаруживается во сне, несмотря на мутизм и паралич в состоянии бодрствования. Таким

образом, внешне эти действия обладают разумностью, хотя и совершаются независимо от нормального сознания субъекта.

Главным моментом, определяющим личность человека, по мнению Жане, являются два вида психической деятельности — творческая и консервативная. Творческая деятельность синтезирует восприятия в суждения, общие понятия, в художественные, моральные или научные концепции. Консервативная же пытается сохранять и повторять информацию (ассоциация идей, память). Физическое здоровье и гармония духа зависят от того, как эти две стороны психики — творческая и консервативная — сосуществуют.

Наряду с исследованиями психики на основе привлечения данных психиатрии в этот период во французской психологии появляется школа, которая во главу угла ставит изучение социальных контактов людей. Если в первом случае для исследования закономерностей формирования психики использовался клинический метод, то во втором — изучение людей в разных социальных ситуациях, в том числе и кросс-культурные исследования.

Это направление получило название французской социологической школы, родоначальником которой стал Э. Дюркгейм (1858 – 1917). Развивая позитивистскую концепцию О. Конта, он стремился создать объективную социологию как науку о обществе, изучающую особую духовную реальность. Он ввел термин «социологизм», понимая под ним несводимость социальной реальности к биологическим и психологическим явлениям. Общественные явления необходимо связывать с особенной социальной средой, с определенным типом обществ, находя в его характеристиках причины изучаемых феноменов.

Дюркгейм подчеркивал, что общество состоит из индивидов, но это не простое соединение частей, общества нет там, где есть одни только индивиды. Над индивидом стоит высшая духовная власть — коллектив. Целью коллективной жизни, по его мнению, является интеграция индивидов в сообщества, которые наделяются моральным авторитетом и потому способны выполнять воспитательную функцию.

Индивид нуждается в обществе, потому что в сплоченном коллективе человек не предоставлен только своим, часто слабым, силам, но «имеет долю участия в коллективной энергии, находит в ней поддержку в минуты слабости и упадка». Поэтому, как отмечал Дюркгейм, к группе люди могут даже пожертвовать своими интересами ради общей цели, а интеллектуальное развитие часто связано со стремлением исполнить свое социальное предназначение, т. е. высшие формы человеческой деятельности имеют коллективное происхождение.

С точки зрения Э. Дюркгейма, социальная реальность имеет собственную оригинальную природу и потому должна объясняться социальными фактами, она не может быть сведена к реальности человеческой индивидуальности, и, следовательно, любые заимствования социальными науками объяснительных моделей из других областей знания неплодотворны. Идея Дюркгейма о двойственной природе социального факта, с одной стороны, и об его объективном, независимом от индивида, существовании, с другой стороны, обусловили определенное понимание механизмов регуляции социального поведения человека — сначала для социологически ориентированных исследователей, а затем и для социальных психологов. Именно Дюркгейму исходно принадлежит представление о двух возможных формах «социального принуждения»: с одной стороны, социальное поведение человека регулируется и ограничивается внешними, объективно существующими правилами социального взаимодействия, а с другой — не менее действенным способом социальной регуляции выступают интериоризированные социальные нормы и ценности. Причем последним Дюркгейм отводил главенствующую роль, т. к. «истинная основа солидарности в обществе состоит не в принуждении, а в интернализованном моральном долге по отношению к нормам группы».

Анализируя отношения между индивидуальной личностью и социальной солидарностью, ученый подчеркивал, что индивид, становясь все более автономным, в то же время сильнее зависит от общества, причем оба эти процесса совершаются параллельно. На основе своих исследований, он приходил к выводу о том, что в ос-

нове формирования общества лежит механическая и органическая солидарность. Механическая солидарность — это солидарность вследствие сходства. При господстве в обществе этой формы единения индивиды мало чем отличаются друг от друга, они испытывают те же чувства, привержены тем же ценностям, общество сплочено, потому что индивиды еще не дифференцированы. Такое устройство характерно для ранних первобытных обществ.

При органической солидарности сплоченность основана на социальной дифференциации. Индивиды не похожи друг на друга, но, тем не менее, могут сосуществовать друг с другом, работать, принимать ценности другого и т. д. Этот тип общества характерен для современных цивилизаций, культурных обществ, основная характеристика которых — существование высшей морали, которой подчинятся все, независимо от вероисповедания, места проживания и т. д. Отсюда вытекает главная идея Дюркгейма о том, что коллективное сознание отличается от индивидуального, т. к. развивается по своим законам, а не является результатом или выражением индивидуальных сознаний. При этом под коллективным сознанием он понимал «совокупность общих верований и чувств, свойственных в среднем членам какого-либо общества». Так, он приходил к выводу о том, что индивид возникает из общества, а не общество из индивидов, т. к. свойства социальной системы не могут быть объяснены или сведены к сумме элементов.

Коллективная жизнь как и психическая жизнь индивида состоит из представлений, при этом индивидуальные и социальные представления сравнимы между собой, т. к. в обеих сферах — социальной и психической — обнаруживается один и тот же закон. Коллективное представление — это особый факт социальной жизни, который определяет видение мира отдельной личностью. Оно является внешним по отношению к индивидуальным сознаниям, а затем постепенно интериоризуется ими.

Общество представляет собой совокупность ассоциированных индивидов, и система, которую они образуют, видоизменяется в зависимости от их расположе-

ния на территории, от количества и характера способов общения и общественного сознания. Важным моментом являются социальные явления, т. е. наиболее характерные проявления коллективной жизни — религиозные верования, обряды, правила морали, правовые предписания и т. д. Они обязательные, поэтому этот способ деятельности и мышления индивида не сотворены им, а идут извне, из социума. Эти особенности устанавливающихся в данном сообществе отношений влияют главным образом на характер коллективных представлений.

Рассмотрение в качестве специфического вида социальных фактов — коллективных представлений, отражающихся в определенных способах мышления, чувствования и деятельности и приобретаемых человеком в ходе социализации, во многом отразилось в содержании теории социальных представлений С. Московиси, унаследовавшей многие идеи своего соотечественника. Так, социально-психологическое воплощение нашли тезисы Дюркгейма о действенной, регулирующей социальное поведение роли коллективных представлений; об их символической функции; о возможности изучения социальной действительности через анализ содержания коллективных представлений, которые, по сути, являются единственной действительностью, адекватной задачам социальных наук.

Таким образом, в центре внимания Дюркгейма как исследователя «фактов коллективного сознания и коллективных способов действия» стояли проблемы формирования социальных норм и их воздействия на человека. Во многом подобное понимание предмета было связано со спецификой решения вопроса о соотношении индивидуального и социального. Согласно Дюркгейму, человек есть «раздвоенная реальность», в которой индивидуальное и социальное сосуществуют, фактически не смешиваясь. Наличие в языке множества дихотомий для описания человеческой природы (тело и душа, чувства и разум, инстинкт и сознание) лишний раз доказывает, что полюс индивидуального, связанный с физическими потребностями человека, и полюс социального, отражающий наличие у него понятийного мышления и морали, достаточно жестко разведены. Более того: че-

ловека делает человеком именно «всеобщее» — как символически представленное в его сознании общество.

Высказанные Дюркгеймом идеи о развитии коллективного сознания были использованы и при изучении традиционных культур известным психологом, философом и этнографом Л. Леви-Брюлем (1857 – 1939).

В своих работах «Первобытное мышление» (1922), «Первобытная душа» (1927) он использовал богатый этнографический материал о жизни народов Африки, Австралии, Океании, находящихся на разных этапах социокультурного развития. Опираясь на выдвинутое Э. Дюркгеймом понятие «коллективные представления», Леви-Брюль утверждал, что различным социально-историческим структурам соответствуют определенные типы мышления. Исходя из этого положения им была сформулирована теория о двух типах мышления — первобытном и логическом. В своей книге «Умственные функции в низших обществах» (1910) он описал первобытное мышление, характеризуя его как мистическое по содержанию, пралогическое (дологическое) по способу организации: нечувствительное к противоречиям и непроницаемое для опыта. В отличие от мышления представителя цивилизованного общества оно не ориентировано на установление логических отношений, а подчиняется закону партиципации (сопричастия), в силу которого предметы объединяются не по существенным свойствам, а по приписываемым им мистическим качествам.

Леви-Брюль подчеркивал, что «пралогическое» и «логическое» мышления представляют собой не сменяющие друг друга стадии, но сосуществующие типы мышления. Пралогическое мышление, определяя содержание коллективных представлений первобытного человека, не распространяется на сферу личного опыта и практических действий. В то же время в современном обществе, в котором доминирует логическое мышление, сохраняются следы пралогического, например в религии, морали, обрядах. Таким образом, в процессе исторического развития изменяются пропорциональные соотношения между первобытным и логическим мышлением, причем на долю последнего отводится все больше областей.

Взгляды Дюркгейма и Леви-Брюля повлияли на концепции многих ученых — М. Гальбовакса, Ш. Блонделя и в некоторой степени даже Ж. Пиаже. Так, многие характерные черты эгоцентрического мышления, свойственного детям, имеют несомненное сходство с описаниями пралогического мышления Леви-Брюля.

Изучением социальных контактов людей и их влияния на психику отдельного человека занимался также Г. Тард (1843—1904). Он был не согласен с концепцией социологизма Дюркгейма, главным образом с его мыслями о механизмах формирования коллективных представлений. Тард отмечал, что «очень трудно понять, как может случиться, что, окончательно отбросив индивидов, мы получим в остатке общество». Концепция Тарда сложилась под влиянием работ Льебо и Шарко, доказавших большое значение внушения и гипноза в реальной жизни субъекта.

С его точки зрения, социум есть совокупность индивидов, каждый из которых определен целым веером потребностей, мотивов, влечений, причем большая часть из них имеет иррациональную природу и является бессознательной. Будучи «итоговой суммой» подобных разнородных элементов, общество закономерно не подлежит однонаправленным изменениям, а потому всякие попытки изучения социальной динамики обречены на провал.

По мнению Тарда, основой социальных связей личности служат три фактора: подражание, изобретение и оппозиция (противодействие инновациям). В своей книге «Законы подражания» (1893) он, исходя из логического анализа различных форм взаимодействия, доказывал, что среди этих факторов доминирующим является подражание как основа ассимиляции индивидом установок, верований, чувств других людей. Внушенные извне мысли и эмоции определяют характер душевной деятельности, как в состоянии сна, так и при бодрствовании.

Источником не только индивидуально-психологического, но и социального является «неизменная человеческая натура», и, следовательно, единственно возможной задачей исследователя в социальных науках

является изучение взаимного влияния людей друг на друга, — как в межличностном взаимодействии, так и в рамках большой группы. И в том и в другом случае основным механизмом социального влияния выступает, по мысли Г. Тарда, подражание: благодаря последнему не только транслируются модели поведения, верования, убеждения, но и само общество получает возможность поддерживать свою целостность.

Таким образом, групповое поведение Тард трактовал как гипнотизацию множества людей, основанную на имитации, а само это поведение одной из форм сомнамбулизма. В своей работе «Социальная логика» (1895) он писал о том, что все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере (ходить, есть и др.), относится к разряду физиологических явлений, а обладание какой-либо походкой, предпочтение определенной еды и т. п. — результат социальной жизни. Он подчеркивал, что в обществе подражание имеет такое же значение, как наследственность в биологии. В результате сложных взаимодействий возникают «изобретения», которые также распространяются по законам подражания.

Идеи Тарда о роли иррациональных факторов в социальном поведении людей, о наличии определенных психологических механизмов регуляции социального взаимодействия (подражания, заражения, внушения) нашли свое более конкретное воплощение в одной из первых социально-психологических концепций — «психологии масс» Г. Лебона (1841 — 1931).

С точки зрения Лебона, главной чертой наступающей эпохи (имелось в виду наступление XX в.) станет замена сознательной деятельности отдельных индивидов бессознательной властью толпы. Причину подобного торжества «массы» над личностью Лебон видел в господстве в обществе определенных идей, а именно идеи социализма. Продолжая линию психологизма в анализе проблемы личности и общества, Лебон считал причиной социальной динамики постоянную смену идей: будучи исходно интеллектуальным и духовным достоянием одного человека, определенная идея путем заражения проникает в «душу массы», находя все большее и большее количество своих приверженцев. По-

этому на судьбу народов влияют не революции и войны, а перемены в основных идеях. Сама идея при этом неминуемо упрощается, почти теряя свое исходное интеллектуальное своеобразие, превращаясь в догмат, т. е. абсолютную истину на эмоциональной основе. Собственно говоря, только в этом своем превращенном, практически иррациональном виде идея может оказывать социально-регулирующую функцию на «массу». Под влиянием заражения какой-то идеей мысли и чувства отдельных индивидов в большой группе принимают общее направление, что составляет «закон духовного единства толпы».

Хотя анализу собственно толпы, или «массы», Лебон уделяет много внимания (детально останавливаясь на вопросах классификации разных толп, их качественных особенностях, про- и антисоциальной направленности действий), основным предметом социального исследования он видел именно личность. Как изменяется сознание и поведение отдельного человека в рамках подобной большой группы — вот тот вопрос, который оказывается в центре его концепции.

Лебон отмечает следующие основные особенности личности в «массе»:

— становясь ее членом, человек приобретает большее сознание собственной силы и перестает обуздывать свои врожденные инстинкты, следовательно, повышается уровень его импульсивной активности;
— вырвавшаяся на свободу иррациональность человека заставляет его жить больше чувствами, а не прислушиваться к доводам разума, следовательно, повышается уровень его эмоциональности и снижается уровень критичности;
— возросшая в силу вышеперечисленного восприимчивость к внушению и подверженность заражению заставляют человека принести в жертву свои индивидуальные интересы и отказаться от произвольного поведения;
— закономерным итоговым следствием является снижение уровня индивидуальной ответственности и фактическая передача этой функции лидеру («вождю массы»).

Нетрудно видеть определенную парадоксальность исследовательской позиции Лебона: личность характеризуется им через те атрибуты, которые, по сути, являются «безличностными». Заметим, что подобный фокус анализа — изучение личности через процессы деперсонализации, через «недостаток личностности» довольно долго потом будет преобладать в социально-психологических исследованиях личности.

Лебон завершает свою характеристику личностных изменений, происходящих с человеком в результате его включенности в большие социальные группы, необходимым требованием появления фигуры вождя, в котором должны персонифицироваться утерянные каждым членом «массы» личностные атрибуты, давая при этом описание психологических качеств вождя и тех чувств, которые связывают его и рядовых членов толпы.

Работы французских ученых помогли расширить предмет психологии, включив в него не только бессознательное, но и коллективную психику. Но наиболее важным моментом их исследований стало осознание нового фактора, влияющего на становление психики — культуры, исторического развития общества. Это давало возможность представить человека как результат не только биологического, но и культурно-исторического развития, показало новые аспекты взаимосвязи психологии с философией, историей, социологией. Обогатило психологическую науку и появление новых методов исследования психики — клинического, использовавшего материал патологического развития, и кросс-культурного, дававшего возможность сравнительного анализа развития психики у разных народов.

Описательная психология В. Дильтея

Своеобразный подход к формированию психологической науки был разработан в теории немецкого ученого В. Дильтея (1833 — 1911). Если все, описанные выше, направления исходили из понимания необходимости формирования экспериментальной, эмпирической психологии и развития ее связей с естественными, науками, то Дильтей отстаивал важность ее связи с философией

(прежде всего с философией Гегеля), отвергая приоритет эксперимента над наблюдением.

Дильтей является автором направления, получившего название «философия жизни». Центральным в этой концепции стало понятие о живом духе, развивающемся в различных исторических формах. С этих позиций ученый подошел к проекту создания новой, описательной психологии, которая была изложена им в работе «Идеи описательной психологии» (1894). Описательная психология должна существовать наряду с объяснительной, которая ориентируется на науки о природе и должна стать основой всех наук о духе.

Отвергая традиционную метафизику, Дильтей высказывается против позитивизма, против перенесения методов естественных наук в психологию, которая нуждается в собственном методе и собственной методологии. В своей критике «объяснительной» психологии Дильтей подчеркивал, что понятие причинной связи вообще не применимо в области психического (и исторического), т. к. здесь в принципе невозможно предсказать, что последует за достигнутым состоянием. Так как дать точное и объективное обоснование полученным при постижении собственных переживаний фактам практически невозможно, то психология должна отказаться от гипотез и попытки объяснения душевной жизни, поставив себе целью описание и анализ психических явлений, стараясь понять отдельные процессы из жизненного целого. Именно такой подход сделает психологию ведущей, основной дисциплиной для всех наук о духе, всех наук о человеке. Этот подход в несколько измененном виде получил в начале XX в. название «психологизм», фактически рассматривал психологию как методологию наук о душевной жизни.

Свою психологии Дильтей называл описательной и расчленяющей, противопоставляя описание — объяснению, расчленение — конструированию схем из ограниченного числа однозначно определяемых элементов. Он выступал и против традиционного для того времени ассоциативного подхода к психике, понимания ее как сенсорной мозаики, состоящей из элементов. Взамен элементов он предлагал внутренне связанные структу-

ры, лежащие в основе душевных процессов, развитие которых определяется целью. Целостность и целенаправленность являются, по мнению Дильтея, специфическими чертами душевных проявлений. Хотя сами эти качества не были им привнесены в психологию (об этом говорили и другие ученые, например Брентано и Джемс), но принципиально новым в концепции Дильтея было стремление вывести эти черты не из органической, но из исторической жизни, из чисто человеческих видов деятельности, которые отличает воплощение переживаний в творениях культуры.

Одним из центральных моментов его теории стало понятие переживания. Оно выступало не в виде элемента сознания, а в виде внутренней связи, неотделимой от ее воплощения в духовном, надындивидуальном продукте. Тем самым индивидуальное сознание соотносилось с миром социально-исторических ценностей, с миром духовности. Важным связующим звеном как между миром культуры и человеком, так и между отдельными науками (философией, историей, психологией) стала герменевтика, или учение об истолковании, которая в теории Дильтея являлась средством воссоздания неповторимых культурных миров прошлого.

Уникальный характер объекта исследования (духовный мир), по мнению ученого, определял уникальность метода. Им служит не объяснение явлений в принятом натуралистами смысле, но понимание, постижение. Он писал, что «природу мы объясняем, а душевную жизнь постигаем». Постижение основывается на анализе непосредственных переживаний Я. Оно существенно отличается от интроспекции, т. к. открывает содержание не только сознательного, но и бессознательного. Это интуитивное вчувствование помогает понять, а затем и описать, смысл жизни, включив субъективные переживания в контекст культурной среды, в которой живет человек. Эта ориентация Дильтея на бессознательные духовные, нравственные переживания, которые составляют суть человеческой личности, дала основание С.Л. Рубинштейну назвать его психологию «вершинной», в отличие от «глубинной» Фрейда, видевшего в бессознательном лишь биологические влечения.

Идеи Дильтея о связи отдельной личности с духовными ценностями, накопленными человечеством, была развита его учеником Э. Шпрангером (1882 — 1963). Как и Дильтей, он считал, что ведущим методом исследования духовной жизни является понимание, т. е. непосредственное постижение смысла психических явлений. В то же время стремясь к более объективному постижению психической жизни, в центр своей концепции он выдвигает не переживания, но духовную активность Я, в которой реализуются смысловые связи с содержанием определенной культуры, выраженные в системе ценностей конкретного человека. Таким образом, субъективные переживания субъекта рассматривались в их соотношении с надындивидуальными сферами объективного духа.

В своем труде «Формы жизни» (1914) Шпрангер доказывал, что основной задачей психологии является исследование отношения индивидуальной духовной структуры человека к структуре «объективного духа», т. е. изучение основных типов направленности человека, которые он назвал «формой жизни». В основе этой направленности лежит преобладающая ориентация на те или иные ценности.

Им было выделено шесть основных типов объективных ценностей: теоретические (область науки, проблема истинности), экономические (материальные блага, полезность), эстетические (стремление к оформлению, к самовыражению), социальные (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни), политические (власть как ценность), религиозные (смысл жизни). В каждом человеке могут быть представлены ориентации на все эти типы ценностей, но в разной пропорции, какая-то из них при этом будет доминировать. Это доминирование определяет преимущественную форму жизни данного человека, сферу его деятельности и переживаний. Исходя из того, какая группа ценностей доминирует, Шпрангер выделял соответственно теоретического человека, экономического, эстетического, социального, политического и религиозного. Форма жизни является внутренним, духовным образованием, поэтому для более полного развития личности взрослый

должен угадать эту форму в ребенке и строить его обучение исходя из того, какая деятельность для него будет приоритетной.

Описательная психология показала новые возможности построения психологии как гуманитарной науки, показав недостатки сугубо естественно-научной ориентации психологии, преобладавшей в то время. Многие из них стали более очевидными со временем, но в тот момент преимущества объективной, экспериментальной психологии были настолько очевидны, что упреки и опасения Дильтея большинством психологов не были услышаны. Распространению его взглядов помешала ограниченность самого подхода Дильтея, не видящего новых перспектив, которые открывает перед психологией эксперимент и связь с точными науками.

* * *

Почти все школы, появившиеся в то время, просуществовали недолго, их замена была продиктована объективными обстоятельствами. При всей их новизне они были еще связаны со старой, ассоциативной психологией, в спорах с которой они родились. В то же время само их появление и дискуссии, возникавшие при появлении результатов новых исследований, показали насущную необходимость для психологии сформировать новый подход к пониманию психического, новую методологию изучения психики, что и привело к появлению тех школ, которые определили лицо психологической науки в XX в.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие исследования теории рефлекса наполнили эту концепцию реальным содержанием?
2. Какие исследования положили начало психофизике и психометрии?
3. Почему Вундт отрицал возможность изучения высших познавательных процессов?
4. Чем отличались методы исследования в структурализме и Вюрцбургской школе?

5. Какие факторы определяют направление психической деятельности, с точки зрения Брентано и Штумпфа?
6. Что общего у функционализма и прагматизма?
7. На каком основании Дильтей отвергал принципы объяснительной психологии?

Примерные темы рефератов

1. Значение теории Вундта в развитии ассоциативной психологии.
2. Сравнительный анализ подходов к построению психологии в структурализме, функционализме и описательной психологии.
3. Американский и европейский функционализм — общее и отличия.
4. Особенности исследования патологических отклонений в психике во французской психологической школе. Описательная и объяснительная психология — достоинства и недостатки.

Литература

1. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
2. *Вундт В.* Элементы психологии народов. СПб., 1913.
3. *Вундт В.* Очерк психологии. СПб., 1897.
4. *Джемс В.* Беседы с учителями о психологии. СПб., 1998.
5. *Джемс В.* Психология. М., 1991.
6. *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1996.
7. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
8. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. СПб., 1998.
9. *Дюркгейм Э.* Социология. М., 1995.
10. *Жане П.* Неврозы. М., 1911.
11. *Жане П.* Психический автоматизм. Экспериментальное исследование низших форм психической деятельности человека. М., 1913.

12. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
13. *Каннабих Ю.* История психиатрии. М., 1994.
14. *Титченер Э.* Учебник психологии. М., 1914.
15. *Эббингауз Г.* Основы психологии. СПб., 1911 – 1912.
16. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

Глава VIII

БИХЕВИОРИЗМ И ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XX ВЕКЕ

Общая характеристика методологического кризиса в психологии

В предыдущих главах уже отмечалось, что конец XIX в. ознаменовался дискуссиями о том, какими путями строить новую, объективную психологию, какие методы должны стать ведущими при исследовании психического. На рубеже веков еще казалось, что эти споры приведут к единому мнению и выстроится методология новой, позитивной психологии. Общей тенденцией был переход от психологии, изучающей феномены сознания, к психологии, исследующей целостную систему «организм — среда». Однако логика развития первых школ показала, что существует несколько путей строительства такой психологии, которые кардинально отличаются друг от друга не только в понимании приоритетов и задач психологической науки, но даже в определении ее предмета и содержания психики. Разным являлся и подход к динамике психического развития, его закономерностей и условий, способствующих или препятствующих его протеканию.

Поэтому в начале XX в. психология переживала серьезный методологический кризис, связанный прежде всего с трудностями, возникавшими при поиске объективных методов исследования психики. Предложенные функциональной психологией, структурализмом или Вюрцбургской школой методы при более пристальном рассмотрении оказывались далекими от объективности, что доказывалось теми разногласиями, которые возни-

кали при обсуждении полученных результатов. Оказывалось, что найти прямой и объективный метод изучения психического состояния человека, содержания его сознания, а, тем более, бессознательного, практически невозможно. Выход был либо в трансформации метода, который превращался в опосредованный, либо в таком изменении предмета, которое сделало бы реальным его непосредственное экспериментальное изучение (например, внешняя активность), любо в отказе от попыток объяснить законы психики, заменив их описанием явлений, как предлагал Дильтей.

На содержание и динамику протекания методологического кризиса в психологии повлияли, кроме логики становления самой науки, и другие факторы — социальная ситуация, открытия в других дисциплинах.

Первая мировая война вскрыла такие негативные, асоциальные пласты человеческой психики (агрессия, жестокость, иррационализм), которые нуждались в каком-то научном объяснении. Эти факты связывались с идейным кризисом рубежа XIX — XX вв., который отразился в концепциях ведущих философских школах того времени. Эти мысли были близки и российской психологии, путь становления которой в то время протекал в русле европейской науки. Особенно отчетливо эти идеи были выражены в концепции В. Соловьева и его последователей.

О. Шпенглер, Э. Гуссерль, А. Бергсон доказывали, что культура близится к закату, что свобода воли может привести человека к отходу от разума, который уступает место интуитивному знанию, бессознательному. А. Бергсон (1859 — 1941) писал о том, что в процессе развития человечество совершает «творческую эволюцию», которая непосредственно связана с духовной активностью, отличающей живой организм от неживого, и приводит к универсализации понятий. Выдвинув идею о происхождении интеллекта из потребности практического действия, доказывал, что логическое знание поэтому односторонне, а наиболее полным и всеобъемлющим способом познания является интуиция. Ученик Брентано Гуссерль, возражая против психологизма, т. е. против идеи о том, что психология может стать методо-

логией всех наук о человеке, выдвигал метод «феноменологической редукции», который дает возможность высвободить сознание от наслоений культуры, личного опыта, пристрастий человека. Эти «чистые феномены», образованные в результате интенциональной направленности сознания (идея Брентано) на внешний мир, и являются его главным содержанием. Фактически этот подход лишал и философию, и, тем более, психологию, возможности понять психическое состояние, «жизненный мир» личности, который выстраивается самим субъектом благодаря присущей ему творческой активности. Однако тот факт, что это имманентно присущее человеку творчество структурирует мир из внешнего опыта, во многом делал людей игрушкой непредсказуемой судьбы, внешней ситуации, агрессии других.

Философские концепции, доказывая необходимость пересмотра старых оснований психологии, не могли в тот момент оказать ей помощь в формировании новых. Зато такую поддержку могли оказать естественные науки, которые находились в тот момент на подъеме. Открытия в биологии, физике, генетике явились важным моментом в становлении психологических направлений. Данные генетики, показавшие широкие возможности приспособления и изменения организма, лабильность и пластичность нервной системы, оказали влияние на анализ роли среды в процессе развития психики, понимание возможностей и границ обучения. Особенно большое значение эти материалы приобрели в России, в которой в тот момент была одна из наиболее сильных школ генетиков.

Достижения физиков, которые помогли психологам по-новому увидеть возможности эксперимента, раскрыли перспективы в изучении познавательных процессов. Законы и методы исследования физического поля стремились применить в анализе психического поля, динамике восприятия и мышления гештальтпсихологи.

На развитие психологии, в том числе и на исследование восприятия, оказала влияние теория Э. Маха (1838 – 1916). Разрабатывая свою концепцию в русле основных положений позитивизма, он отстаивал принцип эмпирической доказуемости выдвигаемых теоретиче-

ских положений. Используя данные, полученные при исследовании физиологии органов чувств, он доказывал, что физическое и психическое имеет один и тот же субстрат — «нейтральный опыт», состоящий из элементов. Механизмом соединения этих элементов в целостную картину являются все те же ассоциации, которые связывают отдельные ощущения в образы, которые запечатлеваются в нашей памяти и находят свое отражение в языке. Таким образом, задачей психологии является изучение отдельных элементов опыта (цвет, форма и т. д.), которые, объединяясь, образуют целостные объекты, в том числе и образ Я.

В принципе эта программа не была новой для психологии, ее использовал и классический ассоцианизм, и Вундт, и структурализм. Новым здесь был экспериментальный подход к исследованию ощущений, оригинальные методики, придуманные Махом. Новым был принцип энергетизма, который гласил, что существует единая энергия и для психического, и для физического, количество которой сохраняется неизменным и переходит от движения к мышлению, и наоборот. Отголоски этой теории можно найти еще в 20 — 30-е годы, например в концепциях Штерна, Блонского, Бехтерева и других психологов. Взгляды Маха оказали влияние не только на первые психологические школы (например, структурализм), но и на взгляды бихевиористов и гештальтпсихологов. Первые заимствовали у Маха и его последователя Р. Авенариуса идею трактовки организма как апсихического аппарата, а вторые — мысль о тождественности гештальтов (сознательных образов) структуре реальных предметов.

О необходимости пересмотра психологических постулатов свидетельствовали запросы практики, которые не могли игнорироваться учеными. Ориентация на практику выражалась не только в философии прагматизма, особенно популярной в США, но и в разработке межпредметных вопросов, прежде всего совместно с медициной и педагогикой. Если клинические данные в большей степени повлияли на французскую психологию (о чем говорилось выше) и на формирование глубинной психологии, то задачи обучения и воспитания «нового

человека», разработка новых подходов к проблеме социализации стали ведущими в США и России, повлияв на развитие бихевиоризма и российской психологии.

Разные научные интересы, методологические принципы и социальная ситуация, в которой творили ученые первых десятилетий XX в., приводили к невозможности прийти к общему пониманию того, что же является целью психологических исследований, что же должна изучать психологическая наука и с помощью каких методов.

Эта ситуация рефлексировалась ими как кризис психологии. И с этой оценкой можно согласиться, если считать этот закономерный методологический кризис кризисом роста. Естественно, что развитие невозможно без поисков нового, возможных ошибок. Современная психология развития доказала, что каждый критический период начинается с негативизма, отрицания, которое сменяется периодом строительства, приобретения нового. А психология действительно менялась, становилась все более значимой и для общества, и для других наук. Неудивительно, что такие кардинальные изменения были связаны с метаниями, негативизмом по отношению к старой психологии, поисковой активностью и пробами при формировании новой науки, новых открытий и новых направлений в психологии. Однако ученые начала века, еще стремившиеся прийти к единому мнению о единой психологии, осознавали кризис как невозможность его выработать, т. е. как распад старой психологической науки, что было справедливо, и как тупик в процессе становления новой, что, как доказано временем, неверно.

Этим объясняется тот, парадоксальный на первый взгляд, факт, что период, который мы сейчас оцениваем как время расцвета научного творчества выдающихся ученых, период, определивший лицо психологии XX в., рефлексировался учеными как упадок, как «открытый кризис». Возможно, что, действительно, «большое видится на расстоянии», но, главное, видимо в том, что и ученые начала XX в., и мы, в начале XXI в., оцениваем положение в науке по итогам прошлого, исходя из которого пытаемся заглянуть в будущее. И это-то наше прошлое (а их будущее) доказывает ситуативность и непра-

вомочность той оценки, которую многие из ученых, писавших о кризисе в начале XX в., сами осознали к его середине.

Фактически уже к 20-м годам XX в. психология разделяется на отдельные школы, которые по-разному выстраивали свои концепции о содержании и структуре психики, рассматривая в качестве ведущей познавательную, мотивационную или поведенческую сферы психического. В тот момент появляется три ведущих направления — бихевиоризм, гештальтпсихология и глубинная психология, каждое из которых имело собственный предмет психологии и свой метод исследования психики.

Для бихевиоризма предметом психологической науки стало поведение, которое исследовалось путем экспериментального изучения факторов, влияющих на его формирование, т. е. на образование связей между стимулами и реакциями.

Гештальтпсихология исследовала целостные структуры, из которых состоит психическое поле (прежде всего поле сознания), причем для изучения этих гештальтов применялись новые методы, разработанные по аналогии с методами изучения физического поля.

Глубинная психология сделала своим предметом глубинные, бессознательные структуры психики, методом изучения которых стал психоанализ.

Позднее, уже во второй половине XX в., возникают новые школы — гуманистическая и когнитивная психология. Российская психологическая школа, которая, хотя и развивалась в логике общемировой психологической науки, всегда имела самобытный характер (тембр голоса, как писал известный ученый Г. Шпет), а потому в начале XX в. также существенно изменила свою методологию.

Как видно из приведенного обзора, ни предметы, ни методы в этих школах совершенно не совпадали между собой, а потому на первых этапах их становления невозможно было говорить о каком-то объединении. Прошло несколько десятилетий самостоятельного развития, было накоплено много новых фактов каждым из направлений, прежде чем стало возможным опять заговорить об объединении, о создании единой психологии.

Общая характеристика бихевиоризма

Методология бихевиористской концепции была заложена американским психологом Д. Уотсоном (1878 — 1958), в работе которого «Мир, как его видит бихевиорист» (1913) новое направление впервые заявило о себе. Однако первое экспериментальное изучение связи (коннекции) между стимулом и реакцией, которое стало ядром исследовательского метода бихевиоризма, появилось раньше и было осуществлено Э. Торндайком (1874 — 1949). Торндайк, строго говоря, еще не принадлежал к этому направлению и разрабатывал свои эксперименты ориентируясь в большей степени на близкий к бихевиоризму функционализм. Но именно эти работы, открытые им методики и законы стали ведущими в работах бихевиористов. Это дает основания включить концепцию Торндайка в бихевиоральное направление.

Как уже было сказано, бихевиоризм сделал предметом своего исследования поведение, с чем связано новое название психологии (behavior — поведение). При этом под поведением понималась объективно наблюдаемая система реакций организма на внешние и внутренние стимулы. Такое изменение предмета исследования объяснялось задачей сделать психологию объективной наукой. Это стремление отвечало духу времени и явилось причиной того методологического кризиса психологии, о котором уже говорилось выше. Вслед за функционализмом бихевиористы считали, что необходимо изучать целостные реакции организма, как функции, направленные на обеспечении какого-то процесса или достижения определенной цели. Недаром и Чикагская, и Колумбийская школы функционализма стали фундаментом для появления концепции бихевиоризма.

Анализируя развитие психологической науки, Уотсон пришел к мнению о том, что прямого и объективного метода исследования внутреннего содержания психики, содержания сознания не существует. Поэтому он выдвинул идею о необходимости пересмотреть задачи

психологии, которая не может ставить перед собой цель стать объективной и экспериментальной наукой, не имея объективного метода исследования своего основного предмета. По мнению Уотсона, необходимо пересмотреть этот предмет, заменив его тем, который будет связан с психической сферой человека и, одновременно, доступен объективному наблюдению и экспериментальному исследованию. Именно таким предметом являлось поведение, которое, как доказали в своих работах А. Бэн, Г. Спенсер, И.М. Сеченов и другие ученые, является такой же составляющей психики, как и сознание. Идя вслед за этими теориями, Уотсон доказывал, что поведение является единственным объектом, доступным изучению, а потому психология должна исключить сознание из своего предмета, оставив в нем только изучение поведения.

Анализ структуры и генезиса поведения, факторов, которые помогают и препятствуют становлению связей между стимулом и реакцией — эти вопросы стали центральными для бихевиоризма. При этом развитие поведения (появление все новых связей между S и R) фактически отождествлялось с развитием психики как таковой.

Идея о том, что в основе развития поведения лежит формирование все новых связей между стимулами и реакциями, привела бихевиористов к убеждению о том, что ведущим фактором в процессе генезиса психики является социальный, т. е. окружающая среда. Этот подход, получивший название социогенетический (в отличие от биогенетического, в котором ведущей является наследственность), получил свое наиболее полное воплощение именно в классическом бихевиоризме. Работы Уотсона показали, что в психике практически нет никаких врожденных поведенческих актов, кроме нескольких инстинктивных движений (сосательное, хватательное и т. д.). На этих нескольких рефлексах и выстраивается все содержание психической жизни. Таким образом, формирование психики, содержания сознания, происходит в процессе жизни человека под влиянием той информации о стимулах и наиболее адек-

ватных реакциях на них, которые поставляет среда. При этом из всех возможных реакций отбираются и закрепляются те, которые способствуют лучшей адаптации, приспособлению к среде. То есть адаптация в этой школе, как и в функционализме, является главной детерминантой, определяющей направление психического развития.

Само психическое развитие, таким образом, отождествляется с научением, т. е. с любым приобретением знаний, умений, навыков, не только специально формируемых, но и возникающих стихийно. С этой точки зрения научение более широкое понятие, чем обучение, т. к. включает в себя целенаправленно сформированные при обучении знания. Поэтому экспериментальные исследования в этой школе часто основаны на анализе научения, а проблемы научения и развивающего обучения становятся для ученых ведущими.

Исходя из того, что научение зависит в основном от условий жизни, т. е. от стимулов, поставляемых средой, бихевиоризм отвергал идею возрастной периодизации, доказывая, что не существует единых для всех детей закономерностей развития в данный возрастной период. Доказательством служили их исследования научения у детей разного возраста, которые показали, что при целенаправленном обучении уже двух-трехлетние дети не только умеют читать, но и писать и даже печатать на машинке. То есть периодизация зависит от среды, и какова среда, таковы и закономерности развития данного ребенка.

Однако невозможность создания возрастной периодизации не исключала, с их точки зрения, необходимость создания функциональной периодизации, которая бы позволила вывести этапы научения, формирования определенного навыка. С этой точки зрения этапы развития игры, обучения чтению или плаванью являются функциональной периодизацией.

Работы Торндайка и Уотсона положили начало большому количеству экспериментов, изучающих различные аспекты формирования поведения. Эти исследования показали, что невозможно объяснить всю психическую

жизни исходя из схемы S → R, невозможно совершенно не учитывать внутреннее состояние живого существа. Это привело к модификации классического бихевиоризма и появлению так называемого необихевиоризма, в котором уже появляются внутренние переменные, объясняемые по-разному разными учеными (когнитивные карты, потребности и т. д.). Эти разнообразные переменные изменяют реакции живого существа, в зависимости от его состояния, направляя на достижение нужного результата.

Модификация классического бихевиоризма была связана с тем, что социальное поведение, которое также стало предметом исследования, нуждалось в новом методе, т. к. не могло изучаться на животных. Это привело к возникновению социального бихевиоризма, который рассматривал ролевое поведение человека в социуме. Анализ факторов, влияющих ан интернализацию роли, вариативность ее исполнения разными людьми, также доказал несостоятельность положений, игнорировавших мотивы и ожидания людей.

Однако идея о прижизненном характере содержания психики, ведущей роли обучения оставалась незыблемой в необихевиоризме. Поэтому неудивительно, что ведущей научной теорией этого направления во второй половине XX в. стала теория оперантного бихевиоризма Скиннера, ставшая основой для многих теорий развивающего обучения. В своих трудах Скиннер также показал несостоятельность методологии бихевиоризма как полностью объективной науки, т. к. игнорирование промежуточной переменной, т. е. сознания и бессознательного, не давало полного представления о поведении, а введение этой переменной снижало точность исследования. Так, уже в новый период ученые приходили к мысли о сложности (даже невозможности) полностью и объективно изучить, объяснить психическое. Трудности, вставшие не только перед бихевиоризмом, но и перед другими направлениями, привели ученых в последние годы XX в. к мысли о необходимости соединить достижения бихевиоризма с открытиями других школ, создав вновь общую, синтетическую психологию.

Автор	Предмет и задачи исследования	Основные результаты
Э. Торндайк	Экспериментальное исследование условий и динамики научения путем анализа способов решения задачи в проблемном ящике	Законы образования коннекции, т. е. законы научения. Метод обучения путем проб и ошибок
Д. Уотсон	Изучение поведения, анализ его формирования путем образования связи S→R. Наблюдение за естественным становлением поведения, эмоций, понятий, речи	Доказательство прижизненности образования основных знаний, умений, переживаний человека и возможности повлиять на их содержание
Э. Толмен	Изучение деятельности системы организм — среда, формирование целостного, молярного подхода к проблеме поведения	Внутренняя переменная, опосредующая связь между S→R, понятие о когнитивных картах и латентном обучении
К. Халл	Формирование гипотетико-дедуктивного подхода к изучению поведения, анализу факторов, влияющих на характер связи между S→R	Понятие первичного и вторичного подкрепления, закон редукции напряжения
Б. Скиннер	Разработка методов целенаправленного обучения, управления и коррекции поведения. Изучение оперантного поведения	Законы оперантного обучения, программированное обучение, методы коррекции поведения
Д. Мид	Исследование социальных взаимодействий, лежащих в основе образования Я	Понятие роли и системы ролей как основы личности, раскрытие роли игры и ожиданий окружающих в становлении Я
А. Бандура	Исследование социального научения, изучение механизмов формирования социального поведения и подражания, а также способов коррекции поведения	Понятие косвенного подкрепления, раскрытие роли модели подражания, исследование самоэффективности, влияющей на регуляцию персонального поведения

Теория Э. Торндайка

Э. Торндайк впервые стал исследовать процесс научения с позиции объективного наблюдения, фиксируя коннекцию (связь) между ситуациями, с которыми стал-

кивается организм, и его движениями — ответными реакциями.

В своих экспериментах он изучал закономерности адаптации организма к необычным условиям, с которыми он не может справиться, когда располагает только наличным набором программ поведения. В этих целях он изобрел специальные «проблемные ящики», представляющие собой экспериментальные устройства различной степени сложности. Животное, помещенное в такой ящик, должно было, преодолевая различные препятствия, самостоятельно найти выход — решить проблему. Опыты ставились в основном над кошками, но имелись также ящики для собак и низших обезьян. Помещенное в ящик животное могло выйти из него и получить подкормку лишь приведя в действие специальное устройство — нажав на пружину, потянув за петлю и т. п.

Ход опытов и результаты изображались графически в виде кривых, где на абсциссе отмечались повторные пробы, а на оси ординат — затраченное время (в минутах). Полученная кривая (Торндайк назвал ее «кривой научения») дала основание утверждать, что животное действует методом «проб и ошибок», случайно находя верное решение. Это рассматривалось как общая закономерность поведения. У животных она выступает в более наглядном виде. Но и человек, по мнению Торндайка, решает задачи в «проблемном ящике» своей жизни аналогичным образом, т. е. постоянно пробуя и ошибаясь и достигая успеха случайно.

В своих дальнейших работах — «Психология научения» (1913), «Основы научения» (1932) — Торндайк сосредоточился на изучении зависимости связей, которые лежат в основании научения от таких факторов, как поощрение и наказание. На основе полученных материалов им было выведено четыре основных закона научения:

1. Закон повторяемости (упражнения). Его суть в том, что чем чаще повторяется связь между стимулом и реакцией, тем быстрее она закрепляется и тем она прочнее. Согласно этому закону, реакция на ситуацию связывается с этой ситуацией пропорционально частоте, силе и длительности повторения связей.

2. Закон эффекта, который говорит о том, что из нескольких реакций на одну и ту же ситуацию, при прочих равных условиях, более прочно связываются с ситуацией те из них, которые вызывают чувство удовлетворения. Позднее этот закон был модифицирован, т. к. оказалось, что для ребенка важен результат любой его деятельности, т. е. в конце выучиваемой реакции обязательно должно быть подкрепление, не важно положительное или отрицательное.
3. Закон готовности, суть которого в том, что образование новых связей зависит от состояния субъекта.
4. Закон ассоциативного сдвига — если при одновременном появлении двух раздражителей один из них вызывает позитивную реакцию, то и другой приобретает способность вызывать ту же самую реакцию. То есть нейтральный стимул, связанный по ассоциации со значимым, тоже начинает вызывать нужное поведение.

Им были выделены также дополнительные условия успешности научения — легкость различения стимула и реакции и осознание человеком связи между ними.

Данные Торндайка также привели его к выводу о том, что обучение происходит путем проб и ошибок, или, как он позднее писал, методом проб и случайного успеха. В результате формируется представление о пути достижения цели, т. е. о пути решения поставленной перед испытуемым задачи. Работы Торндайка были направлены на исследование интеллектуального поведения. Полученные данные привели его к мысли о том, что психические процессы являются интериоризованными внешними реакциями. Эта гипотеза позднее была подтверждена в экспериментах Уотсона.

Работы Торндайка получили высокую оценку благодаря тому, что он доказал возможность экспериментального и количественного изучения закономерностей поведения целостного организма в проблемной ситуации безотносительно к тому, как представлена эта ситуация в сфере сознания. Но в этом же заключалась коренная ограниченность его концепции, поскольку успешность поведения зависит от отображения объективных условий, в которых совершается поведение в

форме знания о них. Торндайк же ошибочно противопоставил «пробы и ошибки» как реальный фактор действия организма в сложных условиях дефицита информации ясному и однозначному пониманию этих условий.

Теория Д. Уотсона

Д. Уотсон в 1913 г. публикует статью «Психология с точки зрения бихевиориста», оцениваемую как манифест нового направления. Вслед за тем появляются его книги «Поведение: введение в сравнительную психологию» (1914), «Бихевиоризм» (1925), в которых впервые в истории психологии был решительно опровергнут постулат о том, что предметом этой науки является сознание (его содержание, процессы, функции и т. д.).

Находясь под влиянием философии позитивизма, Уотсон доказывал, будто реально лишь то, что можно непосредственно наблюдать. Поэтому, по его плану, все поведение должно быть объяснено из отношений между непосредственно наблюдаемыми воздействиями физических раздражителей на организм и его также непосредственно наблюдаемых ответов (реакций). Отсюда и главная формула Уотсона, воспринятая бихевиоризмом: «стимул — реакция» (S → R). Из этого явствовало, что процессы, которые происходят между членами этой формулы — будь то физиологические (нервные), будь то психические, — психология должна устранить из своих гипотез и объяснений. Поскольку единственно реальными в поведении признавались различные формы телесных реакций, Уотсон заменил все традиционные представления о психических явлениях их двигательными эквивалентами. Он стремился доказать, что объективные мышечные процессы могут быть достойной заменой субъективных психических актов. Исходя из такой посылки он объяснял развитие умственной активности. Эксперименты Уотсона, направленные на исследование речи и мышления, доказывали правильность понимания интеллектуальных операций как интериоризованных действий, сформированных путем проб и ошибок, о которых писал Торндайк.

Методология бихевиоризма исходила из положения о прижизненности формирования основных психических процессов. Доказательства этого были даны Уотсоном в его экспериментах по формированию эмоций. Он экспериментально продемонстрировал, что можно сформировать реакцию страха на нейтральный стимул. Наблюдения Уотсона показали, что в том случае, если сформированная реакция страха не переделывалась на положительную, в дальнейшем страх возникал при виде других, сходных с первоначальным, объектов. Исходя из этого, он стремился доказать, что у людей на основе условных рефлексов можно формировать по заданной программе стойкие аффективные комплексы. Более того, он считал, что открытые им факты доказывают, что возможно формирование определенной, строго заданной модели поведения у всех людей.

Принцип управления поведением получил в американской психологии после работ Уотсона широкую популярность. Его заслугой является то, что он расширил сферу психического, включив в нее телесные действия животных и человека. Но этого новшества он добился дорогой ценой, отвергнув как предмет науки огромные богатства психики, несводимые к внешне наблюдаемому поведению.

Возникновение и развитие необихевиоризма. Теории Э. Толмена и К. Халла

Поддержка основных положений бихевиоризма и, главное, его стремления к объективному исследованию психики не исключала разногласий, возникавших при решении конкретных научных проблем. А сомнения в истинности некоторых принципов Уотсона возникли уже при анализе результатов первых экспериментов, проведенных У. Хантером и К. Лешли.

У. Хантер (1886 — 1954) начал в 1914 г. исследования отсроченной реакции. Его эксперименты показали, что животные способны не только к непосредственной, но и к отсроченной реакции на стимул. Данные Хантера доказывали роль установки, предшествующей внешне

наблюдаемой реакции и выражающей направленность организма на определенный стимул. Игнорирование этой установки, опосредующей связь между стимулом и реакцией, лишало психологию возможности объяснить многие феномены поведения.

Сомнения в истинности формулы S → R вызвали результаты экспериментов одного из учеников Уотсона К. Лешли (1890 — 1958). Он исходил из идеи о том, что более сложному поведению соответствуют более комплексные мозговые связи. Оказалось, что при разрушении определенной зоны коры головного мозга подопытного животного ее функции брала на себя другая зона. Для объяснения этого факта Лешли выдвинул концепцию эквипотенциальности (равноценности) участков мозга, дающей способность сохранившейся части коры компенсировать потерю. Работы Лешли доказывали, что разные области мозга ответственны за выполнение различных функций, однако локализация, согласно его наблюдениям, оказывается тем менее решающей, чем более сложным является психический процесс.

Эти работы показали важность исследования «таинственного ящика» (как называл мозг Уотсон), а также бесперспективность исключения всего, недоступного прямому наблюдению, из предмета психологии.

Новый этап в развитии бихевиоризма связан с именами Э. Толмена (1886 — 1959) и К. Халла (1884 — 1953).

Э. Толмен был одним из пионеров необихевиоризма. Свои основные идеи изложил в книгах «Целевое поведение у животных и человека» (1932), «Когнитивные карты у крыс и человека» (1948). Как и другие бихевиористы, экспериментальную работу вел в основном на животных (белых крысах), считая, что законы поведения являются общими для всех живых существ, а наиболее четко и досконально могут быть прослежены на более элементарных уровнях поведения.

Подобно «классическим бихевиористам» он отстаивал положение о том, что исследование поведения должно вестись строго объективным методом, без всяких произвольных допущений о недоступном этому методу внутреннем мире сознания. Однако Толмен возражал против того, чтобы ограничиваться в анализе по-

ведения только формулой «стимул — реакция» и игнорировать факторы, которые играют незаменимую роль в промежутке между ними. Эти факторы он назвал «промежуточными переменными». Таким образом, схема Уотсона S → R была переделана в , где O — внутренняя переменная.

Раньше считалось, что эти факторы являются чисто внутренними, открытыми только для самого субъекта, способного наблюдать за своим сознанием. Толмен доказывал, что эти внутренние процессы можно «вывести наружу» придать их исследованию такую же точность, как исследованию любых физических вещей. Типичной внутренней переменной является, например, голод. Хотя его нельзя наблюдать непосредственно, однако можно зарегистрировать по некоторым косвенным признакам — количество съеденной пищи, время еды, скорость ее поиска и т. д.

Толмен привнес в бихевиоризм философию, отличавшуюся от атомизма типа схемы S → R Уотсона. Он рассматривал поведение не как цепочку из отдельных реакций, а с точки зрения его целостной, молярной, по определению Толмена (а не молекулярной, как у Уотсона) организации. Такой холистический взгляд, дававший возможность воспринимать непосредственно сложные отношения, и лег в основу молярного подхода Толмена. Стажировка в Германии и работа с К. Коффкой дало Толмену возможность ознакомиться с принципами гештальтпсихологии, в том числе с теорией поля К. Левина. Отражение этих идей, так же как и концепции В. Джемса (в лаборатории которого Толмен обучался, хотя и после смерти самого ученого), можно найти в теории когнитивного бихевиоризма Толмена.

Целостное поведение Толмен описывал как систему, имеющую определенную цель и связанную со своим окружением сетью познавательных отношений. «Готовность средств для цели» и «ожидание гештальтзнака» — вот термины, при помощи которых он описывает реакцию организма на окружающую среду. Организм ориентируется в ситуациях, к которым приспосабливается, благодаря тому, что выделяет определенные признаки,

ассоциирующиеся с точкой выбора (гештальтзнаки) и позволяющие различать «что ведет к чему?». Он не просто случайно сталкивается со средой, а как бы идет навстречу ей со своими ожиданиями, строя своего рода гипотезы и даже проявляя изобретательность в поисках оптимального выхода из проблемной ситуации.

В отличие от других бихевиористов, Толмен настаивал на том, что поведение не сводится к выработке двигательных навыков. По его экспериментальным данным, организм, постепенно осваивая обстановку, строит познавательную («когнитивную») карту того пути, которому нужно следовать для решения задачи. В классических экспериментах Толмена с крестообразным лабиринтом было показано, что крысы, которые заучивают моторные реакции, ориентируются хуже, чем те, что выработали карту лабиринта, ориентируясь на гештальтзнак.

Он также исследовал факторы, влияющие на быстроту и точность построения когнитивных карт, доказав, что некоторые из них способствуют лучшему научению, а некоторые приводят к фиксации на определенной реакции (сужению карты), что снижает адекватность поведения в новой ситуации. Он подчеркивал, что помимо независящих от субъекта причин (болезнь, неудачное расположение элементов ситуации) сужение когнитивных карт связано с такими факторами, как лишком большое количество повторений первоначально выученного материала и наличие избыточной мотивации или условий, вызывающих слишком сильную фрустрацию. Таким образом, регресс и перенесение агрессии на других людей, нетерпимость и другие негативные социальные моменты вызваны во многом неадекватными картами, плохой ориентировкой в окружающем мире. В своей работе «Когнитивные карты у крыс и человека» Толмен не только приводил новые доказательства ограниченности молекулярного подхода, но и призывал уменьшить уровень фрустрации, ведущей к ненависти и нетерпимости, порождаемые узкими когнитивными схемами. Он подчеркивал, что плохое обучение, невнимание или излишняя авторитарность взрослых приводят к тому, что ребенок не может справиться с тем лабиринтом — окружающим миром, в котором он вынужден жить.

Уделяя большое внимание вопросам научения, Толмен выделил особый тип научения, которое было названо латентным (скрытым). Это скрытое, ненаблюдаемое научение играет роль, когда подкрепление отсутствует. И тем не менее оно способно изменять поведение, о чем говорят последующие реакции организма. Так, в опытах Толмена не нуждающиеся в еде и питье крысы, попадая в лабиринт, обучались, что выяснилось в последующем, когда они быстро находили нужный стимул (еду, воду) в момент актуализации потребности.

Теория Толмена побудила пересмотреть прежние взгляды бихевиористов на факторы, которые регулируют адаптацию организма к среде. Особо следует выделить среди этих факторов целевую регуляцию действий живых существ, их способность к активной познавательной работе даже в тех случаях, когда речь идет о выработке двигательных навыков.

После экспериментов Толмена стала очевидна недостаточность прежних воззрений на поведение. Потребовался их пересмотр и специальное изучение объективными методами проблем, которые прежняя психология считала доступным только для внутреннего наблюдения самим субъектом. Толмен был крупным психологом, однако ему не удалось в полной мере использовать свои открытия, оказавшиеся слишком сложными и преждевременными в 1920 — 1930-х гг.

В 40 — 50 годы одной из ведущих концепций необихевиоризма стала концепция К. Халла. Он стремился придать психологической теории стройность и точность, свойственные физико-математическим дисциплинам. Исходя из этого, он считал, что в психологии следует выдвинуть несколько общих теорем (подобно геометрии Эвклида или механике Ньютона), подвергнуть их экспериментальной проверке и в случае, если они опытом не подтвердятся, преобразовать их в более адекватные положения. Такой подход получил название гипотетико-дедуктивного метода. Халл опирался в основном на учение И.П. Павлова об условных рефлексах, считая, что важнейшую роль при использовании этого понятия следует придать силе навыка. Для того чтобы эта сила про-

явилась, необходимы определенные физиологические потребности.

Под влиянием работ Торндайка Халл в центр своей теории научения поставил его «закон эффекта». Он доказывал, что из всех факторов решающее влияние на силу навыка оказывает редукция потребности. Чем чаще она удовлетворяется, тем сила навыка больше. Что касается величины редукции потребности, то она определяется количеством и качеством подкреплений. В своей теории Халл выделил понятия первичное и вторичное подкрепление. Первичным подкреплением является, например, пища для голодного организма или удар электрическим током, вызывающий прыжок у крысы. Потребность соединена с раздражителями, реакция которых, в свою очередь, играет роль подкрепления, но уже вторичного.

В своих работах «Принципы поведения» (1943) и «Системы поведения» (1952) Халл первым поставил вопрос о возможности моделирования условно-рефлекторной деятельности. Он высказал предположение о том, что если бы удалось сконструировать из неорганического материала устройство, способное воспроизвести все существенные функции условного рефлекса, то, организовав из таких устройств системы, можно было бы продемонстрировать настоящее научение методом «проб и ошибок». Тем самым предвосхищались будущие кибернетические модели саморегуляции поведения.

Хотя потребность Халла можно рассматривать в качестве промежуточной переменной, опосредующей связь между стимулом и реакцией, сама его схема поведения напоминала скорее уотсоновскую, чем толменовскую, т. к. изучался не целостный организм, но отдельные, атомарные поведенческие акты. Халл создал большую школу, стимулировавшую разработку применительно к теории поведения физико-математических методов, использования аппарата математической логики и построения моделей, на которых проверялись гипотезы о различных способах приобретения навыков. В 40—50-х годах XX в., когда в США доминировали теории научения, Халл был главным авторитетом в этой области. Но его грандиозные надежды на создание всесторонней

теории поведения не оправдались. Механицизм Халла и отсутствие целостного подхода к поведению мешало ввести его в социальный контекст, разработать широкую теорию обучения.

Теория оперантного бихевиоризма Б. Скиннера

Эти проблемы решались в трудах других ученых, и прежде всего в работах Б.Ф. Скиннера (1904 — 1990), которого без преувеличения можно назвать центральной, культовой фигурой бихевиористического направления. По мнению некоторых ученых, он является самым выдающимся американским психологом XX в.

Стремясь переработать классический бихевиоризм, Скиннер исходил из необходимости систематического подхода к пониманию человеческого поведения. При этом он считал необходимым исключить из исследования все фикции, к которым прибегают психологи для объяснения вещей, причин которых они не знают. К таким фикциям Скиннер относит многие понятия психологии личности, например понятие самости, автономии, свободы, творчества. С его точки зрения, невозможно говорить о реальной свободе человека, т. к. он никогда реально сам не управляет своим поведением, которое детерминировано внешней средой. В книге «Поведение организма» (1938) он доказывал, что невозможность выявить причинные связи между психическими феноменами и воздействием среды диктует необходимость не объяснять, но скорее описывать систему организм — окружающая среда.

Одной из центральных идей Скиннера является стремление понять причины поведения и научиться им управлять. В этом плане он полностью разделяет разработанные Уотсоном и Торндайком взгляды на социогенетическую природу психического развития, т. е. исходит из того, что развитие есть научение, которое обусловливается внешними стимулами. Однако от констатации Скиннер переходит к разработке методов целенаправленного обучения и управления поведением, а потому в психологию он вошел в первую очередь как теоретик обучения с разработанными им различными

программами обучения и коррекции поведения, изложенными в работах «Наука и человеческое поведение» (1953), «Технология обучения» (1968).

Исходя из представления о том, что не только умения, но и знания представляют собой вариации поведения, Скиннер разрабатывает его особый вид — оперантное поведение. В принципе он исходит из того, что психика человека основана на рефлексах разного рода и разной степени сложности. Однако, сравнивая свой подход к формированию рефлексов с подходом Павлова, он подчеркивает существенные различия между ними. Условный рефлекс, формируемый в экспериментах Павлова, он называет стимульным поведением, т. к. его формирование связано с ассоциацией между разными стимулами и не зависит от собственной активности субъекта. Так, собаке по звонку всегда дается мясо, независимо от того, что она в этот момент делает. Таким образом, происходит ассоциация между мясом и звонком, в ответ на который наблюдается слюноотделение. Однако, подчеркивал Скиннер, такая реакция быстро формируется, но и быстро исчезает без подкрепления, она не может быть основой постоянного поведения субъекта.

В противовес этому подходу при оперантном обучении подкрепляется не стимул, но поведение, операции, которые совершает субъект в данный момент и которые приводят к нужному результату. Большое значение имеет тот факт, что сложная реакция при этом разбивается на ряд простых, следующих друг за другом и приводящих к нужной цели. Так, при обучении голубя сложной реакции — выходу из клетки при помощи нажатия клювом на рычаг, Скиннер подкреплял каждое движение голубя в нужном направлении, добиваясь того, что в конце концов он безошибочно выполнял эту сложную операцию. Этот подход к формированию нужной реакции имел большие преимущества по сравнению с традиционным. Прежде всего это поведение было намного устойчивей, оно очень медленно угасало даже при отсутствии подкрепления. Скиннер обратил внимание на то, что даже одноразовое подкрепление может иметь значительный эффект, т. к. при этом устанавливается, пусть и случай-

ная, связь между реакцией и появлением стимула. Если стимул был значимым для индивида, он будет пытаться повторить реакцию, которая принесла ему успех. Такое поведение Скиннер называл «суеверным», указывая на его значительную распространенность.

Не меньшее значение имеет тот факт, что обучение при оперантном обусловливании идет быстрее и проще. Это связано с тем, что экспериментатор имеет возможность наблюдать не только за конечным результатом (продуктом), но и за процессом выполнения действия (ведь оно разложено на составляющие, реализуемые в заданной последовательности). Фактически происходит экстериоризация (переход во внешний план) не только исполнения, но и ориентировки и контроля за действием. Особенно важно, что такой подход возможен при обучении не только определенным навыкам, но и знаниям. Разработанный Скиннером метод программного обучения давал возможность оптимизировать учебный процесс, разработать корректирующие программы для неуспевающих и умственно отсталых детей. Кроме того, эффективность и безошибочность выполнения повышали мотивацию учения, активность учащихся. Наблюдение за процессом решения также давало возможность индивидуализировать процесс обучения в зависимости от темпа усвоения знания.

Оперантным научением в своей книге «Вербальное поведение» (1957) объяснял Скиннер и развитие речи. Он доказывал, что человеческая речь также является поведением, его особой формой — вербальной, и, следовательно, подчиняется тем же законам, что и другие формы поведения. Против теории вербального поведения выступил известный американский лингвист Н. Хомски. Отрицая отождествление языка с поведением, Хомски выдвинут свою теорию, ключевым понятием которой стало представление о порождающей грамматике. Изучая, каким образом человек способен производить и понимать уникальные грамматические конструкции, Хомски пришел к выводу о том, что человек обладает неким доопытным механизмом усвоения языка, который детерминирует процесс формирования речи. Этим и объясняется тот факт, что дети во всем мире

осваивают язык с одинаковой скоростью, демонстрируя при этом сходные последовательности этапов.

В последующие годы Скиннер обращается к проблеме социализации человека, разрабатывая вопросы о возможности обучения «нормативному поведению». Разработанный им метод бихевиоральной терапии, также основан на научении методом «проб и ошибок». Однако при этом Скиннер основывался не только на идеях оперантного подхода, но и на взглядах Фрейда, убежденный в том, что его главным открытием являлись не комплексы вины, а сохранение моделей поведения, усвоенных в детстве. Изложению позиции ученого по этим вопросам посвящены книги «По ту сторону свободы и достоинства» (1971), «Размышления о бихевиоризме и обществе» (1978).

Если программы обучения детей, разработанные Скиннером, были встречены с энтузиазмом и получили повсеместное распространение, то его подход к программированию поведения подвергся обоснованной критике. Прежде всего речь шла о недопустимости тотального контроля за поведением, без которого невозможно применение его программ, о этических и культурных нормах, ограничивающих выбор подкрепления и наказания социально желательного/нежелательного поведения. Однако, несмотря на эти недостатки, подход Скиннера дал реальную возможность корректировать и направлять процесс обучения, процесс формирования новых форм проведения. Он оказал огромное влияние на психологию и в современной американской науке. Скиннер является одним из наиболее влиятельных авторитетов, превзойдя по количеству цитирования и сторонников даже Фрейда. При этом наибольшее влияние его теория оперантного поведения оказала на практику, дав возможность пересмотреть процесс научения и разработать новые подходы и новые программы обучения.

Теории социального научения

Уже в работах Э. Толмена и Б. Скиннера ставились вопросы о необходимости изучать и управлять социальным поведением. Анализ процесса социализации, фак-

торов, определяющих и направляющих приобретение социального опыта и норм поведения, определили содержание концепций широкого круга ученых, особенно во второй половине XX в.

Одним из первых обратился к этим проблемам создатель теории символического интеракционизма Д.Г. Мид (1863 – 1931). Д. Мид в своих работах впервые обратился к проблеме личности, показав, каким образом рождается осознание своего Я. Он доказывал, что личность человека формируется в процессе его взаимодействия с другими, являясь моделью тех межличностных отношений, которые наиболее часто повторяются в процессе его жизни. Так как в общении с разными людьми субъект играет разные «роли», то его личность является как бы объединением различных ролей, которые он постоянно на себя принимает, причем язык играет здесь центральную роль.

Вначале ребенок не имеет самосознания, но благодаря социальному взаимодействию, общению и языку у него развивается самосознание, он учится играть роли и получает опыт социального взаимодействия. Этот опыт дает ему возможность объективно оценить свое поведение, т. е. у него возникает осознание себя как социального субъекта. Большое значение как в формировании, так и в осознании себя и своих ролей имеет сюжетная игра, в которой дети впервые учатся принимать на себя различные роли и соблюдать определенные правила при их выполнении. Таким образом, идея Я возникает из социального окружения, и вследствие существования множества социальных сред существует возможность развития множества разных типов Я.

Теория Мида называется также и теорией ожиданий, т. к., по его мнению, люди проигрывают свои роли в зависимости от ожиданий окружающих. Именно в зависимости от ожиданий и от прошлого опыта (наблюдения за родителями, знакомыми) дети по-разному играют одни и те же роли. Д. Мид также различает игры сюжетные и игры с правилами. Сюжетные игры учат детей принимать и играть различные роли, изменять их по ходу игры так же, как это потом придется делать и в жизни. Игры с правилами помогают развить произвольность

поведения, овладеть теми нормами, которые приняты в обществе, т. к. в этих играх существует, как пишет Мид, «обобщенный другой», т. е. правило, которое дети должны выполнять. С его точки зрения, в игре правило является как бы еще одним обобщенным партнером, который со стороны следит за деятельностью детей, не позволяя им отклоняться от нормы.

Работы Мида впервые обратились к проблемам социального научения, оказав значительное влияние на многих выдающихся психологов, особенно на Г. Салливена. Большой интерес представляют и исследования асоциального (агрессивного) и просоциального поведения, предпринятые психологами этого направления.

Эта проблема была в центре научных интересов Д. Долларда (1900 — 1980). Он высказал идею о связи агрессии с фрустрацией, которая легла в основу его теории фрустрации. Согласно этой теории, сдерживание слабых проявлений агрессивности (которые явились результатом прошедших фрустраций) могут сложиться и создать очень мощную агрессивность. Доллард также предположил, что все фрустрации, которые переживаются в детском возрасте и которые, согласно фрустрационной теории, всегда ведут к агрессии, могут привести к агрессивности в зрелом возрасте. Однако в настоящее время это широко распространенное мнение подвергается сомнению и считается спорным.

Лучшей своей работой Доллард считал книгу «Личность и психотерапия» (1950), написанную в соавторстве с Н. Миллером. В экспериментах Н. Миллера, направленных на исследование мотивации, были изучены различные виды инструментального научения, связанные с удовлетворением основных человеческих потребностей. Разработанные им принципы обучения социально-адаптивному поведению легли в основу его концепции психотерапии, рассматриваемой как процесс приобретения более адаптивных социальных и личных навыков. Работы Миллера лишило психотерапию сугубо медицинской ауры и обеспечило ей рациональное обоснование, базирующееся на принципах бихевиорального научения.

В своих совместных книгах «Социальное научение и имитация», «Личность и психотерапия» Доллард и

Миллер предприняли попытку интерпретации основных понятий Фрейда (зависимость, агрессия, идентификация, совесть) в терминах теории научения. Доллард и Миллер особенно интересовались тем, чтобы создать психотерапию, основанную на принципах теории социального научения. В их работах впервые были разработаны основы концепции социального научения, включающей понятие навыка, заложившей фундамент для теории социального научения 1960-х гг.

Одним из первых термин социальное научение был использован Д.Б. Роттером. Его главные исследования связаны с изучением индивидуальных различий в представлениях людей об источниках подкрепления. Эти представления зависят от того, на кого люди возлагают ответственность за происходящее с ними. С одной стороны находятся люди, уверенные в том, что они могут повлиять на получаемые подкрепления, — люди с интернальным локусом контроля. С другой — те, кто считает, что подкрепления — дело случая или судьбы — люди с экстернальным локусом контроля. Работы Роттера показали, что люди с внутренним локусом контроля не только более успешны, но и более здоровы и душевно, и физически. Было показано также, что локус контроля закладывается в детстве и в значительной мере определяется стилем воспитания. Им был разработан широко применяемый тест «Шкала Интернальности-Экстернальности», а также ряд других популярных личностных тестов.

Наиболее значительные труды в области социального научения принадлежат А. Бандуре (1925 – 1988). Начав с методологии «стимул-реакция», он пришел к выводу, что для человеческого поведения данная модель не вполне применима, и предложил свою модель, которая лучше объясняет наблюдаемое поведение. На основании многочисленных исследований он пришел к выводу, что людям далеко не всегда требуется для научения прямое подкрепление, они могут учиться и на чужом опыте. Научение через наблюдение необходимо в таких ситуациях, когда ошибки могут приводить к слишком значимым, или даже фатальным последствиям.

Так появилось важное для теории Бандуры понятие косвенного подкрепления, основанного на наблюдении

за поведением других людей и последствиями этого поведения. То есть значительную роль в социальном научении играют когнитивные процессы, то, что думает человек о заданной ему схеме подкрепления, предвосхищая последствия конкретных действий. Исходя из этого, Бандура уделял особое внимание исследованию того, какие образцы или модели для подражания выбирают люди. Он обнаружил, что люди выбирают в качестве моделей для подражания окружающих своего пола и примерно одинакового возраста, которые с успехом решают проблемы, аналогичные тем, которые встают перед самим субъектом. Большое распространение имеют и образцы поведения людей, занимающих высокое положение. При этом более доступным образцам, т. е. более простым, а также тем, с которыми субъект непосредственно контактирует, подражают чаще.

Исследования подражания у детей показали, что они, как правило, подражают сначала взрослым, а затем сверстникам, чье поведение привело к успеху, т. е. к достижению того, к чему стремится данный ребенок. Бандура также показал, что дети часто подражают даже тому поведению, которое у них на глазах не привело к успеху, т. е. они усваивают новые модели поведения как бы «про запас». Легко вызывается и подражание агрессивному поведению, особенно у детей. Так отцы сверхагрессивных подростков служат им образцом такого поведения, поощряя их вне дома к проявлениям агрессии. Особую роль в распространении образцов поведения играют средства массовой информации, распространяющие символические модели в широком социальном пространстве.

Исследования Бандуры и его первого аспиранта Р. Уолтерса причин агрессивности в семье продемонстрировали роли вознаграждения и подражания в формировании определенных моделей поведения у детей. При этом Уолтерс пришел к выводу о том, что частичное подкрепление более эффективно (во всяком случае при развитии агрессии), чем постоянное.

В работах Бандуры впервые исследовались механизмы самоподкрепления, связанные с оценкой собственной эффективности, умения решать сложные проблемы.

Эти исследования показали, что человеческое поведение мотивируется и регулируется внутренними стандартами и чувством своей адекватности (или неадекватности) им. Люди с высокой собственной эффективностью легче осуществляют контроль за своим поведением и действиями окружающих, более успешны в карьере и общении. Люди с низкой личной эффективностью, напротив, пассивны, не могут преодолеть препятствия и повлиять на окружающих. Таким образом, Бандура приходит к выводу, что наиболее значимым механизмом персонального действия является ощущаемая человеком эффективность попыток контроля над разнообразными аспектами человеческого бытия.

Бандура также является автором психотерапевтического метода, получившего название «систематической десенсибилизации». При этом люди наблюдают за поведением «модели» в таких ситуациях, которые кажутся им опасными, вызывающими чувство напряжения, тревоги (например, закрытое помещение или змея, злая собака и т. д.). Успешная деятельность вызывает стремление к подражанию и постепенно снимает напряжение у клиента. Эти методы нашли широкое применение не только в образовании или клинике, но и в бизнесе, помогая адаптации к сложным производственным ситуациям.

Вклад Бандуры в развитие и современную модификацию бихевиоризма несомненен и признается всеми учеными, считающими его наиболее значительной фигурой этого направления в конце XX в.

* * *

Бихевиоризм стал ведущей психологической школой в науке XX в. США. Свое значение он не потерял и до настоящего времени, несмотря на различные (и часто серьезные) критические замечания со стороны других направлений. Хотя в течение последних 60-ти лет произошла серьезная модификация принципов бихевиоризма, заложенных Уотсоном, основные постулаты этой школы остались неизменными. Это идея о преимущественно прижизненном характере психики (хотя в настоящее время признается и наличие врожденных эле-

ментов), мысль о необходимости исследовать главным образом доступные эксперименту и наблюдению реакции (хотя содержание внутренних переменных и их значение не отрицается), а также убежденность в возможности воздействовать на процесс формирования психики рядом продуманных технологий.

Эта уверенность в необходимости и возможности направленного обучения, формирующего определенный тип личности, а также методы, осуществляющие этот процесс научения, являются одним из самых важных достоинств этого направления. Теории научения (оперантного, социального, ролевого), а также различные тренинги, позволяющие скорректировать поведение, обеспечили не только жизненность бихевиоризма в США, но и его распространение в мире, хотя широкой поддержки в Европе эта школа не получила.

Общая характеристика гештальтпсихологии

Гештальтпсихологическое направление в психологии возникло в начале 20-х годов XX в. в Германии. Ее создание связано с именами М. Вертгеймера (1880—1943), В. Келера (1887—1967), К. Коффки (1886—1941) и К. Левина (1890—1947), заложивших методологию этой школы. Первая работа Вертгеймера, в которой раскрывались принципы гештальтпсихологии — «Экспериментальные исследования видимого движения», была опубликована в 1912 г., однако окончательное оформление нового направления произошло уже после Первой мировой войны.

Гештальтпсихология, как уже отмечалось, исследовала целостные структуры, из которых состоит психическое поле, разрабатывая новые экспериментальные методы. Таким образом, в отличие от других психологических направлений (психоанализа, бихевиоризма), кардинально пересмотревших предмет психологии, представители гештальтпсихологии по-прежнему считали, что предметом психологической науки является исследование содержания психики, анализ познавательных процессов, а также структуры и динамики развития личности.

Однако, оставив практически в неприкосновенности предмет психологии, гештальтпсихология существенно трансформирует прежнее понимание структуры сознания и когнитивных процессов. Главная идея этой школы состояла в том, что в основе психики лежат не отдельные элементы сознания, но целостные фигуры — гештальты, свойства которых не являются суммой свойств их частей. Таким образом, опровергалось прежнее представление о том, что развитие психики основывается на формировании все новых ассоциативных связей, которые соединяют отдельные элементы между собой в представления и понятия. Взамен этого выдвигалось новая идея о том, что познание связано с процессом изменения, трансформации целостных гештальтов, которые определяют характер восприятия внешнего мира и поведения в нем. Поэтому многие представители этого направления уделяли значительное внимание проблеме психического развития, т. к. само развитие отождествлялось ими с ростом и дифференциацией гештальтов. Исходя из этого, в результатах исследования генезиса психических функций они видели доказательства правильности своих постулатов.

Идеи, развиваемые гештальтпсихологами, основывались на экспериментальном исследовании познавательных процессов. Необходимо подчеркнуть, что эта школа является одной из первых, которая существенное внимание обращала на разработку новых, объективных экспериментальных методов исследования психики. Это была первая (и долгое время практически единственная) школа, которая начала строго экспериментальное изучение структуры и качеств личности, т. к. метод психоанализа, используемый глубинной психологией, нельзя было считать ни объективным, ни экспериментальным.

Методологический подход гештальтпсихологии базировался на нескольких основаниях — понятии психического поля, изоморфизма и феноменологии. Понятие поля было заимствовано ими из физики, в которой были сделаны в те годы важнейшие открытия. Изучение природы атома, магнетизма позволило раскрыть законы физического поля, в котором элементы выстраиваются в целостные системы. Эта мысль стала ведущей для ге-

штальтпсихологов, которые пришли к выводу, что психические структуры располагаются в виде различных схем в психическом поле. При этом сами гештальты могут изменяться, становясь все более адекватными предметам внешнего поля. Может происходить и переструктурирование поля, в котором прежние структуры располагаются по-новому, благодаря чему субъект приходит к принципиально новому решению задачи (инсайт).

Психические гештальты изоморфны (подобны) физическим и психофизическим. То есть процессы, которые происходят к коре, сходны с теми, которые происходят во внешнем мире и осознаются нами в наших мыслях и переживаниях, как взаимно-однозначные системы в физике и математике (так круг изоморфен овалу, а не квадрату). Поэтому схема задачи, которая дана во внешнем поле, может помочь испытуемому быстрее или медленнее ее решить, в зависимости от того, облегчает или затрудняет она ее перестурктурирование.

Субъект может осознать свои переживания, процесс решения задачи, однако для этого ему надо отрешиться от прошлого опыта, очистить свое сознание от всех наслоений, связанных с культурными и личными традициями. Этот феноменологический подход был заимствован гештальтпсихологами у Э. Гуссерля, философские концепции которого были чрезвычайно распространены в то время и близки немецким психологам. С этим была связана и недооценка ими личного опыта, утверждение приоритета сиюминутной ситуации, принципа «здесь и сейчас» в любых интеллектуальных процессах. С этим связано и расхождение в результатах их исследования бихевиористами и гештальтпсихологами, т. к. первые доказывали верность способа «проб и ошибок», т. е. влияние прошлого опыта, отрицавшегося вторыми. Исключением являлись только исследования личности, проводимые К. Левиным, в которых вводилось понятие временной перспективы, правда, с учетом в основном будущего, цели деятельности, а не прошлого опыта.

В исследованиях ученых этой школы были открыты почти все известные в настоящее время свойства восприятия, доказано значение этого процесса в формировании мышления, воображения, других когнитивных

функций. Впервые описанное ими образно-схематическое мышление позволило по-новому представить весь процесс формирования представлений об окружающем, доказало значение образов и схем в развитии творчества, раскрыв важные механизмы творческого мышления. Таким образом, когнитивная психология XX в. во многом опирается на открытия, сделанные в этой школе, так же как и в школе Ж. Пиаже.

Не меньшее значение имеют и работы Левина — и для психологии личности, и для социальной психологии. Достаточно сказать, что его идеи и программы, намеченные им в исследовании этих областей психологии, все еще актуальны и не исчерпали себя почти через шестьдесят лет после его смерти.

Автор	Предмет и задачи исследования	Основные результаты
М. Вертгеймер	Исследование феноменов психического поля, законов, по которым оно образуется и реорганизуется	Законы и свойства восприятия (законы гештальта), механизмы творческого мышления
К. Коффка	Изучение свойств, законов и развития восприятия	Синтез психологии развития гештальт-психологии, законы развития гештальтов
В. Келер	Изучение законов и развития образно-схематического мышления, изоморфности психического, психофизического и физического полей	Инсайт, законы образно-схематического мышления
К. Левин	Исследование психологического поля личности и социального поля группы	Структура и качества личности, уровни регуляции поведения, групповая дифференциация и виды лидерства

Исследования процесса познания. Работы М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки

Одним из ведущих представителей гештальтпсихологического направления был Макс Вертгеймер. Первые работы Вертгеймера посвящены экспериментальному

исследованию зрительного восприятия. С помощью тахистоскопа он экспонировал с различной скоростью один за другим два раздражителя (линии или кривые). Когда интервал между предъявлениями был относительно большой, испытуемые воспринимали раздражители последовательно, а при очень коротком интервале они воспринимались как данные одновременно. При экспонировании с оптимальным интервалом (около 60 миллисекунд) у испытуемых возникало восприятие движения, это явление было названо фи-феноменом. Этот специальный термин был введен для того, чтобы выделить уникальность данного явления, его несводимость к сумме ощущений, т. к. физиологической основой этого феномена Вертгеймер признал «короткое замыкание», которое возникает при соответствующем временном интервале между двумя зонами мозга. Результаты этой работы были изложены в статье «Экспериментальные исследования видимого движения», которая была опубликована в 1912 г.

Данные, полученные в этих экспериментах, стимулировали критику ассоцианизма и заложили основы нового подхода к восприятию (а потом и к другим психическим процессам), который Вертгеймер обосновывал совместно с В. Келлером, К. Коффкой, К. Левиным. Новая психологическая школа, которая была основана этими учеными, получила название гештальтпсихологии (от нем. Gestalt — структура, форма), т. к. в качестве основного принципа формирования психики был выдвинут принцип целостности в противовес ассоцианистическому принципу элементов, из которых по определенным законам формируются образы и понятия. Обосновывая ведущие принципы гештальтпсихологии, Вертгеймер писал, что «существуют связи, при которых то, что происходит в целом не выводится из элементов, существующих якобы в виде отдельных кусков, связанных потом вместе, а напротив, то, что проявляется в отдельной части этого целого, определяется внутренним структурным законом этого целого».

Исследования восприятия, а затем мышления, проводимые Вертгеймером, Коффкой и другими гештальтпсихологами, позволили открыть основные законы вос-

приятия, ставшие со временем общими законами любого гештальта. Эти законы объясняли содержание психических процессов всем «полем» действующих на организм раздражителей, структурой всей ситуации в целом, которая дает возможность соотнести и структурировать между собой отдельные образы, сохраняя их базовую форму. При этом соотношения образов предметов в сознании не являлось статичным, неподвижным, но определялось динамическими, изменяющимися соотношениями, которые устанавливаются в процессе познания.

В дальнейших исследованиях Вертгеймера и его коллег было получено большое количество экспериментальных данных, которые позволили установить основные постулаты гештальтпсихологии, сформулированные в программной статье Вертгеймера «Исследования, относящиеся к учению о гештальте» (1923). Главный из них гласил, что первичными данными психологии являются целостные структуры (гештальты), в принципе не выводимые из образующих их компонентов. Элементы поля объединяются в структуру в зависимости от таких отношений, как близость, сходство, замкнутость, симметричность. Существует и ряд других факторов, от которых зависит совершенство и устойчивость фигуры или структурного объединения — ритмичность в построении рядов, общность света и цвета и т. д. Действие всех этих факторов подчиняется основному закону, названному Вертгеймером «законом прегнантности» (или законом «хорошей» формы), который интерпретируется как стремление (даже на уровне электрохимических процессов коры мозга) к простым и четким формам и простым и устойчивым состояниям.

Считая перцептивные процессы врожденными и объясняя их особенностями организации коры головного мозга, Вертгеймер пришел к выводу об изоморфизме (взаимно-однозначном соответствии) между физическими, физиологическими и психологическими системами, т. е. внешним, физическим гештальтам соответствуют нейрофизиологические, а с ними, в свою очередь, соотносятся психические образы. Таким образом, вводилась необходимая объективность, которая превраща-

ла психологию в положительную, объяснительную науку.

В середине 20-х годов Вертгеймер переходит от исследования восприятия к изучению мышления. Результатом этих экспериментов является книга «Продуктивное мышление», которая была опубликована уже после смерти ученого в 1945 г. и является одним из самых значительных его достижений. Изучая на большом эмпирическом материале (эксперименты с детьми и взрослыми испытуемыми, беседы, в том числе и с А. Эйнштейном) способы преобразования познавательных структур, Вертгеймер приходит к выводу о несостоятельности не только ассоцианистического, но и формально-логического подхода к мышлению. От обоих подходов, подчеркивал он, скрыт его продуктивный, творческий характер, выражающийся в «перецентрировке» исходного материала, его реорганизации в новое динамическое целое. Вводимые Вертгеймером термины «реорганизация, группировка, центрирование» описывали реальные моменты интеллектуальной работы, подчеркивая ее специфически психологическую сторону, отличную от логической.

В своем анализе проблемных ситуаций и способов их решения Вертгеймер выделяет несколько основных этапов мыслительного процесса:

1. Возникновение темы. На этом этапе возникает чувство «направленной напряженности», которое мобилизует творческие силы человека.
2. Анализ ситуации, осознание проблемы. Основной задачей этой стадии является создание целостного образа ситуации.
3. Решение проблемы. Этот процесс мыслительной деятельности в значительной степени неосознан, хотя предварительная сознательная работа необходима.
4. Возникновение идеи решения — инсайт.
5. Исполнительская стадия.

В опытах Вертгеймера обнаруживалось отрицательное влияние привычного способа восприятия структурных отношений между компонентами задачи на ее продуктивное решение. Результатом анализа значительных

научных открытий является сделанный Вертгеймером вывод о принципиальной структурной общности механизмов творчества у примитивных народов, у детей и у великих ученых.

Он также доказывал, что творческое мышление зависит от чертежа, схемы, в виде которой представляется условие задачи или проблемной ситуации. Процесс создания разных гештальтов из набора постоянных образов является процессом творчества, при этом чем больше различных значений получат предметы, включенные в эти структуры, тем более высокий уровень творчества продемонстрирует человек. Так как такое переструктурирование легче производить на образном, а не на вербальном материале, то неудивительно, что Вертгеймер пришел к выводу о том, что ранний переход к логическому мышлению мешает развитию творчества у детей. Он также говорил о том, что упражнение убивает творческое мышление, т. к. при повторении происходит фиксация одного и того же образа, и человек привыкает рассматривать вещи только в одной позиции. Хотя его исследования были направлены преимущественно на изучение «визуального» мышления, однако открытые Вертгеймером закономерности и стадии мыслительной деятельности, так же как взаимосвязь интуитивного и логического в процессе продуктивного мышления, носят общий характер.

Данные, полученные в исследованиях Вертгеймера, привели гештальтпсихологов к выводу о том, что ведущим психическим процессом, особенно на начальных этапах онтогенеза, является восприятие.

Изучением его развития занимался главным образом К. Коффка, который стремился соединить генетическую психологию и гештальтпсихологию. В своей книге «Основы психического развития» (1921) и других работах Коффка доказывал, что от того, как воспринимает ребенок мир, зависит его поведение и понимание ситуации. К такому выводу он пришел потому, что считал, как уже отмечалось выше, что процесс психического развития — это рост и дифференциация гештальтов. Сам процесс психического развития, с точки зрения

Коффки, делится на два параллельных процесса — созревание и обучение, независимые друг от друга.

Изучая процесс восприятия, гештальтпсихологи утверждали, что его основные свойства появляются постепенно, с вызреванием гештальтов. Так появляется константность и правильность восприятия, а также его осмысленность. Обобщающие результаты своего исследования восприятия Коффка изложил в работе «Принципы гештальтпсихологии» (1935). В этой книге анализируется множество феноменов перцепции, которые относятся к 24 различным «законам», описываются свойства и процесс формирования восприятия, на основании которых ученым сформулирована теория восприятия, не потерявшая значения и в настоящее время.

Огромное значение для понимания закономерностей восприятия и мышления имели работы В. Келера. Первые работы Келера, посвященные исследованию интеллекта шимпанзе, привели его к наиболее значимому открытию — открытию «инсайта» (озарение). Исходя из того, что интеллектуальное поведение направлено на решение проблемы, Келер создавал такие ситуации, в которых подопытное животное для достижения цели должно было найти обходные пути. Операции, которые совершали обезьяны для решения поставленной задачи, были названы «двухфазными», т. к. состояли из двух частей. В первой части обезьяне нужно было при помощи одного орудия, получить другое, которое было необходимо для решения проблемы. Во второй части полученное орудие использовалось для достижения искомой цели.

Вопрос, на который отвечал эксперимент, состоял в выяснении того, каким способом решается задача — происходит ли слепой поиск правильного решения (по типу проб и ошибок) или обезьяна достигает цели благодаря спонтанному схватыванию отношений, пониманию. Эксперименты Келера доказывали, что мыслительный процесс идет по второму пути, т. е. происходит мгновенное схватывание ситуации и верное решение поставленной задачи. Объясняя феномен «инсайта», он доказывал, что в тот момент, когда явления входят в другую ситуацию, они приобретают новую функцию. Со-

единение предметов в новых сочетаниях, связанных с их новыми функциями, ведет к образованию нового гештальта, осознание которого составляет суть мышления. Келер называл этот процесс «переструктурированием гештальта» и считал, что такое переструктурирование происходит мгновенно и не зависит от прошлого опыта субъекта, но только от способа расположения предметов в поле.

Доказывая универсальность открытого им процесса решения задач, Келер провел серию экспериментов по исследованию процесса мышления у детей. Он предлагал детям проблемную ситуацию, сходную с той, которая предлагалась обезьянам, получив сходные результаты. Данные эксперименты, доказывая универсальность «инсайта», раскрывали, с точки зрения Келера, и общее направление психического развития, и роль обучения в этом процессе. Доказывая основное положение этой школы о том, что психическое развитие связано с переходом от схватывания общей ситуации к ее дифференциации и формированию нового, более адекватного ситуации гештальта, он раскрывал условия, способствующие этому переходу. Такое развитие, считал Келер, происходит как внезапно, так и в процессе обучения, которое также ведет к образованию новой структуры и, следовательно, к иному восприятию и осознанию ситуации. То есть при определенных условиях обучение может способствовать развитию мышления, причем это связано не с организацией поисковой активности ребенка по типу проб и ошибок, но с созданием условий, способствующих «инсайту». Таким образом, опыты Келера доказывали мгновенный, а не протяженный во времени характер мышления, в основе которого лежит «инсайт». Несколько позже К. Бюлер, который пришел к похожему выводу, назвал этот феномен «ага-переживание», также подчеркивая его внезапность и одномоментность.

Понятие об «инсайте» стало ключевым для гештальтпсихологии, оно стало основой объяснения всех форм мыслительной деятельности, в том числе и продуктивного мышления, как было показано в работах Вертгеймера, о которых говорилось выше.

Дальнейшие исследования Келера были связаны с проблемой изоморфизма. Изучение детерминант, лежащих в основе процесса «инсайта», он пришел к выводу о необходимости анализа физических и физико-химических процессов, происходящих в коре головного мозга. В 1920 г. появляется его работа «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии», в которой излагаются основные идеи изоморфизма, т. е. идеи подобия двух или нескольких систем — например, подобия топографической карты рельефу местности, на ней отраженному. Ориентация на достижения в физике открывала, по мнению Келера, новые перспективы перед психологией, для которой модели физических полей и тех энергетических процессов, которые их определяют, могут служить в качестве аналога, объясняющего процессы, происходящие в коре. Изоморфизм, т. е. идея о соответствии между физической, физиологической и психологической системами, давал возможность привести сознание в соответствие с физическим миром, не лишая его самостоятельной ценности. Внешним, физическим гештальтам, соответствуют нейрофизиологические, с которыми, в свою очередь, связаны психологические образы и понятия.

Изучение изоморфизма привело его к открытию новых законов восприятия — значения (предметности восприятия) и относительного восприятия цветов в паре (закон транспозиции), изложенных им в книге «Гештальтпсихология» (1929). Однако теория изоморфизма осталась самым слабым и уязвимым местом не только его концепции, но и гештальтпсихологии в целом.

Динамическая теория личности и группы К. Левина

Теория К. Левина, так же как и других гештальтпсихологов, сложилась под влиянием успехов точных наук — физики, математики. Свою теорию личности Левин называл «теория психологического поля». Основные положения этой концепции изложены им в работах «Динамическая теория личности» (1935) и «Принципы топологической психологии» (1936), т. к. для объяснения он использовал понятия из топологии — науке о про-

странственных отношениях между объектами, а также математики и физики.

Он исходил из того, что личность живет и развивается в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд (валентность). Его эксперименты доказывали, что для каждого человека эта валентность имеет свой знак, хотя в то же время существуют такие предметы, которые для всех имеют одинаково притягательную или отталкивающую силу. Воздействуя на человека, предметы вызывают в нем потребности, которые Левин рассматривал как своего рода энергетические заряды, вызывающие напряжение человека. В этом состоянии человек стремится к разрядке, т. е. к удовлетворению собственной потребности. Левин различает два рода потребностей — биологические и социальные (квазипотребности). Одно из наиболее известных уравнений Левина, которыми он описывал поведение человека в психологическом поле под влиянием различных потребностей, доказывает, что поведение является одновременно функцией и личности, и психологического поля.

Потребности в структуре личности не изолированы, но находятся в связи друг с другом, в определенной иерархии. При этом те квазипотребности, которые связаны между собой, могут обмениваться находящейся в них энергией, этот процесс Левин называет коммуникацией заряженных систем. Возможность коммуникации, с его точки зрения, ценна тем, что делает поведение человека более гибким, позволяет ему разрешать конфликты, преодолевать различные барьеры и находить удовлетворительный выход из сложных ситуаций. Эта гибкость достигается благодаря сложной системе замещающих действий, которые формируются на основе связанных, коммуницирующих между собой потребностей. Таким образом, человек не привязан к определенному действию или способу решения ситуации, но может менять их, разряжая возникшее у него напряжение, и это расширяет его адаптационные возможности.

Левин приходит к мнению, что не только неврозы, но и особенности когнитивных процессов, такие виды активности, как сохранение, забывание, волевое пове-

дение, связаны с разрядкой или напряжением потребностей. В многочисленных экспериментах Левина и его учеников было доказано, что нереализованные потребности лучше запоминаются, чем реализованные, что состояние напряжения может вызвать агрессию или тревогу, исследовалась также связь между интеллектуальным уровнем человека и его способностью к замещению одного действия другим. При этом было показано, что умственно отсталые люди совершенно не способны к замещению.

Исследования Левина доказывали, что не только существующая в данный момент ситуация, но и ее предвосхищение, предметы, существующие только в сознании человека, могут определять его деятельность. Наличие таких идеальных мотивов поведения дает возможность людям преодолеть непосредственное влияние поля, окружающих предметов, «встать над полем», как писал Левин. Такое поведение он называл волевым, в отличие от полевого, которое возникает под влиянием непосредственного сиюминутного окружения. В своей книге «Теория поля и обучение» (1942) Левин раскрывает содержание важного для него понятия временной перспективы, которая определяет поведение человека в жизненном пространстве и является основой целостного восприятия себя, своего прошлого и будущего. Появление временной перспективы дает возможность людям преодолеть давление окружающего поля, что особенно важно в тех случаях, когда они находятся в ситуации выбора.

В основу разработанной им теории конфликтов легло выявленные и описанные им три типа конфликтов: конфликт типа «стремление-стремление»; конфликт «избегание-избегание»; конфликт «стремление-избегание». Эти работы Левина во многом стали фундаментом для разработки концепций когнитивного соответствия. В его экспериментах на вызванную агрессию было доказано, что искусственно созданная ситуация фрустрации способна вызвать конфликт, провоцирующий испытуемого на разные виды агрессии — против себя, других, ситуации.

Эксперименты Левина показали необходимость не только целостного, но и адекватного понимания себя.

Открытие им понятия уровня притязаний и «аффекта неадекватности», который проявляется при попытках доказать человеку неадекватность, неправильность его представлений о себе, сыграли огромную роль в психологии личности, в понимании причин отклоняющегося поведения и его коррекции. При этом Левин подчеркивал, что отрицательное влияние на поведение имеет и завышенный и заниженный уровень притязаний, т. к. и в том и в другом случае нарушается возможность установления устойчивого равновесия со средой.

Все эти работы Левина дали возможность проанализировать факторы, лежащие в основе волевого, собственного личностного поведения человека, позволяющие ему преодолеть давление среды, других людей, обстоятельств. Ведущими факторами оказались интеллектуальная активность и адекватность представлений о себе, обеспечивающие не только возможность понять себя и ситуацию, но и встать над ней, реализовав свои квазипотребности.

Эти результаты сближают позицию Левина с идеями Адлера и с гуманистической психологией, которые также пришли к мысли о важности сохранения целостности личности, ее самости, о необходимости осознания человеком структуры своей личности. Сходство этих концепций, к которым пришли ученые разных школ и направлений, говорит об актуальности данной проблемы, о том, что, осознав влияние бессознательного на поведение, человечество приходит к мысли о необходимости провести границу между человеком и другими живыми существами, понять не только причины его агрессивности, жестокости, сладострастия, которые великолепно объяснил психоанализ, но и основы его нравственности, доброты, культуры. Большое значение имело и стремление в новом мире, после войны, показавшей ничтожность и хрупкость человека, преодолеть складывающееся ощущения типичности и взаимозаменяемости людей, доказать, что люди — целостные, уникальные системы, каждый из которых несет в себе свой внутренний мир, не похожий на мир других людей.

После переезда в США Левин занимался проблемами групповой дифференциации, типологией стиля общения.

Он предположил, что группа также может быть рассмотрена как динамическая система, формирующая социальное поле, по аналогии с системой психологического поля личности. Социальное поведение людей в группе определяется взаимоотношениями внутри нее, конкурирующими тенденциями, стремлениями отдельных членов группы, каналами общения. То есть групповое поведение является функцией общего состояния социального поля, как поведение человека является функцией потребностей и психологического поля. Изучение групповой динамики и работы Левина по снижению межгрупповых конфликтов и повышению потенциала каждого члена группы проложило дорогу и различным приложениям социальной психологии в практику, как Т-группы, тренинг сензитивности, институт лидерства.

Ему также принадлежит описание наиболее распространенных стилей общения — демократического, авторитарного, попустительского, а также исследование условий, способствующих выделению лидеров, звезд и отверженных в группах. Эти исследования Левина стали основой целого направления в социальной психологии и получили название процессов групповой динамики. Социальная ситуация в Германии, а также некоторые факты в американской действительности, послужили толчком для работ, посвященных совместному проживанию людей разной национальности и разного цвета кожи, а также по предотвращению расовых предрассудков у детей.

Исследования Левина помогли создать экспериментальные методы исследования в социальной психологии, так же как и в психологии личности. Таким образом, он является создателем новых направлений в обеих этих областях, хотя его последние работы получили более широкое распространение, чем работы по исследованию мотивации. Социально-психлогические эксперименты также помогли Левину, единственному из всех гештальтпсихологов, создать новую научную школу в США.

* * *

Работы гештальтпсихологов заложили новые подходы к разнообразным проблемам — от творческого мышления до активности личности. Многообразные ис-

следования психики дали возможность понять закономерности развития восприятия, мышления и личности, сформировать принципиально отличные от прежних экспериментальные методики. В то же время надо отметить, что не все описанные в трудах гештальтпсихологов результаты одинаково значимы для современной науки, иногда более интересны их эксперименты и открытые ими факты, чем их интерпретация, особенно при изучении проблемы изоморфизма или роли феноменологической редукции.

Анализируя научную деятельность гештальтпсихологического направления, необходимо подчеркнуть, что творческий потенциал этой школы не был полностью исчерпан, что доказывается последними работами и Левина, и Вертгеймера. Однако это единственная школа, которая распалась в 30-е годы, не сохранившись, хотя и в модифицированном виде до настоящего времени, как психоанализ и бихевиоризм. Но процесс распада гештальтпсихологии не был естественным, связанным с исчерпанностью ее программы, это был результат тех социальных изменений, которые произошли в Европе, в Германии в те годы и вынудили ученых уехать из страны.

Несмотря на то, что и Левин, и Вертгеймер, и Келер продолжили в США и научную, и преподавательскую работу, наиболее плодотворный период их деятельности связан с Берлинским университетом. Попав в небольшие, часто провинциальные по духу (особенно по сравнению с берлинским) американские университеты, ученые не сразу, по-видимому, смогли адаптироваться к новым условиям. Повлияло и отсутствие хорошо оснащенных лабораторий, и невозможность снова работать вместе, и малочисленность учеников, с которыми сложно было возрождать исследовательскую работу. Возможно поэтому Левин, который наиболее полно реализовался в новых условиях, значительно изменил проблематику своих работ.

Малочисленность последователей гештальтпсихологии в США была связана с тем, что идеи этого направления не были приняты и широко распространены в американском научном мире. Знакомство с работами гештальтпсихологов произошло в основном благодаря

Коффке, который первым поехал с циклом лекций в США и перевел некоторые статьи свои и своих коллег. Хотя они и были приняты с благожелательным интересом, но господствовавший бихевиоральный подход был абсолютно чужд гештальтпсихологии, а проблемы познания, творчества, надситуативной активности, которые развивали немецкие ученые, не были в центре внимания их американских коллег. В 30 — 40-е годы, как было показано выше, даже идеи Томлена казались слишком усложненными и недостаточно результативными для психологии, в которой ведущими стали положения теории научения Халла. Поэтом естественно, что принципы гештальтпсихологии, отрицавшие возможность механической редукции и управления поведением человека, не были актуальны, а их значение осозналось позднее, почти через 30 лет.

Хотя история, в том числе и история науки, не знает сослагательного наклонения, можно предположить, что если бы развитие гештальтпсихологии шло естественным путем, ее становление и модификация продолжались бы и до настоящего времени, обогатив психологию новыми значительными открытиями. Ведь даже сейчас можно говорить о влиянии этой школы на многие современные концепции не только в теории, но и в прикладной области (например, в гештальттерапии Ф. Перлза). Общеизвестно и то, что именно ореол личности Вертгеймера повлиял на молодого ученого А. Маслоу, который начал изучение проблемы самоактуализированной личности, одним из образцов которой стал Вертгеймер.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему бихевиористы считали нужным исключить сознание из предмета психологии?
2. Причины модификации классического бихевиоризма.
3. В чем различия между стимульным и оперантным бихевиоризмом?
4. В чем сущность понятия «психологического поля»?
5. Какие основные законы психологии были открыты в гештальтпсихологии?

6. Какова роль «инсайта» в творческом мышлении?
7. Какие закономерности групповой динамики были открыты Левиным?

Примерные темы рефератов

1. Возможности и границы управления поведением в бихевиоризме.
2. Роль средств массовой информации в формировании поведения (концепция А. Бандуры).
3. Сравнительный анализ подхода к проблеме мышления в бихевиоризме и гештальтпсихологии.
4. Значение теории «психологического поля» К. Левина для современной психологии личности.

Литература

1. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987.
2. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
3. История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986.
4. *Келлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.
5. *Коффка К.* Основы психического развития. М.; Л., 1934.
6. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
7. *Торндайк Э.* Принципы обучения, основанные на психологии. М., 1929.
8. *Торндайк Э.* Процесс учения у человека. М., 1935.
9. *Уотсон Д.* Психология как наука о поведении. Одесса, 1925.
10. Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
11. *Шульц Д., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб., 1998.
12. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

Глава IX

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОАНАЛИЗ) И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XX ВЕКЕ

Общая характеристика глубинной психологии

Психоанализ (или глубинная психология) является одним из первых психологических направлений, появившихся в результате разделения психологии на разные школы. Появившиеся в 1900 и 1901 гг. книги З. Фрейда «Психология сновидений» и «Психопатология обыденной жизни» принято считать условными вехами рождения этого направления, т. к. в них были сформулированы его основные постулаты. В отличие от предыдущих направлений, особенно гештальтпсихологии, психоанализ кардинально пересмотрел не только предмет психологии, но и приоритеты, поставив на первое место не интеллект, но мотивацию. Предметом психологии в этой школе, как уже упоминалось, стали глубинные, бессознательные структуры психики, а методом их исследования — разработанный этой школой психоанализ.

В становлении этой школы ведущая роль принадлежит, безусловно, З. Фрейду. Без преувеличения можно сказать, что австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд является одним из тех ученых, кто во многом повлиял на все дальнейшее развитие современной психологии, а может быть, и направил ее по определенному пути развития. И это связано не только с содержанием его концепции, но и с его личными качествами. Его доказательства приоритета бессознательного в содержании психики, значения сексуальных влечений и агрессии не были принципиально новыми для психологии. Эти идеи носились в воздухе в то время, работы Жане, Шарко, Льебо свидетельствуют об этом. Именно они

подали Фрейду мысль о роли гипноза и внушения, о возможности его отсроченного воздействия. Важным для него было и положение Брентано о интенциональности, целевом предназначении каждого психического акта. Такой целью для Фрейда стала адаптация человека. Эта биологическая детерминация была одним из важнейших методологических принципов его теории, ее стержнем, объясняющим важность насильственной социализации ребенка, необходимость придания социально приемлемой формы сексуальным и агрессивным влечениям. Болезнь в этой концепции как раз и является результатом неудачной (или неполной) адаптации.

Хотя веяния этих новых тенденций и существовали в психологии, однако нужен был Фрейд с его настойчивостью и авторитарностью, его амбициями и невротическими переживаниями, с его трудными воспоминаниями детства и юности, и для того, чтобы систематизировать их, создав цельную теорию, и для того, чтобы они смогли утвердиться в науке. Без него, возможно, концепция бессознательного, которая, конечно, была бы создана, не смогла бы завоевать такой популярности, так быстро утвердиться по всему миру. Возможно, что она была бы не только другой, но и более конформной, традиционной по содержанию. В то же время его нетерпимость, ревность к любым модификациям привели к разрыву со всеми учениками и последователями. В результате практически невозможно говорить о фрейдизме как о каком-то направлении или школе, но только о психоанализе, т. к. концепции Юнга, Адлера, Хорни, Ранка и других ученых достаточно самостоятельны. Глубинная психология, в отличие от бихевиоризма или гештальтпсихологии, так и не стала школой, но, скорее, набором отдельных теорий бессознательного. Однако в некоторой степени это также послужило на пользу психоанализу, т. к. каждая концепция стала оригинальным и самобытным взглядом на бессознательное и его роль в психической жизни человека, положив начало собственным школам и сохранив лишь относительную связь с исходной теорией.

Однако, несмотря на существенную модернизацию многих положений Фрейда, некоторые методологиче-

ские принципы, заложенные в его теории, остались неизменными. К ним относятся следующие положения:

1) понимание психического развития как мотивационного, личностного;
2) подход к развитию как к адаптации к среде. Хотя среда впоследствии и не понимается другими психоаналитиками как полностью враждебная, однако она всегда противостоит конкретному индивиду;
3) движущие силы психического развития остаются всегда врожденными и бессознательными и представляют собой психическую энергию, данную в виде влечений или стремлений человека и стремящуюся к разрядке (то есть удовлетворению);
4) основные механизмы развития, которые также являются врожденными, закладывают основы личности и ее мотивов уже в раннем детстве. Отсюда интерес психоанализа к воспоминаниям о раннем детстве и травмах, полученным в этом возрасте.

Причиной разногласия стали некоторые базовые принципы Фрейда, которые противоречили и теоретическим, и практическим, клиническим выводам его последователей. Это, прежде всего, пансексуализм Фрейда, который все стремления человека, культурные достижения объяснял только сексуальными влечениями, в то время как факты показывали, что существуют и другие, не менее важные мотивы. Протест вызывала и переоценка Фрейдом роли биологической детерминации в ущерб культурной. Практически совсем не учитывал он и роль социальных и индивидуальных различий, которые также оказывают огромное влияние на мотивацию личности. Это привело к стереотипизации человека, превращению его скорее в биологического индивида, чем в социального субъекта, обладающего собственным, отличным от других, духовным миром.

Поэтому неудивительно, что Фрейд считал открытые им закономерности универсальными для всех людей и всех народов. Это относилось и к этапам развития личности, и к ее структуре, содержанию бессознательных влечений, развитию комплексов. В то же время уже первые исследования показали, что, например, эдипов комплекс, который занимал центральное место в концепции

Фрейда, детерминирован скорее социальными, чем биологическими факторами, особенностями воспитания, принятыми в данной культуре и взаимоотношениями между родителями и детьми в семье. На это обратили внимание уже Юнг и Адлер, чьи материалы о детских воспоминаниях (в том числе и собственных) существенно отличались от опыта Фрейда. Адлер, а вслед за ним и другие ученые, также пришел к выводу, что кроме сексуальных и агрессивных существуют и другие, не менее значимые мотивы, которые также могут стать ведущими в процессе формирования личности, например стремление к преодолению своей неполноценности.

Позднее появились и другие факторы, противоречащие мыслям Фрейда и в социальной психологии, и в оценке женской психики, и в роли Эго, и в психотерапевтической практике. Отказ Фрейда от признания возможной вариативности при проведения психоаналитического сеанса привел к разрыву даже с такими близкими учениками, как В. Райх, О. Ранк, создавшими собственные психотерапевтические концепции, хотя в теоретическом плане они в гораздо меньшей степени, чем Юнг и Адлер, отошли от Фрейда.

Разработка различных коррекционных технологий в других направлениях (прежде всего в бихевиоризме), так же как и новых типологий личности, построенных на основе биологических и социальных различий, стимулировали преодоление усредненного подхода к человеку в глубинной психологии. Этому способствовало появление данных клинической практики, свидетельствовавших о недопустимости игнорирования активности и собственной позиции клиента. Эти факты стимулировали модификацию основных постулатов директивной терапии, сделав ее менее жесткой и более индивидуальной.

Если клиническая практика, с которой начиналась глубинная психология, допускала субъективные и не валидизированные способы изучения бессознательного, то для научных исследований необходимо было стандартизировать методики, сделав их более точными и поддающимися объективной проверке. Это привело к разработке проективных методик, имеющих ключи и пример-

ные стандарты интерпретации материала. За короткое время появились различные виды этих методик (образных и вербальных), получивших широкое распространение, так же как и метод ассоциативного эксперимента, предложенный Юнгом. Достоинство новых способов было не только в большей объективности, но и в возможности быстрее получить искомые данные.

Важным моментом в развитии психоанализа было изменение подхода к проблеме психологической защиты. Если у Фрейда защита выполняла функции примирения внутриличностного конфликта (между Ид и Супер-Эго), то в новых теориях Хорни, Фромма, Салливена и других ученых она использовалась при конфликтах между субъектом и окружающим. Поэтому появляются новые виды защиты, такие как конформизм, агрессия, уход, садизм и т. д. Экстериоризация психологической защиты, идея о том, что в стиле общения можно увидеть симптомы невротических переживаний и способы их преодоления, также способствовали объективации исследований и разработке новых видов коррекции.

Значимые открытия в психологии личности, сделанные в других направлениях, прежде всего в гуманистической психологии, в теориях социального научения бихевиоризма, заинтересовали и психоаналитиков. Поэтому в Эго-психологии А. Фрейд больше внимания стало уделяться сознательным мотивам человека, а в теориях Г. Салливена и Э. Берна — контактам с значимыми другими. Данные о развитии мотивации в течение всей жизни человека, о роли творчества в общей иерархии потребностей привели Э. Эриксона к пересмотру, казалось бы, незыблемых постулатов глубинной психологии, связанных с ролью первых лет жизни. Заговорив о кризисах в процессе становления человека, он ввел в психоанализ новую для него идею (исключая теорию Адлера) о цельности личности, необходимости осознать свою идентичность и с самим собой, и с обществом. Таким образом, ко второй половине XX в. психоанализ постепенно превращался в теорию личности, хотя первоначально являлся в большей степени мотивационной теорией индивида.

Психологи	Движущие силы развития личности	Структура и/или типология личности	Основные механизмы развития и защиты
З. Фрейд	Врожденные бессознательные влечения к жизни и смерти (эрос и танатос); трансформирующиеся либидозное, агрессивное и влечение к суициду	Ид, Эго и Супер-Эго	Идентификация с близким взрослым своего пола. Вытеснение, регрессия; рационализация; проекция, сублимация
К. Юнг	Обобщенная психическая энергия либидо, принимающая разные формы и канализирующая опыт человека через врожденные архетипы	Сознание, индивидуальное бессознательное, коллективное бессознательное, типология личности, построена на доминировании экстра-интровертности и одной из психических функций	
А. Адлер	Чувство общности, чувство неполноценности и стремление к превосходству	Типология — формирование индивидуального стиля жизни, построена на форме компенсации и чувства общности	Компенсация неполноценности — неполная, полная, сверхкомпенсация и мнимая
К. Хорни	Чувство коренной тревоги (физиологической и психологической)	«Образ Я», который может быть адекватным или неадекватным и включает знание о себе и отношение к себе	Стремление к людям (конформизм), от людей (уход) и против людей (агрессия)
Г. Салливен	Чувство беспокойства, тревоги	Я-концепция, состоящая из хорошего Я, плохого Я и не-Я	Избирательное внимание
Э. Фромм	Стремление к укорененности и к независимости, индивидуализации	Типология, основанная на доминировании одной из двух потребностей — быть или иметь	Садизм, мазохизм, конформизм, деструктивизм

Э. Эриксон	Личность развивается на протяжении свей жизни, проходя 8 основных этапов своего становления, на каждом из которых видоизменяется форма психической энергии (чувство виды, идентичности и т. д.)	Ведущая структура Эго, стремящаяся к соматической, личностной и социальной идентичности	Стремление к целостности, идентификация (с собой, своей культурой, этносом и т. д.)

Теория З. Фрейда

Основы психоаналитической концепции были заложены З. Фрейдом (1856 — 1939). В 1900 г. появилась его книга «Толкование сновидений», в которой он впервые опубликовал важнейшие положения своей концепции, дополненные в его последующих книгах «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Я и Оно» (1923), «Тотем и табу» (1913), «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) и другие.

Взгляды Фрейда можно разделить на три области — это метод лечения функциональных психических заболеваний, теория личности и теория общества, при этом стрежнем всей системы являются его взгляды на развитие и структуру личности человека. С его точки зрения, развитие психики есть приспособление, адаптация к окружающей, преимущественно враждебной среде. Эта биологическая детерминация направляет процесс становления психики. Движущими силами психического развития являются врожденные и бессознательные влечения (или чувства как у более поздних психоаналитиков). С точки зрения психоанализа основой психического развития является не интеллектуальная сфера (как в других школах), но эмоции и мотивы человека, а познавательное развитие есть как бы следствие мотивационного.

Фрейд считал, что психика состоит из трех слоев — сознательного, предсознательного и бессознательного,

в которых и располагаются основные структуры личности. При этом содержание бессознательного, по мнению Фрейда, не доступно осознанию практически ни при каких условиях. Содержание предсознательного слоя может быть осознано человеком, хотя это требует от него значительных усилий.

В бессознательном слое располагается одна из структур личности — Ид, которая фактически является энергетической основой психического развития, т. к. в ней располагаются врожденные бессознательные влечения, которые стремятся к своему удовлетворению, к разрядке, и таким образом детерминируют деятельность субъекта. Фрейд считал, что существует два основных врожденных бессознательных влечения — влечение к жизни и влечение к смерти, которые находятся в антагонистических отношениях между собой, создавая основу для фундаментального, биологического внутреннего конфликта. Неосознанность этого конфликта связана не только с тем, что борьба между влечениями, как правило, происходит с бессознательном слое, но и с тем, что поведение человека вызывается одновременным действием обеих этих сил.

С точки зрения Фрейда, врожденные влечения являются каналами, по которым проходит энергия, формирующая нашу деятельность. Поэтому и сам Фрейд, и его последователи иногда называли его теорию динамической (или даже гидравлической), подразумевая, что психическая энергия стремится к разрядке (то есть удовлетворению влечений) и равномерному распределению по всему континууму. Именно поэтому фрустрация влечения приводит к неврозу, т. к. при этом невозможна разрядка. На основании этих положений разрабатывалась и идея катарсического очищения (разрядки) в сеансе психоанализа, и идея трансфера, т. е. переноса, обмена энергией между пациентом и психоаналитиком.

Либидо, о котором так много писал и сам Фрейд, и его ученики, является той специфической энергией, которая связана с влечением к жизни. Либидозная энергия, которая связана с влечением к жизни, является также основой развития личности, характера человека и, исходя из закономерностей ее развития, Фрейд создает свою

периодизацию. Для энергии, связанной с влечением к смерти и агрессии, Фрейд не дал собственного имени, но постоянно говорил о ее существовании. Вторая структура личности — Эго, по мнению Фрейда, также является врожденной и располагается как в сознательном слое, так и в предсознании. Третья структура личности — Супер-Эго не врожденная, она формируется в процессе жизни. Механизмом ее формирования является идентификация с близким взрослым своего пола, черты и качества которого и становятся содержанием Супер-Эго. В процессе идентификации у детей формируется также эдипов комплекс (у мальчиков) или комплекс Электры (у девочек), т. е. комплекс амбивалентных чувств, которые испытывает ребенок к объекту идентификации.

Фрейд подчеркивал, что между этими тремя структурами личности существует неустойчивое равновесие, т. к. не только их содержание, но и направления их развития противоположны друг другу. Влечения, содержащиеся в Ид, стремятся к своему удовлетворению, диктуя человеку такие желания, которые практически не выполнимы ни в одном обществе. Супер-Эго, в содержание которого входит совесть, самонаблюдение и идеалы человека, предупреждает его о невозможности осуществления этих желаний и стоит на страже соблюдения норм, принятых в данном обществе. Таким образом, Эго становится ареной борьбы противоречивых тенденций, которые диктуются Ид и Супер-Эго. Такое состояние внутреннего конфликта, в котором постоянно находится человек, держит его в постоянном напряжении, снижая устойчивость к неврозам. Поэтому Фрейд подчеркивал, что не существует четкой грани между нормой, и патологией, и испытываемое людьми постоянное напряжение делает их потенциальными невротиками.

Возможность поддерживать свое психическое здоровье зависит от механизмов психологической защиты, которые помогают человеку если не предотвратить (т. к. это фактически не возможно), то хотя бы смягчить конфликт между Ид и Супер-Эго. Фрейд выделял несколько защитных механизмов, главными из которых являются вытеснение, регрессия, рационализация, проекция и сублимация.

Либидозную энергию Фрейд считал основой не только развития индивидуального человека, но и человеческого общества. Последователи Фрейда создали систему этнопсихологических концепций, которая объясняла особенности психики различных народов способами прохождения основных этапов в развитии либидо. Писалось, в частности, что способы ухода за младенцем, зафиксированные в культуре общества, являются основой как индивидуальной психики, так и ментальности данной нации. Однако дальнейшие исследования не подтвердили эту часть теории Фрейда, выявив более сложные и неоднозначные причины формирования личности ребенка и развития культуры и общества в целом.

Если теория культуры не нашла широкого распространения и подтверждения в науке, то метод, разработанный Фрейдом, со временем получал все более широкую популярность.

Психоанализ занимал важнейшее место в теории Фрейда. Именно для объяснения работы этого метода и были созданы остальные части его теории. В своей психотерапии Фрейд исходил из того, что врач занимает в глазах пациента место родителя, доминирующее положение которого он признает безусловно. При этом между ними как бы устанавливается канал, по которому происходит беспрепятственный обмен энергией между терапевтом и пациентом, т. е. появляется трансфер. Благодаря этому терапевт не только проникает в бессознательное своего пациента, но и внушает ему определенные положения, прежде всего свое понимание, свой анализ причин его невротического состояния. Этот анализ происходит на основе символической интерпретации ассоциаций, снов или ошибок пациента, т. е. следов его вытесненного влечения, о котором мы говорили выше. При этом врач не просто делится с пациентом своими наблюдениями, но внушает ему свое толкование, которое пациент некритично принимает. Это внушение, по мнению Фрейда, и обеспечивает катарсис, т. к., принимая позицию врача, пациент осознает свое бессознательное и освобождается от него. Так как основа такого выздоровления связана с внушением, такая терапия была названа директивной, в отличие от той,

которая основана на равноправном отношении пациента и врача.

Хотя не все аспекты теории Фрейда получили научное признание, а многие его положения на сегодняшний день кажутся принадлежащими скорее истории, чем современной психологической науке, невозможно не признать, что его идеи повлияли на развитие мировой культуры, не только психологии. но и искусства, медицины, социологии. Фрейд открыл целый мир, который лежит за пределами нашего сознания и в этом его огромная заслуга перед человечеством.

Дальнейшее развитие психоанализа связано с именами ближайших учеников Фрейда, прежде всего с теоретическими поисками К. Юнга и А. Адлера.

Аналитическая психология К. Юнга

Швейцарский психолог К.Г. Юнг (1875 — 1961) был в начале своей научной деятельности одним из ближайших учеников и последователей З. Фрейда. Однако вскоре выяснилось, что, несмотря на близость позиций и стремлений, между ними существуют значительные разногласия, примирить которые им не удалось. Эти разногласия были связаны с разным подходом к анализу бессознательного и толкованию сновидений и ассоциаций, т. к. Фрейд считал, что символы, употребляемые человеком, являются заместителями других, вытесненных предметов и влечений. В противовес ему Юнг бы уверен, что только знак, осознанно употребляемый человеком, замещает что-то другое, а символ является самостоятельной, живой, динамической единицей. Определенные расхождения существовали и по вопросу психокоррекции, т. к. Фрейд считал, что зависимость пациента от психотерапевта постоянна и не может быть уменьшена, т. е. он придерживался концепции директивной терапии. В то же время Юнг, хотя и поддерживал директивность отношений в начале курса психотерапии, тем не менее считал, что зависимость пациента от врача должна уменьшаться со временем, в последней фазе терапии, которую он называл трансформацией.

Юнг считал, что его интерпретация символа дает ключ не только к анализу сновидений, но и к анализу мифов, сказок, религии, искусства. Он исследовал не только европейскую, но и индийскую, китайскую, тибетскую культуры, обращая внимание на их символику. Это во многом и привело Юнга к одному из важнейших его открытий — открытию коллективного бессознательного. Его теория, которая получила название «аналитической психологии», нашла отражение на страницах его книг «Психологические типы» (1921), «Избранные труды по аналитической психологии» (1939), «Подход к бессознательному» (1961).

Юнг считал, что структура личности состоит из трех частей — коллективного бессознательного, индивидуального бессознательного и сознания. Если индивидуальное бессознательное и сознание являются чисто личностными, прижизненными приобретениями, то коллективное бессознательное является своего рода «памятью поколений», тем психологическим наследством, с которым ребенок появляется на свет. Содержание коллективного бессознательного состоит из архетипов, которые являются формами, организующими и канализирующими психологический опыт индивида. Юнг часто называл архетипы «первичными образами», т. к. они связаны с мифическими и сказочными темами. Он также считал, что архетипы организовывают не только индивидуальную фантазию, но и коллективную, например, лежат в основе мифологии народа, его религии, определяя психологию народа, его самосознание. Через актуализацию определенных архетипов культура оказывает влияние на становление индивидуальной психики человека. Основными архетипами индивидуальной психики он считал Эго, Персону, Тень, Анима, или Анимус, и «Самость». Архетипы Эго и Персона легче поддаются осознанию, чем остальные главные архетипы, которые с трудом могут быть отрефлексированы самим человеком.

Исходя из структуры души Юнг создает свою типологию личности, выделяя два типа — экстраверты и интроверты. Интроверты в процессе индивидуализации обращают больше внимания на внутреннюю часть сво-

ей души, строят свое поведение исходя из собственных идей, собственных норм и убеждений. Экстраверты, наоборот, больше ориентированы на персону, на внешнюю часть своей души. Типология Юнга базируется на двух основаниях — доминирование экстра-интровертности и развитие четырех основных психических процессов — мышление, чувствование, интуиция и ощущение. У каждого человека, считал Юнг, доминирует тот или иной процесс, который, в сочетании с интро- или экстраверсией индивидуализирует путь развития человека.

Хотя главным содержанием души Юнг считал ее бессознательные структуры, он не только не отрицал возможность их осознания, но и считал этот процесс одним из важнейших в личностном росте человека. Одним из вариантов такого осознания себя является психотерапия, в которой врач является помощником пациента, помогая ему понять себя, вернуть себе целостность. Юнг понимал сложность символической интерпретации и доказывал необходимость отказа от упрощений, применяемых Фрейдом в их интерпретации. Его анализ символов и их возможной интерпретации является одним из значительных достижений этой теории. В отличие от большинства психоаналитиков Юнг сознательно выстраивал свою теорию как открытую систему, которая может воспринимать новую информацию, не искажая ее в угоду своим постулатам, и это тоже является одним из достоинств его теории.

Индивидуальная психология А. Адлера

Еще дальше, чем теория Юнга, отстоит от позиции Фрейда индивидуальная психология А. Адлера (1870—1937). Он стал основателем нового, социально-психологического подхода к исследованию психики человека. Именно в развитии этих новых идей своей концепции он и разошелся с Фрейдом. Его теория, изложенная в его книгах «О нервном характере» (1912), «Теория и практика индивидуальной психологии» (1920), «Человекознание» (1927), «Смысл жизни» (1933), представляет собой совершенно новое направление, очень мало свя-

занное с классическим психоанализом и представляющее целостную систему развития личности.

Главная идея Адлера состояла в том, что он отрицал положения Фрейда и Юнга о доминировании бессознательных влечений в личности и поведении человека, влечений, которые противопоставляют и отделяют человека от общества. Не врожденные влечения, не врожденные архетипы, но чувство общности с другими людьми, стимулирующее социальные контакты и ориентацию на других людей, — вот та главная сила, которая определяет поведение и жизнь человека, считал Адлер. Однако есть и нечто общее, объединяющее концепции этих трех психологов, — все они предполагают, что человек имеет некоторую внутреннюю, присущую ему одному природу, которая оказывает влияние на формирование личности. При этом Фрейд придавал решающее значение сексуальным факторам, Юнг — первичным типам мышления, а Адлер подчеркивал роль общественных интересов.

В то же время Адлер был единственным, кто считал важнейшей тенденцией в развитии личности человека стремление сохранить в целостности свою индивидуальность, осознавать и развивать ее. Фрейд в принципе отвергал идею об уникальности каждой человеческой личности, исследуя скорее то общее, что присуще бессознательному. Юнг, хотя и пришел к идее о целостности и «самости» личности, но значительно позже, в 50 — 60-х годах. Мысль о целостности и уникальности личности является неоценимым вкладом Адлера в психологию.

Не менее важной является и введенная им идея о «творческом Я». В отличие от фрейдовского «Эго», определяющего полностью путь развития личности в заданном направлении, Я Адлера представляет собой субъективную и индивидуализированную систему, которая может менять направление развития личности, интерпретируя жизненный опыт человека и придавая ему различный смысл. Более того, это Я само предпринимает поиски такого опыта, который может облегчить данному человеку осуществление его собственного, уникального стиля жизни.

Теория личности Адлера является хорошо структурированной системой и покоится на нескольких ос-

новных положениях, объясняющих многочисленные варианты и пути развития личности. Эти основные положения: 1) фиктивный финализм, 2) стремление к превосходству, 3) чувство неполноценности и компенсации, 4) общественный интерес, 5) стиль жизни, 6) творческое Я.

Адлер считал, что большое значение в формировании структуры личности человека имеет его семья, люди, которые его окружают в первые годы жизни. Значение социального окружения особенно подчеркивалось Адлером (одним из первых в психоанализе), т. к. он исходил из мысли, что ребенок рождается не с готовыми структурами личности, но лишь с их прообразами, которые формируются в процессе жизни. Наиболее важной структурой он считал стиль жизни.

Развивая идею о стиле жизни, определяющем поведение человека, Адлер исходил из того, что это та детерминанта, которая определяет и систематизирует опыт человека. Стиль жизни тесно связан с чувством общности, одним из трех врожденных бессознательных чувств, составляющих структуру Я. Чувство общности или общественный интерес является своеобразным стержнем, который держит всю конструкцию стиля жизни, определяет ее содержание и направление. Хотя оно и является врожденным, но может остаться неразвитым. Эта неразвитость чувства общности является основой асоциального стиля жизни, причиной неврозов и конфликтов человека. Развитие чувства общности связано с близкими взрослыми, окружающими ребенка с детства, прежде всего с матерью. Уровень развития чувства общности определяет систему представлений о себе и о мире, которая создается каждым человеком. Неадекватность этой системы создает препятствия для личностного роста, провоцирует развитие неврозов.

Формируя свой жизненный стиль, человек фактически сам является творцом своей личности, которую он создает из сырого материала наследственности и опыта. Творческое Я, о котором пишет Адлер, является своеобразным ферментом, который воздействует на факты окружающей действительности и трансформирует эти факты в личность человека. Для Адлера процессы фор-

мирования жизненной цели, стиля жизни являются актами творчества, которые придают человеческой личности уникальность, сознательность и возможность управления своей судьбой. В противовес Фрейду он подчеркивал, что люди — это не пешки в руках внешних сил, но сознательные целостности, самостоятельно и творчески создающие свою жизнь.

Если чувство общности определяет направление жизни, его стиль, то два других врожденных и бессознательных чувства — неполноценности и стремления к превосходству, являются источниками энергии личности, необходимой для ее развития. Существует и специальный механизм, помогающий развитию этих чувств — компенсация. Адлер выделил четыре основных вида компенсации — неполная компенсация, полная компенсация, сверхкомпенсация и мнимая компенсация, или уход в болезнь. Соединение определенных видов компенсации с жизненным стилем и уровнем развития чувства общности дало ему возможность создать одну из первых типологий развития личности.

Одно из главных качеств личности, которое помогает ей устоять в жизненных невзгодах, преодолеть трудности и достичь совершенства, является умение кооперировать, сотрудничать с другими. Только в сотрудничестве человек может преодолеть свое чувство неполноценности, привнести ценный вклад в развитие всего человечества. Адлер писал, что если человек умеет сотрудничать с другими, он никогда не станет невротиком, в то время как недостаток кооперации является корнем всех невротических и плохо приспособленных стилей жизни.

Хотя не все теоретические положения, главным образом связанные с типологией личности детей, очередностью их рождения, нашли свое подтверждение в дальнейших экспериментальных исследованиях, сама идея о роли чувства общности и индивидуального стиля жизни в формировании личности, особенно мысль о компенсации как основном механизме психического развития и коррекции поведения, стала неоценимым вкладом в психологическую науку. Теория Адлера явилась своеобразной антитезой фрейдовской концепции че-

ловека. Она оказала огромное влияние на гуманистическую психологию, психотерапию и психологию личности.

Развитие психоанализа в 30–50-е годы

В отличие от Юнга и Адлера, которые подчеркивали, что разошлись с Фрейдом по принципиальным вопросам, связанным прежде всего со структурой личности и механизмами личностного развития, К. Хорни (1885 — 1952) говорила, что она лишь стремится исправить некоторые недостатки теории Фрейда, оставаясь его последовательницей по принципиальным вопросам. Однако ее стремление раздвинуть рамки ортодоксального фрейдизма, которые коренятся, по ее мнению, в механистической, биологической направленности этой концепции, на самом деле привели ее к пересмотру основных положений теории Фрейда.

Так же как и Адлер и, позднее, Фромм, Хорни приходит к выводу о доминирующем влиянии общества, социального окружения на развитие личности человека. Она также доказывала, что развитие не предопределено только врожденными влечениями, но человек может изменяться и продолжать свое развитие в течение жизни. Эта возможность изменения приводит к тому, что не существует фатальной обреченности к неврозу, о которой говорил Фрейд. Хорни утверждала, что есть четкая грань между нормой и патологией и потому есть надежда на полное выздоровление даже у невротизированных людей. Разработанная ею концепция нашла отражение во многих ее работах, и прежде всего в книгах «Новые пути в психоанализ» (1939) и «Невроз и развитие человека» (1950).

Она исходила из того, что доминирующим в структуре личности является бессознательное чувство тревоги, беспокойства, которое Хорни называет чувством коренной тревоги. Хорни считала, что причинами развития этой тревоги могут быть и отчуждение родителей от ребенка, и чрезмерная их опека, подавляющая личность ребенка, враждебная атмосфера или дискриминация или, наоборот, слишком большое восхищение

ребенком. Она выделяла два вида тревоги — физиологическая тревога и психологическая тревога. Если избавление от физиологической тревоги достигается простым уходом и удовлетворением основных потребностей детей, то преодоление психологической тревоги является более сложным процессом, т. к. оно связано с развитием адекватности «образа Я». Введение понятия «образа Я» является одним из важнейших открытий Хорни. Она считала, что этот образ состоит из двух частей — знания о себе и отношения к себе. При этом в норме адекватность «образа Я» связана с его когнитивной частью, т. е. со знаниями человека о себе самом, которые должны отражать его реальные способности и стремления. В то же время отношение к себе должно быть позитивным.

Для того чтобы избавиться от психологической тревоги, человек прибегает к психологической защите, о которой писал еще Фрейд. Однако Хорни пересматривает и это его положение, т. к. Фрейд считал, что психологическая защита помогает разрешать внутренние конфликты, возникающие между двумя структурами личности — Ид и Супер-Эго. С точки зрения Хорни, психологическая защита направлена на преодоление конфликта между обществом и человеком, т. к. ее задача привести в соответствие мнение человека о себе и мнение о нем окружающих, т. е. привести в соответствие «образы Я». Хорни выделяет три основных вида защиты, в основе которых лежит удовлетворение определенных невротических потребностей. Защиту человек находит либо в стремлении к людям (уступчивый тип), либо в стремлении против людей (агрессивный тип), либо в стремлении от людей (устраненный тип). Если в норме все эти потребности и, соответственно, все эти виды защиты гармонически сочетаются между собой, то при отклонениях одна из них начинает доминировать, приводя к развитию у человека того или иного невротического комплекса.

Психотерапия, считает Хорни, помогает человеку понять самого себя и сформировать более адекватное представление о себе. Надо отметить, что подход Хорни к понятию психологической защиты существенно

повлиял на позиции современной психологии, что и признается большинством исследователей, так же как и ее роль в развитии социологической школы психоанализа.

Разошлись с Фрейдом, создав свои собственные концепции, и такие близкие его сотрудники, как В. Райх (1897 — 1957) и О. Ранк (1884 — 1939).

В. Райх положил начала течению, получившему название фрейдомарксизм. Основные положения этой концепции были впервые изложены в статье «Диалектический материализм и психоанализ» (1924). Позднее идеи фрейдомарксизма нашли отражение в работах Э. Фромма и некоторых других ученых. В отличие от З. Фрейда, Райх полагал, что агрессивные и деструктивные влечения преимущественно вторичны и выступают не столько как врожденные, сколько как приобретенные в результате негативного воздействия общества. Он одним из первых провел психологическое исследование феномена фашизма, показав в своей книге «Массовая психология фашизма» (1933), что фашизм является выражением иррациональной психики массового человека, воспитываемого авторитарным обществом.

Большое значение, особенно для практической психологии, имела созданная Райхом концепция «панциря характера», т. е. совокупности черт невротической личности. При этом, как и Хорни, он пришел к мысли о том, что именно стили поведения человека выполняют роль защитных механизмов, регулирующих взаимоотношения между человеком и внешним миром, обеспечивая психическую разрядку. Разрабатывая принципы сексуально-энергетической социологии, он, на основе своих психоаналитических и сексологических исследований, пришел к выводу о том, что сексуальная энергия является биологической созидательной энергией, которая связана с жизненной силой космоса и потому в большей степени, нежели чисто психическая, воздействует на эмоции и интеллект человека.

Другой известный психоаналитик О. Ранк в совместной с Ш. Ференци книге «Развитие психоанализа» (1924) предложил отдать приоритет эмоциональному, а не интеллектуальному опыту, что привело к отдалению, а впо-

следствии и полному отходу от Фрейда. Психотерапия Ранка была направлена на преодоление воспоминаний об «ужасе рождения». В своей книге «Травма рождения» (1923) он утверждал, что основным источником тревоги является травма рождения (и вызванный ею страх), которую получает каждый человек в момент появления на свет и отделения от матери.

В 30-х годах в центре его внимания оказались вопросы развития индивидуальности человека, а также волевой регуляции поведения как одной из ведущих характеристик личности. С его точки зрения (как позднее и Фромма), свобода, которую получает человек в процессе своей индивидуализации, порождает у него чувство одиночества, которое приводит к неврозу. Возможность установить различные связи с окружающими может компенсировать это чувство одиночества, однако наиболее оптимальным является осознание свободы собственной воли. Исходя из этих положений им была разработана новая концепция психотерапии, которая была изложена в книге «Волевая терапия» (1936).

На основе принципов глубинной психологии были разработаны этнопсихологические концепции. Одним из первых начал использование психоаналитической терминологии при исследовании этнографических и культурологических проблем Б. Малиновский (1884 — 1942). В своих работах он уделял большое внимание изучению роли культуры в формировании человека, его потребностей. При этом культура в его концепции понималась как интегральная система, созданная людьми для удовлетворения их потребностей. Именно материалы этнографических исследований Малиновского впервые доказали, что эдипов комплекс не является универсальным образованием, как считал Фрейд, но зависит от социальных условий.

А. Кардинер (1892 — 1981) на основе Эго-психологии разработал психодинамическую концепцию национального характера. В своих работах «Индивид и его общество» (1939), «Психологические границы общества» (1945) он доказывал, что развитие национального характера обусловливается географическими, экономически-

ми, этническими факторами. Исходя из этого им была создана концепция базовой личности, в которой показывалось, что психические качества, свойственные всем людям данной культуры, являются продуктом специфического способа воспитания детей.

В 30-х годах появилась и первая концепция, в которой была предпринята попытка связать принципы социального научения бихевиоризма и глубинной психологии. Ее автора, американского психолога Г.С. Салливена (1892—1949), поэтому часто относят к обоим направлениям. Свою теорию Салливен назвал «интерперсональной теорией психиатрии». В ее основе лежат три принципа, заимствованные из биологии, — принцип коммунального (общественного) существования, принцип функциональной активности и принцип организации. Обобщающие труды, в которых изложены его взгляды, появились в 50-е годы — «Напряжения, которые вызывают войну» (1950), «Интерперсональная теория психиатрии» (1953), «Психиатрическое интервью» 1954).

Он считал, что личность человека является не врожденным качеством, но формируется в процессе общения младенца с окружающими, т. е. «личность — это модель повторяющихся межличностных, интерперсональных отношений». Хотя ребенок не рождается с определенными социальными чувствами, однако они формируются у него в первые дни жизни, и процесс их развития связан со стремлением человека к разрядке напряжения, создаваемого его потребностями.

Потребность не только создает напряженность, но и формирует способы ее преодоления — динамизмы, которые являются не только моделями энергетических трансформаций, но и своеобразным способом накопления опыта, знаний, необходимых для удовлетворения потребностей, для адаптации. При этом существуют более и менее важные для жизни динамизмы, которые удовлетворяют разные по степени необходимости для человека потребности. Главными, ведущими для всех потребностями Салливен считал потребность в нежности и потребность в избежании тревоги. В то же время источники тревоги настолько многообразны и непред-

сказуемы, что фактически именно потребность — в избегании тревоги, становится ведущей для личности и определяет формирование «Я-системы», лежащей в основе личности человека.

Говоря о «Я-системе» Салливен выделяет три ее структуры — хорошее Я, плохое Я и не-Я. Описывая их роль в психическом развитии, он доказывает, что стремление к персонификации себя как хорошего Я и избегание мнений о себе как о плохом Я являются наиболее важными потребностями личности, т. к. мнение о себе как о плохом является источником постоянной тревоги человека. Для защиты своей положительной персонификации человек формирует специальный механизм, который Салливен называет «избирательным вниманием». Этот механизм отсеивает все раздражители, которые могут принести тревогу, изменить мнение человека о себе. Так как основные причины тревоги кроются в общении с другими людьми, то «избирательное внимание» регулирует не только собственную персонификацию, но и персонификации (образы) других людей.

Исходя из идеи о приоритетном влиянии общения на развитие личности Салливен, естественно, уделял большое внимание изучению характера общения людей, формированию образов окружающих. Ему принадлежит основополагающее для социальной психологии изучение роли стереотипов в восприятии людьми друг друга, исследование формирования контролирующих моделей, которые оптимизируют процесс общения, прежде всего процесс обмена информацией.

Теория Салливена явилась одной из первых попыток соединить воедино различные подходы к пониманию закономерностей развития личности. Успешность этого опыта привела к стремлению современных психологов заимствовать наиболее значимые взгляды и открытия из разных психологических школ, расширяя рамки традиционных направлений. Работы Салливена оказали большое влияние не только на психологии личности, но и на социальную психологию, положив начало многочисленным исследованиям особенностей восприятия при общении людей.

Модификация глубинной психологии во второй половине XX века

Развитие основных методологических постулатов глубинной психологии продолжалось и во второй половине XX в. Продолжая исследования, начатые В. Райхом, О. Ранком, К. Хорни, свою теорию выдвинул Э. Фромм (1900 — 1980).

Фромм по праву считается наиболее социально ориентированным из всех психоаналитиков, т. к. для него социальное окружение является не просто условием, но важнейшим фактором развития личности. При этом в отличие от Адлера, который также придавал большое значение среде, Фромм под средой понимает не только ближайшее окружение ребенка, его семью и близких, но и тот социальный строй, в котором он живет. Говоря о влияниях, которые он испытывал в своей научной жизни, Фромм подчеркивал, что наибольшее значение для него имели идеи Маркса и Фрейда, которые он хотел объединить в своей теории, особенно в ранний период своего творчества. Если от Фрейда он взял главным образом идею о доминирующей роли бессознательного в личности человека, то от Маркса — его мысль о значении социальной формации для развития психики, а также идею о развитии отчуждения при капитализме, понимая под этим психологическое отчуждение, отчуждение людей друг от друга.

Исследуя развитие личности, Фромм приходит к выводу, что движущими силами этого развития являются две врожденные бессознательные потребности, находящиеся в состоянии антагонизма — это потребность в укоренении и потребность в индивидуализации. Если потребность в укоренении заставляет человека стремиться к обществу, соотносить себя с другими членами этого общества, стремится к общей с ними системе ориентиров, идеалов и убеждений, то потребность в индивидуализации, напротив, толкает человека к изоляции от других, к свободе от давления и требований общества. Эти две потребности являются причиной внутренних противоречий, конфликта мотивов у человека, который всегда тщетно стремится каким-то обра-

зом соединить эти противоположные тенденции в своей жизни.

Стремление человека примирить эти потребности, является, с точки зрения Фромма, двигателем не только индивидуального развития, но и общества в целом, т. к. все социальные формации, которые создаются человеком, являются как раз попытками уравновесить эти стремления.

Отношение общества к человеку проявляется в том, что личность развивается в соответствии с теми возможностями, которые данное общество ему предоставляет. При этом возможности индивидуализации развиваются в ущерб укорененности, о которой человек начинает тосковать, стремясь убежать от обретенной свободы. Желание свободы от всех и любой ценой не дает возможности человеку задуматься над тем, зачем ему нужна эта свобода. Поэтому, обретая ее, он не знает, что с ней делать и у него возникает желание променять ее опять на укорененность. Таким стремлением убежать от свободы, которая оказывается слишком трудной для человека, объяснял Фромм и появление фашизма, которое он наблюдал в 30-е годы в Германии. В то же время есть и другая свобода, «свобода для», т. е. свобода, необходимая нам для осуществления наших намерений.

Так как человек постоянно подвергается воздействию противоположных стремлений, ему грозит внутренний конфликт, который может сделать его невротиком. Для избежания этого внутриличностного конфликта человек прибегает к механизму психологической защиты, которая примиряет их с самими собой и с обществом. Здесь он, как и Хорни, подчеркивает, что личностный конфликт выливается в противостояние человека и внешнего мира, он проявляется не только во внутренней напряженности, невротизации, но и в том стиле общения с другими, который становится ведущим для человека. Фромм описал четыре механизма психологической защиты — садизм, мазохизм, конформизм и деструктивизм. Хотя эти механизмы и помогают человеку преодолеть внутреннее несоответствие, они, тем не менее, не решают глобальных проблем построения такого общества, которое бы способствовало осуществлению

и развитию внутренней природы каждого человека. Он писал о необходимости построения на Земле нового общества, которое он называет «гуманистический социализм», построенный на любви людей друг к другу, т. к. единственным чувством, которое, по мнению Фромма, помогает человеку примирить две противоположные потребности, является любовь в самом широком понимании этого слова.

Задумываясь над способами осуществления такого общества, Фромм приходит к выводу, что есть два способа реализации своей внутренней природы — способ быть и способ иметь. Люди, которые живут, чтобы иметь, ориентированы на внешнюю сторону своего развития, на укорененность в обществе. В то же время развитие по принципу «быть» характеризуется внутренней свободой и уверенностью человека в себе. И именно такие люди, по мнению Фромма, помогут осуществиться новому социальному обществу.

Работы Фромма «Бегство от свободы» (1941), «Человек как он есть» (1947), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть» (1976) продолжили развитие направления фрейдомарксизма, заложенного Райхом одно время очень популярного в западной психологии. Однако наибольшее значение работ Фромма в том, что они, оставаясь в русле основных положений психоанализа, отвечали на новые, возникшие уже во второй половине XX в. вопросы, соединяя идеи Фрейда не только с Марксом, но и с Адлером, и гуманистической психологией. Попытки на языке психоанализа показать противоречивость позиции человека в его общении с окружающими, роль общества, социальной формации в развитии личности человека имели огромное значение не только для психологии, но и для смежных наук — истории, социологии, философии, педагогики.

Продуктивность начатых Г. Салливеном исследований на стыке нескольких психологических направлений была продемонстрирована в концепции американского ученого Э. Берна (1910 – 1970). Его главным достижением является разработка концепции трансактного анализа, которую он вначале называл «социальной психоте-

рапией», подчеркивая ее связь с вопросами социального научения. Концепция Берна ориентирована в большей степени на практику, чем на формирование новых теоретических положений.

В книгах «Игры, в которые играют люди» (1964) и «Что ты говоришь после того, как поздоровался» (1972) им были изложены ведущие положения трансактного анализа, в основе которого лежит понятие о трех Эго-состояниях, в которых может находиться человек — Родитель, Взрослый, Ребенок. В каждый конкретный момент человек может находиться в одном из этих состояний, переключаясь на другое при изменении ситуации. Каждое из Эго-состояний хранит определенную информацию (правила поведения, скрипты, т. е. сценарии жизни и т. д.) и играет важную роль в конкретной жизненной ситуации, определяя поведение человека в ней. На изучении межличностных отношений клиентов, стереотипных схем поведения (игр, по терминологии Берна) и долговременных жизненных планов (скриптов) и строится работа по осознанию и изменению Эго-состояний клиентов. При этом задачей психотерапевта является избавление клиента от рано сформировавшихся деструктивных игр и сценариев и оптимизация его межличностных отношений.

Принципиально новый подход к модификации глубинной психологии был осуществлен в теории французского психолога Ж. Лакана (1901 — 1981).

В своих первых работах он исследовал «стадию зеркала», т. е. начало узнавания себя в зеркале ребенком 6 — 18 месяцев, выступающую как начало идентификации субъекта. В 1950 — 1960-х гг. Лакан начал разрабатывать свою теорию структурного психоанализа, основные положения которой изложил в работах «Тексты. Избранное» (1966), «Функции языка в психоанализе» (1968) и других. В этих трудах он сделал попытку соединить идеи Фрейда об особой роли языка и символики в структуре и функциях бессознательного с положениями структурной лингвистики.

В созданных им психоаналитических графах и технике психотерапии нашел отражение и его собственный практический опыт. В психотерапевтической работе

Лакан уделял особое внимание речи пациента, особенно в процессе свободной беседы, а также моментам перехода от «пустой» речи к «полной» и восстановлению символического ряда.

Эти техники подтверждались его теоретическими исследованиями, в которых обосновывалась возможность представить бессознательное в языковых структурах, т. к., по мнению Лакана, влечения человека есть, по сути, влечения другого, опосредованное его речью. Именно этим он объяснял многочисленные научные данные (не только самого Лакана, но и многих других ученых, в том числе и отечественных лингвистов и психологов Потебни и Шпета) о несовпадении мысли и слова.

Из всех теорий глубинной психологии, появившихся во второй половине XX в., пожалуй, наибольшее признание и распространение получила теория Э. Эриксона (1902—1994). Это связано с тем, что его мысли о цельности личности, ее тождественности (идентичности) самой себе и обществу, в котором она живет, стали весьма актуальны для большинства современных социумов, в которых одной из проблем является разобщенность и одиночество людей. Эриксон развивал идеи направления Эго-психологии, которое исходила из мысли, что главной частью структуры личности является не бессознательное Ид, как у Фрейда, но сознаваемая часть Эго, которая стремится в своем развитии к сохранению своей цельности и индивидуальности.

Не менее важно и то, что Эриксон связал воедино несколько тенденций в развитии психологии личности, соединив психоаналитический подход с важными идеями гуманистической психологии, главным образом мысли о неоднозначной роли адаптации, которая приостанавливает саморазвития личности, и важности сохранения собственной идентичности и цельности. В 1950 г. он публикует книгу «Детство и общество», которая принесла ему широкую известность. Последующие его работы «Молодой Лютер» (1958), «Идентичность» (1968) и «Истина Ганди» (1969) заложили основу нового подхода к анализу взаимоотношений между человеком и обществом, в том числе и при анализе исто-

рических событий и персонажей. Созданное им направлении в изучении истории психологической науки получило название психоистории.

В своей теории Э. Эриксон не только пересмотрел позиции Фрейда в отношении иерархии структур личности, но и в понимании роли среды, культуры и социального окружения ребенка, которые, с его точки зрения, оказывают огромное влияние на его развитие. Он делает специальный акцент на отношения ребенка и семьи, а более конкретно, на отношениях ребенок — мать. Он считал, что «врожденные влечения» человека являются отрывками стремлений, которые должны собираться, приобретать значение и организовываться в периоде затяжного детского возраста. Удлинение периода детства как раз и связано с этой необходимостью социализации детей. Поэтому Эриксон доказывал, что «инстинктивное вооружение» (сексуальное и агрессивное) у человека гораздо подвижнее и пластичнее, чем у животных. Организация и направление развития этих врожденных влечений связана с методами воспитания и образования, которые изменяются от культуры к культуре и предопределяются традициями. То есть каждое общество вырабатывает свои собственные институты социализации, для того чтобы помочь детям с различными индивидуальными качествами стать полноценными членами данной социальной группы.

Таким образом, Эриксон приходит к выводу о значительном влиянии культуры и социального окружения ребенка на его развитие. Главными для него становятся положения о роли среды, цельности личности, о необходимости постоянного развития и творчества личности в процессе ее жизни. Эриксон считал, что развитие личности продолжается всю жизнь, фактически до самой смерти человека, а не только в первые годы жизни, как считал Фрейд. Влияют на этот процесс не только родители и близкие к ребенку люди, т. е. не только узкий круг людей, как считал традиционный психоанализ, но и друзья, работа, общество в целом. Сам этот процесс Эриксон называл процессом формирования идентичности, подчеркивая важность сохранения и поддержания цельности личности, цельности Эго, ко-

торое является главным фактором устойчивости к неврозам.

Он выделил восемь основных этапов в развитии идентичности, в течение которых ребенок переходит от одной стадии осознания себя к другой. Эти стадии являются серией критических периодов, которые должны быть преодолены в течение всей жизни. При этом конкретный этап не только формирует новое, необходимое для социальной жизни качество, но и подготавливает ребенка к следующему жизненному этапу. Каждая стадия дает возможность для формирования противоположных качеств и черт характера, которые осознает в себе человек и с которыми он начинает себя идентифицировать.

Основное внимание Эриксон уделял кризису подростково-юношеского периода, который сопровождается важными биологическими и психологическими изменениями, т. к. с изменением образа своего тела меняется и образ собственного Я подростка. Кризис идентичности, который происходит в этот период, является основой личностной и социальной идентичности, которая начинает осознаваться с этого времени. Доказывая, в противовес ортодоксальному психоанализу, необходимость исследования не невротиков, а хорошо социализированных и уверенных в себе подростков, Эриксон подчеркивал, что основой нормального личностного развития как раз и является осознанное чувство цельности, идентичности.

Чувство отчаяния, о котором писал Эриксон, характеризуя последний этап в развитии личности, может появиться и раньше, но всегда оно связано с потерей идентичности, с «отвердением», частичным или полным, каких-то эпизодов своей жизни или свойств личности. Поэтому, хотя Эриксон и говорил о важности формирования у человека активной, открытой и творческой позиции, прежде всего он постоянно подчеркивал важность сохранения цельности, непротиворечивости структуры личности, писал о пагубности внутренних конфликтов.

Большое значение придавал Эриксон внешней стабильности системы, в которой живет человек, т. к. нару-

шение этой стабильности, изменение ориентиров, социальных норм и ценностей также нарушает идентичность и обесценивает жизнь человека. На основании материалов, полученных в своих исследованиях, Эриксон пришел к выводу, что структура идентичности включает в себя три части: 1) соматическую идентичность, т. к. организм стремится сохранить свою целостность при взаимодействии с внешним миром, 2) личностную идентичность, которая интегрирует внешний и внутренний опыт человека и 3) социальную идентичность, которая заключается в совместном создании и поддержании людьми определенного порядка, стабильности.

Обостренно переживаемый кризис идентичности подталкивает человека к решению не только своих собственных, но и социально-исторических проблем. Обосновывая положения своей психоистории, Эриксон стремился проанализировать исторические события с точки зрения биографии выдающихся людей. Так, в своих книгах о М. Лютере и М. Ганди он соединяет их личные проблемы, связанные с переживанием кризиса идентичности, с историческими проблемами и кризисом целого поколения. Описывая деятельность выдающихся людей, Эриксон подчеркивал, что значение этой деятельности связано с тем, что та новая идентичность, которую они разрабатывали, становилась впоследствии достоянием общества, переходя из области личной в социальную.

Таким образом, теория Эриксона демонстрирует продуктивность соединения нескольких подходов, нескольких точек зрения на личность, которые дают возможность увидеть процесс ее развития под разными углами.

* * *

Психоаналитические исследования психики являются одним из наиболее ценных вкладов в формирование психологической науки. Учеными, принадлежавшими к этому направлению, впервые были исследованы и описаны структура и этапы становления личности, раскрыты движущие силы и механизмы личностного развития, разработаны методы диагностики и коррекции эмоционально-потребностной сферы человека. Несмот-

ря на то, что некоторые факты и положения этой школы устарели (это относится, прежде всего, к ортодоксальным концепциях классического психоанализа), основные открытия этого направления составляют ядро современной концепции формирования личности.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем причины ревизии теории Фрейда?
2. В чем роль компенсации в развитии психики?
3. В чем отличие теории «Эго-психологии» от классического психоанализа?
4. Какие виды идентичности выделены Эриксоном?
5. Что такое психоистория?

Примерные темы рефератов

1. Ортодоксальность творчества в теории З. Фрейда.
2. Оппонентный круг А. Адлера.
3. Проблема идентичности и ее место в современной психологии.

Литература

1. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.
2. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.
3. История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986.
4. *Каннабих Ю.* История психиатрии. М., 1994.
5. *Овчаренко В.И.* Психоаналитический глоссарий. Минск, 1994.
6. *Уэллс Г.К.* Павлов и Фрейд. М., 1989.
7. *Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы личности. М., 1993.
8. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991.
9. *Фрейд З.* «Я» и «ОНО». Тбилиси, 1991. Т. 1—2.
10. *Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1990.
11. *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992.
12. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М., 1993.

13. Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
14. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
15. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 1996.
16. *Юнг К.* Психологические типы. М., 1995.
17. *Юнг К.* Архетип или символ. М., 1991.
18. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

Глава X

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ, ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ, ГЕНЕТИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Общая характеристика экзистенциальной психологии

Экзистенциальная психология существенно отличается от других психологических направлений тем, что в ней уже в первой половине XX в. наиболее выпукло отразились те новые тенденции, которые стали наиболее очевидны в конце XX в. — ориентация на философию, на поиск новых методов исследования психики, прежде всего структуры и содержания личности, интерес к анализу индивидуального опыта, единичных случаев, к нарративам.

Основным положением этого направления является понятие Daseis (бытие в мире, вот-бытие) — оно подчеркивает неразрывность человека и мира. Человек осуществляется в этом мире, реализуя заложенные в нем потенции к существованию, а мир реализуется, высветляется через человека, в его активности. При этом бытие происходит здесь и сейчас, и люди должны стремиться к полноте проживания каждого мгновения жизни. Не менее важно и положение о необходимости понимания сущности индивидуального бытия, которым должен обладать каждый, т. к. осознание этой сущности помогает аутентичному существованию, а неаутентичное бытие приводит к болезни.

Как и психоаналитики, экзистенциалисты — Босс, Бинсвангер, были практикующими психиатрами, поэтому в их исследованиях, как и в работах Фрейда, Юнга, других психоаналитиков, значительное место отводится

описанию отдельных случаев психических заболеваний, иллюстрирующих и/или доказывающих правоту выдвигаемых положений. Однако для экзистенциальной психологии, в отличие от психоанализа, важно было не только описание негатива, но поиск позитива, тех потенциальных способностей в человеке, которые дают ему возможность выйти из болезни, прийти к гармонии (аутентичности) с собой и миром, добиться личностного роста.

При этом для экзистенциалистов настоящее важнее прошлого, они отрицают каузальность, а потому не считают, что прошлое, например, детские травмы, приводят к неврозам, депрессиям и другим отклонениям и болезням, которые человек переживает во взрослой жизни.

Как и многие другие ученые того времени, экзистенциальные психологи искали новых форм объяснения психического и новых методов его изучения. При этом они отвергали не только перенос естественно-научных принципов в психологию, но и, как было сказано выше, принцип детерминации, который, по их мнению, не применим к психологии, т. к. к человеческой психике невозможно приложить причинно-следственные объяснения. Детерминация психики может, по их мнению, основываться только на биологии, а в духовной сфере нет и не может быть такой безусловной причинно-следственной связи. Поэтому с точки зрения экзистенциализма невозможно противопоставлять душу и тело друг другу.

Вместо понятия каузальность или детерминация экзистенциалисты полагали необходимым введение понятия «мотивация». Мотивация предполагает наличие внутреннего, психического источника и механизма поведения. Важным моментом, определяющим своеобразие подхода экзистенциальной психологии к личности, является убеждение в том, что источником мотивации является сам человек, который представляет собой активную и развивающуюся личность, а не пассивную вещь. Отношение к человеку как к предмету, с их точки зрения, — одна из основных причин невротизации людей, которые также начинают рассматривать себя как вещи, предметы, не имеющие собственной воли, мотивации.

Объяснение причин поведения, активности человека стало одним из наиболее уязвимых и спорных мест в концепции экзистенциальной психологии. Так как экзистенциализм отвергает идею каузальности, то причиной поведения не может стать стимул внешней среды или соматическое состояние человека. Причина кроется только в нем самом, в его свободном выборе. Доказывая различие между мотивацией и причинностью (каузальностью), Босс приводил в пример различия между окном, захлопнувшимся от порыва ветра (который является причиной данного факта), и окном, закрытым человеком, который мотивирован на данное действие холодом, проникающим из окна, или каплями дождя. Причина же в этом случае — физическое давление руки на оконную раму. Так как человек понимает, какая мотивация направляет его поведение и каким образом оно должно осуществляться (холод — окно — давление руки на раму), то мотивация тесно связана с пониманием и регуляцией поведения, в которых слиты физическое и духовное. Однако понимание и свобода выбора еще не гарантирует его адекватность и мудрость, человеку свойственно ошибаться, плохо осознавать себя и свое бытие, а потому люди, свободные выбирать аутентичное или неаутентичное существование, часто выбирают второе. Результатом такого выбора становится отчуждение, фобии, страдания.

Одним из ведущих постулатов, объединяющих экзистенциальную и гуманистическую психологии, стало отношение к свободе, которая рассматривается как главное и неотъемлемое свойство человека. При этом, в традициях Эпикура, свобода и ответственность связываются в единое целое — человек свободен в выборе своего поведения, своих поступков, и он ответственен за этот выбор, за свое существование в мире.

В развитии экзистенциальной философии и психологии огромное значение имеет социальная ситуация, в которой появилось и расширялось это направление. Ведь идея о том, что существует конфликт не только между личностью и обществом, но и внутри самой личности, актуализируется в науке именно на рубеже XIX — XX вв. При этом тема духовного (и психического) распада лич-

ности, кризиса цивилизации становится одной из ведущих для многих психологов, философов, художников. О. Шпенглер, А. Бергсон, П. Жане, З. Фрейд доказывали, что культура близится к закату, что свобода воли может привести человека к отходу от разума, который уступает место интуитивному знанию, бессознательному.

Авторы	Цели Daseis (бытия — в мире)	Основные достижения
Л. Бинсвангер	Стремление к аутентичности, реализации всех потенциальных возможностей	Экзистенциально априориорные структуры. Миропроект, модусы бытия. Экзистенциальный анализ
М. Босс	Стремление к свободному личному выбору	Экзистенциалы — характеристики существования, Daseinanalysis
В. Франкл	Стремление к обретению смысла жизни	Учение о ценностях, биологический, психологический и ноэтический уровни существования человека

Экзистенциальная философия как основание психологических концепций

Философские концепции повлияли на экзистенциальную психологию в большей мере, нежели на другие психологические теории. Это связано, по-видимому, с тем, что философы (Ясперс, Хайдеггер), на которых ориентировались Босс и Бинсвангер, занимались психиатрической практикой, что роднило их с новым психологическим направлением. Не меньшее значение имел и тот факт, что экзистенциальная психология, как и философия, отвергала саму возможность экспериментального изучения личности, настаивая на том, что методики, разрабатываемые в позитивной философии, неприменимы при исследовании и объяснении внутреннего мира человека.

Одним из духовных отцов экзистенциальной психологии по праву считается Э. Гуссерль (1859 — 1938), который писал, что и социология, и психология имеют дело не только с естественной, но и искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому традиции естественно-научного знания не применимы при изучении психологических явлений, и не может существовать прямого и объективного способа изучения чужой души.

В то же время он считал возможным объективировать содержание духовного мира человека. С его точки зрения, мышление объективно, т. к. содержание его продуктов (например, понятий) истинно и не зависит от человека. Истина представляет собой значимость во вневременном и абсолютном царстве идей. Поэтому созданная Гуссерлем феноменология была направлена на описание чистого сознания, руководствуясь в своей работе девизом феноменологии: «К самим вещам!»

Для последовательного осуществления операции «очищения» феноменов сознания Гуссерль создает феноменологическую редукцию. Ее суть состоит в том, чтобы последовательно освободить сознание от всего эмпирического содержания — знаний о реальном мире, научных понятиях, в том числе понятия «сознание», знаний о культуре.

Рассматривая структуру «феномена сознания», Гуссерль выделял в нем следующие элементы: 1) словесная оболочка; 2) переживания познающего субъекта; 3) «смысл» и «значение»; 4) предмет. Таким образом, с точки зрения Гуссерля, направленность, интенциональность познающего мир человека придает феноменам сознания предметность, которая обозначается словом — названием конкретного предмета.

Положение о существовании изначальных, априорно заданных ценностей в принципе было в философии и ранее, например, в теории И. Канта, о которой говорилось в предыдущих главах. Гуссерль же соотнес априорные постулаты с понятием жизненного мира, говоря о том, что априорные постулаты, существующие до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей, не умаляя научного знания, структурируют его, позволяя

создать целостную систему из опытных данных о психических феноменах.

Важным для экзистенциальной психологии было и обращение к концепции жизненного мира, появившейся в поздних работах Гуссерля, т. к. помогает наполнить абстрактное содержание феноменов не только значением, но и смыслом. В отличие от мира науки, который искусственно создан, жизненный мир не создается искусственно, он дан непосредственно, с полнейшей очевидностью всякому человеку. Жизненный мир всегда отнесен к субъекту, это его собственный окружающий повседневный мир. Поэтому он субъективен и дан в виде практических целей. Еще одной важной характеристикой жизненного мира является его культурно-исторический характер. Он непосредственно связан с сознанием конкретной социальной группы или цивилизации на определенном этапе ее развития.

Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, но и для структурирования смыслов, в том числе и для понимания себя и смысла своего существования в мире. Это положение связывает Э. Гуссерля не только с М. Хайдеггером, но и В. Франклом. Э. Гуссерль считал, что предмет есть, а смысл — значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета, значение и представление, внутренняя форма предмета. Если благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, т. е. еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т. д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значение — это есть тот исток, тот априорный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Так, погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает объективное познание. А эмпирический опыт, напластованный на это значение, придает ему личностный смысл.

Огромное влияние на экзистенциальную психологию оказали труды К. Ясперса (1889 – 1969). Совмещая в своей деятельности философию и психиатрию, Ясперс писал о необходимости в понимания человека во всей его целостности. Он считал, что психопатологические явления, как правило, отражают не столько процесс распада человеческой личности, сколько интенсивные поиски человеком собственной индивидуальности. Эта мысль нашла отражение в его концепции феноменологической психопатологии и патографическом анализе — анализе причин развития душевной болезни Стриндберга, Ван Гога, Ницше и других выдающихся людей.

Идея Ясперса о том, что в образе мира любого человека содержатся неосознанные и преобразованные мотивы, во многом аналогична позиции психоанализа, так же как подчеркиваемая им необходимость интерпретации и истолкования таких «зашифрованных» стремлений. Мотивация, с его точки зрения, — это проявление творческой силы экзистенции (подлинное существование человека, обусловленное только его собственной индивидуальностью). Бытие личности он называет личностный мир индивида. Однако, в отличие от психоанализа и экспериментальной психологии, постижение этого бытия личности научными или клиническими методами, по мнению Ясперса, не возможно, понять другого можно только при помощи «озарения» интуитивного прозрения, которое никак не отвечает требованиям научности, принятым в естественных дисциплинах. Необходимость, с точки зрения Ясперса, отделять научные методы от озарения и материалы, полученные этими разными способами друг от друга, являлась одной из важнейших причин для критики с его стороны экзистенциального анализа и концепций Бинсвангера и Босса, которые такое различие отрицали.

Еще одной важной для экзистенциальной и гуманистической психологии идеей Ясперса было представление о «пограничных ситуациях» — ситуациях серьезных изменений, потрясений (размышления о смерти, болезнь и т. д.), аналогичных плато-переживаниям А. Маслоу. Именно в эти моменты, с точки зрения Ясперса, человек осознает смысл своего бытия, проявля-

ется (осветляется в терминологии экзистенциализма) экзистенция, сущность личности человека.

М. Хайдеггер (1889 — 1976) оказал, пожалуй, наиболее значительное влияние на экзистенциальную психологию. Хайдеггер использовал феноменологию Гуссерля, учеником которого он был. Феноменология, как уже отмечалось, предполагает описание данных, существующих в непосредственном опыте, т. е. «здесь и сейчас». Именно феноменологический подход стал доминирующим в гештальтпсихологии, на его основании В. Келер и М. Вертгеймер утверждали, что главным в решении задач является непосредственно существующий в данный момент образ действительности, чертеж, модель, а не прошлый опыт. Экзистенциализм распространил феноменологию на психологию личности, доказывая важность настоящего, а не прошлого опыта для эмоционального состояния и мотивации человека, а саму феноменологию определяя как метод, который помогает раскрыть феномены поведения в том виде, как они являются непосредственному наблюдению. Развивая понятие феноменологической редукции, введенной Гуссерлем, Хайдеггер вводит положение о деструкции, сходное с идеей деконструкции в современном постмодернизме. Деструкция, по мысли Хайдеггера, помогает раскрыть подлинный характер понятий, в том числе и подлинный смысл бытия. Отрешаясь от внешних характеристик, человек возвращается к бытию, конструируя его. При этом одной из важнейших характеристик бытия является время. Согласно Хайдеггеру, человек осуществляется, существует во всех трех временных ипостасях — прошлом, настоящем и будущем, т. к., закладывая в настоящем свое будущее, он начинает лучше понимать свое прошлое.

В своем подходе к феноменологии, Хайдеггер также дополняет понятие феномена понятием Логоса. Он подчеркивал, что феномен может проявляться разными способами, он то, что кажется человеку в данный момент. Логос же выступает как основание для определения феномена, помогая взаимопониманию людей в процессе общения. Таким образом, можно говорить о том, что феномен предполагает различное внутренне содержание,

представление для разных людей и даже для одного человека в разное время, в разном состоянии, в то время как Логос предполагает какие-то объективные характеристики, на основании которых разные люди осознают, что речь идет об одном и том же. В некоторой степени эти понятия можно соотнести с психологическими характеристиками внутренней формы слова (или его смысла) и его объективного значения.

Одно из основных понятий Хайдеггера является Dasein (вот-бытие), которое является базовым в его теории, заменяя или, точнее, изменяя интерпретацию таких понятий как личность, Я, человек. Идея о том, что человек есть бытие-в-мире, сыграла важную роль в развитии экзистенциальной психологии. Человек не существует отдельно как субъект, как личность, не является объектом, вещью, которую можно изменять по требованию обстоятельств. То есть, по мнению Хайдеггера, бытие и мир — одно целое, и мир обретает свою сущность через бытие, через личность. Он противопоставлял Daseis понятию Vorhandsein, которое относится к существованию предметов, а не людей. Daseis у него — бытие, открытое миру, т. е. такое состояние бытия, в котором все потенции человека могут быть реализованы, явлены, могут стать и быть настоящим.

С его точки зрения, надо говорить не о том, что такое личность, человек, но о том, каким образом он осуществляет свое бытие, свое присутствие в этом мире. Фундаментальной особенностью человека является его отношение к собственному бытию. При этом Хайдеггер подчеркивал важность именно отношения, эмоции, а не рационального обоснования и осознания собственного бытия. Анализируя отношение человека к своему бытию, Хайдеггер приходит к одной из важнейших и для него, и для экзистенциальной и гуманистической психологии мысли о необходимости для человека выполнения своего предназначения в мире, «реализации» своего бытия в нем. То есть человек, не являясь ни единичным субъектом, ни объектом, является, в своей сущности, «просветом бытия», вестником бытия миру, вестником той сути, того предназначения, которое в нем заложено и которое он должен реализовать.

Сложности, которые испытывает человек в процессе поиска и реализации этого предназначения, могут вызвать негативные переживания, исказить его Dasein. Таким образом, экзистенция (существование) человека является не данностью, но возможностью, проектом, который необходимо осуществить и который предполагает открытость и постоянное развитие Dasein. Трудности полноты реализации Dasein связаны не только поиском своей сущности, но и с опасностью раствориться в суете. Неспособность противостоять такому растворению в суете мира является угрозой для подлинности существования, т. к. в результате теряется смысл бытия, его целостность.

В качестве интенциональной (побуждающей) основы осуществления человека в мире, Хайдеггер предлагает понятие заботы, выделяя два вида заботы — антиципирующую и замещающую. С его точки зрения, понятие заботы не только раскрывает способ осуществления себя, но и объясняет связь человека со всеми объектами мира. Благодаря антиципирующей заботе человек может помочь окружающим его вещам осуществиться, явиться в своей полноте и сущности. Замещающая забота, наоборот, препятствует их нормальному рождению в мире.

Хайдеггеру принадлежит идея Dasein анализа, который в его концепции еще не является собственно инструментом изучения или психотерапии, но уже направлен на анализ, исследование целостного единства, составляющего сущность человека.

Экзистенциальный анализ Л. Бинсвангера

Людвиг Бинсвангер (1881 — 1966) учился в Цюрихском университете у ведущего швейцарского психиатра Э. Блейера вместе с К. Юнгом и был одним из первых последователей З. Фрейда, дружеские отношения с которым ему удалось сохранить до конца жизни основателя психоанализа.

Несмотря на увлечение Фрейдом, постепенно Бинсвангер отходит от психоанализа, начиная, одним из первых, использовать в психиатрии феноменологический подход. Создавая свою концепцию, Бинсвангер

опирался на экзистенциальную философию М. Хайдеггера, феноменологию Э. Гуссерля и психоаналитические идеи З. Фрейда. Разрабатывая основы экзистенциального анализа, Бинсвангер полагал, что его главной задачей является реконструкция внутреннего мира, опыта человека. Центром его концепции стало понятие Dasein, «бытие-в-мире», феноменологические описания которого, основанные на изучении историй болезней пациентов, положили начало новому направлению. В его концепции важна не столько сама по себе реконструкция опыта, сколько постижение априорных, до опытных или трансцендентных, в терминологии Канта, структур, которые конструируют, сводят в единое целое этот опыт.

Бинсвангер считал, что человеческое существование происходит в трех областях или модусах: 1) биологическое и физическое окружение (ландшафт); 2) социальное окружение, мир людей; 3) собственный мир человека, включая его тело и его отношение к самому себе. Биологический и физический мир включает в себя не только предметы или природу, которая окружает человека, но и отчасти его биологические потребности. Этот мир присущ всем организмам, даже живым существам, не имеющим сознания. Мир людей подразумевает прежде всего характер общения и взаимодействия между людьми, степень включенности человека в определенные группы, а также те смыслы, которые используются им при коммуникации с разными партнерами. Собственный мир человека включает не только его бессознательные стремления и влечения, но и осознанное понимание себя и своего отношения к себе и другим. В трактовке содержания субъективного мира человека Бинсвангер решительно уходит от глубинной психологии, которая рассматривает только неосознанную мотивацию.

Априорные постулаты конструируют воедино весь мир людей во всех сферах его бытия, при этом они объясняют весь этот мир, не выстраивая разные виды бытия в иерархию, но гармонично располагая их в пространстве его миропроекта. В определенном смысле можно говорить о том, что трансцендентный экзистенциал направлен на структурирование смыслов бытия, выделяя в них главные и второстепенные для конкретного чело-

века, исходя из его, априорно заданного, предназначения (или априорно заданного смысла жизни). С этой точки зрения то, что человек познает в процессе жизни, его когнитивный опыт, служит только для лучшего осознания и проявления этого главного априорно заданного смысла. Трансцендентные смыслы во многом являются основой структурирования собственного мира человека, его отношения к окружающему, его оценок людей и вещей.

Человеческое бытие в мире не ограничено его реальным окружением, он должен стремиться к бытию за пределами мира, т. е. к тому, чтобы реализовать все свои возможности. Бытие за пределами мира не имеет в виду, как подчеркивал Бинсвангер, мир иной (например, Рай или Ад), но только полноту реализации всех своих потенциальных возможностей в данном бытии. Только актуализируя свой потенциал, человек может жить аутентичной жизнью, т. е. той жизнью, для которой он предназначен. Такое бытие дает удовлетворенность и устойчивость, не ведет к непреодолимым противоречиям с собой и своим окружением (биологическим и социальным), т. е. не ведет к невротизации. Ограничивая свои возможности или позволяя другим управлять собой, люди лишаются необходимой аутентичности. При этом, как утверждают экзистенциальные психологи, человек свободен в выборе любого варианта своей жизни, т. к. потенциально перед ним открыты все пути. Поэтому ответственен за свою жизнь и ее смысл только он один. В то же время Бинсвангер подчеркивал, что отказ от свободы приводит к неудовлетворенности, депрессии, развитию чувства вины.

Естественно, говоря о свободе, Бинсвангер, не мог обойти вопрос о границах этой свободы в реальном бытии человека. Ведь люди рождаются в конкретное время, в определенной социальной ситуации, они, по его выражению, «заброшены» в мир, который определяет их судьбу. Поэтому аутентичное существование подразумевает актуализацию своих возможностей в рамках конкретной судьбы, и, например, способ проживания этой судьбы для родившихся женщинами, будет отличаться от способов, которые аутентичны для мужчин.

При этом, чем упорнее человек сопротивляется своей судьбе, отказываясь от истинного смысла своего существования, тем большее влияние начинает на него оказывать судьба. Это проявляется в том, что человек начинает не доверять себе, он отказывается от свободы и не хочет брать на себя ответственности за свои поступки, передоверяя эту ответственность другим.

Еще одним важным понятием, которое ввел Бинсвангер в экзистенциальный анализ, является понятие «миропроект». Миропроект определяет индивидуальный путь построения человеком своего бытия-в-мире, способ, определяющий, как он будет действовать в конкретной ситуации. Не менее важно то, что, по мнению Бинсвангера, миропроект определяет не только способы взаимодействия с действительностью, но и личностные качества самого человека. В зависимости от этих качеств, а также от особенностей жизни, способов взаимодействия с миром, границы миропроекта могут быть узкими или широкими. Если человек позиционирует себя в большом количестве категорий, у него широкие возможности для выбора путей построения своей судьбы, реализации своих потенций. Поэтому, когда, как писал Бинсвангер, возникает угроза в одном пространстве, появляется другое пространство, которое предоставляет человеку безопасную опору. В то же время узкие границы проекта не дают возможности для такого замещения и приводят к тревоге и невротизации. Эти идеи Бинсвангера во многом перекликаются с положением К. Левина о роли замещения в развитии личности и способности человека преодолеть фрустрацию.

С точки зрения Бинсвангера, существует много модусов бытия-в-мире, т. е. способов самопонимания и самовыражения человека. Модусы могут сформировываться и двумя людьми, например, в любви появляется дуальный модус, при котором Я и Ты становятся Мы. Напротив, человек эгоистичный, который видит и живет только для себя, выбрал сингулярный модус существования, в котором есть только Я. Но нарушает аутентичность не только эгоизм, но и множественность модусов существования, при которых люди не вступают в близкие и дружеские отношения, но лишь формально обща-

ются, не доверяя друг другу и соревнуясь друг с другом. Такой способ жизни может привести к становлению анонимного модуса, при котором возникает тревожность, неуверенность, и человек стремится спрятаться в толпе, не проявляя себя, своих стремлений. Таким образом, у человека одновременно присутствует несколько модусов, и ему (или психотерапевту, если он не может этого сделать сам) важно понять их все, распознать смысл существования в каждом из модусов, чтобы вернуть себе аутентичность, выбрать наиболее адекватные для себя модусы существования. При этом, с точки зрения Бинсвангера, особенно в последний период его творчества, наиболее продуктивным и адекватным для людей является дуальный модус, т. к. быть человеком — значит любить, а подлинное человеческое бытие есть «бытие-в-любви, бытие-вместе».

Daseinanalysis М. Босса

Медард Босс (1903 – 1990) так же как и Бинсвангер, начал свою профессиональную деятельность у известного психиатра Э. Блейера как его ассистент в психиатрической клинике Цюрихского университета. В 1940-х гг. он начал также сотрудничать с К. Юнгом, участвуя в ежемесячных встречах в его доме, где обсуждались проблемы развития и модификации психоанализа. Несколько позже Босс познакомился с М. Хайдеггером, взгляды которого оказали на него большое влияние. Для того чтобы концепция Хайдеггера получила более широкую известность среди психологов, психоаналитиков, психиатров и психотерапевтов, Босс организовал так называемые «Цолликонские семинары» (по месту их проведения — в доме М. Босса в Цолликоне, под Цюрихом), на которых с 1959 по 1970 г. М. Хайдеггер, по просьбе М. Босса, регулярно знакомил слушателей с основными положениями своей философии.

В результате Босс подвергает критике ряд принципиальных положений психоанализа, первоначально стремясь к объединению психоанализа и экзистенциализма. Однако постепенно он все больше отходит от классического психоанализа в поиске новых идей и

способов повышения эффективности психотерапии. Это приводит Босса к сближению не только с Хайдеггером, но и с Бинсвангером. С течением времени Босс несколько отходит от концепции последнего и создает новую версию экзистенциальной психотерапии — Daseinanalysis, ориентированную на помощь пациенту в преодолении запретов и выборе соответствующего ему способа существования. В 1970-е гг. Босс начинает разрабатывать программу перестройки психологии и медицины, стремясь создать новую методологию, основанную на экзистенциальной философии, для этих наук.

Использование Боссом понятия Daseinanalysis подразумевает тщательное рассмотрение специфической природы человеческого существования или бытия-в-мире. Люди не имеют существования отдельно от мира, но и мир не может существовать без людей, отдельно от них. Босс писал, что человек раскрывает мир, т. е. он реализует все то, что есть в мире, высветлят его, и в этом смысле — человек есть просвет, в котором все высвечивается и является. Сами пор себе вещи и явления не могли бы осуществиться и явиться, если бы человек не был мотивирован на их реализацию, использование.

Daseinanalysis помогает человеку увидеть сущность своего явления, проживания в мире, описать его как можно точнее. При этом Босс, как и Бинсвангер, считает, что сложность состоит не только в трудностях, возникающих при изучении внутреннего мира людей, но и в ограниченности языковых средств при его описании. Используемый в экзистенциальной психологии феноменологический анализ говорит о необходимости описывать опыт на языке опыта, т. е. на языке нормальных повседневных слов, а не с использованием научной терминологии, за что не раз упрекали экзистенциальных психологов. Поэтому и Бинсвангер, и Босс, и другие экзистенциалисты для объективации этого опыта предпринимали попытки его интрасубъективной и интерсубъективной валидизации — т. е. подкрепления данными собственных наблюдений в разных ситуациях и опытом наблюдений сходных ситуаций разными людьми. Отвергая подход классического психоанализа к символической интерпретации опыта, в частности,

сновидений, Босс и, частично, Бинсвангер несколько сближаются с юнгианским анализом, утверждая, что, т. к. сон является одним из модусов бытия, то сновидения отражают опыт и переживания человека в прямом смысле и не нуждающиеся в дополнительной символизации.

По мнению Босса, человек не придает смысл окружающему, но открывает этот смысл в объектах окружающего мира, и этот смысл открыт настолько полно и верно, насколько сам человек открыт миру, готов к восприятию того опыта, который он ему дает. При этом степень открытости миру во многом зависит от аутентичности человека, т. е. от того, насколько правильно он понял смысл своего существования, своей судьбы и насколько полно он ее воплощает. Изоляция — это результат отхода от аутентичности, она приводит к несвободе и закрытости, отчужденности от самого себя, «обманутости» миром.

В отличие от Бинсвангера, для Босса понятия открытости и закрытости являются ведущими при характеристике способа бытия-в-мире. При этом открытость, светлота бытия, помогает нахождению аутентичности, смысла этого бытия, в то время как закрытость сужает границы реализации и нарушает аутентичность. Таким образом, бытие каждого человека индивидуально, оно имеет свои собственные характеристики, которые Босс называет «экзистенциалы». Главные экзистенциалы, по мнению Босса, это — пространственность, темпоральность, телесность, существование в разделенном мире и настроенность, а также историчность и смертность.

Пространственность, как считает Босс, связана со степенью открытости и со-настроенности людей друг для друга, т. е. люди, открытые навстречу друг другу, пространственно близки, невзирая на реальные расстояния между ними. В то же время люди, закрытые, даже если они находятся в непосредственной близости, далеки, т. к. их внутренний мир не доступен, не ясен один для другого.

Темпоральность также не связана с физическими или социальными эталонами времени, но только с психологической оценкой его длительности самим челове-

ком. То есть время — это всегда время для свершения чего-то, поэтому его может не хватать, а может быть избыточно. Так, когда человек опаздывает или ему надо быстро сделать много дел, время сокращено, но оно расширяется, когда люди планируют дела на большой промежуток времени — на месяц, год или даже несколько лет. Босс также уделяет большое внимание таким временным характеристикам существования, как прошлое, настоящее и будущее.

Хотя человек осознает себя и существует и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, главное, как для всех феноменологов, для экзистенциалистов представляется настоящее. Босс подчеркивал, что человек ест сегодня не потому, что он ел вчера, хотя он может и помнит об этом, но потому, что он опять проголодался. То есть важна не привычка и прошлый опыт, но актуализация потребности в настоящее время.

Темпоральность человека дает ему возможность существовать и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, если он открыт своему прошлому или будущему. При этом, чем больше он открыт прошлому (или будущему) — тем больше оно существует в нем, тем больше расширяется темпоральность в этом направлении. Это отражается и в речи, т. к. люди часто говорят — он живет прошлым, все в прошлом, или все в будущем, живем для будущих поколений и т. д. В идеале, с точки зрения Босса, человек должен быть открыт всему прошлому, всему настоящему и всему будущему, хотя, в реальности, такое невозможно.

Историчность, также являющаяся одним из важнейших экзистенциалов, раскрывает связь человеческого существования с историей, традициями, конкретной культурой, к которой он принадлежит, даже если не всегда это осознает. Историчность, по мнению Босса, отличает человека от других живых существ, именно человеческая память конструирует историчность его существования, его опыта. Примером служит жизненная история (жизненный путь) человека, которая также показывает, что этот экзистенциал постоянно расширяется на протяжении всей жизни людей — от рождения до смерти.

Телесность, как подчеркивал Босс, не ограничена пространством тела, но может распространяться или сужаться, в зависимости от степени открытости человека миру. Так, открытые для других люди, могут включать близких в пространство своей телесности. Или, наоборот, исключать из нее что-то, не устраивающее их в себе (например, большой орган).

Такая открытость и включение других в свое существование характеризует бытие в разделенном мире, т. е. мире, который люди делят друг с другом. Люди, закрытые, центрированные только на себе, живут в изоляции, и для них не характерно сосуществование с другими, разделенность мира.

Сущность экзистенциалов Босса показывает, что, по его мнению, главным является не столько способ реализации своего бытия и взаимодействия с другими, как это подразумевал Бинсвангер, но самоотношение, понимание/непонимание человеком себя и своей сущности, его открытость новому опыту, который помогает такому осознанию. Поэтому одним из важнейших экзистенциалов, по мнению Босса, является настроение. Именно этот экзистенциал лежит в основе других, он показывает, почему человек далек или близок от окружающих, разделяет с ними мир или центрируется на себе, расширяет или сужает время и свою телесность. Способ существования в мире всегда созвучен определенному настроению, и если при хорошем настроении повышается ясность и открытость миру, то при подавленном — ясность меркнет и открытость снижается. Настроение определяет то, какие именно феномены в окружающем человек видит в настоящий момент. При тревожном настроении он фиксирует в первую очередь, угрозы, а при хорошем — веселые моменты, расположение других к себе. Человек голодный выбирает предметы, отличающиеся от его же выбора в ситуации жажды или сексуального возбуждения, веселья или утомления. Таким образом, развитие, с точки зрения Босса, — это смена модусов существования, т. к. модус ребенка серьезно отличается от модуса юноши, а у того, соответственно, есть различия и с модусом младенца, и с модусом пожилого человека. Поэтому, история чело-

века — это не просто опыт или стадии его развития, как, например, считали Пиаже или Эриксон, но набор различных модусов существования. С этой точки зрения развития в полном смысле этого слова не существует, так же как нет и детерминированности настоящего прошлым.

Если процесс развития как таковой не стоит в центре внимания Босса, то процесс становления является центральным и для него, и для экзистенциальной психологии в принципе. Человек не может не меняться, он обязан становиться чем-то новым, т. к. каждый, как уже неоднократно повторялось, должен реализовать все возможности своего существования. Отказ от становления, по словам Босса, связан с закрытостью и подобен изоляции от мира в замкнутом пространстве. Он приводит к невротизации, при этом Босс повторяет, что люди свободны в своем выборе, и отказ от свободы — это их выбор. Свобода не есть нечто, чем люди обладают, она есть нечто, что они есть.

При этом, как и античные психологи, Босс связывает свободу не только с ответственностью, но и со страхом и проблемой смерти. Необходимость реализации себя и полноты проживания каждой минуты существования связаны, как подчеркивал Босс, с осознанием смертности людей. Смертность — один из наиболее специфических человеческих экзистенциалов, накладывающий ответственность за исполнения своего существования в жизни, в бытии. Поэтому бытие-в-мире можно одновременно назвать бытием-к-смерти. При этом Босс утверждает, что существует еще один экзистенциал — это вина, которая состоит в том, что человек изначально не может выполнить наказ реализовать все свои возможности. То есть экзистенциальная вина берет начало с самого рождения, т. к. люди в долгу перед своим Dasein, своим бытием. Осознание невозможности выполнения этого долга, полной реализации себя приводит к чувству отчужденности, страданиям, суицидам. При этом обостренная вина приводит к стремлению завершить свое существование и, таким образом, освободиться от вины и обрести свободу, несмотря на присущий людям страх Ничто, страх смерти и неизвестности.

Логотерапия В. Франкла

Одним из самых распространенных вариантов психотерапии стала «логотерапия», разработанная австрийским психологом В. Франклом (1905 — 1997). Многие положения экзистенциальной теории Франкла роднят ее с гуманистической психологией.

После краткого увлечения в юности психоанализа Франкл начинает с конца 30-х годов работу над собственной концепцией. Окончательное ее оформление произошло в экстремальных условиях фашистских концентрационных лагерей, узником которых Франкл был в 1942 — 1945-х гг. Теория Франкла была изложена в нескольких книгах, самой известной из которых является, пожалуй, «Человек в поисках смысла», вышедшая в конце 1950-х гг. неоднократно переизданная во всем мире. Эта теория состоит из трех частей — учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли. Стремление к осознанию смысла жизни он считает врожденным, и именно этот мотив является ведущей силой развития личности. Смыслы не являются универсальными, они уникальны для каждого человека в каждый момент его жизни. Смысл жизни всегда связан с реализацией человеком своих возможностей, и в этом плане близок к понятию самоактуализации Маслоу. Однако существенным отличием Франкла является идея о том, что обретение и реализация смысла всегда связана с внешним миром, с творческой активностью человека в нем и его продуктивными достижениями. При этом он, как и другие экзистенциалисты, подчеркивал, что отсутствие смысла жизни или невозможность его реализовать приводит к неврозу, порождая у человека состояния экзистенциального вакуума и экзистенциальной фрустрации.

В центре концепции Франкла стоит учение о ценностях, т. е. понятиях, несущих в себе обобщенный опыт человечества о смысле типичных ситуаций. Он выделяет три класса ценностей, которые позволяют сделать жизнь человека осмысленной: ценности творчества (например, труд), ценности переживания (например, любовь) и ценности отношения, сознательно принимаемо-

го по отношению к тем критическим жизненным обстоятельствам, которые мы не в состоянии изменить.

Смысл жизни можно найти в любой из этих ценностей и поступках, порождаемых ими. Из этого следует, что нет таких обстоятельств и ситуаций, в которых человеческая жизнь утратила бы свой смысл. Нахождение смысла в конкретной ситуации Франкл называет осознанием возможностей действия по отношению к данной ситуации. Именно на такое осознание и направлена логотерапия, которая помогает человеку увидеть весь спектр потенциальных смыслов, содержащихся в ситуации, и выбрать тот, который согласуется с его совестью. При этом смысл должен быть не только найден, но и реализован, т. к. его реализация связана с реализацией человеком самого себя.

В этой реализации смысла деятельность человека должна быть абсолютно свободной. Не соглашаясь с идеей всеобщего детерминизма, Франкл, как и другие психологи и философы, разделяющие его позицию, стремится вывести человека из-под действия биологических законов, которые этот детерминизм постулируют. В таких попытках ученые обращались и к разуму человека, и к его нравственности, творчеству и т. д. Франкл же вводит понятие о ноэтическом уровне существования человека.

Признавая, что наследственность и внешние обстоятельства задают определенные границы возможностей поведения, он подчеркивает наличие трех уровней существования человека: биологического, психологического и ноэтического, или духовного уровня. Именно в духовном существовании находятся те смыслы и ценности, которые играют определяющую по отношению к нижележащим уровням роль. Таким образом, он формулирует идею о возможности самодетерминации, которая связана с существованием человека в духовном мире. В этом плане понятие ноэтического уровня Франкла можно рассматривать как более широкое по отношению к тем, что связывают свободу воли с каким-то одним видом духовной жизни.

Альфрид Лэнгле (р. 1951) — последователь В. Франкла, утверждает, что экзистенция есть наполненная

смыслом, воплощаемая свободно и ответственно жизнь в мире, создаваемом самим человеком. Человек, по его мнению, обладает специфическими духовно-экзистенциальными мотивами. При этом основному (в концепции Франкла) мотиву о смысле существования предшествуют три других духовных мотивации — экзистенции (могу ли я быть во всей целостности и полноте своего существования); жизни (удовлетворяет ли меня качество моей жизни) и духа (имею ли я право быть самим собой). Лэнгле также связывает логотерапию с экзистенциальным анализом, подчеркивая, что цель психотерапии — помощь человеку в достижении согласия со своей жизнью. Если человек находится в состоянии противоборства со своей экзистенцией, не видит смысла в жизни, своего будущего, то важно помочь ему понять, из-за чего это происходит и найти пути к воссозданию согласия со своим бытием.

На психологические взгляды американского ученого Р. Мэя (1909 – 1994) огромное влияние оказали взгляды А. Адлера и идеи экзистенциальной философии. Оставаясь практикующим психотерапевтом, он в середине 1950-х гг. становится главным пропагандистом идей европейского экзистенциализма в США, и, одновременно, вместе с А. Маслоу и К. Роджерсом, одним из инициаторов и лидеров гуманистической психологии.

В своей теории Мэй исходил из положения о том, что одним из важнейших свойств человеческой психики является способность воспринимать себя и как субъекта, и как объект. Эти два полюса сознания задают пространство свободы воли, под которой Мэй подразумевал свободу выбора одного из этих двух состояний и возможность смены одного состояния другим.

Процесс становления личности, по мнению Мэя, связан с развитием самосознания, которое характеризуется интенциональностью и осознанием своей идентичности.

Он также писал о том, что одной из врожденных интенций человека является сила-власть, которая лежит в основе его самоутверждения и самореализации в мире. Мэй выделял пять уровней силы: 1) «сила жить», благодаря которой люди добиваются исполнения своих стрем-

лений; 2) сила самоутверждения, признания; 3) отстаивание своего Я, которое, при фрустрации, приводит к агрессии и насилию, являющимися 4 и 5 уровнями силы и проявляющимися только в определенных обстоятельствах.

Таким образом, в концепции Мэя проступают черты не только психологии Брентано и Гуссерля, но и психоанализа. Это влияние особенно ясно в его трактовке бессознательного, которое он связывает с нереализованными способностями и стремлениями человека. Эта нереализованность ведет к возникновению тревоги, которая, усиливаясь, приводит к невротизации. Поэтому задача психотерапевта состоит в помощи человеку при осознании причин своей тревоги, своих зависимостей, мешающих его свободному развитию и самосовершенствованию. Свобода связана с гибкостью, открытостью, готовностью к изменениям, что помогает человеку осознать себя и выстроить адекватный для себя образ жизни.

* * *

Экзистенциальная психология имела огромное значение для поиска новой методологии, новых оснований и для развития теоретической психологии, и для развития новых психотерапевтических технологий. Для исследования и понимания личности, духовного мира человека важными стали положения экзистенциализма, связанные с обращением к личностному опыту, отказ от детерминации последующих событий жизни ранними воспоминаниями и детскими травмами, утверждение свободы выбора и активности человека в построении аутентичного бытия и его ответственности за свою жизнь. В то же время полный отказ от каузальности, а также своеобразный тезаурус и невозможность объективации методик, привели к необходимости разрабатывать собственно психологические концепции, в которых, не отвергая открытий и достижений экзистенциальной психологии, были бы найдены собственно психологические корреляты и механизмы личностного развития. Во многом именно это и стало задачей гуманистической психологии, родство которой с экзистенциализмом несомненно.

Общая характеристика гуманистической психологии

Психоаналитическое направление, впервые поставившее вопрос о необходимости исследования мотивации и структуры личности, обогатило психологию многими важными фактами. Но этот подход игнорировал изучение таких важнейших фактов, как качественное своеобразие личности каждого человека, возможность сознательно и целенаправленно развивать определенные стороны «образа Я» и строить взаимоотношения с окружающими. Вызывала возражения ученых и идея психоанализа о том, что процесс развития личности заканчивается в детстве, тогда как экспериментальные материалы показывали, что становление личности — это процесс, который происходит в течение всей жизни.

Не мог быть признан удовлетворительным и подход к исследованию личности, развиваемый в рамках бихевиористического направления. Эти работы, сосредоточиваясь на изучении ролевого поведения, игнорировали вопросы внутренней мотивации, переживаний личности, так же как и исследование тех врожденных качеств, которые накладывают отпечаток на ролевое поведение человека.

Осознание этих недостатков традиционных психологических направлений привело к появлению новой психологической школы, получившей название гуманистической психологии. Это направление, появившееся в США в 40-х годах, строилось на основе философской школы экзистенциализма. Одним из его основателей является Г. Олпорт, который подчеркивал, что американская психология способствовала распространению и уточнению тех научных вкладов, которые были сделаны в психологическую науку Фрейдом, Бинэ, Сеченовым и другими учеными. «Теперь мы можем сослужить такую же службу в отношении Хайдеггера, Ясперса и Бинсвангера», — писал он.

Развитие гуманистической психологии стимулировала и та идеология, которая сложилась в обществе и в психологической науке после Второй мировой войны. Если Первая мировая война показала всю меру бессознательной жестокости и агрессии человека, ужаснувшие

общественное мнение и пошатнувшие устои гуманизма и просвещения, то Вторая мировая война, не опровергнув наличие этих качеств, выявила и другие стороны человеческой психики. Поведение многих людей в экстремальных ситуациях проявило их стойкость и стремление сохранить достоинство в самых трудных условиях, возможность осознанного выбора своей судьбы.

Эти факты, так же как и данные, полученные психологией личности в 30 — 50-е годы, показали ограниченность чисто механистического, биологического подхода к человеку, объясняющего развитие его мотивации, его личных качеств только стремлением к адаптации. Нужны были новые подходы, объясняющие возможности людей преодолеть давление ситуации, «встать над полем», как говорил Левин, их желание творческой реализации своих способностей. Это стремление человека к сохранению и развитию своей духовной уникальности было невозможно объяснить в терминах старой психологии и только естественно-научной детерминации, игнорируя философские постулаты.

Именно поэтому лидеры гуманистической психологии обращаются к достижениям философии XX в., прежде всего к экзистенциализму, изучавшему внутренний мир, экзистенцию человека. Так, появляется новая детерминация — психологическая, объясняющая развитие человека его стремлением к самоактуализации, творческой реализации всех своих потенциальных возможностей.

Частично пересматриваются и принципы, объясняющие взаимоотношения человека с обществом, т. к. социальное окружение может не только обогатить человека, но и стереотипизировать его. Исходя из этого, гуманистическая психология, хотя и подчеркивала неприемлемость идеи глубинной психологии о враждебности внешнего мира к личности, старалась изучить разнообразные механизмы общения, описав сложность взаимоотношений личности и общества во всей ее полноте. При этом подчеркивалось значение для науки исследования полноценных и творческих людей, а не только невротиков, стоявших в центре исследовательских интересов психоанализа.

Таким образом, и логика развития психологии, и идеология общества приводили к необходимости появления нового, третьего пути в психологии, который как раз и стремилась сформулировать гуманистическая психология, развиваемая Г. Олпортом (1897 — 1967), А. Маслоу (1908 — 1970) и К. Рождерсом (1902 — 1987).

Авторы	Движущие силы развития и структура личности	Основные достижения
Г. Олпорт	Основные и инструментальные черты, набор которых уникален и автономен	Открытость системы человек — общество, опросники
А. Маслоу	Иерархия потребностей, приоритет бытийных или дефицитарных потребностей	Потребность в самоактуализации, механизмы идентификации и отчуждения
К. Роджерс	«Я-концепция», в центре которой гибкая и адекватная самооценка	Конгруэнтность, личностно-ориентированная терапия

Первые теории гуманистической психологии

Г. Олпорт является одним из основателей гуманистической психологии. Он рассматривал гуманистическую психологию как альтернативу механицизму бихевиоризма и биологизаторству психоанализа. Олпорт возражал против переноса фактов, найденных у больных людей, невротиков, на психику здорового человека. Хотя он начинал свою карьеру как врач-психотерапевт, но очень быстро отошел от врачебной практики, сосредоточившись на экспериментальных исследованиях здоровых людей. Олпорт также считал необходимым не просто собирать и описывать наблюдаемые факты, как это практиковалось в бихевиоризме, но систематизировать и объяснять их. «Собирание „голых фактов“ делает психологию всадником без головы», — писал он, поэтому свою задачу он видел не только в разработке способов исследования личности человека, но и в создании новых объяснительных принципов. концепции личностного развития.

Одним из главных постулатов теории Олпорта, изложенных им в книге «Личность: психологическая ин-

терпретация» (1937), было положение о том, что личность является открытой и саморазвивающейся системой. Он исходил из того, что человек прежде всего социальное, а не биологическое существо и потому не может развиваться без контактов с окружающими людьми, с обществом. Отсюда его резкое неприятие положения психоанализа об антагонистических, враждебных отношениях между личностью и обществом. Утверждая, что «личность — это открытая система», он как бы подчеркивал значение окружающего для ее развития, открытость человека для контактов и влияния внешнего мира. При этом Олпорт утверждал, что это общение личности с обществом не является стремлением к уравновешиванию со средой, но взаимообщением, взаимодействием. Он резко возражал против общепринятого в то время постулата, что развитие — это адаптация, приспособление человека к окружающему миру, доказывая, что в основе развития человеческой личности лежит потребность взорвать равновесие, потребность достичь все новых и новых вершин, т. е. потребность в постоянном развитии и совершенствовании.

Важнейшей заслугой Олпорта является то, что он одним из первых заговорил о уникальности каждого человека. Он утверждал, что каждый человек неповторим и индивидуален, т. к. является носителем своеобразного сочетания качеств, потребностей, которые Олпорт называл trite — черта. Эти потребности, или черты, личности он разделял на основные и инструментальные. Основные черты стимулируют поведение и являются врожденными, генотипическими, а инструментальные — оформляют поведения и формируются в процессе жизни человека, т. е. являются фенотипическими образованиями. Набор этих черт составляет ядро личности, придает ей уникальность и неповторимость.

Хотя основные черты и являются врожденными, но они могут видоизменяться, развиваться в процессе жизни, в процессе общения человека с другими людьми. Общество стимулирует развитие одних черт и качеств личности и тормозит развитие других. Таким образом, постепенно формируется тот уникальный набор черт, который лежит в основе Я человека. Важным для Олпор-

та является положение о автономности этих черт, которая также развивается со временем. Автономность потребностей человека, являясь важнейшей характеристикой сформированности его личности, дает ему возможность, оставаясь открытым для общества сохранять свою индивидуальность.

Олпорт не только разработал свою теоретическую концепцию личности, но и свои методы системного исследования психики человека. Он исходил из того, что определенные черты существуют в личности каждого человека, разница только в уровне их развития, степени автономности и места в структуре. Ориентируясь на это положение, он создает свои многофакторные опросники, при помощи которых исследуются особенности развития черт личности конкретного человека. Наибольшую известность приобрел опросник Миннесотского университета (MMPI), который используется в настоящее время (с рядом модификаций) не только для исследования структуры личности, но и для анализа совместимости, профпригодности и т. д. Сам Олпорт постоянно дорабатывал свои анкеты, создавал новые, считая, что данные анкеты должны дополняться данными наблюдения, чаще всего совместного. Достаточная четкость критериев, наличие объективных ключей для расшифровки, системность выгодно отличают все разработанные Олпортом методы исследования личности от субъективных проективных методик психоаналитической школы.

Таким образом, Олпорт сформулировал основные положения нового направления гуманистической школы психологии личности, которая является в настоящее время одной из наиболее значительных психологических школ.

Теория А. Маслоу

А. Маслоу по праву считается «духовным отцом» гуманистической психологии. Именно им были разработаны важнейшие теоретические положения этого направления — о самоактуализации, типах потребностей и механизмах развития личности, изложенные им в кни-

гах «К психологии бытия» (1968), «Мотивация и личность» (1970) и другие.

С его точки зрения, одним из самых больших недостатков психоанализа является не столько стремление принизить роль сознания человека, сколько тенденция рассматривать психическое развитие с точки зрения адаптации организма к окружающей среде. В то же время одной из главных идей Маслоу была мысль о том, что в отличие от животных человек не стремится к равновесию со средой, но наоборот, хочет взорвать это равновесие, т. к. оно является смертью для личности. Равновесие, адаптация, укорененность в среде уменьшают или совсем уничтожают стремление к самоактуализации, которая и делает человека личностью. Поэтому только стремление к развитию, к личностному росту, т. е. к самоактуализации, есть основа развития и человека, и общества.

В отличие от психоаналитиков, которые исследовали главным образом отклоняющее поведение, Маслоу считал, что исследовать человеческую природу необходимо, «изучая ее лучших представителей, а не каталогизируя трудности и ошибки средних или невротических индивидуумов». Только изучая лучших людей, писал он, мы можем исследовать границы человеческих возможностей и вместе с тем понять истинную природу человека, недостаточно полно и четко представленную в других, менее одаренных людях.

Не менее активно Маслоу выступал и против тенденции сведения всей психической жизни к поведению, которая была свойственна бихевиоризму. Он считал, что самое ценное в психике — ее самость, ее стремление к саморазвитию, не могут быть описаны и поняты с позиций поведенческой психологии, а потому психология поведения должна быть не исключена, но дополнена психологией сознания, психологией, которая бы исследовала «Я-концепцию», «самость» личности.

В своих психологических исследованиях Маслоу почти не проводил глобальных, крупномасштабных экспериментов, которые вообще характерны для американской психологии, особенно для бихевиоризма. Для него характерны небольшие, пилотажные исследования, ко-

торые не столько нащупывали бы новые пути, сколько подтверждали то, к чему он пришел в своих теоретических рассуждениях. Такой подход был свойственен Маслоу с самого начала, и именно так он подошел к исследованию «самоактуализации», одного из центральных понятий своей концепции гуманистической психологии.

Исследования привели его к мысли о том, что существует определенная иерархия потребностей человека, которая выглядит следующим образом.

— физиологические потребности — пища, вода, сон и т. п.;
— потребность в безопасности — стабильность, порядок;
— потребность в любви и принадлежности — семья, дружба;
— потребность в уважении — самоуважение, признание;
— потребность в самоактуализации — развитие способностей.

Одно из самых слабых мест в теории Маслоу заключалось в том, что он утверждал, что данные потребности находятся в раз и навсегда заданной жесткой иерархии и более высокие потребности (например, в самоуважении или самоактуализации) возникают только после того, как удовлетворяются более элементарные (например, потребность в безопасности или в любви). В то же время не только критики, но и последователи Маслоу показали, что очень часто потребность в самоактуализации или самоуважении являлись доминирующими и определяли поведение человека, несмотря на то, что его физиологические потребности были не удовлетворены, а иногда даже фрустрировали удовлетворение этих потребностей.

Однако, несмотря на расхождение по проблеме иерархии данных потребностей, большинство представителей гуманистической психологии приняли сам термин «самоактуализация», введенный Маслоу, так же как и его описание «самоактуализирующейся личности».

Впоследствии и сам Маслоу отказался от столь жесткой иерархии, объединив все существующие потребности в два класса — потребности нужды (дефицита) и

потребности развития (самоактуализации). Таким образом, он выделяет два уровня существования человека — бытийный, ориентированный на личностный рост и самоактуализацию, и дифициентный, ориентированный на удовлетворение фрустрированных потребностей. В дальнейшем он разделил группы бытийных и дефициентных потребностей, ценностей, обозначая их терминами Б и Д (например, Б-любовь и Д-любовь), а также вводит термин «метамотивация» для обозначения собственно бытийной мотивации, ведущей к личностному росту.

Общее направление его рассуждений и экспериментальных исследований дает возможность понять его подход к психическому развитию личности, его пониманию связей между личностью и обществом. Ученый считал, что каждый человек рождается с определенным набором качеств, способностей, которые составляют сущность его Я, его «самости» и которые человеку необходимо осознать и проявить в своей жизни и деятельности. Поэтому именно осознанные стремления и мотивы, а не бессознательные влечения, составляют самую суть человеческой личности, отличают человека от животных.

Стремление к самоактуализации наталкивается на различные трудности и препятствия, однако отказ от него останавливает личностный рост, приводит к неврозам. Общество окружающих, с одной стороны, необходимо человеку, т. к. самоактуализироваться, проявить себя он может только среди других людей, только в обществе. Однако общество по самой своей сути не может не препятствовать стремлению человека к самоактуализации, т. к. любое общество, считает Маслоу, стремится сделать человека шаблонным представителем своей среды, оно отчуждает личность от ее сути, от ее индивидуальности, делает ее конформной. Поэтому в своем развитии человеку необходимо сохранить равновесие между механизмами идентификации и отчуждения. Оптимальным, считает Маслоу, является идентификация во внешнем плане, в общении человека с окружающим миром, и отчуждении во внутреннем плане, в плане его личностного развития, развития его самосознания.

Именно такой подход даст возможность человеку эффективно общаться с окружающими и в то же время оставаться самим собой. Эта позиция Маслоу, его мысли о необходимости противостояния, но не враждебности, личности и общества, необходимости отчуждения влияний среды, тенденций к стереотипизации, конформизму, которое пытается навязать общество личности, сделали его популярным в среде интеллектуалов, прежде всего в среде научной и творческой, т. к. эта позиция во многом отражала не только концепцию самого Маслоу, но и концепцию взаимосвязи между личностью и обществом всей этой социальной группы.

Признание получил и тезис Маслоу о том, что цель личностного развития — это стремление к росту, к самоактуализации, в то время как остановка личностного роста — это смерть для человека как личности, для его «самости». При этом духовному росту мешают не только физиологические потребности, боязнь смерти, дурные привычки, но и давление группы, социальная пропаганда, которые уменьшают автономность и независимость человека. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от психоанализа, который рассматривал психологическую защиту как благо для личности, как способ избежать невроза, Маслоу считает психологическую защиту злом, которое останавливает личностный рост. В какой-то степени причина этого противоречия становится ясной, если вспомнить о том, что для психоанализа развитие — это адаптация к среде, нахождение определенной экологической ниши, в которой личность находит способ уйти от давления среды. Психологическая защита помогает такой адаптации к окружающему и, следовательно, с точки зрения Маслоу, препятствует личностному росту. Таким образом, противоположные взгляды на сам процесс развития личности приводит к противоположным взглядам на роль психологической защиты в этом развитии.

Маслоу выделял наиболее значимые моменты, которые изменяют отношение человека к самому себе и к миру, моменты, которые стимулируют личностный рост и стремление к самоактуализации. Это может быть мгновенное переживание, которое Маслоу называл «пик-пе-

реживание» или длительное «плато-переживания». В любом случае это моменты наибольшей полноты жизни, реализации именно бытийных, а не дефициентных потребностей, а потому они так важны в развитии самоактуализации, в первую очередь самоактуализации трансцендентного типа, которая формируется у людей, для которых наиболее значимым является именно трансцендентный опыт.

Оценивая теорию Маслоу, необходимо отметить, что он был практически первым психологом, обратившим внимание не только на отклонения, трудности и негативные стороны личности, но и на позитивные стороны личностного развития. Он одним из первых исследовал достижения личного опыта, раскрыл пути саморазвития и самосовершенствования для любого человека.

Психологическая и психотерапевтическая концепция К. Роджерса

В своей теории личности Роджерс разворачивает определенную систему понятий, в которых люди могут создать и изменять свои представления о себе, о своих близких. В этой же системе развертывается и терапия, помогающая человеку изменить себя и свои отношения с другими. Как и для других представителей гуманистической психологии, идея ценности и уникальности человеческой личности является центральной для Рождерса. Опыт, который возникает у человека в процессе жизни, он называет «феноменальным полем». Этот мир, создаваемый человеком, может совпадать или не совпадать с реальной действительностью, т. к. не все предметы, входящие в окружающее, осознаются субъектом. Степень тождественности этого поля реальной действительности Роджерс называл конгруэнтностью. Высокая степень конгруэнтности означает, что то, что человек сообщает другим, то, что происходит вокруг, и то, что он осознает в происходящем, более или менее совпадают между собой. Нарушение конгруэнтности приводит к тому, что человек либо не осознает реальность, либо не высказывает то, что он реально хочет сделать или о чем

он думает. Это приводит к росту напряженности, тревожности и в конечном итоге к невротизации личности.

К невротизации приводит и уход от своей индивидуальности, отказ от самоактуализации, которую Роджерс, как и Маслоу, считал одной из важнейших потребностей личности. Развивая основы своей терапии, ученый соединяет в ней идею конгруэнтности с самоактуализацией, т. к. их нарушение ведет к неврозу и отклонениям в развитии личности.

Говоря о структуре Я Роджерс приходит к выводу о том, что внутренняя сущность человека, его «самость» выражается в самооценке, которая является отражением истинной сути данной личности, его Я. Эта самооценка может быть бессознательной, тем не менее, она руководит поведением человека, помогая понять и отобрать из окружающего то, что присуще именно данному индивиду — интересы, профессию, общение с определенными людьми и т. д. В том случае, если поведение выстраивается именно исходя из самооценки, оно выражает истинную суть личности, ее способности и умения, а потому приносит наибольший успех человеку. Результаты деятельности приносят человеку удовлетворение, повышают его статус в глазах других, и ему не надо вытеснять свой опыт в бессознательное, т. к. его мнение о самом себе, мнение о нем других и его реальная «самость» соответствуют друг другу, приводя к полной конгруэнтности.

Однако часто люди руководствуются в своей деятельности не самооценкой, но другими факторами, например, «условием ценности», которое в крайнем своем проявлении звучит как желание быть любимым и уважаемым каждым, с кем человек входит в соприкосновение. «Условие ценности» становится серьезным препятствием на пути личностного роста, т. к. мешает осознанию истинного Я человека, его истинного призвания, заменяя его тем образом, который приятен другим. Однако проблема не только в том, что, стараясь заслужить любовь других, человек отказывается от себя, от своей самоактуализации, но и в том, что при осуществлении деятельности, навязанной другими и не соответствующей истинным, хотя и не осознаваемым в данный мо-

мент желаниям и способностям, человек не может быть полностью успешен. Необходимость постоянно игнорировать сигналы о собственной несостоятельности или недостаточной успешности нарушает конгруэнтность и вызывает в человеке напряжение, приводящее к неврозу. Задача психотерапевта совместно с субъектом разрушить неправильную, ригидную схему, помочь человеку осознать свое истинное Я и перестроить свое общение с окружающими. Исследования, проводимые Роджерсом, доказывали, что успешная социализация человека, его удовлетворение работой и собой имеют прямую корреляцию с уровнем его самосознания.

При этом Роджерс настаивал на том, что самооценка должна быть не только адекватной, но и гибкой, т. е. она должна меняться в зависимости от окружения. Он говорил о том, что самооценка — это связанный образ, гештальт, который постоянно находится в процессе формирования и изменяется, переструктурируется при изменении ситуации. Это постоянное изменение, избирательность по отношению к окружающему и творческий подход к нему при отборе фактов и ситуаций для осознания, о котором пишет Роджерс, доказывает связь его теории не только со взглядами Маслоу, но и с концепцией гештальтпсихологии и идеей «творческого Я» Адлера.

При этом Роджерс не только говорит о влиянии опыта на самооценку, но и подчеркивает необходимость открытости человека навстречу опыту. В отличие от большинства других концепций, настаивающих на ценности будущего (Адлер) или влиянии прошлого (Юнг, Фрейд), Роджерс подчеркивает значение настоящего, говоря о том, что люди должны научиться жить в настоящем, осознавать и ценить каждый момент своей жизни, находя в нем что-то прекрасное и значительное. Только тогда жизнь раскроется в своем истинном значении и только в этом случае можно говорить о полной реализации или, как говорил Роджерс, о полном функционировании личности. Открытия Роджерса связаны не только с новым взглядом на самоактуализацию и самооценку человека, но и с его подходом к психокоррекции. Он исходил из того, что психотерапевт не должен навязывать

своего мнения пациенту, но должен подводить его к правильному решению, которое пациент принимает самостоятельно.

* * *

Оценивая гуманистические теории личности, необходимо отметить, что они впервые обратили внимание не только на отклонения, трудности и негативные стороны человека, но и на позитивные стороны личностного развития. В работах ученых этой школы исследовались позитивные достижения личного опыта, были раскрыты механизмы формирования личности и пути для ее саморазвития и самосовершенствования.

Необходимо отметить и тот факт, что большее распространение это направление получило в Европе, а не в США, где не так сильны традиции философии экзистенциализма и феноменологии. Особенно важно в этом плане, что эти идеи не были популярны среди американских интеллектуалов, ориентированных на прагматизм Джемса и Дьюи, в отличие от европейских (например, Сартра, Камю, Антониони и других), связанных с теориями Хайдеггера и Гуссерля. Во многом именно это и подготовило почву для распространения в Европе идей гуманистической психологии.

Появление новых тенденций в развитии психологии в конце XX в., направленных на конвергенцию лучших достижений разных психологических школ, нашли отражение в содержании теорий гуманистической психологии, т. к. ее трансформация происходит уже не только в логике одного направления, но более комплексного подхода к психологии личности.

Генетическая психология

Основатель генетической психологии швейцарский психолог Ж. Пиаже (1896 — 1980) является одним из наиболее известных ученых, чьи работы составили важный этап в развитии психологии.

Свою теорию развития детского мышления Пиаже строил на основе логики и биологии. Он исходил из идеи о том, что основой психического развития является раз-

витие интеллекта. В серии экспериментов он доказывал свою точку зрения, показывая, как уровень понимания, интеллект влияют на речь детей, на их восприятие и память. Так дети в его опытах не видели и не помнили, на каком уровне была вода в сообщающихся сосудах, если не знали о связи между уровнем воды и пробкой, которой закрыт один из двух сосудов. Если же им рассказывали об этом свойстве сообщающихся сосудов, характер их рисунков изменялся, и они начинали тщательно вырисовывать уровень воды (одинаковый или разный), а также пробку, которой был закрыт один из сосудов.

Таким образом, Пиаже приходил к выводу, что этапы психического развития — это этапы развития интеллекта, через которые постепенно проходит ребенок в формировании все более адекватной схемы ситуации. Основой этой схемы как раз и является логическое мышление.

Пиаже говорил о том, что в процессе развития происходит адаптация организма к окружающей среде. Интеллект потому и является стержнем развития психики, что именно понимание, создание правильной схемы окружающего обеспечивает адаптацию к этому окружающему миру. При этом адаптация не является пассивным процессом, но активным взаимодействием организма со средой. Эта активность является необходимым условием развития, т. к. схема, считает Пиаже, не дается в готовом виде человеку при рождении, нет ее и в окружающем мире. Схема вырабатывается только в процессе активного взаимодействия человека со средой.

Процесс адаптации и формирования адекватной схемы ситуации происходит постепенно, при этом ребенок использует два механизма построения схемы — ассимиляцию и аккомодацию. При ассимиляции построенная схема жесткая, она не изменяется при изменении ситуации, но, наоборот, человек пытается все внешние изменения втиснуть в узкие, заданные рамки уже имеющейся схемы. Примером ассимиляции для Пиаже является игра, в рамках которой ребенок познает окружающий мир. Аккомодация связана с изменением готовой схемы при изменении ситуации, таким образом, схема становится адекватной, полностью отражая все

нюансы данной ситуации. Сам процесс развития, по мнению Пиаже, является чередованием процессов ассимиляции и аккомодации таким образом, что до определенного предела человек старается пользоваться старой схемой, а затем изменяет ее, выстраивая другую, более адекватную.

Первоначально, исследование мышления Пиаже построил исходя из связи между мышлением и речью. Он пришел к выводу, что процесс развития мышления — это процесс экстериоризации, т. е. мышление появляется как аутистическое, внутреннее, а затем, проходя стадию эгоцентризма, становится внешним, реалистическим. Таков же процесс развития речи, которая из эгоцентрической речи, речи для себя, становится речью социальной, речью для других. В этот период Пиаже были сделаны открытия, имевшие огромное значение для понимания психического развития детей, формирования их интеллекта. Это прежде всего открытие особенностей детского мышления, таких как эгоцентризм (неумение встать на чужую точку зрения), синкретизм (нерасчлененность детского мышления), трансдукция (переход от частного к частному, минуя общее), артифициализм (искусственность, созданность мира), анимизм (одушевленность), нечувствительность к противоречиям.

Второй этап его исследований, начавшийся в 30-х годах, был связан с изучением операциональной стороны мышления. Он приходит к совершенно справедливому выводу о том, что развитие мышления тесно связано не столько с речью, но с развитием мыслительных операций. Необходимо отметить, что фактически Пиаже был единственным исследователем, уделявшим внимание именно этой проблеме, т. к. большинство ученых, в том числе таких известных, как Выготский, Штерн, Бюлер и другие, исследовали в основном не процесс мышления, но продукты мыслительной деятельности.

Пиаже также приходит к выводу, что психическое развитие связано с интериоризацией, т. к. первые мыслительные операции — внешние, сенсомоторные, впоследствии переходят во внутренний план, превращаясь в логические, собственно мыслительные операции. Пи-

аже также открывает главное свойство этих операций — их обратимость. Разрабатывая свои эксперименты, Пиаже исследовал в них как переход от внешних операций к внутренним, логическим, так и формирование обратимости на каждом из этапов. Таким образом, его периодизация интеллекта приобретает законченную и широко известную в настоящее время форму — стадия сенсомоторного интеллекта, стадия конкретных операций и стадия формальных операций. При этом в каждой стадии Пиаже выделяет два этапа — появление необратимой операции данного уровня, а затем развитие ее обратимости, а сама периодизация отражает процесс сложного становления адекватной интеллектуальной схемы, который заключается в переходе операций во внутренний план и приобретении ими обратимого характера.

Хотя Пиаже не отрицал полностью роль обучения, однако наибольшей критике как при его жизни, так и в настоящее время подвергается не сам его подход к мышлению ребенка, но его понимание обучения, недооценка им роли среды и влияния взрослого в психическом развитии детей. В то же время Пиаже является одним из самых почитаемых и цитируемых исследователей, авторитет которого признан во всем мире и число последователей не уменьшается и после его смерти.

Идеи Пиаже о этапах психического развития детей стали отправной точкой для исследований Л. Кольберга (1927 – 1987), одним из основных открытий которого стала теория развития нравственности у детей.

Кольберг исходил из того, что в психическом развитии детей происходит не только формирование знаний об окружающем мире и нравственных критериях, но и эмоциональное развитие, развитие половой идентификации, которые связаны с познавательными процессами. В своих экспериментах Кольберг ставил перед детьми задачу оценить нравственную сторону проблемы выбора (причем выбора заведомо неоднозначного), анализируя систему их рассуждений. Это дало ему возможность выделить три уровня развития нравственных суждений, каждый из которых состоит из двух стадий:

1) доусловный уровень, при котором дети оценивают действие исходя из его последствий;

2) уровень традиционной нравственности, на котором общественно признанные ценности превалируют над личными интересами ребенка;

3) посттрадиционный уровень, на котором люди обосновывают нравственные суждения на принципах, которые сами создали и приняли. Отражая усвоенное детьми формальное, операциональное мышление, этот последний уровень характеризуется большим сдвигом к абстрактным нравственным принципам.

Кольберг, как и Пиаже, предполагал, что смена стадий нравственного развития связана с общими когнитивными возрастными изменениями, прежде всего с децентрацией и формированием логических операций. При этом Кольберг исходил из того, что на нравственное развитие влияет как общий уровень образования, так и общение ребенка со взрослыми и сверстниками, желание получить награду за хорошее поведение. Именно этот последний фактор вызывает наибольшее количество критических замечаний, хотя большинство исследователей в целом принимают последовательность этапов формирования нравственности, разработанную ученым.

Открытие новых закономерностей познавательного развития детей связано с именем известного американского психолога Д.С. Брунера (р. 1915). В своих исследованиях Брунер впервые начал изучение того, каким образом потребности и ценностные ориентации влияют на процесс восприятия. Полученные материалы привели его к выводу, что восприятие селективно и может искажаться под действием внутренних мотивов, целей, установок или защитных механизмов. Так, например, чем большая ценность приписывается детьми определенным предметам, тем больше кажется их физическая величина. Он также показал, что в ситуации фрустрации даже нейтральные слова часто воспринимаются как тревожные и угрожающие, отсюда неадекватно-агрессивное поведение людей в подобных ситуациях. На основе этих исследований Брунер ввел термин «социальное восприятие», обозначая его зависимость от социального опыта.

Анализируя структуру восприятия, Брунер выделил в нем три компонента: представления об окружающем мире в форме действий, в форме образов и в форме слов (языковая форма). Исследование развития мышления привело Брунера к созданию теории перцептивных гипотез. С его точки зрения, все познавательные процессы являются процессами категоризации, т. е. предметы окружающего мира объединяются друг с другом на основе усвоенных правил объединения (категорий). В процессе объединения последовательно возникают гипотезы о том, какие качества являются основой для объединения данных предметов и есть ли эти качества у всех данных предметов. Таким образом, овладение понятийным мышлением происходит как обучение тому, какие свойства среды являются наиболее значимыми для группировки объектов в определенные классы.

На основе проведенных им кросс-культурных исследований, Брунер дал определение интеллекта как результата усвоения ребенком выработанных в данной культуре «усилителей», т. е. способов, знаков, операций, помогающих справиться с решением возникающих задач. Успешность повышается за счет искусственного усиления двигательных, сенсорных и мыслительных возможностей человека. Эти «усилители» могут быть как реальные, технические, так и символические, причем разные культуры вырабатывают разные «усилители».

Когнитивная психология

Работы Пиаже и Брунера во многом повлияли на новое направление, появившееся уже в 60-х годах XX в. — когнитивную психологию. Труды Пиаже, посвященные роли интеллекта в развитии психики, его целостном характере, нашли отражение во многих трудах этой школы. Брунер же не только подал некоторые новые идеи, но и принимал непосредственное участие в изучении некоторых из них совместно со своими коллегами, принадлежавшими к этому направлению.

Когнитивная психология рассматривает психику как систему когнитивных реакций. При этом постулируется связь этих реакций не только с внешними стиму-

лами, но и с внутренними переменными, например с самосознанием, когнитивными стратегиями, селективностью внимания и т. д. Главным принципом, на основании которого рассматривается когнитивная система человека, является аналогия с компьютером, т. е. психика трактуется как система, предназначенная для переработки информации.

Методом анализа функционирования этой системы стал микроструктурный анализ психических процессов. Поэтому серьезное достоинство когнитивной психологии — это точность и конкретность полученных данных, что частично приближает психологическую науку к тому недосягаемому идеалу объективной науки, к которой она стремилась много веков. Однако в данном случае, как и в аналогичных, эта точность достигается за счет упрощения и игнорирования неоднозначности человеческой психики в отличие от модели.

Это направление появилось в американской науке в 60-х годах как альтернатива доминированию бихевиоральных концепций, отрицавших роль сознания и подходивших к интеллекту в основном как к способности научаться путем проб и ошибок. Тот факт, что попытки пересмотреть такую интерпретацию когнитивных процессов Толменом не нашли отклик в 40 — 50-е годы, доказывает, что в то время методология бихевиоризма еще себя не исчерпала, а сама эта школа еще плодотворно развивалась, достаточно вспомнить теории Скиннера, Бандуры, Долларда, о которых говорилось выше. Но к 60-м годам ситуация изменилась, т. к. становилась совершенно ясной (особенно для психологии США) невозможность и непродуктивность игнорирования сознания и выведение его из предмета психологии.

Так появляется новое психологическое направление. Его возникновение порождено скорее общим направлением и логикой развития психологической науки, чем открытиями конкретных ученых, тем не менее можно говорить о деятельности двух психологов, в наибольшей степени способствовавшей консолидации нового направления. Д. Миллер (р. 1920) создал первый научный центр когнитивной психологии и начал разрабатывать новые методы изучения познавательных процессов.

У. Найссер (р. 1928) выпустил в 1967 г. книгу «Когнитивная психология», в которой изложил основные положения этого направления.

В 1960 г. при Гарвардском университете Миллером совместно с Д. Брунером был создан центр когнитивных исследований. Противопоставляя свои работы все еще превалировавшим в тот период бихевиоральным исследованиям, в центре изучали разнообразные познавательные процессы — восприятие, память, мышление, речь, в том числе и анализ их генезиса. Именно генетический аспект познания, как было показано выше, и стал ведущим для Брунера.

Для Миллера и других когнитивистов приоритетной же оставалась ориентация на анализ функционирования уже сформированных процессов и их структурный анализ. Параллельно начались работы по изучению деятельности искусственного интеллекта, причем в некоторых случаях упрощение моделей шло в ущерб анализу когнитивной системы человека.

Осознанию своего предмета и метода когнитивная психология обязана Найссеру и его книге, о которой уже упоминалось выше. Он, так же как и Пиаже, доказывал решающую роль познавательного компонента в структуре психики, в деятельности людей. Очертив основной круг проблем нового направления, Найссер определил познание как процесс, при помощи которого входящие сенсорные данные подвергаются различным видам трансформации для удобства их накопления, воспроизведения и дальнейшего использования. Он предположил, что когнитивные процессы лучше всего изучать, моделируя информационный поток, проходящий через различные стадии трансформации. Для объяснения сути происходящих процессов им были предложены такие термины, как «иконическая память», «эхоическая память», «преднастроечные процессы», «фигуративный синтез» и созданы методы их изучения, такие как визуальный поиск и селективное наблюдение.

Первоначально он также занимался исследованием «искусственного интеллекта», однако затем отошел от этих работ, вследствие тех недостатков, о которых говорилось выше, критикуя некоторых из своих коллег за

чрезмерное внимание к этому вопросу, сужающее эффективность когнитивной психологии. Эта позиция Найссера была подкреплена и материалами, подученными им при изучении проблемы экологии восприятия. Он пришел к выводу о том, что любое изучение искусственных моделей переработки информации (например, деятельности оператора) недооценивает то обилие информационных стимулов, которые получает человек в естественных информационно насыщенных условиях. Эти мысли Найссера получили отражение в его новой книге «Познание и реальность» (1976). Высказанные им теоретические соображения были подкреплены проведенными им экспериментами (например, при изучении разделенного и селективного внимания).

Метафора компьютера, которая, как упоминалось, очень распространена в этом подходе, легла в основу работ, в которых компьютерные программы выступают моделью для понимания процессов обработки информации человеком. Положительным в этом является тот факт, что интеллект не рассматривается как набор последовательных, часто мало связанных этапов или ступеней переработки информации, как это было в традиционной психологии, когда вслед за ощущением шло восприятие, затем память, мышление и т. д. Здесь это комплексная система, имеющая сложную структуру, а иерархия построена на типах переработки информации и зависит от предстоящих задач.

Многочисленные исследования, проводимые учеными этого направления, были направлены на изучение этой структуры и ее деятельности в разных ситуациях. Среди этих работ необходимо отметить изучение тех преобразований, которые происходят в сенсорной информации с момента ее попадания на рецептор и до получения ответной реакции. При этом были получены факты, доказывающие, что сенсорная чувствительность является непрерывной функцией и не существует порога в собственном смысле этого слова, т. к. порог обнаружения сигнала зависит от многих факторов. На основании этих материалов была разработана теория обнаружения сигнала. Теория информации, которая повлияла на все дальнейшие работы по когнитивной психологии,

также была первоначально сформулирована на основе данных, полученных при изучении восприятия. Ведущий вклад в ее разработку принадлежит К. Шеннону, который создал математическую модель универсальной системы коммуникаций, объясняющую механизмы идентификации различных сигналов.

При изучении моделей, обеспечивающих способность человека распознавать сигналы внешнего мира, исследования ученых опирались на данные гештальтпсихологии, которые были подтверждены на новом уровне анализа процесса восприятия. В результате исследований были выделены структурные составляющие (блоки) интеллекта, впервые описаны такие виды памяти, как кратковременная и долговременная. При этом в экспериментах Д. Сперлинга, изменившего методику Найссера по изучению иконической памяти, было показано, что объем кратковременной памяти практически не ограничен. Работы Д. Бродбента, Дж. Дойча и Д. Дойча, Д. Нормана и других ученых показали, что своеобразным фильтром, отбирающим нужные в данный момент сигналы, является внимание, которое получило совершенно новую трактовку в когнитивной психологии.

Материалы, полученные при исследовании внимания и памяти, послужили стимулом к исследованию бессознательного, подход к которому в когнитивной психологии существенно отличается не только от психоаналитического, но и от подхода гуманистической психологии. Бессознательное содержит неосознаваемую часть программы переработки информации, которая включается уже на самых первых этапах восприятия нового материала. Изучение содержания долговременной памяти, так же как избирательной реакции человека при одновременной, конфликтной подаче информации (например, в правое ухо — одна информация, а в левое — другая) раскрывает роль этой неосознаваемой переработки. При этом речь идет о том, что из бесчисленного количества информации, получаемой в единицу времени, когнитивная система отбирает и доводит до сознания лишь те сигналы, которые наиболее важны в данный момент. Такая же селекция происходит при переводе информации в долговременную память. С этой точки зрения некото-

рые ученые считают, что практически все сигналы, все воздействия внешней среды запечатлеваются в нашей психике, однако не все они осознаются в данный момент, а некоторые не осознаются никогда в виду своей малой интенсивности и незначительности для жизнедеятельности, но никак не в силу своей асоциальности или несовместимости с моралью, как считал Фрейд.

* * *

В последнее время когнитивная психология, как и другие школы, все больше ориентируется на достижения смежных направлений. В современной (особенно европейской) вариации когнитивной психологии распространенными стали символический и коннекциональный подходы. Символический подход рассматривает преимущественно способы оперирования символами как единицами информации (например, в речи), а коннекционализм изучает виды взаимосвязи элементов в когнитивной системе.

Результаты, полученные учеными этой школы, проникают и в работы по возрастной психологии, психологии эмоций и личности. В социальной психологии все большее распространение получает изучении социальных когниций и их роли в межгрупповом взаимодействии, о чем упоминалось выше. Работы Найссера и других ученых способствовали появлению большого числа исследований по экологии восприятия. Можно утверждать, что эти труды, так же как и исследования Гибсона, привели к тому, что экологический подход является в настоящее время одним из наиболее распространенных направлений в современной психологической науке, став реальной альтернативой информационному подходу во многих сферах когнитивной психологии.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем проявилось влияние философии на экзистенциальную психологию?
2. В чем смысл понятия Daseis в экзистенциальной психологии?

3. Почему гуманистическая психология получила название «третьего пути»?
4. В чем заключаются основные принципы гуманистической психологии?
5. Каким образом формируется содержание бессознательного в концепциях гуманистической психологии?
6. Чем отличается подход к коррекции психического развития в психоанализе и гуманистической психологии?
7. Какие стороны адаптации были выделены Пиаже?
8. Какие этапы в развитии нравственности детей выделены Кольбергом?
9. В чем значение метафоры компьютера для когнитивной психологии?
10. В чем недостатки искусственных интеллектуальных моделей?

Примерные темы рефератов

1. Проблема аутентичного существования в работах экзистенциальных психологов.
2. Особенности подхода к проблеме бессознательного в гуманистической психологии.
3. Сравнительный анализ подхода к проблеме психологический защиты в глубинной и гуманистической психологии.
4. Сравнительный анализ экзистенциальной и гуманистической психологии.
5. Проблема обучения в теории Пиаже — достоинства и недостатки.
6. Современные технологии и их роль в развитии психологической науки.
7. Исследования познания — традиционный и когнитивный подход.

Литература

1. *Бинсвангер Л.* Бытие в мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. СПб., 1999.
2. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности. М., 1999.

3. История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986.
4. *Лэнгле А.* Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2005.
5. *Маслоу А.* Психология бытия. М., 1997.
6. *Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
7. *Мэй Р.* Сила и невинность. М., 2001.
8. *Олпорт Г.* Становление личности. М., 2002.
9. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1994.
10. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М., 1994.
11. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
12. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. СПб., 1996.
13. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
14. Хрестоматия по истории психологии. М., 1980.
15. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1996.

Глава XI

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Общий обзор развития психологической науки в России

История становления отечественной психологии не случайно выделена в отдельную главу, хотя работы некоторых ученых упоминались и ранее. Необходимо подчеркнуть, что такое разделение никак не указывает на то, что российская психология развивалась в отрыве от мировой. Напротив, связь между ними была очень тесной, отечественные ученые постоянно ездили на стажировки в лучшие европейские лаборатории. Выходившие за рубежом книги переводились практически мгновенно и выходили (по крайней мере, наиболее значительные из них) в течение нескольких месяцев после выхода на родине. Обзоры научных открытий и дискуссий публиковались и в журналах, например в «Вестнике Европы».

Причиной же для выделения российской психологии было стремление показать целостную картину становления психологической науки в нашей стране, ее специфику по сравнению с зарубежной и дать анализ тех факторов, которые определили и ее своеобразие, и динамику ее становления. В связи с этим выделены временные периоды, характеризующие критические точки в развитии российской науки.

Это 40—60-е годы XIX в., т. е. период становления российской психологии, осознания ею своего предмета и выбор пути и научной программы. При этом в силу как логики развития (расцвет позитивизма и естественных), так и благодаря сложившейся в России социальной ситуации (проведение комплексных реформ) в этот пери-

од из двух предложенных программ (К.Д. Кавелина и И.М. Сеченова) была выбрана программа построения психологии как естественно-научной дисциплины, предложенная Сеченовым.

Идеологический кризис в российском обществе в конце XIX в. ознаменовал новый важный период в развитии отечественной психологии, связанный с переосмыслением своей методологии. Это привело к возникновению принципиально нового подхода, ориентированного на духовную философию, на идеи В. Соловьева и его последователей. Одновременно (хотя и не так интенсивно) развивается и объективная (естественно-научная) психология, возникают экспериментальные лаборатории, аналогичные лаборатории Вундта в Лейпциге.

Следующим важным моментом стало зарождение советской, марксистской психологии, появившейся в 1920 — 1930-х гг. В многочисленных научных дискуссиях, школах, возникавших в это время, нашло отражение стремление построить новую психологию, направленную на решение важнейших социальных задач нового общества. Несмотря на то, что доминировала в это время, что естественно, объективная и социогенетическая методология, до начала 1930-х гг. в России сохранялись те научные школы, которые были связаны с гуманитарной, философской линией развития (например, школа Г. Шпета).

Однако уже к середине 1930-х гг. ситуация и в науке, и в обществе резко меняется, усиливаются авторитарные тенденции, что привело к разгрому и запрещению не только философской психологии, но и педологии и психотехники. Фактически запрещенными оказались все психологические исследования, даже те, которые были идеологически близки советской власти. Это нанесло серьезный удар по научным психологическим школам, которые очень плодотворно развивались в этот период. Лишь после войны, в середине 1940-х гг.в, психология постепенно начинает восстанавливаться, возобновлять свои исследования. Однако разрыв в традициях, заложенных еще в начале века XX в., потеря связи с зарубежной наукой, внутренняя цензура, отсутствие институтов по подготовке психологов и, следовательно,

малочисленность последователей, долгие годы сказывались на творчестве отечественных ученых.

Вторая половина XX в. ознаменовалась возрождением школ, запрещенных в 30-е годы (школа Бехтерева, Выготского), активным поиском новых путей развития, новыми исследованиями и открытиями в разных областях психологии, прежде всего в когнитивной и возрастной. Возобновляются связи с зарубежной психологией. Многие отечественные исследования, мало известные за рубежом (нейропсихологические работы А.Р. Лурии, понятие о зоне ближайшего развития Л.С. Выготского) получают широкое распространение в мировой психологии, дополняются новыми материалами.

Российские же психологи в попытке наверстать упущенные за несколько десятилетий возможности начинают широко внедрять достижения зарубежных коллег. Наряду с положительными эти тенденции имели и отрицательные последствия, связанные с утерей своих традиций, отхода (хотя и не окончательного) от своей методологии, что в соединении с не всегда продуманным сочетанием с принципами разных школ привело к эклектике и невозможности достоверно интерпретировать полученные результаты. Однако к концу XX в. ориентация на интеграцию, свойственная, как уже говорилось, зарубежной психологии, стала явно проявляться и в российской науке. Поэтому в последние годы вновь начинает появляться интерес к методологическим вопросам, стремление не просто механически соединить, но интегрировать достижения, имеющие единую логику научного поиска.

Анализ факторов, определивших эту динамику становления и развития российской психологии, показывает, что ведущими являются логика научного знания и социальная ситуация, т. е. те самые факторы, о которых говорилось в первой главе. Раскрывая их содержание, необходимо подчеркнуть, что и широкое распространение позитивизма, и поиски объективного метода исследования психики были свойственны не только российской, но и зарубежной психологии в тот период, т. е. логика развития науки была единой для всей психологии. Небольшие различия были в большей популярности у

естествознания и медицины в России, что обеспечило расцвет этих наук в нашей стране и способствовало многочисленным открытиям, сделанным отечественными учеными.

Гораздо больше отличались те социальные условия, в которых формировались научные школы в разных странах. В предыдущих главах уже говорилось о роли социальной ситуации в становлении немецкой, французской, американской психологии. Значительное влияние оказала она и на российскую науку. При этом особенно важными стали такие параметры социальной ситуации, как ментальность, идеология интеллигенции, особенности реформ, проходивших в российском обществе.

Зарождение российской психологии. Две тенденции в ее развитии

Хотя отдельные психологические концепции были достаточно популярны в России еще в XVIII в., однако научная психология в нашей стране начала формироваться с середины XIX в. Шестидесятые годы XIX в. — один из самых знаменательных этапов в отечественной истории и науке. Ослабление цензурного гнета, открытие многих либеральных изданий, возобновление многих университетских курсов пробудили надежды прогрессивной части общества на то, что в России, наконец, произойдет реформирование старого уклада, просвещение. Не удивительно поэтому, что книга Сеченова «Рефлексы головного мозга» была воспринята многими людьми как руководство к поведению, как своего рода катехизис, по которому надо сверять свою жизнь. Также позднее воспринимались сочинения Чернышевского, Некрасова, Добролюбова.

Так как правительство в это время разделяло мысли интеллигенции о том, что просвещение российского общества является одной из основных задач новой эпохи, то кроме старых университетских центров был организован в 1862 г. первый российский свободный университет, который стал важной школой для многих людей,

не имевших возможности поступить в высшие учебные заведения, т. к. свободный университет могли посещать все желающие. Несколько позже появились первые научные кружки и общества, например Психологическое общество в Москве. Именно литературная, научная, правовая жизнь таких кружков была той питательной средой, в которой развивалась наука.

В 1863 г., после долгого перерыва, было возобновлено преподавание философии в российских университетах. Это стимулировало научные исследования в области психологии и логики, которые хотя и не были запрещены, как философия, но находились в забвении. Конечно, длительный перерыв не мог не сказаться на уровне преподавания этих наук, поэтому, прежде чем оказать заметное влияние на российское общество, многие дисциплины, и психология в их числе, должны были организоваться и упрочиться. В новых социальных условиях психология оживает не только и не столько в стенах учебных заведений, сколько в общественных кружках и в публицистике.

Изменялось не только содержание психологии, менялось и ее место в системе других наук. В начале XIX в. она была связана преимущественно с философией, ориентация на которую была поставлена под сомнение в 1860 — 1880-е гг. Это были годы расцвета, интенсивного развития естественных наук в России, на которых сосредоточился главный интерес общества и основные научные достижения. Это наложило естественно-научный отпечаток на развитие психологии, положив начало формированию физиологической психологии.

Оказавшись на перепутье реформ, Россия должна была решить, как ей двигаться дальше, какой путь соответствует национальному характеру. Эти проблемы стали центральными не только для социологии, философии и юриспруденции, но и для психологии того времени. В то же время как естественные, так и гуманитарные науки того периода имели тенденцию к созданию универсальных теорий, каждая из которых претендовала на открытие основных закономерностей развития человека и общества. Так, Ковалевский заложил основы эволюционного направления в палеонтологии, Менде-

леев — основы химии, Сеченов — основы нервной физиологии и психологии, Михайловский и Лавров занимались социологией, разрабатывая свою теорию общественного прогресса. Значительное место в их работе занимали психологические проблемы, в частности, изучение развития личности и развития критичности мышления у человека. Универсализм лежал в основе теории «психологизма», весьма распространенной не только в середине XIX, но и в начале XX в. Согласно этой теории, одним из основателей которой является П.Л. Лавров, психология должна стать основой всех наук о человеке, т. к. именно она может объективно объяснить и происхождение знаний, и изменение общественного и личного сознания. Таким образом, подходили к разработке психологии права Л.И. Петражицкий, психологии творчества Д.Н. Овсянико-Куликовский и другие исследователи.

Если до этого времени отечественная психология развивалась в основном под влиянием зарубежных теорий и взглядов на ее предмет и задачи, то в 1870-х гг., в связи с развитием отечественной научной мысли, с развитием рефлексии своей самобытности, своих научных и психических особенностей, начала формироваться самостоятельная отечественная психология, начался поиск путей ее построения, ее методологии и собственного предмета.

Прежде всего необходимо было разработать методологию новой науки, понять, какой ей надлежит быть — естественной или гуманитарной. Из ответа на этот вопрос вытекало и на какую дисциплину следует ориентироваться психологии — на философию, с которой она была связана главным образом до того времени, либо на физиологию, как того требовали новые веяния науки и общественные предпочтения. В то время было предложено две концепции построения психологии, т. к. идеи, исходящие из того, что не надо ничего менять в старой интроспективной, науке не могут рассматриваться в качестве альтернативы, но только фона, на котором происходила дискуссия между Сеченовым и Кавелиным.

Еще в 40 — 50-е годы у ученых появляется стремление к разработке опытной психологии, построенной на ес-

тествознании. Так, А.Н. Фишер с своей работе «Введение в опытную психологию» возражал против внесения философского умозрения в эту науку, а также против применения метафизического метода, который мешает трансформации психологии в позитивную науку. Однако наибольшее распространение такие взгляды получили в 60 — 70-е годы XIX в. В то же время стремление решать основные для отечественной науки проблемы — т. е. проблемы этические, нравственные, привело к тому, что именно естественные науки взяли на себя функцию решать эти вопросы. Родоначальником такой психологии стал И.М. Сеченов (1829 — 1905). Именно его подход к разработке объективной психологии и его взгляды на природу психического получили большое распространение во второй половине XIX в.

И.М. Сеченов был одним из наиболее интересных и значительных ученых того времени. Он во многом определил развитие отечественной психологии, развивая ее как материалистическую и естественную науку. Он, несомненно, являлся не только значительным ученым, но и яркой личностью, находившейся в середине XIX в. в центре не только научных, но и социальных дискуссий и повлиял на мировоззрение целого поколения. В своей самой известной работе «Рефлексы головного мозга» (1863) он отрицал существование нематериальной души, доказывая, что психические процессы являются рефлексами разной степени сложности. При этом категория рефлекса была преобразована и создана его неклассическая модель, важнейшим блоком которой выступило открытое Сеченовым центральное торможение. Пересмотрев роль внешнего стимула, он выдвинул идею образа — сигнала, не только «запускающего рефлекс, но и регулирующего его течение». Кроме торможения (аналога волевой регуляции) им предлагались центры хранения информации, предуведомления и усиления сигнала, объясняющие весь спектр поведения. В работах Сеченова предвосхищалось понятие об обратной связи как факторе саморегуляции поведения и системной организации нервно-психической деятельности.

Центральное торможение объясняло также способность человека противостоять внешним влияниям, а не

механически на них реагировать. Сеченов выдвинул продуктивную гипотезу о том, что благодаря задержке двигательного ответа, действие, не получившее внешнего выражения, не исчезает, а сохраняется в центральной нервной системе в скрытой форме. Это предположение использовалось Сеченовым также с целью объяснить социальный генезис человеческого Я. Оно заключало в себе идею интериоризации, причем в качестве образца выступали различные эталоны социального поведения, в том числе «люди-рыцари», действующие во имя высших нравственных законов.

В 1970 — 1990-е гг. появляются новые работы ученого, представляющие большой интерес, в том числе посвященные этической проблематике. Наибольший интерес представляет его работа «Элементы мысли» (1878, 1903), в которой он признал за чувствованием функцию сигнала, позволяющего различать свойства объектов внешней среды и, тем самым, обеспечить адекватную реакцию на нее. Мышечное чувство трактовалось как система сигналов, несущих информацию о внешней реальности, о ее пространственно-временных параметрах. Главной же идеей Сеченова было предположение (подтвердившееся уже более поздними работами других ученых) о том, что мышечная система является органом познания. Она производит операции анализа и синтеза, которые служат основанием для всех уровней умственной деятельности, начиная от элементарных и до самых сложных, включая математическое и философское мышление. На основании этих положений он отстаивал учение о познаваемости мира, которое обосновывал физиолого-психологическими данными («Впечатления и действительность», 1890; «Предметная мысль и действительность», 1892).

Однако популярность взглядов Сеченова не отменяла попыток ученых построить новую положительную психологию, оставаясь в русле гуманитарных наук, прежде всего философии. Наиболее значительный вклад в развитие такой психологии принадлежал в то время К.Д. Кавелину (1818 — 1885). Основной темой его научных исследований была проблема нравственности в разных ее аспектах. В концепции Кавелина зарождаются контуры отечественной психологии личности, т. к. в его

работах на первый план выдвигается прежде всего идея самоценности личности, ее свободы и независимости от давления общества. В своей работе «Задачи этики» (1887) он доказывал, что нравственная личность человека является «живым двигателем» всей индивидуальной и общественной жизни людей. Он также считал, что эта нравственная личность имеет объективные моральные основы, которые руководят ее деятельностью.

В работе «Очерк юридического быта Древней России» (1847) он намечает план этнографических и этнопсихологических исследований, доказывая, что развитие сознания, в частности, правового сознания человека, зависит прежде всего от особенностей среды, исторических и социальных условий жизни. Этнографические исследования привели его к мысли о том, что продукты народного творчества могут являться методом изучения национальной психологии так же, как и анализ продуктов индивидуального творчества — индивидуальной психики. Таким образом, он приходит к выводу о возможности объективного опосредованного исследования психики, т. к. психическая жизнь оставляет во внешнем мире следы, представляющие собой значки и символы — т. е. продукты культуры. В работе «Мысли и заметки по русской истории» (1866) он подчеркивал, что свойства национальной психики проявляются и в науке, и в религии, и, таким образом, в своих этнографических и этнопсихологических исследованиях он, независимо от Вундта и Тейлора, пришел к сходным выводам. Анализ этнографических и исторических материалов приводит Кавелина к значимой для него концепции о том, что суть цивилизации — в умственном и нравственном развитии отдельной личности, и, таким образом, именно личность, а не коллектив является основой общественного развития. Таким образом, он формулирует свой принцип культурного прогресса — он возможен лишь там, где есть развитая личность. Исторические и этнографические работы Кавелина привели его к убеждению, что культуру нельзя исследовать только физиологическим методом, а личность человека является результатом не только физиологии, но и истории и культуры. Как и Тейлор, и Леви-Брюль, он говорил о разнице мышления первобыт-

ного и современного человека, анализируя, прежде всего, разницу его правового сознания, отражение внешней, исторической государственности в самосознании человека. Историко-психологические исследования привели Кавелина к мысли о том, что и мышление, и нравственность, и личность человека не могут быть внеисторичными.

Эти взгляды Кавелина, так же как и его отстаивание принципа свободы воли послужили причиной его полемики с Сеченовым, имевшей большой резонанс в обществе. Не отрицая в принципе необходимость физиологических исследований психического, он выступает против понимания психологии только как естественной науки, доказывая необходимость ее связи с философией. Эта позиция Кавелина в дальнейшем была развита психологами 1890-х гг., такими как Лопатин, Лосский, Бердяев. С ориентацией психологической науки на решение этических проблем не был согласен Сеченов. Считая ее наукой о поведении, он главную задачу видел в исследовании законов поведения и психических процессов, хотя не отрицал возможности психологии влиять на воспитание человека. Обсуждая методы исследования психики, Сеченов и Кавелин соглашались с тем, что интроспекция не может быть единственным и ведущим способом исследования. Общей была мысль о необходимости изучения генезиса, развитии психических процессов, но их разный подход к психологии и разное понимание психических процессов затрудняли их согласие и служили основой их расхождения там, где в принципе они были близки друг другу.

В тот период, т. е. в 1860 — 1870-е гг., общество безоговорочно приняло программу Сеченова, положив начало построению психологии как науки о поведении, существенно отличавшейся от других психологических направлений. О программе Кавелина, так же как и о его критических замечаниях, забыли почти на 20 лет.

К концу XIX в. практически во всех крупных университетах России появляются кафедры психологии, приписанные, как правило, к филологическому и историческому отделениям. На этих кафедрах формируется новая отечественная психология, здесь появляются уче-

ные, составившие цвет российской психологической науки и определившие почти на 30 лет пути ее развития. Активное развитие психологии в стенах Московского и Петербургского университетов происходило во многом благодаря усилиям М.М. Троицкого (1835 — 1899) и М.И. Владиславлева (1840 — 1890).

Придавая большое значение распространению психологических и философских знаний, повышению общего уровня психологической культуры в российском обществе, Троицкий становится инициатором создания Московского психологического общества при Московском университете. Общество было создано в 1885 г., и Троицкий стал его первым председателем. Назвав это общество не философским, а психологическим, Троицкий хотел подчеркнуть, что именно психология, главным образом теория познания, должна стать основой общей методологии всех общественных наук. В конце XIX — начале XX в. Психологическое общество являлось центром научной жизни Москвы, его роль особенно возросла с 1889 г., когда начал выходить журнал «Вопросы философии и психологии», в деятельности которого Троицкий также принимал самое активное участие.

М.И. Владиславлев был профессором, а с 1887 г. и ректором Петербургского университета. Благодаря ему психология в этом учебном заведении стала одной из ведущих дисциплин. Он не только переводил и популяризировал взгляды немецких психологов, прежде всего Канта (как впоследствии и его ученик Введенский), но и разрабатывал собственный курс опытной психологии, центральное место в котором занимали проблемы воли и нравственности.

Одной из самых интересных фигур в гуманитарной науке этого периода является А.А. Потебня (1835 — 1891), труды которого имели огромное значение для развития психологии.

Основной темой его исследований было развитие языка, но через слово он анализировал такие психологические проблемы, как становление сознания и самосознания, формирование образа окружающей действительности. Потебня был одним из первых отечественных исследователей, который заговорил о необходимости

культурно-исторического подхода к психике человека. Он писал, что психология, как и языкознание, есть наука об истории душевных явлений в пределах жизни личной или народной. При этом необходимо подчеркнуть, что Потебня считал, что развитие индивидуальной психики не может происходить изолированно от других людей, от времени и от культуры, в которой живет человек.

Поэтому он старался найти закономерности влияния культуры и народа на личность и, наоборот, личности на культуру и народ, и проблема развития народности и культуры занимала значительное место в его творчестве. И в постановке вопроса, и по степени проработанности этой проблемы он по праву может считаться одним из первых ученых, заложивших такую характерную особенность отечественной науки как историко-генетическую ориентацию в анализе психического и этического развития человека. Это качество позднее в полной мере выразилось в теориях Бердяева, Франка, Шпета, Басова и Выготского.

Потебня писал, что основной вопрос самопознания «Что такое?» для современного человека сводится к вопросу историческому: «Как я, один из многих, стал таким?». При этом в осознании себя частью данного народа главную роль, с его точки зрения, играет язык, т. к. говорить, считает он, значит связать свою мысль с мышлением своего племени или народа. То есть овладение языком ведет к осознанию эстетических и нравственных идеалов, поэтому связано с социализацией и инкультурацией личности, хотя и не тождественно этим процессам.

Идея опосредования (медиации) была одной из основных идей в теории Потебни, центром большинства его построений. Он считал, что человек отличается от животного тем, что обладает словом, т. е. орудием, которое он создал для совершенствования своей мысли, и машиной, т. е. орудием, которое он создал для усовершенствования своих действий. Говоря о роли знаков, опосредующих развитие психики, Потебня подчеркивал, что мы познаем природу не непосредственно, как дикарь, поэтому извлекаем из нее науку, в то время как дикарь извлекает из нее лишь фетиши или богов. То есть,

с его точки зрения, именно это применение орудий (знаков) делает человека человеком культурным, в отличие от дикаря.

Овладение устной и письменной речью, которое дает возможность человеку приобщиться к культуре народа, лежит в основе формирования национального самосознания и человека, и народа в целом. При этом такое развитие идет извне внутрь, т. е. происходит интериоризация знаний, т. к. вначале ребенок должен проговаривать свои мысли вслух, а потом уже может мыслить про себя. Из этого он делал вывод, что самосознание и сознание являются продуктами языка, причем сознание возникает раньше, чем самосознание. Таким образом, и Сеченов, и Потебня практически одновременно пришли к идее о том, что психическое развитие культурного человека происходит путем присвоения внешних, общественных знаний, языка, норм, традиций, идеалов, которые хранятся в культуре данного народа и которые, переходя во внутренний план, интериоризируясь, формируют образующие психики человека.

Анализируя развитие языка, Потебня рассматривал роль слова в мифическом, прозаическом и поэтическом мышлении, исследуя связи между словом, мифом, знаком и символом, т. е. основными медиаторами культуры. Он выделял в слове два содержания — объективное, которое заключает один признак предмета, и субъективное, в котором может быть много признаков. При этом первое является для нас знаком, символом, замещающим второе. Объективное содержание является формой, в которой сознанию представляется содержание мысли. Поэтому если исключить субъективное содержание, то в слове останется только звук, т. е. внешняя форма слова и его этимологическое значение, которое является внутренней формой слова.

Так, Потебня вводит одно из важнейших своих понятий — понятие внутренней формы слова, которая показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Развивая это положение, он писал, что в слове мы различаем его внешнюю форму — членораздельный звук, его объективное значение и тот образ, в виде которого выражено значение и который является внутрен-

ней формой слова. При этом в основе перехода от символа к знаку, с его точки зрения, лежит изменение внутренней формы слова, т. е. переход от субъективного к объективному и от образного к безобразному содержанию слова. Таким образом, поэтичность языка связана с его символичностью и многозначностью, в то время как проза связана с забвением внутренней формы слова.

Потебня считал, что с психологической точки зрения слово имеет две функции. Первая из них состоит в том, что с помощью слова человек освобождается от переживания, т. к. в звуке передает его другому человеку. То есть не только искусство, но и речь, объективируя эмоции человека, способствует катарсису, очищению от них. Вторая, не менее важная функция слова состоит в том, что речь, как и искусство, является формой самопознания, т. к. дает возможность сначала самому творцу, а затем и слушателям осознать свои мысли и чувства.

Исследуя процесс развития речи, Потебня выделяет в нем две стороны — понимание речи другого и создание собственной речи. И эти две стороны развиваются поразному. Развитие понимания идет путем интериоризации, в то время как формирование речи — это творческий процесс создания языка. В этом позиция Потебни близка мыслям Бюлера, который также разрабатывал эвристическую концепцию развития речи.

Сложность понимания речи в том, что в разговоре мы не передаем какой-то определенный знак (значение), но затрагиваем определенное звено в цепи чувственных представлений и понятий. Поэтому при понимании речи другого происходит как бы воссоздание аналогичных, но не тех же самых, не тождественных понятий. Из этого вытекает мнение Потебни о том, что «понимание есть одновременно и непонимание», т. к. абсолютно строй представлений и образов разных людей не совпадает. Чем точнее мы поймем, что именно мы хотим сказать, какую информацию передать другому, тем более правильную форму найдем для своих мыслей и, таким образом, более адекватно воздействуем на сознание другого человека, который сможет воссоздать соответствующие нашим мыслям понятия. Поэтому слово помогает понять не только другого, но и себя самого.

Потебня стимулировал появление ориентированной на его идеи научной школы, поставившей задачу разработки проблем теории и психологии творчества и издававшей специальный журнал, посвященный этой проблематике.

* * *

Анализ рассмотренных концепций доказывает, что в отечественной науке 1860 — 1880-х гг. были созданы значительные психологические теории, в которых вырисовываются отдельные черты, характерные в дальнейшем для российской психологии.

Ученые в этот период предлагали несколько путей построения российской психологии — и на основе естественных наук, и на основе философии, и на основе лингвистики.

Практическая направленность, которая была свойственна в то время психологии, была вызвана необходимостью использования ее данных при проведении важнейших реформ российской действительности. Так, судебная реформа поставила такую важную проблему, как развитие нравственности и свободы воли.

Формирование самоуправления и проведение земской и крестьянской реформ подняли не менее значимый для российской науки вопрос о взаимоотношениях народа, образованного слоя общества (интеллигенции) и власти. Необходимость решения этого вопроса связывалась с попытками получить от психологии рецепты по преодолению кризиса в проведении реформ на основе анализа структуры «русской души и русского характера».

Появление теорий Сеченова, Троицкого, Кавелина, Владиславлева, Потебни и других ученых того времени доказывает, что взаимосвязь с зарубежными теориями обогащала отечественную психологию. Российские ученые отказались от голого копирования, репрезентации полученных западными коллегами фактов и законов, стремясь к творческой интерпретации их. Привнесение идеи нравственного и эмоционального развития, положений о роли культуры и слова в становлении психики в западноевропейскую схему дали возможность отече-

ственной психологии сформировать оригинальные научные концепции психического, примером которых могут служить взгляды Сеченова, Кавелина и Потебни.

Развитие психологии на рубеже XIX–XX веков

Социальная ситуация, сложившаяся в обществе в 90-х годах XIX в. привела к изменениям в идеологических и научных установках.

Если в 1860 — 1880-е гг. доминировали естественные науки, то уже к 1890-м гг. общественное настроение начинает заметно меняться. В то же время усиливался интерес к искусству, которое на рубеже XIX — XX вв. достигло в России небывалого расцвета во всех областях — и в прозе, и в поэзии, и в живописи, и в театральном и балетном искусстве. Социальные и мировоззренческие изменения привели к тому, что в психологии произошла перемена ориентации с психологии материалистической, ориентированной на естествознание, на психологию идеалистическую, связанную преимущественно с философией и социологией. После господства материализма и позитивизма и увлечения естественными науками начинается возрождение интереса к философии.

Кроме мировоззренческих, существуют и чисто научные причины произошедших изменений. С одной стороны, развитие психологии показало невозможность применения к ней естественно-научных методов в полном объеме, в особенности в исследовании явлений гипнотизма, бессознательных структур психики, которые обнаружили слабость материалистической метафизики. С другой стороны, успех философии Шопенгауэра и Гартмана, нашедших себе в России многочисленных поклонников, доказал недостаточность объяснительных принципов позитивизма, особенно в плане раскрытия специфики познавательных процессов. Это заставило не только философов, но и естествоиспытателей, стремящихся к цельному мировоззрению, вновь обратиться к философии.

Одной из центральных фигур в российской науке XIX в. по праву можно считать В.С. Соловьева (1853 —

1900) не только по значительности того, что им сделано, но и по тому огромному влиянию, которое он оказал на виднейших ученых своего времени. Это влияние не ослабело и после смерти Соловьева и достаточно явно заметно не только в работах Бердяева, Булгакова, Лосского, Лопатина, но и в художественных произведениях, например в поэзии символистов. Хотя Соловьев не оставил законченной научной системы, а скорее только план системы, ряд не всегда друг с другом согласующихся эскизов или особых приемов для разрешения отдельных проблем, тем не менее именно его искания во многом и сделали проблему развития нравственности, формирования личности человека, проблему воли центральными для психологии того времени, причем в обсуждении этих проблем принимали участие не только психологи и философы, но и педагоги, историки, юристы.

Свою философию, изложенную в основных трудах Соловьева «Оправдание добра», «Духовные основы жизни» (1897), «Три разговора», он называл мистицизмом, т. е. таким воззрением, которое признает недостаточность эмпиризма и рационализма, и, не отвергая их относительной истинности, требует пополнения их другими источниками знаний, имеющимися в цельном разуме. Этот иной источник есть вера, свидетельствующая нам о существовании трансцендентального мира, к которому не применимы признаки, заимствованные из мира явлений. Он считал, что трансцендентальный мир или всеединое целое или Бог имеет непосредственное отношение к человеку, который занимает среднее положение между безусловным началом или всеединым целым и преходящим миром явлений, не заключающим в себе истины. В принципе из этого понимания места и роли человека в теории Соловьева вытекает вся психологическая концепция Франка и Лосского, которые дополняют и развивают главные мысли ученого.

Человек наделен самосознанием, являясь высшим звеном эволюции самой природы, и поэтому может осознать направление и цель этого развития. Осуществляя в своей жизни эту высшую цель, человек стремится к совершенству, которое заключается в восстановлении и воссоединении Добра, Истины и Красоты. Соловьев

считал, что мертвая материя, пройдя через среду человеческую, одухотворяется, становится живой. При этом прогресс человеческого духа совершается главным образом по одному пути — по пути личного нравственного совершенствования, ради которого свободная воля должна делать постоянные усилия.

Хотелось бы отметить, что это положение было очень важным именно для российских ученых. В какой-то степени идея В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере также является следствием этих мыслей Соловьева. Он, как и Соловьев, выделял человека из среды живых существ, считая, что с появлением человека, его разума изменяется весь путь развития нашей планеты. Таким образом, здесь через человека проходит вектор развития, совершенствования бытия. Однако в отличие от Соловьева, который пальму первенства отдавал нравственному развитию и самосовершенствованию, Вернадский говорит в первую очередь о разуме, знаниях человека, которые и создают ноосферу, изменяющую нашу жизнь, преобразующую нашу планету, т. е. здесь человек не столько творец нравственности, сколько творец науки.

Соловьев также неоднократно апеллирует к значимости и авторитету науки, говоря о том, что наука доказывает органичное единство природы и рассматривает ее как единство развивающееся. Однако, с его точки зрения, понять сущность этого единства до конца наука не может, постичь суть такой целостности, по убеждению Соловьева, могут только философия и поэзия, на которых и сосредоточивается его внимание.

Соловьев первым осознал новые приоритеты и в философии, и в психологии и разработал новый подход к исследованию человека, его души и его предназначения на Земле, подход, который стал господствующим в конце XIX — начале XX в. в России.

Одним из наиболее близких друзей и соратников Соловьева был Л. М. Лопатин (1855 — 1920). В 90-х годах он привлек Соловьева к работе в журнале «Вопросы философии и психологии», соредактором которого он являлся с 1894 г., а также к деятельности Московского психологического общества. После смерти Н.Я. Грота

в1899 г. Лопатин становится председателем Психологического общества, направляя его работу до его закрытия в 1918 г.

Отстаивая центральное место психологии в системе других наук, он видел ее как методологию всех наук о человеке. Определяя ее предмет, он доказывал, что психология должна быть наукой о законах и процессах душевной жизни. Свои психологические взгляды Лопатин основывал как на философских концепциях В. Соловьева, к которому был близок не только в жизни, но и в творчестве, так и на теориях Спинозы и Лейбница.

Не отрицая большого значения эксперимента и физиологии для психологии, Лопатин все же считал ее по преимуществу философской, а не естественной наукой, причем главное связующее звено между психологией и философией видел в теории познания. В своем «Курсе психологии» (1903) он писал, что всякая теория познания (философская) вырастает на психологическом фундаменте, и наоборот, психологическое исследование мышления соединяется или переходит в философскую теорию познания.

Одно из центральных мест в психологической системе Лопатина занимала воля. Он считал, что объективация явлений внутреннего мира, так же как осознание реальности внешнего мира, происходит при помощи воли. С его точки зрения, стремление к чему-то происходит от нас, от наших желаний, в то время как остановка, препятствие в реализации наших стремлений происходит от внешнего мира, она невольна. Поэтому, сознавая свое стремление, мы сознаем и препятствие, мешающее его реализации, они оба реальны для нас и, таким образом, происходит осознание субъектом реальности внешнего мира. Так, реальность мира сознается нами через реальность нашей воли, и следовательно, внешний мир сознается нами как система свободных от нас сил, которые на нас воздействуют.

Последователем Соловьева считал себя и Н.О. Лосский (1870 — 1965), хотя в его теории интуитивизма концепция Соловьева претерпела значительные трансформации. В своей теории интуитивизма он доказывал, что знание является переживанием, сравнимым с другими

переживаниями. В своей книге «Обоснование интуитивизма» (1906) он утверждал, что переживание является не внешним по отношении к знанию, но внутренним, оно имманентно самому объекту знания, а потому отражает его сущность прямо и непосредственно. Знания об объектах всегда переживаются как данность и относятся к внешнему миру, т. е. к не-Я, считал Лосский, поэтому они являются знаниями именно о внешнем мире, а не о себе. Рассуждения о свободе воли Лосский связывал со своей теорией идеал-реализма. Обосновывая эту теорию, Лосский писал, что в ней делается попытка соединить две противоположные позиции — и к абсолютному, идеальному, и к реальному, связанному с практической жизнью.

Со многими положениями концепции идеал-реализма Лосского был согласен профессор Московского университета С.Л. Франк (1877 — 1950), также продолжавший в философии и психологии развивать идеи, заложенные В.С. Соловьевым. Особое интерес для него представляли исследования духовной активности человека, в которых он доказывал, что психология должна оставаться прежде всего наукой о душе, а не о психических процессах. Наиболее значительными работами явились сочинения Франка «Предмет знания» (1915), «Душа человека» (1917), «Духовные основы общества» (1922).

Франк считал, что необходимо обратиться к традиционному предмету психологии, вернув понятие души взамен понятия душевных явлений, которые, с его точки зрения, не имеют самостоятельного значения и потому не могут быть предметом науки. Он доказывал, что психология должна давать человеку понимание цельности своей личности и смысла своей жизни, а это может дать только наука о душе.

Доказывая необходимость и возможность исследовать душу, Франк ссылался на опыт интуитивизма, говоря о том, что при помощи озарения, интуиции мы можем мгновенно познать состояние своей души, ее глубину и целостность, при этом в единый миг мы можем познать всю душу в единстве ее связи с прошлым и будущим. При этом под душой он понимает «общую родо-

вую природу мира душевного бытия как качественно своеобразного целостного единства».

Большое значение имеет тот факт, что Франк разводил такие понятия, как душевная жизнь, душа и сознание. В душе происходит объединение многообразных разнородных и противоборствующих сил, формирующихся и объединяющихся под действием чувственно-эмоциональных и сверхчувственно-волевых стремлений, которые образуют два плана или два уровня души. В аномальных случаях, подчеркивал он, душевная жизнь как бы выходит из берегов и затопляет сознание, именно по этим состояниям можно дать некоторую характеристику душевной жизни как состояния рассеянного внимания, в котором соединяются предметы и смутные переживания, связанные с ними. Фактически говоря о том же, о чем и Фрейд, Франк писал, что под тонким слоем затвердевших форм рассудочной культуры тлеет жар великих страстей, темных и светлых, которые и в жизни отдельной личности, и в жизни народа в целом могут прорвать плотину и выйти наружу, сметая все на своем пути, ведя к агрессии, бунту и анархии. Таким образом, с точки зрения Франка, главным содержанием души является слепая, хаотическая, иррациональная душевная жизнь. При этом, опять-таки в унисон с психоанализом, он доказывал, что в игре и в искусстве человек выплескивает наружу эту свою смутную, неосознанную душевную жизнь и тем самым дополняет узкий круг осознанных переживаний. Он также считал, что именно бессознательное является главным предметом психологических исследований, а сознание лишь постольку входит в ее предмет, поскольку явления сознания имеют сторону, в силу которой они являются переживаниями, и именно в этой части они являются элементами душевной жизни.

Теория познания, разрабатываемая Франком, во многом опирается на монадологию Лейбница. Франк писал, что чистый разум сверхиндивидуален и сверхличен, и потому познание происходит не только и не столько на основе соприкосновения с внешним миром, сколько развиваясь изнутри. На своей периферии душа соприкасается с предметной стороной бытия и таким образом становится носительницей знаний о внешнем

мире. Однако по своим внутренним каналам душа соединяется с чистым разумом и наполняется не относительными понятиями, но чистым объективным знанием.

Выделяя два уровня души, Франк писал о том, что смутная душевная жизнь, связанная с эмоциями и чувствами, является как бы низшим уровнем души, который связывается с телом. Тело не только дает возможность душе локализоваться во времени и пространстве, но и снижает, затемняет содержание душевной жизни. Предметные знания, самосознание души являются промежуточным слоем, отделяющим бессознательную душевную жизнь от жизни духовной, которая является центром души. Поэтому истинное познание всегда является откровением, т. к. оно возрождает связь с целым. Поэтому же истина всегда есть понятие абсолютное, религиозно-трансцендентальное, т. к. она отражает связь личного духа с мировым целым или слияние души человека с душой мира.

Таким образом, можно сказать, что из всех психологов того времени Франк полнее и точнее всех отразил влияние религиозной философии, которая берет свое начало в теории Соловьева, на психологию. При этом в его концепции в полной мере отразились как достоинства, так и недостатки такой позиции.

Против слияния веры и знания, лишающих психологию ее объективного, экспериментального основания, выступал профессор Петербургского университета А.И. Введенский (1856 — 1925). Под руководством Введенского в 1897 г. было образовано Философское общество при Петербургском университете (по аналогии с Московским обществом), которое просуществовало до 1917 г.

Математическое образование, полученное Введенским, привело его к стремлению сделать психологию такой же объективной, положительной наукой, как и науки естественные. Он был убежден, что идеалистическая психология может быть положительной, объективной, экспериментальной наукой, а психика может быть экспериментально исследована как с помощью измерительных приборов, так и с помощью неизмерительных, естественных экспериментальных методов.

Формирование современной объективной психологии было основной целью Введенского, которой посвящены практически все его сочинения. Главный свой труд он так и назвал «Психология без всякой метафизики» (1917), подчеркивая этим и необходимость, и возможность построения объективной психологии. Он доказывал, что в отличие от расплывчатых теорий души психология должна исследовать объективные познавательные процессы, а также чувства и волю, которые имеют внешние корреляты, а потому могут быть исследованы объективно. Введенский также считал, что душевные явления абсолютно реальны (в отличие от души), а потому могут быть предметом самостоятельной науки. Эти положения теории Введенского противостояли взглядам тех психологов, которые возражали против такого определения предмета психологической науки, т. к. считали, что душевные явления не имеют самостоятельного значения и потому не могут являться предметом самостоятельной науки. Наиболее отчетливо эта позиция, как было показано выше, выразилась в работе Франка «О душе», хотя и другие психологи — Лосский, Булгаков, считали, что именно душа, объединяющая разные состояния, является центром исследовательских интересов. Они также доказывали, что существует прямой объективный метод ее исследования — интроспекция или интуиция, а потому не имеет смысла изменять предмет психологии.

Основным положением своей психологической теории Введенский считал «психофизический закон Введенского», или закон всеобщих признаков одушевленности. В продолжение своего утверждения неметафизической, но научной психологии, он писал, что одушевленность или неодушевленность не может быть объективно доказана и потому является метафизическим понятием. В своих доказательствах он опирался на тот факт, что объективные признаки одушевленности должны состоять из таких материальных явлений, относительно которых может быть неоспоримо доказано, что они не могут возникать там, где нет душевной жизни.

Исследуя проблему мышления, Введенский также одним из первых пытался разделить понятия интуитив-

ного мышления и интуитивизма. Интуитивное мышление, считает он, безусловно, существует, причем его необходимыми условиями он считал одаренность, талантливость ученого, честность мысли, т. е. умение и желание проверить правильность и достоверность полученных при помощи интуиции данных логическим или экспериментальным путем, а также хорошее знакомство с тем предметом, который исследуется в данный момент. Он особенно настаивал на этом последнем условии, т. к. считал, что на пустом месте без опоры на знания, без определенной посылки, невозможно никакое мышление — ни логическое, ни интуитивное. При этом он резко критиковал такое понятие, как интуитивизм. Он не относил интуитивизм к мышлению, т. к. это, с его точки зрения, скорее не мысль, а чувство, возникающее без опоры на знание, без посылок, как прямое ощущение существования или отсутствия чего-то во внешнем мире.

Работы Введенского имели огромное значение для отечественной психологии. Они соединяли воедино европейскую и российскую традиции, а также различные способы исследования психики — субъективные и объективные, показав достоинства и недостатки каждого из них.

Одним из самых важных явлений в российской науке того периода было становление экспериментальной психологии, формирование первых психологических лабораторий. Одним из инициаторов этого процесса был Н.Я. Грот (1852 — 1899). В 1886 г. М.М. Троицкий передает ему заведование кафедрой философии Московского университета, а с 1887 г. он возглавляет Московское психологическое общество.

Развивая свою программу построения психологии, Грот считал, что она должна быть объективной естественной экспериментальной наукой, доказывая, что именно психология должна лежать в основе наук о человеке. Он был активным сторонником практического использования психологии, ее связи с педагогикой, медициной и юриспруденцией.

Главное достоинство экспериментальной психологии Грот видел в том, что она имеет дело не с субстанциями или явлениями, а с реальными фактами душевной

жизни. Он также доказывал, что экспериментальная психология не должна отождествляться с психофизиологией, т. к. экспериментальным может быть любой раздел психологии. В этом вопросе он полностью разделял взгляды Введенского. И Грот и особенно Введенский разработали большое количество приборов для экспериментального исследования психики. Доказывая важность и значение эксперимента, Грот, тем не менее, разделял позицию Введенского о том, что главным методом психологического исследования является самонаблюдение. Наибольшую трудность для экспериментальной психологии, подчеркивал Грот, представляет способ передачи, описания душевного состояния исследуемого субъекта экспериментатору и правильная его интерпретация экспериментатором.

Проблема эмоционального развития становится одной из важнейших в творчестве Грота. Одна из его первых книг так и называлась «Психология чувствований в ее истории и главных основах». Эта книга, которая появилась в свет еще в 1880 г., была одним из первых отечественных экспериментальных исследований эмоций. Его дальнейшие исследования в этой области были отражены в работе «Значение чувства в познании и деятельности человека» (1899). В качестве основной единицы душевной жизни он выделял «психический оборот», который состоял из четырех основных моментов — ощущений, чувствований, умственной переработки и волевого решения, переходящего в действие. Таким образом, именно Грот заложил основы отечественной психологии эмоций, доказав их большое значение для развития познания и личности человека.

Используя выводы, полученные при изучении эмоций, к проблеме воли и регуляции поведения, Грот не столько обосновывал возможность свободного и сознанного выбора поведения, сколько говорил о том, какой стиль жизни необходимо избрать для того, чтобы поведение и вся жизнь человека могли рассматриваться как нравственные и правильные. При этом у него, как и у большинства отечественных ученых, существовало однозначно негативное отношение к различным проявлениям инстинкта жизни, в то время как в зарубежной

культуре такого однозначного отрицания нет. Более того, у некоторых авторов, в частности, у Фрейда или писателя Шоу, материальное стремление к продолжению своей жизни рассматривается как мощный фактор саморазвития личности.

Большое значение Грот придавал просветительской деятельности, распространению психологических знаний в обществе. Сознавая, что университетская наука в России еще молода, и следовательно, академические знания доступны небольшому слою людей, Грот, как и многие профессора Московского и Петербургского университетов, стремился к открытию кружков, чтению открытых лекций, созданию общедоступных курсов. Это, в частности, привело его к работе в Московском психологическом обществе, к созданию журнала «Вопросы философии и психологии».

Возглавляя работу Психологического общества, Н.Я. Грот старался направить его интеллектуальную энергию в русло, отражающее актуальные запросы общества. Так, в 1887 — 1889 гг. в Московском психологическом обществе развернулась дискуссия о свободе воли — дискуссия, с которой связана целая эпоха в развитии отечественной психологии XIX в. Вокруг «Вопросов философии и психологии» сгруппировались все творческие силы России того времени, представлявшие философию и психологию. И общество, и журнал просуществовали до 1918 г., сыграв огромную роль в формировании психологической науки в России.

В своей деятельности Грот заложил основы совместного творчества в избранной научной сфере. Эта традиция была поддержана и развита учеником Н.Я. Грота Г.И. Челпановым (1862 — 1936). Он также принимал живое участие в работе Московского психологического общества, товарищем председателя которого он являлся (председателем в этот период был Л.М. Лопатин). Однако делом его жизни становится организация Психологического института, который начал строиться в 10-х годах на деньги известного мецената С.И. Щукина. Благодаря Челпанову Московский психологический институт становится в то время одним из лучших в Европе и в мире и по оснащенности оборудованием, и по количеству ла-

бораторных исследований и применявшихся технологий.

В своей психологической концепции Челпанов последовательно отстаивал принцип «чистой, эмпирической» психологии, продолжая традиции западноевропейской школы. Духовная эволюция Челпанова привела постепенно к мысли о том, что психологическая наука не должна основываться на устаревшей к XX в. позиции Вундта и Титченера. В 20-х годах на его взгляды оказала некоторое влияние феноменология Гуссерля, он также стремился ознакомить своих студентов с новыми для того времени психологическими направлениями — психоанализом, бихевиоризмом.

Предметом его размышлений были главным образом вопросы, связанные с теорией познания, с гносеологией. Задачи психологического исследования он видел в точном и объективном изучении отдельных элементов и фактов психической жизни, основанном как на экспериментальных данных, так и на данных самонаблюдения. Гносеологические взгляды Челпанова объясняют его позицию при решении психофизической проблемы. Разъяснению этой позиции и его взгляда на взаимоотношения психического и физического посвящена его книга «Душа и мозг» (1900). Полагая, что психология должна исследовать природу души и сознания, он считал материализм учением, непригодным для решения этих задачи, поскольку, по его мнению, такие понятия, как материя и атом, являются умозрительными, а не опытными. В психике он видел два полюса — материю, головной мозг, с одной стороны, и субъективные переживания — с другой. Исходя из этого взгляда он не мог не прийти к идее о параллелизме души и тела.

Хотя Челпанов не создал самобытной психологической теории, однако ему отечественная психология обязана появлением многих значительных научных имен. Будучи видным педагогом и организатором науки, он сыграл важную роль в формировании высокой исследовательской культуры российской психологической школы. Он создал свою школу, заложив основу дальнейшего плодотворного развития психологической науки в России.

Большое значение для развития экспериментальной психологии имели труды А.Ф. Лазурского (1874 — 1917), который, как и Грот, стремился разрешить проблему объективной интерпретации полученных при психологическом эксперименте данных, разрабатывая свой метод естественного эксперимента и наблюдения. Он также является основоположником дифференциальной психологии в России. Совместно с А.П. Нечаевым он создал одну из первых психологических лабораторий в Петербурге. Впоследствии Лазурский на протяжении многих лет возглавлял психологическую лабораторию в Психоневрологическом институте Бехтерева.

В своей работе «Очерк науки о характерах» (1909) Лазурский разрабатывал оригинальную концепцию «научной характерологии», в основе которой лежала идея о том, что индивидуальные особенности человека связаны с деятельностью нервной системы. Позиция Лазурского во многом отличалась от взглядов Штерна, Бинэ и Гальтона, т. к. он считал необходимым не ограничиваться прикладными исследованиями, но доказывал важность формирования основ научной теории индивидуальных различий.

Утверждение индивидуальной психологии как теоретической дисциплины не умаляет, как подчеркивал Лазурский, значения опыта, прежде всего наблюдения и эксперимента, о важной роли которых писал ученый. При этом он рассматривал эмпирические данные о деятельности различных психических процессов не изолированно, но в системе, доказывая, что главной задачей экспериментального исследования является построение целостной картины человека. Исходя из наклонностей способностей, темперамента и других индивидуальных качеств человека возможно построение полной, естественной классификации характеров, которая составит, по мнению Лазурского, основу новой науки.

Неудовлетворенность лабораторно-экспериментальными методами, существовавшими в начале XX в., побудила Лазурского искать другие способы психологического исследования. Он выступает за естественный эксперимент, при котором преднамеренное вмешательство в жизнь человека совмещается с естественной и сравни-

тельно простой обстановкой опыта. Благодаря этому мы исследуем не отдельные психические процессы, как это обычно делалось в тот период, но психические функции и личность в целом. Этот подход, изложенный в работе Лазурского «Об естественном эксперименте» (1911), имел особенно важное значение для возрастной психологии и педологии, т. к. естественный эксперимент в этом случае часто дает не только более полные, но и более объективные данные по сравнению с лабораторным экспериментом, часто неприемлемым в детской психологии.

Совместная работа с известным психологом и философом С.Л. Франком привела Лазурского к идее о двух сферах душевной деятельности — эндопсихической (внутренней) и экзопсихической (внешней). Лазурский высказал ее в курсе лекций «Общая и экспериментальная психология» (1912). Утверждалось, что эндопсихическая сфера основывается главным образом на врожденных свойствах человека и определяет наклонности, способности, темперамент, характер и другие прирожденные стороны личности. Экзопсихическая сфера формируется в процессе жизни, в ее основе лежит система отношений человека с окружающим миром, с людьми, указывая на то, как человек относится к основным категориям окружающей действительности. Введение категории отношения было шагом вперед по сравнению с механическим представлением, согласно которому воздействия среды на организм происходят по типу внешних толчков. А ведь именно такое представление доминировало тогда в дифференциальной психологии, не знавшей никаких других факторов, кроме наследственности и механически пронятой среды.

Исходя из уровня развития разных эндо- и экзогенных факторов, Лазурский разработал первую типологию личности, а также систему диагностики и коррекции разных типов отклонений в процессе психического развития ребенка. Развернутое изложение основных положений его характерологии и типологии личности было дано в вышедшей уже после его смерти книге «Классификация личностей» (1922).

Оригинальная концепция эксперимента развивалась Н.Н. Ланге (1858 – 1921), который также стоял у

истоков экспериментальной психологии в России. Он создал в Новороссийском университете при кафедре философии кабинет экспериментальной психологии с целью развития психологии как объективной науки и преподавания ее как учебной дисциплины. Это была первая университетская лаборатория экспериментальной психологии в России.

Первая крупная психологическая работа Ланге — «Элементы воли», была опубликована в 1890 г. в журнале «Вопросы философии и психологии». Разрабатывая объективные методы исследования сознания, Ланге пошел по пути объяснения активности субъекта на основе анализа непроизвольных движений организма. Так как одним из главных объектов изучения сознания служил акт внимания, он становится автором моторной теории внимания. В соответствии с этой теорией Ланге полагал, что колебания внимания при так называемых двойственных изображениях (когда, например, рисунок воспринимается то как лестница, то как нависшая стена) определяются движениями глаз, обегающих изображенный контур. Моторная теория внимания Ланге принесла ему широкую известность на Западе.

Следуя генетическому стилю мышления, Ланге представил систему движений, совершаемых организмом, в образе ступеней, «лестницы форм». Тем самым он предвосхитил идею различных уровней построения движений. Им также было пересмотрено (вслед за Сеченовым) исходное понятие о рефлексе как своего рода «дуге», которое он заменил схемой «кольца».

Ланге выделил ряд стадий в психической эволюции, соотнося их с изменениями, претерпеваемыми нервной системой. К ним он относил стадию недифференцированной психики, недифференцированных ощущений и движений инстинктивного типа, стадию индивидуально-приобретенного опыта и, наконец, как качественно новую ступень — развитие психики у человека в качестве социокультурного существа. С переходом к человеку психическая регуляция поведения становится качественно иной. Если у животных действует биологическая наследственность, то у людей передача от одного поколения к другому всей совокупности достигнутой уже

культуры осуществляется через подражание и обучение, т. е. путем социальной преемственности.

В своей последней обобщающей книге «Психология» (1914) Ланге переходил от дарвинизма к истинному историзму. В этих его суждениях отразилась одна из общих тенденций развития мировой психологической мысли. Работы Ланге явились самым крупным достижением российской экспериментальной психологии на рубеже XIX — XX вв.

Широкое распространение получила в России на рубеже XIX — XX вв. и теория психологизма. Наибольшее влияние она оказала на литературоведение и юриспруденцию. Благодаря развитию экспериментального метода и математического анализа психология, по общему мнению, в это время вступила окончательно и бесповоротно в число точных наук. В качестве такой объективной положительной дисциплины она была объявлена основной наукой о духе, все же остальные науки о человеке рассматривались как итоги или методы психологии. Предмет этих наук, как и предмет самой психологии, понимался в виде кристаллизованной формы духовного творчества. С этой точки зрения наука, искусство, право существуют только в переживаниях отдельных людей, и все эти проявления объективного духа являются только продуктами индивидуально-психической деятельности. Такое безграничное расширение пределов психологии было равнозначно возведению ее в ранг научной философии.

Теория психологизма повлияла и на развитие самой психологии, т. к. с той психологией, которая была к началу 1880-х гг., т. е. с психологией эмпирической и психофизической, невозможно было решать психологические проблемы этики, эстетики, логики. Так, в частности, возникла волюнтаристическая психология, которая попыталась решить поставленные перед ней психологизмом проблемы.

В литературоведении психологическое влияние связано, прежде всего, с именем Овсянико-Куликовского и его теорией психологии творчества. В юриспруденции оно проявилось в работах Петражицкого, посвященных развитию нравственных и правовых чувств.

Л.И. Петражицкий (1867 — 1931) был одним из наиболее значительных представителей теории психологизма. Развивая теорию психологизма, Петражицкий связывал психологию с юриспруденцией в своих работах, посвященных развитию нравственных и правовых чувств: «Введение в психологию права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (1908), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1909), «Новое учение о праве и нравственности» (1910). Петражицкий доказывал, что право есть психический фактор общественной жизни и потому оно действует изнутри, через психику, а не извне, через давление общества. Таким образом, право (как и наука, и искусство) существует только в переживаниях отдельных людей и является кристаллизованной формой индивидуально-психической деятельности. Действие права состоит, доказывал ученый, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям, и во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера и искоренении других, т. е. в воспитании народной психики. Первое действие он называл мотивационным или импульсивным действием права, а второе его педагогическим действием. Таким образом, Петражицкий пересмотрел современные ему взгляды на проблему и предмет права, переводя его во внутренний план и исследуя способы формирования правовой или нравственной мотивации.

Петражицкий высказывал гипотезу, что все внутренние переживания, которые имеют двойную пассивно-активную природу, следует, для целей построения научной психологии, объединить в один класс психических феноменов, противопоставляя их известным ранее односторонним элементам, имеющим одностороне-пассивную природу (сюда он относит познание и чувства) или односторонне-активную природу — сюда он относит волю. Этот новый класс психических явлений он предлагает назвать эмоциями.

Он считал, что между чисто императивными этическими явлениями (моралью) и императивно-атрибутивною их ветвью (правом) существуют два важных с точки зрения их влияния на поведение различия. Этической

психике, морали чужда активная мотивация, свойственная праву, а атрибутивный характер правосознания сообщает пассивной этической мотивации особую силу, так что эта мотивация решительнее и надежнее, нежели чисто моральная. При этом Петражицкий считал, что переход от моральных, необязательных, к правовым, обязательным, эмоциям является шагом вперед по пути социального прогресса, т. к. то социально-разумное и желательное поведение, которое вначале соблюдалось лишь более выдающимися в этическом плане людьми, превращается в общее и правильное социальное явление. Он также доказывал, что колебания уровня правового сознания, его высокий или низкий уровень у народа не является какой-то врожденной особенностью национального духа, а отражает влияние культуры и социального окружения, показывая подъем или упадок правового сознания народа в тот или иной исторический момент.

Для российского искусства, и прежде всего для художественной литературы, исследования морального, нравственного развития людей были не менее важной проблемой, чем для отечественной психологии. Поэтому не случайно возникают психолингвистические концепции, изучающие роль литературы в осознании и трансляции типичных для определенной исторической эпохи переживаний. В своих исследованиях литературоведы и филологи стремились понять психологию данной эпохи, данного времени и данной нации. Однако наибольшее внимание этим проблемам уделялось в теории, разрабатываемой Д.Н. Овсянико-Куликовским (1853—1920).

Овсянико-Куликовский, как и Петражицкий, является одним из ведущих представителей теории психологизма в России и основателем школы, получившей название «психологии творчества». Развивая данную теорию, он стремился преодолеть некоторую ограниченность современной ему психологии, которая часто рассматривала человека как бессловесное животное, не замечая или не исследуя влияния речи на психику. В этом плане он опирался на работы психологов, которые рассматривают слово не как свершившийся факт, но как

деятельность, как энергию, т. е. на работы Сеченова, Потебни, Вундта и других ученых.

Овсянико-Куликовский пытался объяснить процесс художественного творчества, исследуя механизм его появления из глубин индивидуальных переживаний, понимая это возникновение как самопорождение, саморазвитие духа. С его точки зрения, творчество может быть продуктом только личной, а не коллективной деятельности. Он считал науку, искусство, религию разновидностями «отвердевшего» индивидуального духа, поэтому он доказывал, что для их понимания надо подняться к истокам этой творческой деятельности, которая всегда индивидуальна.

Для исследования этой индивидуальной психической деятельности он применяет закон сохранения энергии, называя его законом сохранения, экономии умственных сил, а также вводит в психологию творчества идеи эксперимента и наблюдения, разделяя творцов на субъективных наблюдателей и объективных экспериментаторов.

С его точки зрения, сберегают энергию те процессы, которые происходят в бессознательном плане, т. к. эта работа происходит автоматически и не приковывает к себе внимания. Он акцентирует именно проблему внимания, т. к., по его мнению, симптом и мерило траты энергии — внимание и утомление, которое испытывает от напряженного внимания человек. Он также считал, что язык помогает экономить психическую энергию в процессе мышления, т. к. при помощи слова общее суждение, появляясь и действуя почти автоматически, быстро и хорошо упорядочивает множество фактов и тем самым освобождает или сберегает определенное количество энергии. Развитие речи не только сберегает впоследствии энергию, но и пробуждает самосознание, рефлексию человека.

Художественное творчество, с его точки хрения, является сочетанием двух условий — наличием потребности выразить себя, свою мысль или настроение, и созданием соответствующего данному настроению или мысли выражения. Ценность художественного произведения измеряется в этой теории не пользой, которое оно приносит, но гибкостью его формы, ее способностью

вызвать соответствующие эмоциональные состояния у читателей и зрителей.

Важность этой мысли для Овсянико-Куликовского связана с тем, что процесс творчества происходит не только при создании, но и при восприятии художественного произведения, т. к. при его понимании мы как бы воспроизводим путь его создания, переживая то же состояние творчества, что и художник. Поэтому он говорил, что искусство — это умственная творческая деятельность, направленная на постижение и развитие человечности и обладающая особыми стимулами — возбудителями творчества, которыми служат художественные образы и лирическое чувство. Для того чтобы понять произведение, т. е. воспроизвести путь его создания, подчеркивал он, нужен определенный опыт жизни и уровень умственного развития.

Психология творчества Овсянико-Куликовского поднимала важнейшие для отечественной науки проблемы, связанные с динамикой развития личностного начала в человеке, проявлениями которого являются нравственность и творчество.

* * *

Анализ развития психологии на рубеже XIX — XX вв. показывает, что в этот период в российской науке, как и в зарубежной, появляется несколько направлений, которые предлагают собственную концепцию построения психологии.

Это, прежде всего, появление экспериментальной психологии, которая, взяв за основу труды Вундта, стремилась разработать объективные методы изучения мышления, эмоций, индивидуальных различий, воли и внимания. Грот, Ланге, Лазурский, Введенский, каждый по-своему, соединяли лабораторный эксперимент с достижениями психофизиологии и философии, достигая значительных результатов.

Говоря о значении теории психологизма, необходимо отметить, что она поднимала важнейшие для отечественной науки проблемы, связанные с динамикой развития личностного начала в человеке, проявлениями которого являются и нравственность, и творчество.

Изучение процесса становления личности, ее самосознания и самоопределения были в центре внимания ученых, создавших оригинальные психологические концепции, ориентированные на взгляды В. Соловьева.

Развитие отечественной психологии в 20–40-е годы XX века

Советская психология, которая формировалась в начале 1920-х гг., развивалась не на пустом месте, вобрав в себя многие традиции отечественной психологии, естествознания, педагогики и философии. Интенсивное развитие экспериментальной психологии продолжалось и после 1917 г., т. к. в отличие от философии ведущие ученые, занимавшиеся этими проблемами, не эмигрировали и не были высланы из страны. Однако уже в первые годы советской власти появились и новые имена, и новые проблемы, главной из которых была задача построения новой, марксистской психологии. Именно в этом видели свою цель П.П. Блонский, К.Н. Корнилов, М.Я. Басов, А.Б. Залкинд, Л.С. Выготский и другие психологи.

Двадцатые годы стали временем рождения советской психологии, активных поисков ее методологических основ и путей развития. Необходимо было пересмотреть все основные открытия дореволюционной психологической науки и, выделив из них главное, нужное для новой науки, соединить с теорией марксизма. В отечественной психологии в этот момент было несколько школ и направлений, сторонники которых резко расходились во взглядах на многие проблемы. Поэтому в первые 6 — 7 лет своего развития она переживает трудный этап формирования, становления. Отсюда и неизбежный в этот период отрыв теоретических исследований от психолого-педагогической практики и большое количество конференций, широких дискуссий по основным теоретическим проблемам психологии.

Значение психологии в это время объясняется задачей, стоявшей перед новым обществом, — необходимостью воспитания нового человека, гражданина этого

общества. Поиски объективного метода исследования, являющегося основой материалистического подхода к психике, привели к увлечению биогенетическими теориями (теория рекапитуляции, психоанализ). В то же время задача формирования нового человека заставляла вглядываться в значение среды, ее роль в ускорении и изменении развития психики. Поэтому главные дискуссии 20-х годов проходили в борьбе этих подходов.

Так как направление, ориентированное на немарксистскую философию, не могло полноценно развиваться в новой социальной действительности, ведущими течениями, которые в это время развивались в России, стали учение о поведении, основы которого были заложены Сеченовым, а также педология и психотехника, ориентированные на практическое использование психологии в новой школе и на новом производстве.

Продолжателем направления, заложенного Сеченовым, стал физиолог И.П. Павлов (1849 — 1936). Павлов создал учение о высшей нервной деятельности (поведении) живых существ, коренным образом преобразовавшее физиологию и обогатившее психологию, медицину, педагогику и другие науки о человеке. Отношение Павлова к психологии изменялось в различные периоды творчества. Ряд лет он считал, что областью психологии является внутренний мир сознания субъекта, и на этом основании запрещал сотрудникам применять психологические понятия, чтобы не отступать от строго объективного объяснения наблюдаемых фактов, и даже штрафовал за это. В итоговых же работах он исходил из того, что условный рефлекс следует считать столько же физиологическим, сколько психологическим явлением. Физиологическое понятие о временной связи он отождествлял с психологическим понятием об ассоциации. В психологическом же сообществе учение Павлова было повсеместно оценено как основа всех наук о поведении.

Одновременно с Павловым свою концепцию объективной психологии выстраивал В.М. Бехтерев (1857 — 1927). В начале XX в. появляются его первые книги, в которых излагаются основные принципы объективной психологии, позже названной им рефлексологией. В 1907 г. Бехтерев создает Психоневрологический инс-

титут, на базе которого была создана целая сеть научно-клинических и научно-исследовательских институтов, в том числе и первый в России Педологический институт. Это позволило Бехтереву связать теоретические и практические исследования, что было особенно необходимо в тот момент, момент формирования экспериментальной психологии в России. Работы этих институтов были продолжены и после революции, причем в 1920-х гг. были созданы лаборатории индивидуальной и генетической рефлексологии, которые возглавили ученики Бехтерева Мясищев и Щелованов.

Разрабатывая свою объективную психологию как психологию поведения, основанную на экспериментальном исследовании рефлекторной природы человеческой психики, Бехтерев, тем не менее, не отвергал сознание, включая, в отличие от бихевиоризма, его в предмет психологии, так же как и субъективные методы исследования психики, в том числе и самонаблюдение. Основные положения новой науки изложены им в работах «Объективная психология» (1903) и «Общие основания рефлексологии» (1918). Он исходил из того, что рефлексологические исследования, в том числе рефлексологический эксперимент не противоречит, не заменяет, но дополняет данные, полученные при психологических исследованиях, при анкетировании и самонаблюдении. В дальнейшем Бехтерев пришел к выводу, что рефлексология не может заменить психологию, и последние работы его института, в частности, исследования В.Н. Осиповой, Н.М. Щелованова, В.Н. Мясищева, постепенно выходят за рамки рефлексологического подхода.

Говоря о значении рефлексологии, Бехтерев подчеркивал, что научно-объясняющая функция, содержащаяся в понятии рефлекса, основана на предпосылках механической и биологической причинности. Принцип механической причинности, с его точки зрения, опирается на закон сохранения энергии. Согласно этой мысли все, в том числе и самые сложные и тонкие формы поведения, можно рассмотреть как частные случаи действия общего закона механической причинности, т. к. все они не что иное, как качественные трансформации единой материальной энергии. Как уже отмечалось, в стремлении свя-

зать психическую деятельность с энергетическими законами, в частности, с законом сохранения энергии, Бехтерев не был одинок, т. к. теория энергетизма Маха была достаточно популярна в психологии. Однако Бехтерев не ограничивался теорией энергетизма, связывая рефлекс с биологией, с точки зрения которой, жизнь есть сумма сложных физиологических процессов, обусловленных взаимодействием организма со средой и приспособлением к среде. С этой точки зрения рефлекс есть способ установления некоторого относительно устойчивого равновесия между организмом и комплексом условий, действующих на него. Таким образом, появляется одно из основных положений Бехтерева о том, что отдельные жизненные проявления организма приобретают черты механической причинности и биологической направленности и имеют характер целостной реакции организма, стремящегося отстоять и утвердить свое бытие в борьбе с меняющимися условиями среды.

Исследуя биологические механизмы рефлекторной деятельности, Бехтерев отстаивал мысль о воспитуемости, а не наследуемом характере рефлексов. Именно социальная среда является источником развития человека, наследственность же задает лишь тип реакции, но сами реакции воспитываются обществом. Доказательством такой пластичности, гибкости нервной системы, ее зависимости от окружающей среды являлись, по мнению Бехтерева, исследования генетической рефлексологии, доказавшие приоритетность среды в развитии рефлексов младенцев и детей раннего возраста.

Бехтерев считал проблему личности одной из важнейших в психологии и был одним из немногих психологов начала XX в., которые трактовали в тот период личность как интегративное целое. Он ввел в психологию понятия индивида, индивидуальности и личности, считая, что индивид — это биологическая основа, над которой надстраивается социальная сфера личности. Большое значение имели и исследования Бехтерева структуры личности, в которой он выделял пассивную и активную, сознательную и бессознательную части, их роль в различных видах деятельности и их взаимосвязь. Интересно, что, как и Фрейд, он отмечал доминирующую

роль бессознательных мотивов во сне или при гипнозе и считал необходимым исследовать влияние опыта, приобретенного в это время, на сознательное поведение. Исследуя способы коррекции отклоняющегося поведения, он исходил из ограниченности тех способов коррекции, которые во главу угла ставили положительное подкрепление желательного поведение и отрицательное подкрепление нежелательного. Он полагал, что любое подкрепление может зафиксировать реакцию. Избавиться от нежелательного поведения можно только создав более сильный мотив, который вберет в себя всю энергию, затрачиваемую на нежелательное поведения. Таким образом, он во многом предвосхитил идеи о роли сублимации и канализации энергии в социально приемлемом русле, разрабатываемые психоанализом.

Бехтерев отстаивал мысль о том, что во взаимоотношениях коллектива и личности приоритетной является именно личность, а не коллектив. Эти взгляды доминируют в его работах «Коллективная рефлексология» (1921), «Объективное изучение личности» (1923). Исследуя коллективную деятельность, объединяющую людей в группы, он выделил людей, склонных к коллективной или индивидуальной деятельности, изучая, что происходит с личностью, когда она становится участником коллектива и чем вообще реакция коллективной личности отличается от реакции отдельно взятой личности. В своих экспериментах по исследованию влияния внушения на деятельность человека, Бехтерев одним из первых начал исследование феномена группового давления. Доказывая, что развитие личности невозможно без коллектива, Бехтерев вместе с тем подчеркивал, что влияние коллектива не всегда благотворно, т. к. обычаи и общественные стереотипы, в сущности, ограничивают личность и ее деятельность, лишая ее возможности свободно проявлять ее потребности.

Работы, появившиеся в школе Бехтерева в 1920-е гг., позволяют предположить, что в русле этого направления зарождались основы еще одной отечественной теории развития личности, формирование которой было остановлено в самом начале.

Одним из самых выдающихся отечественных физиологов, оказавшим существенное влияние на развитие психологии, был А.А. Ухтомский (1875 — 1942). Он разработал одну из важнейших категорий как физиологической, так и психологической науки — понятие о доминанте. Это понятие позволило трактовать поведение организма системно, в единстве его физиологических и психологических проявлений.

Он считал, что это господствующий очаг возбуждения, который, с одной стороны, накапливает импульсы, идущие в нервную систему, а с другой — одновременно подавляет активность других центров, которые как бы отдают свои энергии господствующему центру, т. е. доминанте. Активно работающий организм, согласно Ухтомскому, как бы «тащит» энергию из среды, поэтому активность организма, а на уровне человека его труд, усиливают энергетический потенциал доминанты.

В психологическом плане доминанта является ничем иным, как мотивационным потенциалом поведения. Активное, устремленное к реальности, а не отрешенное от нее (созерцательное) поведение, так же как активное (а не реактивное) отношение организма к среде, выступают как два необходимых аспекта жизнедеятельности организма. Свои теоретические воззрения Ухтомский испытывал как в физиологической лаборатории, так и на производстве, изучая психофизиологию рабочих процессов. При этом он считал, что у высокоразвитых организмов за видимой «обездвиженностью» таится напряженная психическая работа. Эту концепцию Ухтомский назвал «оперативный покой» — в состоянии покоя организм удерживает неподвижность с целью детального распознавания среды и адекватной реакции на нее.

Для доминанты также характерна инертность, т. е. склонность поддерживаться и повторяться, когда внешняя среда изменилась и раздражители, некогда вызывавшие эту доминанту, более не действуют. Следы прежней жизнедеятельности могут существовать одновременно в виде множества потенциальных доминант. При недостаточной согласованности между собой они могут привести к конфликту реакций. В этом случае доминан-

та играет роль организатора и подкрепителя патологического процесса.

Механизмом доминанты Ухтомский объяснял широкий спектр психических актов — внимание, предметный характер мышления. Он считал, что истинно человеческая мотивация имеет социальную природу и наиболее ярко выражается в доминанте «на лицо другого». Это, согласно Ухтомскому, одна из самых труднодостижимых доминант, которую человек призван воспитывать в себе.

Идеи, развитые Ухтомским, связывают в единый узел психологию мотивации, познания, общения и личности. Его концепция, явившаяся обобщением большого экспериментального материала, широко используется в современной психологии, медицине и педагогики.

Если Павлов и Бехтерев в основном интересовались схемой формирования и подкрепления определенных форм поведения, то другой ученый, Н.А. Бернштейн (1896 — 1966), обратился к проблеме его регуляции и изучению механизмов построения движения. Тем самым были открыты подходы к современной его трактовке, новые области в нейрофизиологии и учении о психической регуляции движений живых существ.

Восприняв идею А.В. Гастева о создании особой науки о двигательной активности организма, Бернштейн стал творцом биомеханики в России. Бернштейн исходил из того, что следует сосредоточиться не на мышечном аппарате самом по себе, а на той нервной организации, которая им управляет с тем, чтобы объяснить с помощью точных экспериментальных и математических методов, как совершается тот процесс, который Гастев назвал «построением движений».

В исследованиях Бернштейна было показано, что представление о «рефлекторной дуге», согласно которому мышцы автоматически исполняют команды, посылаемые нервными центрами, должно быть пересмотрено. По ходу движения команды непрерывно корректируются. Это происходит благодаря тому, что между мышечными и нервными центрами существует циклическая связь. Из центров заранее поступают на периферию сигналы (Бернштейн назвал их сенсорными коррекциями), которые опережают соответственно из-

меняющейся ситуации итоговый результат. Ученый изобрел и усовершенствовал ряд экспериментальных методов (кимоциклографию и циклограмметрию), позволивших под новым углом зрения изучить движения человека в процессе труда, в спорте, при музыкальной игре, при пользовании протезами и др.

Бернштейн доказал и выразил в строго математической форме то обстоятельство, что существуют различные уровни построения движения (этих уровней он выделил пять). На каждом уровне имеются свои, говоря его языком, «афферентные синтезы». Это значит, что в нервных центрах как бы закодирована информация, которая заранее несет сведения о внешнем мире, в пространстве которого предстоит произвести тот или иной класс движений. Бернштейн ввел термин «опережающее отражение», благодаря которому организм способен предвосхищать, прогнозировать условия, в которых ему придется действовать в будущем, а не только хранить сведения о прошлом и отвечать на стимулы, влияющие на его нервные аппараты в данный момент. Организм сталкивается с миром, уже имея запас проектов возможных движений. В создании этих проектов проявляется активность организма, способность к творчеству, к созиданию нового, к построению, как писал Бернштейн, образца «потребного результата». Тем самым вносилось принципиально новое понимание причин поведения живых существ. Важнейшей причиной выступило не прямое действие раздражителя на органы его восприятия, а заготовка модели возможного будущего действия.

Свою модификацию науки о поведении предложил и К.Н. Корнилов (1879—1957), который стремился соединить достижения объективной и экспериментальной психологии, сделав их методологической основой диалектический материализм.

Основным элементом психики Корнилов предложил считать реакцию, в которой объективное и субъективное нераздельно слиты. Реакция наблюдается и изменяется объективно, но за этим внешним движением скрыта деятельность сознания. В отличие от рефлекса, реакция, по мысли Корнилова, неразрывно связана со всей активностью живого существа, являясь не отдельной состав-

ляющей поведения, но отражением его целостности и направленности на объекты внешнего мира. Именно таким образом данные, полученные при исследовании рефлексов, могут быть связаны с материалами, полученными при интроспекции.

Предложенный Корниловым путь развития отечественной психологии на основе марксистской методологии, так же как и рефлексология, были не единственными, разрабатывавшимися в те годы. В этот период, до начала 1930-х гг., была предпринята попытка сформировать школу, ориентированную на философию, дореволюционные традиции изучения культуры и ее роли в развитии личности. Эта школа, созданная Г.Г. Шпетом (1879—1937), стала альтернативой как марксистской психологии, так и науке о поведении. Основные достижения этой школы были связаны с работой Государственной академии художественных наук (ГАХН), вице-президентом и председателем философского отделения которой был Г.Г. Шпет.

Важнейшим достижением академии является осуществление того комплексного, межкультурного подхода, о котором писали многие отечественные ученые — Кавелин, Веселовский, Ковалевский, Ключевский, Грот и другие. Однако уникальность позиции ГАХН проявилась не только в том, что она наиболее полно выразила антропологизм и стремление к универсализму, характерные для отечественной науки, но и в том, что в основу философских исследований бытия было положено изучение культуры, социального бытия, наиболее полным и окончательным выражением которого является искусство.

В своих работах «Введение в этническую психологию» (1927) и «Внутренняя форма слова» (1927) Шпет предложил свой подход к изучению психологии «социального бытия», культуры, как образующей личности. Этот подход предполагал анализ социально-исторических причин, обусловливающих развитие психики человека, в том числе его мышления и речь, его индивидуальные и национальные психические особенности, а также исследование проблемы психологических основ культуры, которая была особенно значима для Шпета.

Он считал, что изучение культуры человечества, его социального развития может строиться на основе анализа языка. В принципе это был не новый подход, предложенный еще Гумбольдтом, Потебней, Вундтом. Однако Шпет вносит в него принципиально новые положения, рассматривая язык как один из важнейших методов изучения личности человека, его эмоций и социального окружения. В контексте такого исследования Шпет ввел понятия логической и поэтической внутренней формы, а также термин «внутренняя форма художественного произведения», доказывая, что именно внутренняя форма слова является тем главным механизмом, который лежит в основе присвоения и интериоризации культуры, т. е. в основе формирования сознания — как индивидуального, так и сознания народа. С точки зрения психологии внутренняя форма отражает также отношение, переживание человека при передаче словесного выражения и открывает интенцию субъекта, его намерение, его эмоциональное состояние в момент образования слова и его передачи, причем это положение также относится как к индивидуальной психологии, так и к этнической.

Будучи одним из основоположников отечественной этнопсихологии, Шпет подчеркивал, что продукты культуры (например, язык или мифы) не являются сами по себе психологическими продуктами. Психологическая составляющая появляется благодаря субъективной их интерпретации, таким образом «культурное является объективно, но существующее сознательное и бессознательное отношение к нему, переживание его значения и является предметом психологии». Таким образом, Шпет совершенно по-новому подходит к роли эмоций, считая их одним из важнейших инструментов в процессе присвоения культуры. При этом сами продукты культурного развития являются медиаторами в процессе социализации человека, регулируемого развитием типичных для данного этноса переживаниями, которые и составляют главные элементы национального самосознания.

Он также одним из первых заговорил о проблеме самоидентификации, одной из основных в современной психологической науке, сопоставив процессы нацио-

нальной и индивидуальной идентификации. Шпет доказывал, что хотя национальная идентификация и не произвольна, но определяется той культурой, в которой воспитывался человек, языком и традициями, которые для него являются родными и близкими, однако не эти объективные связи, но субъективные переживания определяют процесс отнесения себя к конкретному этносу. И потому при возникновении отвержения субъект может «переменить» свой народ, «войти в состав и дух другого народа», однако этот процесс требует длительного и упорного труда и времени, т. к. в том случае, если происходит только внешнее усвоение нового языка, культуры или норм поведения, человек остается маргиналом. Для полной идентификации себя с новым этносом необходимо эмоциональное принятие тех объективных элементов, которые составляют содержание другого, нового национального самосознания. Эти идеи Шпета находят отражение в современных работах, рассматривающих этапы социализации людей, перехода из одной культуры, одного народа в другой.

Несмотря на то, что Шпет не успел осуществить многие из своих научных замыслов, несомненно, что многие исследования и в психолингвистике, и в области этнопсихологии испытывают сильнейшее влияние выдвинутых им идей.

После закрытия ГАХН, начиная с 1930-х гг. школа Шпета, так же как и рефлексологическая психология Бехтерева, была уничтожена. Точно так же (хотя и несколько позднее) была пресечена и попытка построения педологии и психотехники, хотя они строились, в отличие от ГАХН, на марксистской платформе

Еще в 1920-е гг. перед психологией была поставлена задача воспитания нового человека. Начало 20-х годов связано с зарождением новой школы и новых трудовых коллективов, формированием новых методов обучения и в школе, и на производстве. В этой обстановке происходит интенсивное развитие психологии и психотехники, которые должны были помочь в решении встающих перед обществом проблем.

В течение первых двадцати лет советской психологии было проведено большое количество исследований,

развивались и совершенствовались научные теории. В это время были разработаны многие интересные методы исследования, поставлены новые проблемы и намечены пути их решения. Большое внимание в этот период уделялось как разработке новых, объективных методов (рефлексологические методы, генетический метод, инструментальный метод), так и методик, доступных для массового применения и служивших целям психологической диагностики.

В центре исследовательских интересов вновь возникавших научных направлений стояла проблема роли и взаимосвязи биологического и социального в развитии психики. Эта проблема являлась также основным предметом многочисленных дискуссий и обсуждений.

Традиционным является представление о том, то в 20 — 30-е годы в советской психологии и педологии существовало два направления — социогенетическое и биогенетическое, которые по-разному подходили к вопросу взаимодействия биологических и социальных факторов в развитии психики. Действительно, в литературе того времени часто можно встретить упоминание об этих двух школах и полемические статьи П.П. Блонского (1884 — 1941) и А.Б. Залкинда (1888 — 1936), считавшихся руководителями биогенетического и социогенетического направлений. Однако, разрабатывая проблему биологического и социального, ученые, прежде всего, пытались ответить на вопрос, что же является условием, а что источником, движущей силой этого развития. Не менее значимой была и проблема механизма развития.

Построение психологической теории на основе материализма исключало возможность игнорирования биологических факторов в развитии психики. Социогенетическая теория отвечала социальному заказу общества — в недолгий исторический срок преодолеть наследие капитализма и сформировать «нового человека». Главное, что объединяло большую группу ученых и практических работников, которые относили себя к этому направлению, — это уверенность в возможности при целенаправленной и четкой организации среды добиться быстрых изменений в психике ребенка в нужном для общества направлении. Таким образом, разница между

представителями биогенетического и социогенетического направлений была не столько во взглядах на роль наследственности и среды, сколько в решении вопроса о том, насколько биологические механизмы, лежащие в основе психического развития, пластичны и гибки, т. е. насколько среда может на них воздействовать. Так как границы пластичности и гибкости нервной системы понимались по-разному, то наибольшие расхождения заключались в оценке методов обучения и воспитания, предлагаемыми психологами разных направлений.

Блонский исходил из того, что формирование психики ребенка не автоматически связано с развитием вида, но логикой самого процесса этого развития, в котором существует закономерная последовательность ступеней. На основании этого он создает свои периодизации психического развития, считая, что человеческая жизнь состоит из трех этапов — детства, размножения, угасания. Развитие личности он связывал с развитием конституции и темперамента ребенка, выделив несколько этапов в этом процессе.

В последние годы жизни Блонский создает свои наиболее значимые психологические работы, посвященные развитию памяти и мышления. Он впервые открыл генетические этапы развития памяти и мышления, показав их взаимосвязь, влияние друг на друга, а также проанализировав процесс появления и развития внутренней речи и ее связь с мышлением и подражанием. Блонский пришел к выводу о том, что генетические корни мышления и речи общие — это практическая деятельность. Он также доказывал, что внешняя и внутренняя речь появляются одновременно в раннем возрасте и связаны первоначально больше с памятью, чем с мышлением. Говоря о развитии внутренней речи, Блонский подчеркивал, что она возникает, как и внешняя, из слушания других и из внутреннего повторения речи других. Таким образом, Блонский выдвигал теорию подражания как основу возникновения внутренней речи и доказывал, что мышление, внешняя и внутренняя речь возникают одновременно, причем внешняя и внутренняя речь тесно связаны с общением.

Если для Блонского главным было исследование динамики становления мышления и речи, то для Выготского (1896 — 1934) наиболее важным представлялось изучить роль мышления и речи в изменении натуральной психики человека, появлении высших психических функций. Механизмом формирования ВПФ, специфических для человека высших психических функций, Л.С. Выготский, так же как и Сеченов и другие ученые, считал интериоризацию, прежде всего, интериоризацию знаков — искусственно созданных человечеством стимулов-средств, предназначенных для управления своим и чужим поведением.

В работе «Развитие высших психических функций» (1931) Выготский изложил схему формирования человеческой психики в процессе использования знаков как средств регуляции психической деятельности. Говоря о том, что существуют натуральные и высшие психические функции, Выготский приходил к выводу, что главное различие между ними состоит в уровне произвольности. То есть в отличие от натуральных психических процессов, которые не поддаются регуляции со стороны человека, высшими психическими функциями люди могут сознательно управлять. Эта регуляция связана с опосредованным характером ВПФ, причем опосредуются они знаком или стимулом-средством, который создает дополнительную связь между воздействующим стимулом и реакцией человека (как поведенческой, так и мыслительной). В отличие от стимула-средства, который может быть изобретен самим ребенком, знаки не изобретаются детьми, но приобретаются ими в общении со взрослыми. Таким образом, знак появляется вначале во внешнем плане, в плане общения, а затем переходит во внутренний план, план сознания.

В работе «Мышление и речь» Выготский доказывал, что мышление и речь имеют разные генетические корни. Мышление связано с орудийной деятельностью, а речь — с эмоциональным заражением посредством звукового сигнала. При этом, с точки зрения Выготского, слово является для мышления тем знаком, который превращает наглядно-действенное мышление в высшую психическую функцию. Процесс развития мышления,

по Выготскому, выглядит следующим образом: наглядно-действенное мышление (натуральная стадия) — эгоцентрическое мышление (стадия внешнего знака) — словесно-логическое мышление (стадия внутреннего знака).

Благодаря многочисленным исследованиям, проводимым в то время, были заложены основы нового подхода к пониманию роли деятельности в психическом развитии. Главное положение теории М.Я. Басова (1892 – 1931) — идея о том, что человек есть активный деятель в объективной, закономерно организованной среде. Он доказывал, что активность человека проявляется не только в приспособлении, но и в изменении среды, а сама среда не аморфная масса, но определенным образом структурированная ситуация. Из этого положения Басов делает важный вывод о том, что психическое и физическое развитие — это два разных процесса, которые подчиняются разным законам. Развитие организма определяется механизмом, биологически фиксированном в нем самом. Развитие человека как деятеля в среде, наоборот, впрямую зависит от окружающего социума и в зависимости от условий может идти по-разному. Главный смысл этого развития состоит в том, что человек действенно проникает в среду и овладевает ею путем активного ее познания. Поэтому путь психического развития человека практически не ограничен. Однако т. к. психика не может развиваться вне какого-то организма, то, естественно, что развитие психики имеет биологические ограничения во времени (время жизни человека) и по содержанию (прежде всего, способности человека, а также его отклонения и дефекты).

Принципиальная новизна позиции Басова заключалась в том, что психическое развитие человека вводилось в социально-историческую систему координат, т. к. развитие человека как деятеля определялось не только средой природной, но и культурно-исторической. Басов обосновывал идею о том, что деятельность опосредует взаимоотношения организма и среды, т. к. любая деятельность, и тем более деятельность профессиональная, несет в себе необходимые для ее выполнения знания. Это содержание деятельности Басов называл наукой. С помощью представлений о науке как о факторе, орга-

низующем деятельность человека, Басов обосновывал идею о ее культурной детерминации.

В своих работах «Методика психологических наблюдений над детьми» (1926), «Общие основы педологии» (1931) М.Я. Басов развивал идеи своего учителя Лазурского о роли естественного эксперимента. Большое внимание он уделял методу наблюдения, разрабатывая схемы наблюдений, а также методику анализа полученного при наблюдении и естественном эксперименте эмпирических данных.

В лаборатории промышленной психотехники при НК Труда СССР, организованной Шпильрейном, также проводились исследования, посвященные проблеме методов исследования и диагностики деятельности (преимущественно трудовой) и индивидуальных различий, проявляющихся в особенностях обучения и выполнения трудовых приемов. Большое значение имел разработанный Шпильрейном «метод искусственной и естественной деавтоматизации», с помощью которого изучались психические особенности человека в условиях овладения профессиональными навыками и в ситуации их распада. Им был также разработаны первые профессиограммы, помогавшие как профотбору, так и обучению людей. Совместно с С.Г. Геллерштейном им была выявлена связь между выполняемыми в процессе трудовой деятельности задачами и способностями человека, на основании которой была разработана схема изучения профессий.

Изучая процессы упражнения и развития профессионально-важных качеств, Геллерштейн выделил периоды стабилизации деятельности в рамках выученных операций. Этот период сменялся более высоким уровнем выполнения деятельности в том случае, если человек находил более рациональные приемы работы. В последние годы им разрабатывалась система упражнений для выработки «чувства времени», а также управление темпом своих движений у спортсменов.

Период 1920 — 1930-х гг. был временем расцвета отечественной психологии, и теоретические концепции Блонского, Басова, Выготского, Шпильрейна и других ученых, появившиеся в то время, еще в течение долгого

периода направляли теоретические разработки ученых. Однако, начиная с 1930-го г., усиливаются нападки на педологию и психотехнику, связанные как с их действительными, так и мнимыми ошибками. Новые социальные условия заставляли психологов пересматривать свои теоретические позиции, привели к новым дискуссиям, совершенно отличным от дискуссий 20-х годов, т. к. целью в них являлось уже не обсуждение научных вопросов, но определение правых и виноватых. В результате таких обсуждений в психологических журналах и газетах появляются первые покаянные статьи и речи ученых. Ярким примером такого обсуждения является так называемая «рефлексологическая дискуссия», в результате которой целое направление в психологии было ликвидировано, несмотря на явные возможности его дальнейшего плодотворного развития. Фактически у советской психологии не было даже десяти лет нормального, естественного для науки развития. Свобода, уходящая из жизни общества, уходила и из психологической науки. Все это привело к появлению известного постановления 1936 г. «О педологических извращениях в системе НАРКОМПРОСов» и директивному закрытию педологии. При этом вместе с ошибками было забыто и все позитивное, что было сделано этой наукой. Одновременно была директивно запрещена и психотехника. С.Г. Геллерштейн (1896 — 1967) на долгие годы остался практически без работы, И.Н. Шпильрейн (1891 — 1937) был арестован и расстрелян. Педологии и психотехнике был нанесен удар в момент интенсивного и плодотворного творчества ведущих ученых, что нанесло серьезный ущерб всей психологической науке в нашей стране, было прервано становление психологических школ и традиций, что является важным условием формирования науки.

* * *

Несмотря на серьезные социальные изменения, развитие психологической науки в 1920 — 1930-е гг. не только не прекратилось, но активно продолжалось. В это время были заложены методологические основы советской психологии, добившейся значительных успехов в

изучении процесса становления психики, получены важные материалы о развитии познавательных процессов, индивидуальных особенностях и общении людей. Такая высокая продуктивность связана с тем, что новая психология строилась на базе тех достижений, которые были достигнуты российской наукой в начале XX в. Старые традиции и старые школы в это время еще не были забыты, идеи, заложенные учеными на рубеже XIX — XX вв., продолжали жить и развиваться и в учении о поведении, и в психологии социального бытия, и в педологии и психотехнике.

Серьезный удар по этой работе нанесло постановление о педологии и психотехнике. Однако, несмотря на трудности, психологические исследования не прекращались. Работы отечественных психологов принесли огромную пользу во время войны 1941 — 1945 гг., а с 1950-х гг. психология приобретает все большее распространение, появляются новые исследования, расширяется круг изучаемых вопросов.

Российская психология во второй половине XX века

В этот период (главным образом до 1980-х гг.) развитие психологии во многом определялось идеями, заложенными в работах Бехтерева и Выготского.

В трудах учеников и сотрудников Бехтерева Б.Г. Ананьева (1907 — 1972) и В.Н. Мясищева (1893 — 1973) закладывались основы комплексного исследования человека, его психофизической природы, его отношений с миром.

Возглавляя в 1920-е гг. лабораторию индивидуальной рефлексологии, Мясищев открыл важные закономерности становления индивидуального стиля деятельности, выделил и описал несколько типов личности. Он доказывал, что психология личности должна основываться на данных типологии и дифференциальной психологии. Во время Великой Отечественной войны Мясищев возглавил цикл анатомо-физиологических исследований микроструктурных изменений головного мозга, изучая последствия мозговых травм и ранений, их связь с нарушениями психической деятельности.

Не прекращались и его исследования психология личности. Мясищевым был предложен новый подход, названный им «психология отношений». При этом отношения понимались им как сознательные, избирательные связи человека с окружающим миром и с самим собой, которые влияют на его личностные качества и реализуются в деятельности. Такой цельный подход к личности, по мнению Мясищева, обеспечивал динамическое понимание личности как единства субъекта и объекта. В последних работах Мясищева развивалась важная мысль о том, что настоящее, превращаясь постоянно в прошлое, в сохраняющийся опыт, одновременно становится потенциалом будущего поведения личности.

Ананьев также выступал за целостный подход, отразившийся в его исследованиях системного характера чувственного познания, прежде всего в исследованиях восприятия пространства и времени.

На основе анализа методологии и истории развития психологии он доказывал необходимость комплексного изучения психики, разрабатывая принципы междисциплинарного подхода к проблеме человека. В основу его программы была положена идея об индивидуальности как системе, интегрирующей разноуровневые свойства индивида, личности и субъекта. Комплексный подход позволил ему пересмотреть исследования детского развития, включая их в общую картину целостного жизненного цикла человека. Взаимовлиянием онтогенетического и биографического развития объяснялись, по его мнению, многие закономерности психического становления. Он также одним из первых начал изучение проблемы зрелости и старения. В исследованиях, проводимых Ананьевым и его коллегами, были получены данные о гетерохронности и неравномерности психического развития, особенностях протекания психических процессов в период зрелости. Тем самым было положено начало психологической акмеологии в нашей стране.

Методологические проблемы были в центре внимания С.Л. Рубинштейна (1899 — 1960). В работах Рубинштейна обращает на себя внимание нетрадиционная для советской психологии исследовательская позиция — по-

зиция философа (он вышел из немецкой философской школы), рассматривающего с точки зрения методологии эмпирику психологической науки, пытающегося частично систематизировать и объяснить этот эмпирический хаос. Поэтому в центре его концепции оказываются, прежде всего, проблемы гносеологии, познания мира. В этом позиция Рубинштейна сближается с позициями старых психологов — Лопатина, Троицкого, Грота, Шпета, у которых также главными оставались философские проблемы бытия и свободы человеческой личности. Как и их, Рубинштейна волнует проблема метода и объективности психологических фактов, места психологии в системе научного знания.

Рубинштейн подчеркивал, что методологический кризис связан с приверженностью большинства психологов той концепции сознания, которую он назвал декарто-локковской, поскольку сознание неизменно трактовалась как область, открытая только для переживаний субъекта, способного к рефлексии. В противовес этому он выдвигает принцип единства сознания и деятельности. Тем самым сознание включалось в контекст жизненных связей человека с объективным миром, причем основу этих связей образует деятельность, посредством которой, изменяя мир, человек изменяется сам. Соответственно предлагается и новый продуктивный метод психологического познания, обозначенный как «единство воздействия и изучения». Особое внимание Рубинштейн уделял анализу теории детерминации психических явлений. Возражая против механических взглядов, он выдвинул формулу, согласно которой внешние причины воздействуют на объект посредством внутренних условий.

Завершающая работа Рубинштейна, тесно сомкнувшая изучение психологии личности с проблемой ее бытия в мире и нравственной природой человеческой жизни, осталась не завершенной и была опубликована под названием «Человек и мир» в 1973 г. Он одним из первых в советской, марксистской психологии начал говорить о проблеме личности. Путь к исследованию целостной личности Рубинштейн находит в исследовании творческой деятельности человека.

Преодолевая разрыв между субъективным и объективным, Рубинштейн подчеркивал, что объективность не в том, что личное знание является одинаковым для всех (это и невозможно, оно по природе своей субъективно), но в том, что это знание представляет собой завершенное целое. В этой завершенности и целостности проявляется его объективность. Проводя параллель с дискуссией о первичных и вторичных качествах предмета, можно сказать, что Лейбниц завершил спор об объективности знания, доказав, что субъективность не противоречит истинности в силу активности познающего субъекта. Рубинштейн, как бы подхватывая эту аналогию, говорит об объективности внутреннего мира личности, его духовного строя, связывая это также с активной деятельностью человека, но уже не столько познающего, сколько творящего этот мир. И чем полнее и совершеннее это творение, тем более оно объективно и тем больше оно влияет на окружающий мир, в том числе и на других людей.

Исходя из этого, понятной становится идея Рубинштейна о том, что формирование личности и развитие самосознания человека — это процесс онтологический, а не одномоментный, т. к. человек рефлексирует себя в течение длительного времени, познавая свои различные качества и свойства, мотивы и стремления. Так преодолевается противоречие между бытием и сознанием, между внешним и внутренним в человеке. Постигая себя, человек творит себя и свою жизнь, а сотворенный им жизненный путь определяет и его дальнейшее познание себя, и его дальнейшее бытие. Понимая себя, человек лучше реализует себя в деятельности, в своем бытии, которое полнее отражает его сущность.

Идеи Рубинштейна прочно вошли в методологический фонд отечественной психологии. Они остаются для нас источником познания, являясь продолжением его личности и объективируя ее в завершенности его творчества.

Совершенно с других позиций свою оригинальную концепцию деятельности предложил А.Н. Леонтьев (1903 — 1979). Он сосредоточился на вопросе об отношении сознания и предметной, практической деятельности.

В своих исследованиях проблемы развития психики Леонтьев стремился, используя данные биологических наук, проследить этапы эволюционного процесса, переходя от вопроса о генезисе психики к сменяющим друг друга ступеням ее эволюции в животном мире и к факторам, определяющим появление и формирование сознания. Уже в этой работе Леонтьев рассматривает деятельность как главную образующую психики, движущую силу ее развития, опережающую на «один шаг» необходимый для ее обеспечения уровень психической жизни. Деятельность же является методом, позволяющим диагностировать появление психики, ее развитие и качественные изменения. Таким образом, во главу своей методологии Леонтьев, как и Рубинштейн, ставит проблему деятельности.

Путеводной нитью для него служил структурный анализ деятельности, выделение в ней компонентов и уровней, образующих систему, функционирующую как целое. Особое место отводилось отношению между строением деятельности и строением сознания. Раскрывая суть различий между значением и смыслом, Леонтьев выявил отличия между объективным опытом, накопленным в процессе общественного развития и запечатленным в слове, и личностным смыслом тех событий, которые переживаются субъектом.

В своей обобщающей работе « Деятельность. Сознание. Личность» (1975) особое внимание он уделил системному характеру деятельности, с ее внутренними переходами и превращениями, которые, однако, не являются спонтанными, а включены в целостную систему жизнедеятельности личности. Важным моментом этой работы являлся анализ образующей личность иерархии мотивов, ее структурированности и связи с миром. Раскрывая динамику формирования мотивов, превращения «знаемых» мотивов в «реально действующие», а также взаимосвязь мотивов и целей, Леонтьев доказывал ведущее значение культуры, межличностного общения для сложного процесса восхождения от индивида к личности. В этом же ряду стоят его исследования психологических механизмов восприятия искусства, передающего личностные смыслы от творца к слушателю.

Огромное значение для развития психологии имела деятельность Леонтьева на посту декана факультета психологии Московского университета, факультета, в буквальном смысле возрожденного им. Он взял на себя задачу передачи традиций новому поколению, традиций объективного психологического исследования, уважительного отношения к младшим коллегам, коллективного творчества. Эта деятельность Леонтьева в значительной мере способствовала широкому распространению психологии, появлению новых поколений психологов.

Свою школу создал и А. Р. Лурия (1902 — 1977). С самого начала в центре его исследовательских интересов была проблема взаимосвязи личности и культуры. Эта проблема, как он сам отмечал в своей книге, являлась ведущей в его творчестве, принимая разные модификации в течение его богатой исследованиями и научными открытиями жизни.

В совместном с Выготским труде «Этюды по истории поведения» (1929) Лурия рассмотрел различные планы психического развития, проанализировав ранние его стадии овладения мышлением и языком, своеобразие памяти и числовых операций. В дальнейшем он сосредоточивается на выяснении того, как изменялся весь строй психической жизни человека в результате овладения знаковыми средствами. Полученные им материалы нашли отражение в книге «Об историческом развитии познавательных процессов» (1974). Лурия считал, что сначала эти средства используются с целью общения (коммуникации) между людьми, а затем становятся регуляторами собственной психической активности индивида, неизмеримо расширяя возможности овладения им своей памятью, вниманием и другими процессами.

Огромное значение и для понимания закономерностей психики, и для психологической диагностики имеют работы Лурии по изучению аффективных реакций человека на стрессовые ситуации. Эти экспериментальные исследования проводились с помощью оригинальной методики, которая позволила зафиксировать возникновение эмоциональных состояний в динамике речевых и двигательных процессов субъекта даже в тех случаях, когда он пытался скрыть испытываемое им эмо-

циональное напряжение. Эта методика использовалась, в частности, в криминалистике при изучении психологии подозреваемых лиц, а в дальнейшем получила широкое распространение на Западе (прежде всего в США) под именем «детектора лжи».

Важнейшей особенностью творчества Лурия является постоянное соотношение в анализе динамики поведения человека социально-обусловленных влияний с функционированием нервной организации личности. Это определило разработку им направления, названного нейропсихологией. Первые шаги в этой области он сделал в годы Великой Отечественной войны, когда острейшую практическую актуальность приобрели задачи диагностики и восстановления психических нарушений, вызванных ранениями головного мозга. В связи с этим тщательному экспериментальному изучению подвергаются различные формы регуляции произвольного поведения. Здесь на первый план выступает роль речи. Именно слово, которое обычно трактуется под углом зрения его познавательной (или коммуникативной) функции, выступило как важнейший регулятор произвольных движений человека, перехода от импульсивных непроизвольных действий к произвольному типу поведения. Овладение этим типом поведения в условиях конфликта, между различными побуждениями позволило выявить динамику отношений между интеллектуальными и аффективными аспектами жизнедеятельности.

С этим сопряжены идеи Лурия о динамической локализации высших психических функций в коре больших полушарий головного мозга и в подкорковых структурах. В итоговой работе «Основы нейропсихологии» (1973) Лурия изложил эту теорию системной динамической локализации, согласно которой мозг состоит из трех основных функциональных блоков — энергетического блока, блока приема и переработки информации и блока программирования и контроля за произвольными психическими актами.

Работы Лурия не потеряли своего значения и на сегодняшний день, инициируя исследования не только в нейропсихологии, но и в более широких областях, связанных с анализом социокультурных аспектов психики.

Кроме факультета психологии МГУ, еще одним важным центром психологической науки стал Психологический институт, возглавляемый А.А. Смирновым (1894 — 1980). В экспериментальных исследованиях Смирнова центральное место заняли проблемы психологии запоминания. В своей методологической ориентации он следовал трем установкам: проследить зависимость процессов памяти от особенностей личности, трактовать эти процессы под углом зрения их формирования в реальной деятельности и, наконец, рассматривать их (прежде всего запоминание) как особые виды деятельности, имеющие специфическую направленность, которой Смирнов дал имя мнемической. В своих исследованиях направленности запоминания Смирнов изучил ряд его параметров: полноту, точность, последовательность и др. Основное значение придавалось мотивации запоминания. Все эти факторы, будучи приведены в систему и теоретически осмысленны, прошли испытание во многих сериях экспериментов. Новая концепция природы запоминания, созданная Смирновым, помогла использованию психологической теории в практике школьного обучения.

Другой областью научных интересов Смирнова стала история отечественной психологии. Он реконструировал с высокой степенью адекватности ее основные периоды, показав значимость вклада российских психологов в эволюцию знаний о поведении и сознании человека.

В сохранении и поддержании очага психологической мысли в Психологическом институте поддерживал Смирнова его друг и коллега Б.М. Теплов (1896 — 1965). Первые работы Теплова были связаны с исследованием восприятия, анализом реакций, вызываемых различными цветами и звуками. В 1930-е гг. основные интересы Теплова сосредоточиваются на проблеме индивидуально-психологических различий в различных видах деятельности, среди которых он выделил и подверг тщательному экспериментальному анализу музыкальную деятельность.

В своей работе «Проблемы индивидуальных различий» (1961) Теплов четко разграничивал задатки как

природные предпосылки становления способностей и сами способности как психические качества, необходимые для успешного исполнения деятельности. Исходя из этого, он доказывал, что любая деятельность должна быть проанализирована под углом зрения тех требований, которые она предъявляет к творческому потенциалу личности. В своих исследованиях Теплов наряду со способностями выделил одаренность, понимая под ней такое сочетание различных способностей, которое определяет успешность деятельности. Он исходил из того, что успешность может быть достигнута различными путями. Относительная слабость какой-нибудь одной способности может быть в очень широких пределах компенсирована другими, высокоразвитыми у данного человека. Таким образом, Теплов рассматривал способности не изолированно друг от друга, а как компонент целостной системы, в которой отделить какую-либо способность в качестве самостоятельной можно лишь в аналитических целях.

В последний период творчества Теплова открылась новая глава в исследовании им психофизических основ индивидуальных различий. Он выдвинул большую программу диагностики типологических свойств. На основе этой программы сложилась крупная научная школа дифференциальной психофизиологии. Особенно значимая роль в развитии исследований, проводимых этой школой, принадлежит В.Л. Небылицыну (1930 — 1972), который, к сожалению, не смог довести до конца начатые работы.

Большое внимание в эти годы уделялось продолжению исследований, связанных с развитием идей Выготского о генезисе высших психических функций и роли знака в становлении психики ребенка.

В трудах А.В. Запорожца (1905 — 1981) доказывалось, что психические процессы являются разновидностями ориентировочных процессов. Так, восприятие — это ориентировка в свойствах и качествах предметов, мышление — ориентировка в их связях и отношениях, а эмоции — ориентировка в личностных смыслах. Запорожец пришел к выводу о роли ориентировки, как ведущей части действия, при исследовании произвольных движений и их формирования у детей. Кроме исследования произвольных действий, Запорожец изучал развитие

восприятия и мышления, а также процесс формирования эмоций и чувств у дошкольников.

Система психологических взглядов П.Я. Гальперина (1902 — 1988) о происхождении, функциях, формировании и развитии конкретных форм и видов психической деятельности человека состоит из четырех взаимосвязанных частей: 1) учения об ориентировочной деятельности как сущностной характеристики психики и предмете психологии; 2) учения об эволюции человеческой психики, филогенезе, социогенезе и онтогенезе как составных частях эволюционного процесса; 3) учения о формировании умственной деятельности человека; 4) учения о видах и формах психической (ориентировочной) деятельности. Одним из базовых положений его концепции является тезис о том, что психическая деятельность по своей основной жизненной функции есть ориентировочная деятельность.

Огромное практическое значение имеет разработанная Гальпериным концепция поэтапного формирования умственных действий. Он считал, что правильно заданная ориентировочная основа дает возможность с первого раза выполнить действие безошибочно. Так же как и Скиннер, Гальперин приходит к выводу, что при ориентировке и при контроле наибольшее значение имеет его поэтапность и возможность внешнего контроля за ходом выполнения действия. Однако существенное значение имел тот факт, что в то время как у Скиннера процесс решения задачи, так же как и контроль за ее выполнением, остается всегда внешним, у Гальперина происходит постепенная интериоризация действия и превращения его во внутреннее, умственное действие. Поэтому теория Гальперина получила название теории поэтапного формирования умственных действий. Гальперин также исследовал разные способы задания ориентировочной основы, приходя к выводу о значении проблемного обучения, а также изучал разные условия, способствующие автоматизации и интериоризации умственного действия.

Идеи Гальперина были развиты в трудах В.В. Давыдова (1930 — 1998), чьи фундаментальные теоретические исследования содержания и строения учебной деятельности, ее связи с развитием сознания, личности и спо-

собностей ребенка привели к изменению педагогического и психологического подходов к обучению. Совместно с Д.Б. Элькониным (1904 — 1984) он создал новое направление в отечественной психологии — психологию формирования мыслительной деятельности учащихся.

Однако главные работы Д.Б. Эльконина были посвящены проблемам игровой деятельности и периодизации. Он выделил структуру игровой деятельности, в число основных элементов которой входят сюжет (во что играют), содержание (как играют), роль, воображаемая ситуация, правило, игровые действия и операции, игровые отношения. Большое значение имела и разработанная им периодизация, в которой он выделил две стороны в деятельности — познавательную и мотивационную, или как он писал — ребенок-предмет и ребенок-взрослый. Эти стороны существуют в каждой ведущей деятельности, но развиваются неравномерно, чередуясь по темпу развития в каждом возрастном периоде.

Исследования Л.И. Божович (1908 — 1981) были связаны с процессом формирования личности детей, который она понимала как развитие независимости от окружающей ситуации, когда поведение человека определяется не внешней ситуацией, но внутренними мотивами. Она выделила личностные компоненты в каждом возрастном кризисе, говоря о превращении ребенка из объекта в субъект в конце первого года жизни, появлении осознания себя как субъекта действия в три года, как субъекта в системе социальных отношений в семь лет и, наконец, об осознании своей личностной уникальности и ценности в подростковом возрасте.

Проблема развития общения взрослых и детей была в центре внимания М.И. Лисиной (1929 — 1980) и ее сотрудников. Было выделено несколько этапов в этом процессе в течение первых семи лет жизни детей, а также критерии их сформированности и те новообразования в структуре личности и интеллекта, которые напрямую связаны с тем или иным этапом общения.

* * *

В настоящее время развитие отечественной психологии переживает новый этап, в котором тесно перепле-

таются практические и теоретические проблемы. Изменение социальной ситуации привело к необходимости пересмотра некоторых методологических основ, догматической ориентации на диалектический материализм в ущерб другим философским школам. Точно так же как и в мировой науке, в российской не оправдались полностью все ожидания, которые возлагались на естественнонаучную психологию, что привело к возрождению ее гуманитарной направленности. В то же время ведущие отечественные научные школы сохранили свое значение и плодотворно развиваются, хотя и в несколько модифицированном виде.

С необходимостью встал вопрос о развитии таких проблем, как психология личности, ее социализация и формирование социальной и личностной идентичности, что привело к расцвету социальной и этнической психологии. Именно эти направления, в большей степени, нежели когнитивная психология, испытали давление со стороны официальной идеологии, поэтому современная ситуация, свободное общение с зарубежными коллегами и новые открытия (прежде всего гуманистической психологии и французской школы социальной психологии) интенсифицировали исследования российских ученых.

Серьезные проблемы в настоящий момент стоят перед отечественной практической психологией, причем эти проблемы во многом напоминают вопросы, которые вставали перед российской наукой в 1920-е гг. Прежде всего это вопросы диагностики, модификации тестов и психотерапевтических технологий. Дефицит квалифицированных кадров и низкий уровень психологической грамотности населения приводят к тому, что применение тестов часто дает необъективные результаты. В то же время возрастающая потребность в грамотной психологической помощи стимулировала развитие практической психологии, которая за последние годы добилась значительных успехов.

Таким образом, перед отечественной психологией стоят важные задачи, которые она в состоянии разрешить, сохраняя и развивая научные традиции и достижения российский научных школ, обогащенных опытом мировой психологической науки.

Вопросы для самоконтроля

1. Каким образом изменения социальной ситуации повлияли на процесс формирования психологии в России?
2. Какие периоды в развитии российской психологии можно выделить?
3. Какие проблемы стояли в центре внимания российских психологов в начале XX в.?
4. В чем специфика отечественного подхода к проблеме поведения?
5. Кто из отечественных психологов способствовал становлению экспериментальной психологии?
6. Какие изменения произошли в отечественной психологии в 1920-е гг.?
7. В чем заключалась разница во взглядах на роль наследственности и среды у представителей биогенетического и социогенетического направления?
8. В чем появились достижения и недостатки педологии и психотехники?
9. В чем появилась специфика подхода к проблеме личности в российской психологии?
10. Какие тенденции в развитии отечественной психологии наметились в конце XX в.?

Примерные темы рефератов

1. Роль социальной ситуации в развитии российской психологии.
2. Марксистская психология, существует ли она?
3. Становление культурно-исторической психологии в России.
4. Российская и советская психология: общее и отличия.
5. Наука о поведении — русский путь.

Литература

1. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975.
2. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991.

3. *Бехтерев В.М.* Объективное изучение личности. Пт., 1923.
4. *Бернштейн Н.А.* Очерк по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
5. *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические произведения. М., 1979. Т. 2.
6. *Блонский П.П.* Психология младшего школьника. М., 1997.
7. *Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
8. *Введенский А.И.* Психология без всякой метафизики. Пт., 1917.
9. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982.
10. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
11. *Грот Н.Я.* Основы экспериментальной психологии. М., 1986.
12. *Зеньковский В.В.* Психология детства. Екатеринбург, 1995.
13. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М., 1990.
14. *Лазурский А.Ф.* Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912.
15. *Ланге Н.Н.* Психология. М., 1914.
16. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Т. 1, 2. М., 1983.
17. *Лопатин Л.М.* Философские характеристики и речи. М., 1995.
18. *Лопатин Л.М.* Аксиомы философии. М., 1996.
19. *Никольская А.А.* Возрастная и педагогическая психология дореволюционной России. Дубна, 1995.
20. *Павлов И.П.* Полное собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1951. Т. 3.
21. *Петровский А.В.* Вопросы теории и истории психологии. М., 1984.
22. *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
23. Психологическая наука в СССР: В 2 т. М., 1959.
24. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Т. 1, 2. М., 1989.
25. *Сеченов И.М.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1958. Т. 2.
26. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.

27. *Соловьев В.С.* Избранное. СПб., 1994.
28. *Ухтомский А.А.* Доминанта. Л., 1966.
29. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
30. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. М., 1912.
31. *Шпет Г.Г.* Философско-психологические труды. М., 2005.
32. *Ярошевский М.Г.* Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 6

Предмет и методы истории психологии 6
Этапы развития психологической науки 8
Основные факторы и принципы, определяющие развитие психологической науки 14
Основные категории (инварианты) психологической науки ... 25
Современное состояние психологической науки 37
Вопросы для самоконтроля 54
Примерные темы рефератов 54
Литература 54

ГЛАВА II

СОСТАВ И СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 55

Основные элементы психологического знания 55
Характеристики психологических фактов 76
Структура психологических теорий 91
Вопросы для самоконтроля 105
Примерные темы рефератов 106
Литература 106

ГЛАВА III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 107

Источники психологического знания 107
Параметры развития психологической науки 123
Вопросы для самоконтроля 136
Примерные темы рефератов 136
Литература 136

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА АНТИЧНОСТИ 138

Общая характеристика развития психологических знаний в античности 138
Первые психологические теории античности 150
Ведущие психологические теории античности (классический период) 154
Психологические концепции эллинизма 163
Вопросы для самоконтроля 176
Примерные темы рефератов 176
Литература 176

ГЛАВА V

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ 177

Общая характеристика развития психологии в эпоху Средневековья 177
Развитие европейской психологии в IV – XI веках 187
Арабская психология 189
Развитие психологии в позднем Средневековье (XII – XV века) 192
Развитие психологической науки в эпоху Возрождения 195
Развитие психологической науки в Новое время. Общая характеристика развития психологии в Новое время 199
Первые теории Нового времени: Ф. Бэкон и Р. Декарт 204
Рационализм в психологии 211
Сенсуализм в психологии 219
Вопросы для самоконтроля 227
Примерные темы рефератов 228
Литература 228

Глава VI

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ 229

Общая характеристика развития психологии в XVIII веке 229
Развитие французской психологической науки 231
Развитие немецкой психологии 238
Зарождение и развитие ассоциативной психологии 241
Общая характеристика развития ассоциативной психологии в XIX веке 250
Классические теории ассоциативной психологии 253
Развитие ассоциативной психологии во второй половине XIX века 255

Вопросы для самоконтроля 264
Примерные темы рефератов 264
Литература 264

ГЛАВА VII

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ 288

Становление экспериментальной психологии 266
Становление и развитие новых психологических школ 279
Структурализм 282
Вюрцбургская школа 284
Функционализм 288
Французская психологическая школа 300
Описательная психология В. Дильтея 317
Вопросы для самоконтроля 321
Примерные темы рефератов 322
Литература 322

Глава VIII

БИХЕВИОРИЗМ И ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XX ВЕКЕ 324

Общая характеристика методологического кризиса в психологии 324
Общая характеристика бихевиоризма 330
Теория Э. Торндайка 334
Теория Д. Уотсона 337
Возникновение и развитие необихевиоризма. Теории Э. Толмена и К. Халла 338
Теория оперантного бихевиоризма Б. Скиннера 344
Теории социального научения 347
Общая характеристика гештальтпсихологии 353
Исследования процесса познания. Работы М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки 356
Динамическая теория личности и группы К. Левина 363
Вопросы для самоконтроля 369
Примерные темы рефератов 370
Литература 370

Глава IX

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ (ПСИХОАНАЛИЗ) И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XX ВЕКЕ 371

Общая характеристика глубинной психологии 371
Теория З. Фрейда 377